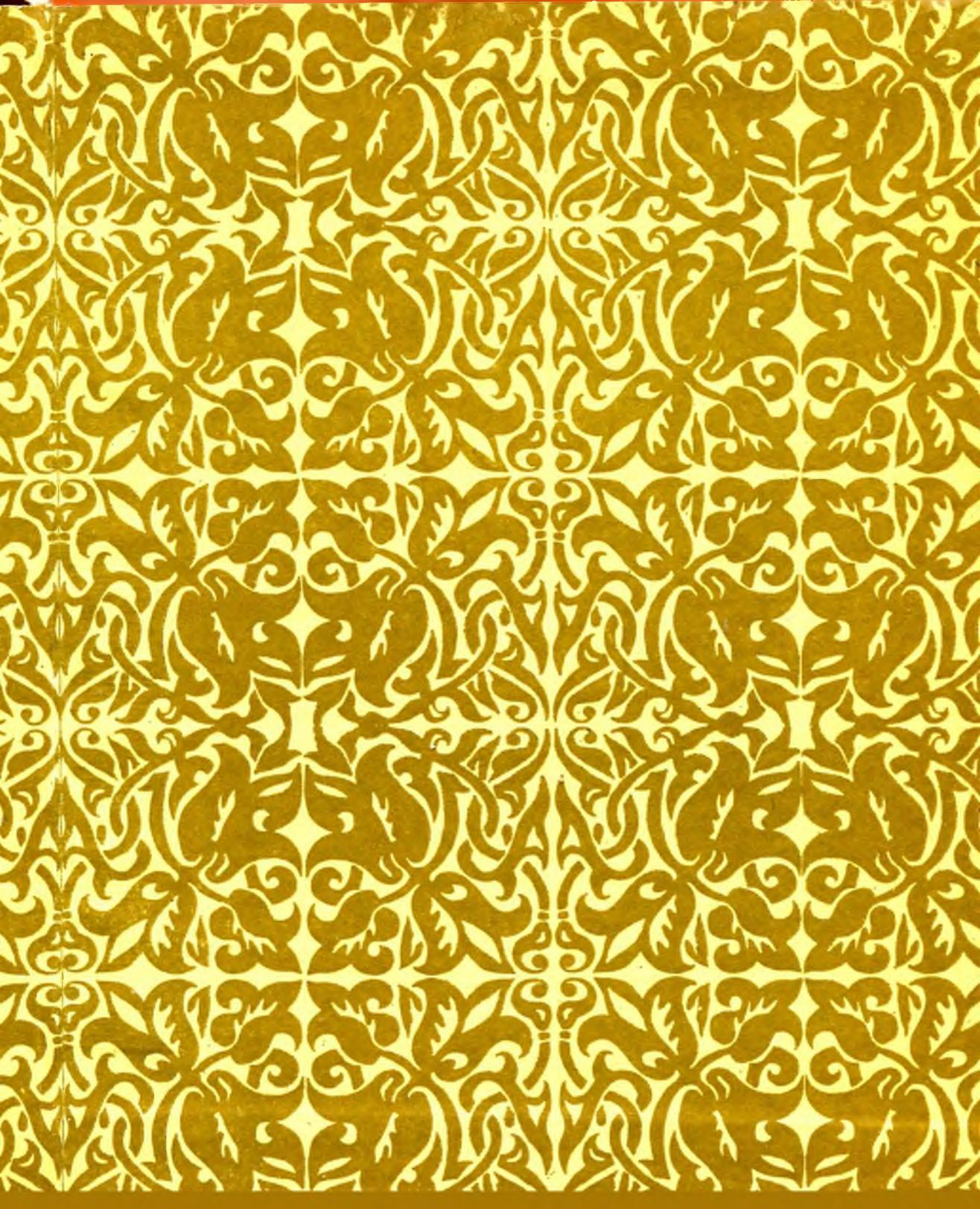

**БАШКИРСКИЕ
ПРЕДАНИЯ
И ЛЕГЕНДЫ**

**БАШКИРСКИЕ
ПРЕДАНИЯ
И ЛЕГЕНДЫ**

УФА
БАШКИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

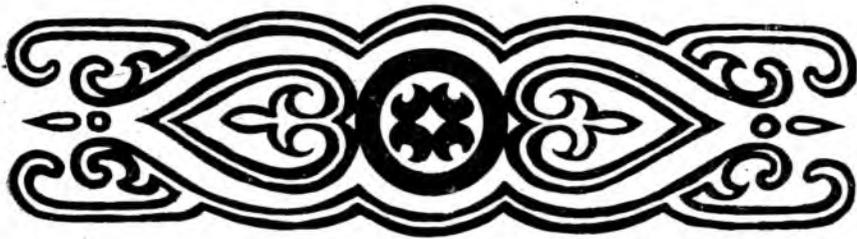
82.3 баш,
Б 33

Б 33 Башкирские предания и легенды. Составление, вступительная статья, комментарии Фанузы Надршиной: — Уфа, Башкирское книжное издательство, 1985, — 288 с.

Башкирские легенды и предания мифологического, этногенетического, топонимического, а также исторического и социально-бытового характера.
Книга снабжена комментариями.

Б $\frac{470211000073--201}{M 121(03)--85 77}$ 77—85

82.3 баш

Башкирские легенды и предания

Каждый народ талантлив по-своему, и своеобразие его художественного таланта воплощается прежде всего в фольклоре, в устнопоэтическом или музыкальном.

Башкирский народ донес до нашего времени в различных жанрах фольклора исключительно интересные образцы устного творчества, истоки и традиции которых восходят к седой древности. Бесценным наследием представляются легенды и предания, являющиеся своеобразным средоточием архаических знаний о мироздании, древних воззрений, а также коллизий общественно-исторического порядка.

Первые письменные сведения о бытовании легенд, различных поверий и рассказов среди башкир относятся к X в. В путевых записях посла арабского халифата Ахмеда ибн-Фадлана, посетившего Башкирию в 922 г., имеются интересные высказывания относительно верований башкир, а также пересказ одного из вариантов древней легенды о журавлях¹.

Мотивами легенд и преданий изобилуют своеобразные генеалогические летописи-шежере². А ученые-краеведы, писатели XIX в. справедливо отмечали: «У башкирцев почти о каждом несколько замечательном месте есть свое особое предание»³, и «нет такой речки, нет такой горы, про которую не существовало бы легенды и песни»⁴.

Активную жизнь народных рассказов в настоящее время отмечают и современные собиратели-исследователи (Л. Г. Бараг, А. М. Сулейманов, Б. Г. Ахметшин и др.).

Как и легенды многих других народов, башкирские легенды построены на вымысле, фантастике. К ним относятся повествования о происхождении небесных

---

¹ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, с. 130—131.

² Башкирские шежере. Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. Уфа, 1960.

³ Юмагов В. С. Древние предания у башкирцев Чубиминской волости. — «Оренбургские губернские ведомости», 1848, № 7, с. 45.

⁴ Михайлов М. Л. Письмо к Шелгунову от 25 февраля 1857 г. — Башкирия в русской литературе, т. 2. Уфа, 1964, с. 170.

светил, земли, животных, растений и др., о возникновении племен, родов, родовых подразделений; рассказы религиозного толка (о потоце, святых), в основе которых лежат необычайные ситуации, мотивы чуда.

Предания (риваяты) — устные эпические рассказы об отдаленном прошлом, о важных событиях и деятелях истории. События, явления, о которых в них повествуется, имеют достоверный характер или выдаются за достоверные (не случайно предания в народе обозначены термином *тарих* — *история*).

Создаются предания на основе общей традиции, они имеют своеобразный подвижный сюжет с довольно устойчивыми мотивами. Сюжет, его структура и объем зависят не только от мастерства рассказчиков, но и от объекта изображения. Героические события в исторических преданиях и драматические ситуации в социально-бытовых настраивают рассказчика и слушателя на «высокий лад». Есть целый ряд развернутых сюжетов с выраженной художественной струей («Туратский косогор», «Мамбет», «Бэндэбикэ и Ерэпсэ-сэсэн» и др.).

Развернутые сюжеты с поэтической окраской особенно часто встречаются среди песен-преданий. В песнях-преданиях больше, чем в каких-нибудь других, информативное и эстетическое начала выступают рядом. При этом эмоциональный настрой создает песенный текст. В большинстве сюжетов песни как наиболее устойчивый компонент, очевидно, является и организующим стержнем. Прозаическая часть, хотя и склонна к варьированию, в основе своей особо не отделяется от песни, в которой, как правило, заложена большая эмоциональная нагрузка.

В песнях-преданиях встречаются даже элементы драмы («Черноволосяя», «Вторая армия»).

Все жанры устной несказочной прозы находятся между собой во взаимодействии. Их объединяет общая доминантная функция — информативная.

Обращает также внимание то, что в процессе развития легенды и предания взаимодействовали с эпическими сказаниями, сказкой. («Калым», «Кунгыр-буга», «Вторая армия»).

***

Легенды и предания, содержащиеся в сборнике, весьма разнообразны. Здесь представлены мифологические, этногенетические, исторические рассказы и ряд преданий социально-бытового характера.

Своеобразную группу текстов мифологического содержания образуют легенды о небесных светилах. Они сохранили следы древних космогонических представлений, связанных с небом и с нередким перемещением на небо земных явлений. Например, согласно легендам, пятна на Луне — вечно гонящиеся друг за другом косули и волк (по другим вариантам — девушка с коромыслом). Етегэн (Большая Медведица) — семь девушек-красавиц, которые при виде царя дэвов в испуге прыгнули на вершину горы и оказались на небе, (или же семь волков); Полярная звезда — железный кол (Тимерказык), а две соседние с Етегэн звезды — две лошади, привязанные к «Железному колу». Эти образы и мотивы, в которых весьма искусно переплетаются реалистическое с фантастическим, определены жизненными условиями, характером трудовой деятельности древних предков башкир (охота, скотоводство), уровнем их мышления. В связи с этим уместно будет вспомнить высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь [в первобытном обществе — Ф. Н.] еще непосредственным порождением их материального действия»⁵.

В космогонических легендах нашло отражение и явление антропоморфизма. Согласно легендам, Луна олицетворяет мужское начало («Девушка и месяц»), «слышит», «видит» и т. д. Все эти воззрения весьма архаичны. Они имеются не только у башкир, но и у многих других народов, в том числе у тюркоязычных.

Обширна группа легенд и преданий, посвященных земле. Исключительно богатая природа Урала издревле будила могучую фантазию, создавала благодатную почву для рождения многочисленных легенд и различных поэтических рассказов. Преданиями в древности был овеян каждый сколько-нибудь примечательный камень, луг, холм, каждая гора, река, каждое озеро.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии» — Вопросы философии, 1965, 10, с. 87.

Кроме того, Южный Урал был ареной, где происходили сложные этнические процессы, исторические события, оставившие глубокий след в сознании башкирских племен. Места этих событий хранились в памяти народа, также обрастая легендами, преданиями.

Народные рассказы, связанные с топонимией края, чрезвычайно разнообразны как по тематике, так и по своим типам.

Большую познавательную ценность имеют легендарные сюжеты, в основе которых лежат древнейшие верования. Например, в некоторых легендах возникновение названий рек, озер, гор и урочищ связывается с тотемистическими представлениями, с культом коня («Елкысыккан куль», «Туратский косогор», «Карадель» и др.).

Вера в существование «духов», «хозяев» природы отражена в легендах «Югомаш-гора», «Озеро водяного». Сами природные объекты одушевлены: согласно легендам, реки «разговаривают», «спорят», «сердятся», «ревнут» («Агидель и Янк», «Агидель и Каридель», «Калым»). При этом следует сказать, что древнейшие воззрения дошли в легендах порою в весьма отдаленной форме, на фоне поздних представлений и общественных, социально-бытовых коллизий («Калым»).

Значительную группу составляют рассказы, объясняющие связь происхождения названий той или иной местности с событиями исторического, житейско-бытового характера («Поле Канъяткан», «Киргизское перепутье», «Камень Инсебики» и т. д., и т. п.). Возникли такие предания в разное время, в разных условиях. В зависимости от этого и степень достоверности у них неодинакова.

Башкирские этнологические легенды о растениях, животных и птицах ввиду того, что они мало собраны, представлены в сборнике немногими образцами. Однако материал даже в таком ограниченном составе чрезвычайно интересен. Интересен прежде всего своими архаическими мотивами. Древнейшими являются, например, идеи оборотничества («Откуда взялись медведи», «Кэжук»), вера в магическую силу слова («Умырзая»).

В легендах «Поющий журавль» и «Вороненок» птицы выступают как чудесные покровители: журавли своими плясками и курлыканием некогда предупредили башкир о надвигающейся опасности, ворона вскормила оставленного на поле брани поворожденного ребенка и не дала погибнуть. Истоки подобных мотивов восходят к древним тотемическим, культовым представлениям. В этом плане обращает на себя внимание довольно широкое распространение среди башкир культа вороны (Вороний праздник — *карга туй*, этнонимы *карга* в родоплеменной системе и т. д.).

На наш взгляд, не случайными являются и запреты, поверья, связанные с исполнением мелодий «Поющий журавль» («Сыңрау торна»).

Среди башкирского народа бытуют старинные предания, в которых рассказывается о происхождении племен, родов и их названий, а также об историко-культурных связях башкир с другими народами.

Наиболее древний мировоззренческий пласт образуют легендарные предания о мифических родоначальниках. Чудесными родоначальниками (первопредками) башкирских племен, родов выступают волк, медведь, лебедь, ворона и демонологические существа — шайтан (черт), шурале (леший). Особенно популярны в фольклоре юго-восточных башкир сюжеты о мифическом волке — тотеме-родоначальнике, путеводителе и покровителе. Этот мотив, истоки которого восходят к мифологии древних тюрков и монголов, в башкирских генеалогических преданиях настолько определенно выражен, что отразился в самом этнониме народа («Потомство волков», «О происхождении башкир»).

В преданиях содержатся сведения о приходе предков башкир на Урал с помощью мифического предводителя «откуда-то с юга», «с турецкой стороны», «со стороны Алтая» и т. д. Разумеется, вымышленность, условность подобных сюжетов весьма явственна. Однако в этих повествованиях, облеченных в легендарные формы, нельзя не услышать и отдаленные отзвуки этноисторических связей башкир с народами Алтая, Средней Азии и Казахстана. Как известно, пребывание некоторых башкирских племен в Алтайском, Среднеазиатском регионах подтверждается и историческими источниками⁶.

Легендарные предания о происхождении племен, родов, о заселении и освоении края целесообразно рассматривать как ранние исторические народные рассказы

⁶ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974, с. 132—133, 507—510.

зы, ибо действительность в них берется «в общественном аспекте» (В. К. Соколова). От собственно исторических, этнонимические легендарные предания отличаются характером вымысла, преобладанием фантастических мотивов.

Собственно исторические предания башкир отражают различные стороны исторической жизни народа. В основе их сюжетов в большинстве случаев лежат реальные факты общезначимого характера в народном осмыслении.

Тематически исторические предания могут быть разбиты на две основные группы: предания о борьбе с внешними врагами и предания о борьбе за социальную свободу. Хронологический диапазон преданий, основным лейтмотивом которых является идея защиты Родины от чужеземных захватчиков, борьбы за национальную независимость, довольно широк.

Наиболее древний пласт исторических преданий составляют рассказы о столкновении башкир с гуннами. Очевидно, из-за давности событий, предания «о гуннском вторжении на Урал» преимущественно бессюжетны, они носят характер топонимического сообщения, исключение составляет лишь текст «Азан-таш», представленный в настоящей сборнике.

Историческая память народа сохранила и донесла до нас отзвуки самой трагической эпохи в судьбах многих народов, в том числе и башкирского, — эпохи монголо-татарского нашествия. Народные рассказы описывают нашествие монголов как вторжение на благодатную землю мирно живущих людей «черной жестокой рати», силы, уничтожающей на своем пути все живое, все священное. Предания запечатлели имена батыров, которые встали на защиту родной земли, своих соплеменников и погибли в неравном бою («Биксура», «Акман-Токмав»).

Реальную историческую основу имеют сюжеты, характеризующие позиции различных классов по отношению к политике золотоордынских ханов на завоеванных землях. Предания осуждают коленопреклонение родовой знати, представителей отдельных родовых подразделений, получивших ханские грамоты на право владения землей. Характерен, например, в этом отношении сюжет, записанный в дер. Карабулаково Челябинской области, в котором высмеиваются представители родового подразделения сырды, позарившиеся на ханские ярлыки⁷. В предании «Бошман-Кыпсак батыр» симпатии народа также на стороне батыра Бошмана, предпочевшего смерть позорному повиновению.

Как известно, в XVI—XVIII вв. довольно противоречиво сложились башкирско-казахские взаимоотношения и связи. С одной стороны, наблюдается духовная близость двух родственных народов, укрепление дружественных связей между трудовыми массами и появление на этой основе общефольклорных произведений, мотивов, с другой стороны — феодальные набеги (барымта), порождавшие недружелюбные настроения, и их отражение в устнопоэтическом творчестве. В фольклоре юго-восточных башкир встречается значительное количество преданий о феодальных набегах между башкирами и казахами. По свидетельству преданий, феодальные набеги, совершаемые с целью обогащения, были изнурительными и являлись источником многих бед, несчастий для населения. Народные рассказы осуждают кровопролитие, взаимную вражду, пропагандируют гуманистические идеи. Особенно значительны сюжеты, проникнутые патриотическими мотивами. Башкирский батыр Баяс, например, победив казахского батыра Аластайму в горячем поединке, и как бы оправдывая свой выход на поле брани, говорит: «Эй, Аластайма, оберегать скот — одна забота, оберегать страну — тысяча. Больше сюда не приходи». («Баяс-батыр»).

Глубокой идейной насыщенностью отличается волнующее предание, связанное с именем Еренсэ-сэсэна и его мудрой жены Бэндэбикки. Стремление к мирной жизни, гуманистические идеалы народа выражены здесь предельно четко. Как много смысла вложено, например, в слова Бэндэбикки, обращенных к Еренсэ-сэсэну, задумавшему «ради интереса сходить к казахам с барымтой»: «Ты на своей земле обрел имя батыра. Но батыру мало смелости, нужна еще и мудрость. «Защитник страны — в сердцах людей, защитник войны — худший злодей», — говорили в старину. Захват чужой страны не входит в наши обычаи. Не позорьте

⁷ Научный архив Башкирского филиала Академии наук СССР, ф. 3, оп. 26, д. 10, с. 59.

себя и имя нашего рода. Говорят: «Губителя бог не взлюбит». Одумайтесь, пока не поздно».

Трагическая развязка событий еще более усиливает идейный накал произведения. Потрясенный вестью о смерти жены и, не выдержав позора поражения, Ерэнсэ-сэсэн «поднялся на вершину горы Кэншат... и вместе с конем прыгнул с крутой скалы».

В репертуаре башкирских преданий встречаются сюжеты, изображающие крайне обостренные взаимоотношения между двумя народами. Несмотря на некоторую пристрастность в описании событий, действий своих батыров, на возможное смещение фактов (в пределах фольклорной эстетики), народные предания освещают историческую правду. Трагические страницы в жизни двух родственных народов в действительности были, и особенно ярко наметились они в XVIII в., когда подстрекательская политика царского правительства достигла своей наивысшей точки⁸.

Историчны в своей основе и предания о набегах калмыков, притеснениях нугайцев и татар («Тэкэкашка», «Умбет-батыр» и др.). Свидетельством глубокой прозорливости и тонкого исторического чутья народа являются сюжеты, в которых наличествует мотив одобрительного отношения к такому важнейшему событию, как добровольное присоединение Башкирии к русскому государству. По мнению преданий, присоединение к России было положительным явлением, ибо после этого исторического события прекратились разорительные феодальные набеги («Даут-батыр», «Тэкэкашка»).

Военно-патриотическая тема наиболее яркое воплощение находит в преданиях об Отечественной войне 1812 г. Несмотря на некоторое смещение фактов и тенденцию к идеализации событий, предания данного цикла глубоко историчны в своей основе. Небывалый патриотический подъем, охвативший народные массы, участие башкир в боях у стен Парижа, возвращение из победоносного похода, вручение наград отличившимся храбростью и доблестью воинам, — эти и целый ряд других сведений, сообщаемых преданиями, исторически достоверны⁹. Через все предания красной нитью проходит мотив прославления великого народного героизма, совершенного во имя спасения Родины.

Обширный пласт исторических преданий составляют сюжеты о борьбе за социальную свободу. Большинство таких сюжетов повествует о событиях XVIII—XIX вв., отражает долгий, тяжелый путь борьбы башкирского народа за национальное и социальное освобождение. Расхищение башкирских земель, бесконечные тяжбы местного населения с заводчиками — главный вопрос, затрагиваемый преданиями. Сюжетообразующим звеном большинства народных рассказов является всемирно известный мотив — «продажа земли с бычьей шкурой».

При всей необычности ловких поступков, приписываемых заводчикам и помещикам преданиями, они воссоздают правдивую картину жестокого грабежа башкирских земель, передают характер и масштабы его. Как утверждают предания, мошенничество, обман, подкуп, насилие были типичными явлениями в деятельности предпринимателей-дельцов, и мотив продажи земли «с бычьей шкурой» в своеобразной художественной форме как нельзя лучше передает историческую реальность («Как боярин купил землю», «Утяган» и др.). В преданиях этого типа довольно ярко показана сложная психологическая ситуация — бедственное положение обманутых башкир, их растерянность, незащищенность.

Среди башкирских преданий известен также сюжетный тип о гибели человека, пытавшегося обежать с восхода до заката солнца как можно большее пространство земли, чтобы завладеть ею («Продажа земли»). Эти предания-легенды отличаются не только сатирической направленностью, но и оптимистическим подтекстом.

Многочисленны предания, повествующие о сопротивлении башкир, их героической борьбе за сохранение своих земель, за национальную независимость. Имеются петербургские сюжеты как о стихийных выступлениях (предания о расправе с Брагиным, некоторые сюжеты цикла «благородных разбойников»), так и о народных бунтах, восстаниях. Особенно идеологически насыщены и социально определенные предания о Крестьянской войне 1773—1775 гг. Они рассказывают о невыноси-

⁸ Очерки по истории Башкирской АССР, т. I, ч. I. Уфа, 1956, с. 200—202.

⁹ Исторические сведения об участии башкир в Отечественной войне см.; Усманов А. Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1964.

мом феодальном и национальном гнете, в них выражено непоколебимое стремление народа к свободе, его решимость уберечь родную землю от насильственного грабежа. Весьма показательна в этом плане легенда-предание «Салават-батыр».

В преданиях имеются интересные, иногда конкретно-исторические сведения об участии народных масс в повстанческом движении под предводительством С. Юлаева. Таковы, например, предания «Юлкай и Башаргул», «Салават и Балтач». Последний сюжет интересен и тем, что в нем звучит социальный мотив; он передается через сцену столкновения Салавата со старшиной Кулуем Балтачевым.

Вопреки стараниям царского правительства представить Крестьянскую войну 1773—1775 гг. «злодейским бунтом», а ее участников «злодеями», «преступниками», фольклор утверждает справедливый характер этой войны, а ее участников и предводителей изображает благородными борцами за справедливость, заступниками народа и угнетенных.

Предания о Крестьянской войне историчны, но они, как явление художественного творчества, не лишены вымысла; в них нередко наблюдается искажение, смешение фактов и событий (предания о найденных вещах: «Седло Салавата», «Меч Салавата», о погребениях и т. д.). Вымысел отчетливо проявляется и в преданиях-легендах, посвященных описанию личных качеств Салавата (богатырский сон, неуязвимость, восемнадцатипудовый вес и т. п.). Но все это естественно; своего предводителя, такую незаурядную личность, как Салават, народ не мог представить обыкновенным человеком и потому наделил его чертами эпического героя.

Предания о Крестьянской войне, сочетающие в себе правду и вымысел, являются важным источником познания прошлого. В них слышен голос самих участников восстания — крестьян и горнозаводского населения.

Социальными мстителями предстают образы «благородных разбойников», получивших особо широкое распространение в песнях-преданиях («Ишмурза», «Юрка-Юныс» и др.). Повествования о «разбойниках» довольно многочисленны, и в составе преданий они составляют цикл. Общим мотивом для большинства сюжетов является ограбление богачей и помощь бедноте. Наиболее ярким и типичным образом «разбойника», грабящего богачей и помогающего бедноте, в башкирском фольклоре представляется образ Биша («Биш»). Предания о нем популярны в Башкирии и по сей день, а песня, мелодия ее вошли в число произведений башкирской музыкальной классики.

Популярны среди башкир социально-бытовые предания. За немногими исключениями, это реалистические рассказы, в основе которых лежат события, характеризующие бытовую уклад, обычаи башкир. Преобладающее большинство сюжетов посвящено семейно-брачным отношениям. Через описание судьбы отдельных людей, личностей вырисовываются типичные картины старой дореволюционной жизни. Зачастую объектом изображения являются трагические события и обстоятельства, обусловленные феодально-патриархальными общественными отношениями. Насильственная выдача девушки замуж за недоброго человека (обычно за богатого старика), выплата калыма, многоженство и др. патриархальные обычаи передаются в преданиях через острые драматические ситуации. Классический образец таких сюжетов — «Таштугай».

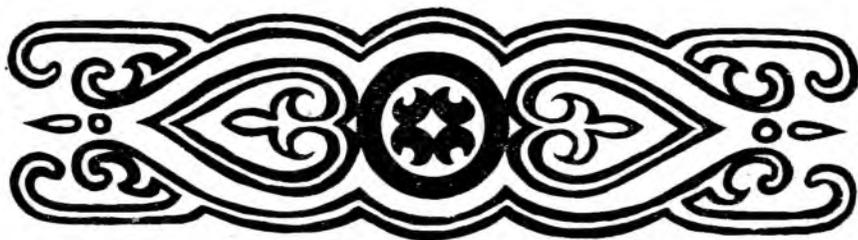
Хотя мотивы недовольства существующими порядками, обычаями выражаются в бытовых преданиях в сравнительно узких рамках и довольно своеобразно (в форме мести, самоубийства героинь и т. д.), объективно эти мотивы звучат шире — как протест против общества, порождающего социальную несправедливость.

В рассказах социально-бытового характера ярко проявилась извечная мечта народа о светлом дне, о хорошей жизни. Стремление к лучшей доле, желание избавиться от несправедливости порою связывается с утопическими иллюзиями о «хорошем» царе («Пеший Махмут»).

Поэтичны и трогательны легендарные предания о неумирающей любви («Юржактау»).

Таким образом, даже краткий анализ материала свидетельствует о большой познавательной ценности башкирских легенд и преданий. Передаваясь в течение столетий из поколения в поколение, они содержат в себе сведения о древних религиозных воззрениях башкир, об их общественном строе, о тех или иных крупных исторических событиях. В этом плане они представляют значительный интерес как историко-этнографические источники и памятники народного творчества.

Фануза Надршина

Легенды о небесных светилах

1. Млечный путь

Случилось это в незапамятные времена. Тогда еще не было ни звезд, ни Млечного пути.

На Урал, в долины Сакмары и Агидели прилетали на лето откуда-то с юга каждый год журавли. В старину считали, что они прилетают из Хиндустана.

Однажды, когда холодной осенью журавли улетали в теплые края, поднялся сильный ураган. Журавлята стали блуждать и биться в небе, а некоторые от усталости падали на землю. Тогда взрослые журавли, чтобы указать путь отстающим, стали рассыпать по небу свои перья. Эти перышки тотчас превращались в звезды.

Вот так и образовались звезды. Отставшие журавли возвращались по этой звездной дороге. Потом эту дорогу люди назвали Млечным путем, или Дорогой птиц.

2. Два зверя на Луне

В старину людей не было в этих краях. Обитали в горах только птицы и звери.

Но вот однажды появился там некий старик.

— Зачем ты пришел сюда? — спросили удивленные звери.

— Кошка ловит мышей, сорожку пожирает щука, зверя преследует зверь, люди уничтожают людей. Пришел в поисках спокойного места.

Долго жил старик в тех краях. Как-то раз спустился он умыться к реке. Приплыла форель и спросила:

— Эй, человек, меня хочет проглотить щука. Скажи, куда мне деться?

— Переберись в горную речку. В холодную воду щука не полезет. Форель так и сделала.

В другой раз старик поднялся на гору. Вышел к нему навстречу глухарь.

— Эй, человек, за мной охотится беркут. Скажи, куда мне деться? — спросил он.

— В лесу спрячься. Беркут только в горах обитает, — сказал старик.

Глухарь так и сделал. Перебрался в лес и спокойно заснул.

В третий раз, когда старик шел по лугу, попались ему навстречу две косули.

— Эй, человек, спаси нас, за нами гонится волк, — воскликнули они.

Старик посоветовал:

— Бегите попеременно.

— Но тогда же одна из нас отстанет, — сказали косули.

— Ну, идите сюда. Я вас свяжу.

Старик, связав косуль спинами друг к другу, сказал:

— Когда бежит одна из вас, другая будет отдыхать. Затем уставшая перевернется на спину, а отдохнувшая побежит дальше.

А волк тем временем продолжал преследовать косуль, а те от него убегали: сначала скачет одна, потом — другая.

И вот доскакали они до вершины огромной горы.

— Прыгай на другую гору, — сказала та косуля, что была сверху.

Но бегущая косуля, вместо того, чтобы прыгнуть на другую гору, нечаянно скакнула на Луну. Бежавший за косулями волк тоже прыгнул вслед за ними.

С тех пор и остались два зверя на Луне. Они вечно гонятся друг за другом. Зверь, что сзади, никак не может догнать первого. «Почему?» — спросите вы. Да потому, что у зверя, что бежит спереди, восемь ног. Когда четыре ноги скачут, четыре отдыхают, а начнут уставать первые четыре, так переворачивается на спину, и бегут другие четыре ноги. И так все время.

3. Большая Медведица

В стародавние времена земля была величиной с ложку, а небо — с чашку. Человеческий род постепенно преумножался, зверей тоже становилось больше, и земля начала постепенно увеличиваться. Увеличилось и небо.

В ту пору все люди ели из одного котла. Но вот пришел откуда-то Великан (Алып) и до дна опорожнил котел. Что делать? Решили сделать котел побольше. А к котлу и ковш нужен. Котел отлили из серебра, а ковш — из золота. Поднял Великан котел, говорит: «Хорош». Поставил его на место, поднял ковш. «А этот что-то слишком легко», — промолвил Великан, — и высоко подкинул ковш, желая поймать его на лету. Но ковш, кружась, полетел прямо в небо, к звездам, да так и застрял между ними.

Ковш Великана существует и по сей день. Семизвездьем сверкает он на небе: четыре звезды как бы образуют дно, три — ручку. Вечером ковш — вниз дном, к утру переворачивается дном вверх. И так постоянно.

4. Семь звезд (Большая Медведица) — семь девушек

Когда-то очень давно проживал один человек. И было у него семь дочерей — смелые и красивые девушки. Везде и всюду держались они вместе. Никто не оставался к ним безразличным — все восхищались ими.

Однажды, когда девушки гуляли у подножья горы, наткнулись на царя дэвов. Не раздумывая, устремились они наверх, к вершине горы. Дэв — за ними. Казалось, вот-вот он их достигнет. Но в это время девушки сделали отчаянный прыжок ввысь и вознеслись в небо. Чтобы не разлучаться, встали неподалеку друг от друга.

Так эти девушки стали светиться семью звездами. С тех пор и называют их «Етегэн йондоз», что означает семизвездье (Большая Медведица).

5. Зухра-йондоз (Вега)

Когда всевышний опустил с неба на землю наших прародителей Адама и Еву, ангелам тоже захотелось последовать за ними.

Решили они перехитрить бога. «Создал ты на земле людей, они там грешат. Спусти и нас на землю, мы будем вершить над ними суд», — сказали они.

Наделив двух ангелов человеческими страстями и взяв с них слово не совершать грехов, бог спустил их на землю. Одного из них он сде-

лал муфтием*, другого — казыем**. Стали муфтий и казый судьями-праведниками.

Как-то раз пришел на суд к казыю мужчина с женою Зухрой. Зухра была такой красавицей, что у казыя тотчас мелькнула грешная мысль: засудить только ее мужа, заточив его в подземелье. Решение казыя одобрил и муфтий. Мужчину заключили в зиндан.

Тогда начались распри между «праведниками» из-за красавицы: кому-де она должна достаться.

Женщина была неглупа, решила по-своему повернуть дело. «Первое мое условие таково,— сказала она.— Найдите и принесите мне самое красивое кольцо, какое только существует на белом свете. Другое — оба выпейте вина и как можно больше. Кто выполнит оба условия — тому я и буду принадлежать».

Полетели муфтий и казый искать кольцо, и вскоре его нашли. Вернувшись к женщине, надели его на ее чудный, как камышинка, палец, а сами стали пить вино. Каждый старался выпить больше другого. Женщина же с отвращением взирала на тех ненасытных обжор и с досады заплакала.

Увидев это, спустились на землю два ангела и подняли Зухру на небо. С тех пор она со своим кольцом светится яркой звездой на небосводе.

6. Девушка и месяц

Одна башкирская девушка, чрезвычайно красивая собой, отправилась в лунный вечер за водой. Вечер был так тих и прелестен, месяц светил так ясно, что девушка невольно залюбовалась его блестящим видом. «Какой славный этот месяц, — подумалось ей, — и верно добрый, так весело смотрит с неба, как будто улыбается!» В таких думах девушка подошла к источнику и, зачерпнув в ведра воды, заметила на берегу вымытую водой из песка огромную кость, должно полагать, богатыря — потому кому же как не богатырю должна была принадлежать эта кость? «Какой большой богатырь был, — произнесла она и, взглянув на месяц, как бы невольно продолжала, — если бы у меня был такой красивый муж, как месяц, я бы непременно родила ему такого же большого богатыря». И месяц взял девушку к себе в жены, — так и стоит она в небе с коромыслом и ведрами.

---

* Муфтий (*рел.*) — глава мусульманского духовенства.

** Казый (*рел.*) — блюститель порядка в мусульманской духовной школе — медресе.

7. Луна и Зухра

Когда-то давным-давно жила-была одна девочка. Звали ее Зухра. Очень рано она осталась без матери. Отец привел в дом мачеху. Та не давала девочке житья: била ее, обижала, заставляла делать непосильную работу.

Как-то вечером мачеха велела Зухре натаскать воды. «До утра наполни вот эту кадку водой. Иначе голову оторву»,— сказала она. А сама незаметно проткнула дно кадки.

Целую ночь Зухра таскала воду. Но вода в кадке нисколько не прибывала. Тяжелым коромыслом девочка до крови натерла плечи. Изможденная вконец, свалилась она без сил.

Тихо было в ту ночь. Нигде ни единого звука. Только Луна безмолвно плыла в небесах. Взглянула Зухра на Луну и воскликнула: «Эх, Луна, хоть бы ты помогла мне. Вызволила бы меня из неволи!»

А Луна по-прежнему оставалась спокойной. Зухра со слезами снова взмолилась: «Возьми меня к себе!»

Тогда Луна засветилась ярче, послала свои лучи на землю и подняла Зухру к себе. С тех пор на Луне стоит девушка с коромыслом.

8. Зухра-йондоз

(вариант)

Девочка по имени Зухра очень рано осиротела. Ее постоянно обижали. Мачеха даже в дом перестала ее пускать, и она спала где попало.

Однажды Зухру похитили пери, унесли ее далеко-далеко и велели наполнить водой огромную кадку. «Если ее не наполнишь, душу из тебя выьем»,— сказали они.

Девочка таскала-таскала воду, а кадка все не наполнялась.

Едва наметилась утренняя заря, прибежали пери. Зухра взглянула на Луну и со слезами взмолилась: «Луна, хоть ты меня пожалей, возьми к себе! Погубят меня эти злодеи...»

Спустилась Луна на землю, подняла Зухру в небо. Подняла и поставила ее неподалеку от себя. С тех пор девочка светится звездой и называют ее «Зухра-йондоз».

Легенды и предания о горах, скалах, камнях и курганах

9. Югомаш-гора

Давным-давно была Югомаш-гора более высокой, чем теперь, и никто не мог взобраться на ее вершину. А там, в озере, жили хозяйва горы — утка и селезень. Утром улетали они, а к вечеру возвращались и всю ночь плавали в тихом озере. Охотники пытались подстрелить их на лету, но никому это не удавалось.

Однажды молодой джигит Резван решил показать свою удаль и, чуть рассвело, пошел к горе. Подниматься было очень трудно: травы путались под ногами, кустарники преграждали путь, ветер не пускал вперед. Только к вечеру вскарабкался на вершину и увидел прекрасное голубое озеро. Вскоре прилетели птицы. Не заметили они человека, притаившегося за деревьями. И вот Резван пустил стрелу в утку. Селезень взлетел высоко в небо. Кричал, летая над горой. Долго кружил, потом пал мертвый невдалеке — не вынес тоски по своей утке. Взял джигит убитую утку и направился домой. Вдруг вихрь повалил деревья, затряслась гора. Дрогнуло его сердце. Оглянулся и встревожился еще больше: озеро исчезло, осталась только яма. Принес утку домой. Три дня варили ее, не могли сварить и кинули в поле.

Так не стало у горы хозяев. Говорят, с того времени Югомаш-гора опускается, уходит под землю.

10. Мусектау

В стародавние времена жил крупный народ, начало которому дал богатырь Алпамыша. Те люди бродили по лесу, как бродят по траве, могли запросто вырвать с корнями любое дерево.

Один мальчишка из того рода, игравший неподалеку от дома, увидел, как наш человек пашет на трех лошадях. Поднял он того человека вместе с лошадьми и сохой да так и принес в дом отца. «Этого жучка я нашел в поле,— сказал он отцу.— Он чертил в поле черные бороздки».

Тогда отец сказал мальчику: «Нет, сынок, это не жучок. Это такой же человек, как мы все. Ты его не губи, отнеси туда, где подобрал».¹

Однажды человек из рода Алпамыши прошел по земле и стал соскабливать с подошвы и голенищ сапог прилипшую грязь. На том месте образовалась гора. Ту гору стали называть Мусектау. Ох и высокая же эта гора. Ее можно увидеть за 70—100 верст. Она возвышается на правом берегу реки Ай. На ее лысой вершине имеется маленькое озеро.

11. Двугорье Алпа-кум

В старину жили очень крупные ростом люди по прозвищу «алпа» (алып). Один из них подался в эти края в поисках сородичей. Так он оказался на земле теперешнего аула Торсо. Может быть, потому, что прошел он большой путь, разболелись у него ноги. Решил он присесть и отдохнуть. Снял свои чуваки (кыныраки)*, а в них полно песку. «Вот почему нет покоя ногам»,— подумал он. Человек из племени алпа высыпал песок из своих чуваков и отправился дальше. А тот песок, что он вытряхнул из своей обуви, остался возвышаться двумя горами, расположенными друг около друга. Вот так образовалось двугорье по названию Алпа-кум (Песок Алпа), возвышающееся на древней летовке аулов Торсо, Аккюзеево и Яйляу. Обе горы совершенно одинаковы по своей высоте.

---

* Кыныраки — старинная обувь, шитая из кожи.

12. Камни батыра и медведя

В стародавние времена на Урале жил батыр, сильный и бестрашный. Однажды он похвалился:

— Мои мускулы хранят великую мощь, поэтому я могу сделать все, что захочу.

— Вот услышит твои слова хозяин горы, и накажет тебя за них, — предостерегли его старики.

— Нет, ничего и никого я не боюсь, — распалился батыр.

В тот же момент под землю раздался нарастающий гул. Через некоторое время встретился батыру громадный медведь. Стали они бороться, и боролись до тех пор, пока оба не ушли в землю. У медведя только уши торчат, а батыр увяз в земле по пояс. Там и превратились они в камни. Те камни и поныне торчат из-под земли.

13. Тураташ

(Камень-крепость)

В старые времена на северных отрогах горы Тураташ был аул по названию Кульсары, а внизу текла река под тем же названием. Река та сохранилась и поныне, только вода в ней сильно обмелела.

В том ауле Кульсары проживала одна бедная семья. Но жену своему сыну сосватали из богатого местечка. Молодайка ни в грош не ставила свекра и свекровь. Просьбы и поручения их выполняла спустя рукава, не скрывая своего к ним пренебрежения.

Однажды свекровь послала ее за водой, куда тропинка шла через гору Тураташ. Ушла невестка и очень долго не возвращалась назад. Свекровь устала ее ждать, затем воскликнула в сердцах и гневе: «Окаменеть бы тебе на той горе!»

В это время невестка поднималась с водой на вершину горы, там и превратилась в Тураташ.

Долго стоял тот камень, нисколько не теряя облик девушки, несущей воду на коромысле. Позднее, когда люди стали пахать землю трактором, снесли тот камень.

А гору ту сейчас называют Тураташ — Камень-крепость.¹

14. Сыуал-таш

(Камень-камин)

На макушке горы находятся большие камни с желобами, словно сделанные специально. И напоминают они то ли большой котел, то ли сложенный из камней котел. Самое удивительное в том, что на тех камнях отпечатались следы людей и собак.

Ниже тех камней, на подножье горы, растут густые кусты чилиги, которые почему-то называются Могилой пророка — пайгамбара.

Внизу лежит камень высотой примерно в пять метров и толщиной в три метра. Треснувший посередине, он походит на двух человек, взявшихся за руки.

Сказывают, будто какая-то старуха пришла некогда на ту гору вместе со своей невесткой. Нарвав дикого лука и устав, присели они отдохнуть. Сидели они, сидели, а потом вдруг рассорились из-за чего-то, всячески оскорбляли и называли друг друга нехорошими словами. И за этот грех застыли они двумя кусками одного камня — двое, взявшись за руки.

15. Гора Кара-кучук

(Черный щенок)

У богатого башкира каждый год рождались и умирали дети. Однажды родился у него черноволосый сын, и он решил назвать его дурным именем — Кара-кучук, чтобы отвлечь от него злых духов. Тот вырос, женился и каждое лето ставил свой кош у горы, которую и называли Кара-кучук.

16. Туратский косогор

В древние времена здесь было безлюдно. Без края и конца растлались земли и воды. В здешних местах кочевали летом калмыки. С годами часть калмыков ушла в другие места. За сына одного из уехавших отсюда калмыцких баев сосватали здешнюю девушку. Джигит по-

бывал в ее ауле, встретился с девушкой и уехал к себе домой. «Жди меня в пору, когда возвращается черный гусь», — сказал он ей на прощанье.

Как-то, сидя вместе с золовкой, девушка внезапно громко засмеялась. «Что ты смеешься?» — спросила та. «Услышала, как гогочет черный гусь. Жених мой едет», — ответила девушка.

Стали смотреть они в южную сторону и действительно увидели вдалеке белый шатер. Это жених девушки разбил там свой дорожный шатер. Золовки тотчас направились в сторону того шатра. Егет пошел к ним навстречу. Поздоровался с женщинами и раздал им подарки.

— Кто у тебя в белом шатре? — спросили они джигита. — Дай взглянуть.

— Там нет никого, — отвечал джигит. — Только в мое отсутствие туда нельзя входить. Захотите прийти — оповестите о том заранее.

Затем его повели к невесте. В честь жениха созвали гостей, устроили свадебный пир, а свояченицы его пошли смотреть на его белый шатер. Они пробрались к нему, прячась, чтобы никто не видел.

В шатре находился гнедой конь. У того тулпара были крылья, и боясь, чтобы люди не взглянули крылатого скакуна, джигит держал его в шатре.

Когда свояченицы вошли в шатер, гнедой тулпар лежал, распластав свои крылья. Он не заметил вошедших и не успел прибрать свои крылья. Пораженные девушки так и застыли на месте, не сводя восторженных глаз с его крыльев.

Под теми взорами и отдал душу тулпар.

Сильно горевал джигит. Вырыв могилу, он закопал туда своего крылатого коня. Вместе с ним опустил он в могилу золотое седло, узорную уздечку, все остальные принадлежности коня, а сам заплакал от горя.

— Что ты так горюешь, зятек? — сказал ему тесть. — Или, думаешь, у меня не найдется коня, чтобы вернуться к себе домой?

Бай велел пригнать всех своих лошадей к подножью горы, где они находились. Всех лошадей — одну за другой — перебрал джигит, но не нашел среди них угодную себе.

— Эй, пастухи, не осталось ли других лошадей, оставшихся в стороне от табунов? — кричал бай.

Пастухи ему отвечали:

— Есть несколько кляч, что плохо провели зимовку.

— Приведите их, — велел бай.

Вскоре были доставлены и клячи, которые едва не подошли в зимнюю пору. Тесть обратился к зятю с такими словами:

— Войди в табун и позвени вот этой уздечкой.

Джигит так и сделал — вошел в груды лошадей и позвенел поданной тестем уздечкой. На тот звон обернулась кляча — стригунок, который даже не успел за зиму обליнять. Тот гнедой стригунок несколько не понравился джигиту. Он позвенел еще и еще раз уздечкой, но никакая другая лошадь, кроме того стригунка, на него не обернулась.

— Мастью не пригож, — вздохнул джигит. — Что ж, видать в нем мое счастье.

Поймал он стригунка и вскочил ему на спину.

— Ну, как конь? — спросил его тесть.

— Хоть мастью не гожи, да походкой хорош, — отвечал зять.

В это время в противоположной стороне какой-то человек проезжал через реку на сером коне в яблоках.

— Почему это он проезжает, не заехав к нам? — удивился бай. — Догони его и узнай, кто он и куда едет.

Джигит поехал за тем человеком и довольно долго отсутствовал.

— Ну, зятек, догнал ли ты его? — спросил бай.

— Нет, ни догнать не сумел, ни узнать, кто он такой. Он уже перевалил через Уральский хребет, — ответил джигит.

— Эх, сынок, — сказал старик. — Его не то, чтобы ты, — твои славные деды не могли догнать. Это — прошлая жизнь, а ее никто не может догнать.

Осенью жених решил вернуться в родные края. Его стали готовить в дальнюю дорогу, народ собрался. Все вышли провожать жениха. Сев в седло, жених срезал косы своей невесты у самых их корней и вручил в ее собственные руки.

— На, держи, — сказал он. — Когда твои волосы снова отрастут в длину этих кос, я к тебе приеду опять. До тех пор не жди моего приезда.

Но джигит уже никогда больше не появился.

С тех пор косогор, возвышающийся посреди ровной степи, в честь умершего крылатого коня джигита стали называть Туратом*.

Известно, что на Турате имеется древняя могила.

Если идти на юг от нынешнего аула Илячево (Турат), в горловине Большого Кургы, что стоит за Умынским бродом, на отроге горы находится та могила, с двух концов уставленная камнями.

Теперь та могила, считающаяся священной, сравнялась с землей и все больше покрывается травой.

17. Кеяуташ

(Камень жениха)

История эта случилась очень давно, три или четыре поколения тому назад. Прежде люди сватали себе невест в отдаленных местах, за сотни километров.

Некий бурзянский бай сосватал себе девушку — дочь бая Нукая — за сто верст. Когда бай выехал на летовку-яйляу, жених приезжал туда и ухаживал за невестой. В те времена никаких повозок и телег

* Турат — гнедой конь.

не было и в помине. Женщины, как и мужчины, ездили верхом на лошадях.

Жених всегда приезжал на яйляу верхом. Никто никогда не видел, как он туда являлся. Обычно он спускался с вершины горы, держа в руках уздечку и седло.

Однажды снохи невесты разговорились между собой: «Этот жених всегда спускается пешком с горы, никогда не показывает своего коня. Надо бы на него взглянуть». И спрашивают они невесту: «Ты когда-нибудь видела лошадь своего жениха?» «Нет, — отвечает девушка, — зачем это мне?» «А ты спроси его, где он оставляет своего коня, мы на него посмотрим», — настаивают снохи. А та ни за что не соглашается: «Что вы, что вы, он мне не скажет. Если уж он вам не говорит, как же мне-то скажет?» Тогда снохи сказали ей так: «Как только придет жених, спроси, где находится его конь, скажи, что хочешь на него взглянуть. А если откажется показать, скажи: это ли твоя любовь? В таком случае ты меня просто не любишь».

Однажды пришел жених, как всегда держа в руках уздечку и седло. И девушка поступила так, как учили ее снохи. В конце концов, жених решил показать невесте своего коня. Он повел ее на гору, откуда перед тем спустился. За ними незаметно увязались и снохи.

Они поднялись на вершину горы. Там, среди сосняка, в зеленом шатре стоял конь-тулпар, расправив свои крылья. (Для того, чтобы не показывать своего коня чужому глазу, жених, оказывается для своего коня-тулпара разбивал шатер и оставлял там корм). Когда все внезапно вошли в шатер, конь не успел подобрать свои крылья. С тех пор и заболел конь-тулпар, и вскоре издох. Жених тяжело переживал смерть своего тулпара. Тесть его велел отобрать для зятя лучшего коня из своего табуна. «Только ты одна виновата в смерти моего тулпара, — сказал жених невесте — Как я теперь буду наезжать за сто верст? Больше я не смогу сюда приезжать». С теми словами он взял обратно свой холок* и отказался от невесты. Поднявшись на гору, откуда всегда спускался, он воздвиг большую кучу камней в память о своем тулпаре и уехал к себе домой.

С тех пор там же место стало называться Кеяуташ — Камень жениха.

18. Курыуды

(Жарево)

Название «Курыуды» носит гора, что находится неподалеку от аула Байназар. В древности враждовали между собой Бабсак-бий из кыпсацкого рода и Каракулумбет из рода бурзянцев¹. Каракулумбет убил Бабсака и поголовно истребил кыпсаков. В живых остался толь-

* Холок — задаток калыма.

ко сын Бабсака. Когда он вырос батыром, то отомстил за отца кровной мезтью: он убил Каракулумбета, поднял его тело на гору и там изжарил. Так рассказывают старики.

Вот с тех пор ту гору стали называть Курууды (Жарево).

В прежние времена кысаки ежегодно поднимались на ту гору и устраивали празднество. Они поминали своих батыров, рассказывали о них предания.

19. Гора Авлии

В очень древние времена случилась эта история.

В долинах Дима и Уршака проживал один славный батыр. Он стоял во главе войска Мин, успешно воюя против всяких захватчиков. Пока жив был батыр, минские племена жили в мире и спокойствии. Однажды, перевалив через Уральские хребты, пришло с востока огромное войско. На всем своем пути войско это уничтожало встречные народы и племена, грабило их богатства, угоняло скот¹. Минский батыр сказал тогда: «Враг, преодолевший Яик, не пройдет дальше Дима, преодолевший Дим — не пройдет через Яик!» Он собрал вокруг себя войско и выступил против коварного врага. Ожесточенным было то сражение. Горы и равнины заполнились трупами. Не выдержало вражеское войско — бежало в южную сторону.

В том жестоком сражении тяжело был ранен минский батыр. От раны своей он и умер. Батыра с великими почестями похоронили на правом берегу Уршака, на вершине стогообразной горы. Могилу его плотно обнесли камнями. Скот, брошенный бежавшим врагом, разделили между пострадавшими родами. Гора, где похоронен был минский батыр, стала священной горой.

Позднее батыра стали называть Авлией, а гору, где он был похоронен, — Авлия-тау. И на вершине той горы, и в окрестностях близлежащих аулов до сих пор находят медные наконечники. Множество медного оружия обнаружено и на вершине, и в отрогах горы. Там же были найдены бревна, приготовленные для могил.

20. Азан-таш

(Камень азан)

На левом берегу Агидели неподалеку от аула Акауз высится красивая скала. Ее в этих местах называют Азан-таш. История этой каменной скалы такова: в древние времена на башкир напали то ли гуннские

* Азан (рел.) — призыв к молитве.

тюрки, то ли монголы, и было их несметное войско. Башкиры сражались отчаянно, защищая свою землю, но не могли устоять перед многочисленным воинством врага и потерпели поражение. Остатки разбитого на поле боя войска скрылись в дебрях лесных чащ и в теснинах гор. Здесь же скрывался некий просвещенный батыр. Он задумал собрать вокруг себя всех оставшихся в живых сородичей и отомстить врагу за поражение. Каждое утро он поднимался на вершину каменной скалы и читал азан. В тихом утреннем воздухе голос его разносился далеко, и, слыша его, разбредшийся по горам и лесам народ стал собираться воедино. Из этих людей батыр сколотил войско, отправил гонцов по всему Башкортостану, призывая нанести ответный удар по нашественикам. По прошествии зимы башкиры разгромили сильное войско захватчиков и прогнали их из своей земли. С тех пор скалу, с которой батыр читал утренний азан, стали называть Азан-таш.

21. Гора Мухиббы

Точно не знаю когда, кажется, во времена боев с калмыками, женщина-богатырь по имени Мухибба вместе с мужчинами храбро сражалась на поле брани. Когда она погибла, ее похоронили вон на той горе. Огражденная камнем могила до сих пор сохранилась.

Гору, где сражалась и погибла эта мужественная женщина, назвали горой Мухиббы (Мухибба тауы).

22. Скала Антона

(Антон каяхы)

Много лет тому назад в эти места забрел некий странник по имени Антон. Однажды, когда он проходил над глубокой пропастью, что находится неподалеку от аула Ыргызлы, слетела с его головы фуражка и прямо в ту пропасть. Полез он за ней да и не смог вылезти обратно. А там, внизу, оказался подземный ход, и Антон пошел по нему. Долго он шел, и тот подземный ход вывел его к берегу Агидели, где каменная скала повисла надобие шалаша. Это место очень понравилось Антону, и он там остался жить.

С того времени люди стали называть то местечко Скалой Антона. А сам он приходил за огнем да продуктами к жителям аула Котан.

Плотогонам, проплывавшим внизу по реке, кидал он бывало хлеб и им самим же плетеные лапти. С башкирами близлежащих аулов жил он в мире и дружбе. И никто его не обижал.

Говорят, было несколько тропинок, которые вели прямо к Скале Антона. Только их до сих пор никто не смог обнаружить. То, что было ему необходимо, поднимал он в свою пещеру на аркане, намотанном на колесо. Дело в том, что возле его скалы, служившей ему жилищем, была еще пещера, носившая название «Харыкоскан» — «Пещера, откуда свалилась овца». В той пещере хранились мясо, рыба, мука и всякие другие продукты.

В той своей скале Антон прожил довольно много времени, а потом навсегда куда-то исчез.

23. Максимова дно

(Максим төбө)

Максимова дно — так называют камень, выступающий из воды у левого берега Агидели ниже деревни Мурадымово. А осталось это название с тех времен, когда от Белорецкого, Авзянского и Узеньского заводов сплавляли вниз по реке на баржах всяческое добро. Баржи те вели умелые люди, лоцманы. Таким умелым лоцманом был старик-башкир из деревни Байназарово с русским прозвищем Максим. Вот этот Максим брал с собой в плавание и башкирских царней. Однажды он сказал своим джигитам: «Как бы мы не гнули спину перед русскими заводчиками, купцами, приличного заработка нет. Давайте уйдем, нечего обогащать их».

Когда миновали деревню Мурадымово и впереди показался выступающий из воды камень, хозяин баржи закричал: «Бейте направо!» Тогда Максим посмотрел на башкир и сказал: «У русского богатыя «направо» никогда не кончится, берите налево!» Стоило джигитам ударить левыми веслами — баржа налетела на камень и разлетелась вдребезги. В тот же миг Максим столкнул в воду хозяина баржи и обратился к друзьям с такими словами: «Забирай! Все это богатство теперь наше!»

С тех самых пор камень, о который разбилась баржа, стали называть «Максимовым дном». Говорят, тот самый Максим был человеком решительным и отчаянным.

24. Уктау

(Гора стрельбы)

Здесь проходили войска Пугачева. Башкиры выступали на стороне Пугачева. Под натиском солдат Белой царицы башкиры вынуждены были отступить к реке Зилим, а затем сгруппировались в пещере одной из скал, возвышавшейся у той реки. Они выстругивали ядра из дуба и стреляли с нынешней горы Магаш в сторону табынских бояр. Прежде всего они сносили крыши церквей. Однако табынцы не сдавались. Потерпев поражение, башкиры вернулись в свои пещеры и жили там долгое время.

Эту гору называют Горой стрельбы (Уктау). Там и до сих пор находят наконечники стрел.

25. Гора Еркея

(Йэркэй тауы)

Примерно в километре от деревни Сурень есть местечко под названием Гора Еркея. Еркей был отважным джигитом, храбро сражавшимся против царских войск. Его схватили в тот момент, когда он прятался под камнем этой самой горы, в пещере наподобие шалаша. Сам же Еркей был выходцем из деревни Бузаулык.

Правительство облагало народ непосильными налогами. Еркей и его друзья избивали сборщиков налогов и отправляли их обратно. При приближении войск карателей Еркей вместе со своим родом подался в горы и леса. Перейдя через Идель и Ашкадар, они пришли к Большому Ику. Чтобы ввести врагов в заблуждение, Еркею дали новое имя — Буранбай. Поэтому его называют двойным именем — Еркей и Буранбай¹.

26. Инсебика-таш

(Камень Инсебики)

В деревне Янхары проживал бай, у которого было три жены. В той же деревне жил бедняк, у которого росла дочь-красавица по имени Инсебика. На нее-то и стал заглядываться бай. А было ему уже под

семьдесят, когда Инсебике исполнилось только тринадцать лет. К тому же у нее был джигит, которого она любила.

Отец Инсебики, мечтавший о богатстве, продал свою дочь тому баю четвертой женой.

Девушка противилась решению отца как только могла. Умоляла не отдавать ее за бая, а выдать замуж за парня, которого любила. Но отец был неумолим, и Инсебика бежала в лес. Стали ее там искать, и вдруг слышат чей-то голос. Вышли на открытую поляну и видят: дочь их сидит на самой высокой и крутой скале, нависшей над Агиделью, сидит себе, свесив ноги, и напеваает печальную песню:

Над Агиделью скалы — благодать.
На скалах тех орлы лишь гнезда вьют.
Родители хотят меня продать —
Никак сундук свой тощий не набьют.

Долина Агидели в ясной мгле —
Кому, ответь, останется она?
Счастливые живут ли на земле?
Не потому ль судьба моя черна?

Так пела она, озирая родимые долины Агидели.

Когда родители приблизились к ней и хотели было ее схватить, Инсебика вдруг вскочила на ноги и бросилась вниз с той крутой скалы.

С тех пор народ называет ту скалу Инсебика-таш — Камень Инсебики.

27. Сердце-гора

(Юряк-тау)

Много-много лет тому назад в одном из аулов, расположенных неподалеку от этой горы, жила прекрасная девушка по имени Айхылу и молодой батыр Ханбулат, которому в силе и удалестве не было равных во всей округе. С детства играли они вместе, вместе и подрастали, а потом полюбили друг друга. Когда девушка выросла и расцвела во всей своей удивительной красе, один за другим повалили сваты в ее дом. Но девушка отказывала всем подряд. Однажды прислал своих сватов и самый богатый, самый злой и коварный и самый обидчивый бай аула Типтегул, и тогда отец Айхылу наконец-то переломил упорство дочери и заставил ее дать согласие пойти за бая пятой женой.

Накануне свадьбы Ханбулат похитил Айхылу и увез неведомо куда. В страшном гневе Типтегул воскликнул:

«Еще не родился на свет батыр, который посмел бы пойти против меня, Типтегула, который держит в своих руках всю округу. Имя мне не будет Типтегул, если я дам жить на земле этому негодю. Я вырву сердце у этого голодранца. Вырву и брошу на съедение собаке. Как сказал — так и будет. Я не люблю повторять дважды!»

Все лето джигит и девушка жили, скрываясь в горах и лесных чащах. Когда начались страшные холода, они тайком вернулись ночью в свой аул. Однако об этом донесли Типтегулу. Тот решил нанять людей. В одну из темных ночей прислужники бая схватили джигита и привели его на ту самую гору. Типтегул-бай огромным ножом, которым режут скотину, сам вырезал сердце из груди связанного по рукам и ногам Ханбулата. Только было бросил он его собакам, как откуда ни возьмись упал с неба беркут, схватил своими могучими когтями сердце джигита и унес его в свое гнездовье — высоко в горы.

Бай старался сохранить в глубокой тайне свое преступление. Но обмануть чуткое сердце Айхылу он не мог. Девушка отыскала тело Ханбулата, упав на него, проплакала три дня и три ночи.

— Раз возлюбленный мой мертв, для чего мне мое сердце? Я отдам тебе свое сердце, мой Ханбулат, отомстишь и за меня тоже, — воскликнула она, вырвала свое сердце и вложила его в грудь Ханбулата. Сама же тотчас умерла.

Ханбулат ожил. Увидев мертвое тело своей возлюбленной, все сразу понял. А сердце — сердце девушки — пылало в его груди жгучей ненавистью к тем, кто причинил им столько страданий. С того дня Ханбулат стал мстить за обоих. Один за другим сгорали байские дома, облака пепла и золы поднимались к небу. А самих баев он поднимал на вершину той горы, где жил сам, и бросал оттуда в пропасть.

Вот почему народ назвал ту гору «Сердце-гора» — Юряк-тау.

28. Гора Невесты

(Килен тауы)

В Катайской стороне, когда перейдешь деревню Сыскан и минуешь гору Артылыш, есть курган по названию Килен тауы (Гора невесты). Станешь глядеть на его вершину — и шапка с головы слетит — такой он высокий. На его макушке есть местечко величиной со стол. В прежние времена у подножья того кургана проходили сабантуи. Каждый показывал свое умение да мастерство: борцы боролись, кураисты играли на курае, певцы пели, танцоры танцевали, всадники состязались на скачках.

Одна девушка поднялась на вершину того кургана, покружилась в танце на том ровном местечке на макушке горы и спустилась вниз. Кроме нее на ту вершину никто, даже самые отчаянные мужчины, не могли забраться. Когда смелая девушка спустилась вниз, ее одарили разными подарками. Когда девушка стала невестой, то курган тот стали называть «Гора, где танцевала невеста», а затем просто — «Килен тауы» (Гора невесты).

29. Гора, где тонула Суак

(Суакбаткан-тау)

Между двумя деревнями есть небольшая гора. Ее называют Суакбаткан. У подножья той горы звонко течет ручей. Течет он, течет, а потом вдруг превращается в заводь.

В отдаленные от нас времена по тем местам проезжала казахская девушка. Она спустилась к той заводи, чтобы напоить свою лошадь, и по неосторожности увязла в трясине. Долго мучилась девушка, не в силах вытащить свою лошадь. За всем этим следил из березняка беглец по имени Хайдар.

— Я вытащу твою лошадь, — сказал он девушке, — но что ты дашь мне за это?

Девушка показала на сундук, притороченный к спине лошади:

— Получишь вон тот сундук. Там есть сокровища, которых хватит и тебе, и твоим детям и внукам.

Когда джигит вытащил лошадь; девушка отдала ему сундук и собралась в дальнейший путь.

— Скажи свое имя! — крикнул вслед беглец Хайдар.

— Мое имя Суак, — ответила девушка.

С тех пор гору ту называют Суакбаткан-тау — «Гора, где тонула Суак».

Беглец Хайдар зарыл сундук, подаренный девушкой, на вершине той горы. Говорят, те сокровища существуют и поныне. Что они сверкают лунными ночами.

30. Сопка-тюбетейка

(Такья-сусак)

Напротив деревни Галиакбарово есть гора. Она напоминает голову, на которую надета набекрень тюбетейка. У подножья горы — озеро. Сказывают, что оттуда, мол, выходил змей-аждаха. Сюда ближе, извиваясь, протекает река Нугуш.

Прежде у человека по имени Кужмухамед медведь задрал корову. Люди всем скопом пустились вдогонку за медведем, но тот успел убежать. Все равно вернется туда, куда повадился, решили люди, мы его еще поймаем. Один старик устроил засаду и всю ночь поджидал медведя. И вот однажды стало приближаться что-то большое и черное. Взял старик да и выстрелил из своего кремневого ружья. Все в ауле слышали выстрел. Смотрят утром — а старик, оказывается, подстрелил не

медведя, а черную корову. И пошли после этого по аулу шутки-смешки. Даже такмак* успели сочинить:

Нет его шустрой на свете —
Уложил медведя залпом.
То, что принял за медведя,
Лишь коровой оказалось.

31. Скала, откуда упал Котой

(Котогоскан кая)

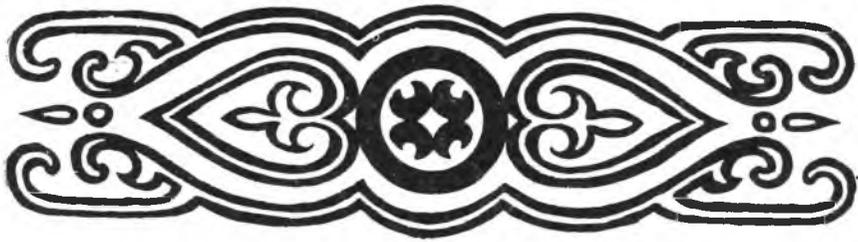
В прежние времена проживал человек по имени Котой.

В гражданскую войну белые дважды проходили через наш аул. Когда они остановились в нашем ауле, Котой похитил у них отменного коня. Те заметили это и пустились в погоню за конокрадом. Его настигли в горах, где возвышалась высокая скала. Вот-вот готовы были они его схватить, но тут Котой вместе с конем взлетел на ту скалу и бросился вниз. Погибли и конь, и он сам.

С тех пор эту скалу стали называть Котогоскан кая.

---

* Такмак — шуточный куплет, частушка.

Легенды и предания о реках, озерах, урочищах

32. Озеро Елкысыккан

В старину у одного охотника-башкира была очень хорошая охотничья собака. Звали ее Куктуш — Серогрудка. Не было дичи, которую бы она не настигла, птицы, которую бы она не поймала.

Однажды в лесу на охоте встретился им какой-то джигит. Ему очень понравилась собака, и он стал просить хозяина отдать ему Серогрудку. Взамен джигит обещал вывести из озера лошадей. И так он надоед своими просьбами, что охотник-башкир вял им наконец и отдал свою собаку загадочному парню. А тот погрузился в озеро вместе с собакой и вывел оттуда кобылицу. Посадил он на нее охотника и сказал такие слова: «Ты поезжай на этой кобыле вперед, и вслед за тобой из озера станут выходить другие лошади. Только не оглядывайся назад». Сказал он так и тут же исчез вместе с собакой.

Поехал охотник на своей кобыле. Через некоторое время он услышал за спиной ржание лошадей, топот множества копыт, фырканье кобылиц. Не выдержал он и оглянулся назад. И стоило ему оглянуться, как половина выходящего из озера табуна опять нырнула в то же озеро. Остались только те, что уже выбрались на берег.

Вышедшие из озера лошади были пегой масти с мышинной спиной. Вот от тех лошадей и осталась в нынешних животных пегая масть. Позднее озеро то назвали «Елкысыккан» — «Озеро, откуда вышли лошади».

Озеро и поныне удивляет взор темной своей водой с каким-то таинственно-синим светом. И летом, и весной, и зимой оно держится одного уровня — вода в нем не прибывает и не убывает. Нет в нем ни рыбы, ни какой-то другой живности.

Рядом с этим озером есть еще и другое — Ыгышмакуль — Плавающее озеро. Раньше на островке, что посреди озера, росла одна береза.

Тот островок вместе с березой перемещался по озеру, приставал то к одному, то к другому берегу, поэтому его прозвали Плавучим островком. Теперь береза вместе с островком закрепилась у верхнего берега и пустила там корни. Уровень этого озера тоже такой же, что и у озера Елкысыккан. Вода в нем не прибывает и не убывает. Два озера связаны между собой подводным течением.

33. Озеро Водяного

(Эялекуль)

В прежние времена примерно в трех километрах к западу от деревни Максютново существовало, говорят, некое озеро. И был у того озера хозяин — водяной. Каждое утро перед восходом солнца водяной принимал обличье девушки-красавицы и омывался водами своего озера. И сколько ни охотились за той красавицей, поймать так и не могли. Тогда какой-то джигит предложил: «Подбросим-ка мы водяному сапог и станем подстергать — что он станет делать?»

И вот подложили они хозяину озера сапог. Как обычно, вышел водяной поутру умываться, глядь — а перед ним сапог! Схватил он его и, недолго думая, стал натягивать на ногу. Уж так старается, так пыхтит, да вот беда: сунет он в тот сапог одну ногу, а другая босой остается, сунет другую — первая опять же босая. Долго он так возился, пока не догадался обе ноги в один сапог сунуть. Хотел встать да не тут-то было: не может шагать — все падает да падает. Вот тогда-то аулчане сообща и поймали водяного. А он возьми да взвизгни так, что люди поневоле шарахнулись по сторонам.

Говорят, с тех пор и сбежал водяной с того озера, и вода в нем в скором времени высохла. Не стало озера.

34. Караидель

(Уфа)

В стародавние времена, в густом лесу, там, где начинается нынешняя река Караидель, жил-был один батыр. Был он из тех батыров, которые много видели на своем веку, много земель проехали, во многих войнах принимали участие. Когда он в последний раз отправлялся на войну, царь, признавая его героические заслуги перед страной, призвал к себе и сказал так:

— Ты, джигит, спас нашу Отчизну. Спасибо тебе за это. Возьми из моих сокровищ все, что пожелаешь, и вези к себе домой.

— Благодарю тебя,— отвечал джигит.— Мне не нужно никаких сокровищ. Мне достаточно двух вещей, мой царь.

— Милости прошу, сынок,— отвечал царь.— Я готов дать тебе все, что ты хочешь.

— Ты мне, царское твое величество, если можешь, дай свободу,— сказал тогда джигит.— Веду я куда-нибудь подальше и буду там жить на свободе до скончания своих дней.

— Хорошо,— произнес, подумав, царь.— Над этим мы поразмыслим. Еще какая у тебя просьба?

— Вторая моя просьба — конь. Дай мне, мой царь, вороного скакуна из своего золотого сарая. Будет мне друг на чужбине.

Задумался царь. Обе просьбы джигита оказались непростыми.

— Сказанное слово — что выпущенная стрела, мой царь, не забудь, что ты перед этим сказал.

После этих слов батыра царь велел привести коня и объявил джигита свободным и вольным человеком.

А батыру только того и надо. Вскочил он на вороного коня, ударил стремями и птицей полетел в родную сторонку, к Уральским горам. Сказывают, не было в тех краях человека, который бы не загляделся на его коня, не восхитился тайно или вслух. А там и завидовать начали. Есть друзья, есть и враги, объявились и такие, что не прочь были посягнуть на коня батыра. Тогда-то он и подумал: «У меня есть воля, есть вороной, чтобы сесть в седло. Почему же я должен жить среди этих людей?» И уехал он куда глаза глядят, поездил по земле, а потом обосновался у подножья одной горы. Там вырыл он себе глубокую нору и стал в ней жить.

К тому времени слава о его вороном коне разнеслась по всей стране. Да и в других странах тоже. Отовсюду приезжали гонцы, чтобы взглянуть на редкостного коня. Разные цари из разных стран присылали своих людей, обещая за коня любые самые дорогие дары.

И тогда вороной сам заговорил человеческим языком:

— Эй, джигит, смотри, не проворонь меня. Давай лучше отправимся в путь. Когда мы в дороге, никто не сможет меня у тебя отнять.

— Нет,— ответил батыр.— Я тебя, мой скакунок, и так никому не отдам. Спрячу внутри вот этой горы.

Он снова стал рыть гору, спрятав там своего коня и завалил сверху громадным камнем.

А люди, желающие повидать коня, шли со всех сторон. Не выдержав печального одиночества, заржал во чреве горы вороной жеребец. Голос его разнесся далеко во все стороны. Услышали его повсюду и пошли на тот голос гонцы со всех концов света. Устроив засаду, они схватили того батыра, обнаружили место, где был спрятан вороной жеребец и стали пробираться в подземелье. Почувяв беду, жеребец стал дожидаться непрошенных гостей. Едва был отторгнут последний камень, как он сорвался с места и стрелой вылетел из своего убежища.

От могучей силы его копыт рухнула гора и оттуда вырвался водный поток. То в одну, то в другую сторону скакал вороной жеребец через густые леса, а водный поток, вырвавшийся из горных недр, бежал вслед за ним, не отставая ни на шаг от его быстрых копыт. Вороной скакун

домчался до Агидели и исчез с глаз долой. Никто его больше не видел и не слышал. А вода влилась в Агидель-реку и пополнила ее берега.

Вот так возникла Караидель* — нынешняя река Уфа.

35. Агидель и Яик

Яик, Сакмара, Агидель, Караидель, Нугуш, Большой и Малый Ик — все они родились в одной стороне. Говорят, в древности они умели разговаривать¹. Вот и договорились между собой: «Все будем течь в одну сторону. Если потечем в южную сторону, где-нибудь да встретимся» Так и отправились вдоль Урала.

Яик пошел медленно, не спеша. Шел-то медленно, да по той причине, что не встречал на пути никаких препятствий, легко проложил себе русло.

На пути Ика и Сакмары то и дело встречались крутые горные кряжи и скалы. Они огибали их и текли дальше, пока не вышли на степной простор. А там уже встретились друг с другом.

Но еще больше горных преград оказалось на пути Агидели и Караидели, и им пришлось постоянно петлять, удлиняя себе дорогу. Поэтому они отстали от своих собратьев. И тогда закричала Агидель:

— Эй, куда вы убежали?

Сакмара и Ик хотели ей ответить, но Яик запретил им откликаться.

— Молчите, молчите. Не нужно, чтобы она с нами сливалась. Пусть идет своей дорогой.

Зато среди гор и лесов с Агиделью слилось множество других рек и ручьев. Поэтому она становилась все полноводней и мощней в течении. Этого-то и испугался Яик: станет зазнаваться, навяжет нам свое имя, лучше быть от нее подальше.

А Агидель шла и шла вперед. Так как те не подавали голоса, она резко повернула возле Кунгака в сторону и понесла туда свои воды. По пути она вбирала в себя все новые и новые речки и родники. Бег ее становился все величественнее и плавнее, а когда в нее влилась Уфимка, вообще стала восхищать взоры всех, кто ее видел. В конце концов, она сама влилась в Каму, а затем — в еще более величавую реку Идель-Волгу, и сама не заметила, как впала в седой Каспий. И оказалось, что Идель стала неизмеримо более широкой и полноводной, чем брат ее Яик.

Так из-за зависти своей остался Яик мелководной и бесславной рекой. По ней не могли плыть даже суда. А по Агидели и Уфе (о Каме нечего и говорить) плывут большие пароходы. О них сложили песни.

Поведают старые люди эти легенды и непременно напомнят, что никогда и никому нельзя завидовать.

* Караидель (Каризел) — *досл.* Черная река

36. Агидель и Караидель

Однажды встретились Агидель и Караидель, и решили утром вместе отправиться в путь.

Проснулась поутру Агидель, а той и след простыл. Желая догнать Караидель, поскакала Агидель от скалы на скалу, от одного горного кряжа на другой, но догнать так и не смогла. Повернула она обратно и пошла другим путем. Поэтому, если один берег Агидели вздыбился крутыми скалами и высокими холмами, то другой — сплошная равнина. Если одна ее сторона — низина, то другая на всем своем протяжении — горный хребет.

37. Калым

У седого старика Урала был сын-батыр по имени Яик. А у старухи Иремели, говорят, была писаная дочь-красавица по имени Агиделькай. Задумал старик Урал женить своего сына на той девушке-красавице. Очень богатый калым за нее уплатил. Отдал Яик все леса на своих берегах: сосны, ели, дубы, березы. Забрала все это старуха Иремель и украсила ими берега Агидели.

В уныние впал тут Яик, подумал про себя, что если девушка Агидель станет слишком красивой, то и смотреть на него не станет. Подумал он, значит, так, да и подался в сторону Хазарского моря.

Узнал о том старик Урал и стал тужить по бесполезно отданном калыме. Хорошо, если родители девушки откажутся от ветреного жениха, тогда по старинному башкирскому обычаю можно воротить калым обратно. А если не откажутся?...

Родители невесты не отказались от зятя. Агиделькай очень любила Яика. «Я все ему прощу, — сказала она, — пусть он только вернется ко мне».

Очень упрашивали Яик, чтобы он воротился назад, но Яик не внял никаким уговорам и мольбам. Все стеснялся показаться Агидели на глаза. Сам же он тосковал по Агидели и пел так:

Даже лук орошать бы рад —
Нету лука — куда мне деваться?
Я бегом возвратился б назад,
Да обычая нет возвращаться.

И в самом деле, на берегах Яика не то чтобы сосны, ели или березы, даже дикий лук не рос.

Так и остался невозвращенным калым, заплаченный за Агиделькай. С тех пор и течет в Хазарское море Яик через мертвые пустыни, свистящие песчаными буранами.

А по берегам Агидели на веки вечные остались расти вечнозеленые сосны и ели, белые березы, лохматые дубы и исходящие медовым благоуханием липы...

38. Брод бия

Брод, который называют «Бродом бия», находится ниже деревни Байназарово. В старину бурзянский и кыпсакский роды постоянно враждовали друг с другом. В одном из сражений кыпсакский батыр Кусьяк-бий пленил главу бурзянского рода Каракулумбета, перебил его сородичей, а самого для всеобщего позора посадил на черного телка и провез через этот брод. С тех пор брод возле Байназарова стал называться «Бий кисеу».

39. Кровавое озеро

(Канлыкуль)

В местечке Каракуль жила девушка-ханша, а в местечке Акташ — мужчина-хан. Они враждовали между собой. И война между ними была настолько жестокой, что кровь потоком стекала в озеро. Три дня и три ночи ревели оно в своем отворачивании к стекшей в него крови, а затем не выдержало — взлетело в небо со всеми своими рыбами и опустилось на озеро Аккуль. И осталось оно лежать там на дне того озера.

Никто бы не знал, где находится то озеро, да увидели рыбу на песчаном берегу, лягушку, изнывающую рядом с ней. По ним и нашли дорогу к Аккулю.

То место, откуда вылетело озеро, стали называть Канлыкуль. Крутой берег, что находится между Старым и Новым Ирныкши, как раз и остался от того улетевшего озера.

40. Иргиз

У человека по имени Якуп, что жил в ауле Хасаново, была одна единственная дочь. Отец нежно ее любил, желал, чтобы она росла по-мальчишески отважной и неустрашимой.

Сам Якуп был хорошим охотником и отменным стрелком. Он брал на охоту свою дочь, снабдив ее необходимым оружием, одобрял ее участие в скачках.

В те времена между соседними племенами постоянно происходили стычки и даже кровопролитные сражения из-за леса, воды, и пастбищ для скота. Башкиры этого края воевали в основном из-за выгонов и пастбищ.

В одном из таких сражений вместе с аулчанами участвовали и отец со своей дочерью. И она не только не посрамила девичье имя, но и удивила всех чисто мужскими подвигами. Когда она самозабвенно предавалась битве, в спину ей угодила вражеская стрела. Но она точно не заметила ее — продолжала сражаться, забыв обо всем, пока силы не стали иссякать и мир не померк перед глазами. Оглянувшись она — а вокруг ни единой души. Отважная девушка упала на седло, и верный конь привез ее на родину. Так, в седле, девушка и умерла, а до предела уставший конь едва дотащил ноги до дома. Остановился он. Девушка упала на землю. Но верный конь ее не покинул, он выщипал вокруг всю болотную траву, а затем стал фыркать и рыть землю копытом, как бы призывая свою хозяйку подняться с земли. И вдруг в том месте, где он вырыл большую яму, ударил из-под земли прозрачный поток воды и устремился по низине, прорывая себе русло.

Девушку с большими почестями похоронили на том месте. «Это была девушка с львиным сердцем!» — говорили про нее. «Она была девушкой-мужчиной — ир-кыз!» С тех пор и осталась связка этих слов — «ир-кыз». Постепенно тот выбившийся из под копыт ее коня ручей тоже стали называть «Ир-кыз».

Прошли годы. Память о «Ир-кыз» не забылась. Только слова те несколько видоизменились, и реку стали называть «Иргиз».

Народ хранит в своем сердце и свою отважную «Ир-кыз» и полную водную реку свою Иргиз.

41. Река Ток

Башкиры, проживавшие на берегу озера Асылыкуль, далеко уходили в поисках кочевки и выпасов для скота. Однажды оказались они в этих местах. Поднялись они на гору, огляделись вокруг, и видят:

по зеленым лугам протекает река. И берега той реки, ее спокойная долина показались им очень удобным местом для становья. Спустились они к реке, чтобы напоить лошадей, а в воде кишмя кишит рыба. Всем своим видом понравилась пришельцам та река. Полноводная река, полная рыбы, широкая долина, поросшая высокой травой, есть и леса. «Всем богата река,— сказали они,— ток-река*»,— и дали реке название Ток.

Когда они вернулись на берега Асылыкуля и рассказали сородичам о своем открытии, девятнадцать дворов, собравшись вместе, ушли в сторону реки Тока, и вместе с собой угнали свою скотину. А позднее и вовсе переселились на новые места. От тех дворов — от каждого из них — образовались потом башкирские аулы.

42. Асылыкуль

Много-много лет назад этого озера не существовало.

Через аул Бурангулово протекала река под названием Асылы. Она впадала в реку Сармасан. На месте озера возвышалась гора под названием Ташлытау (Каменная гора), и все вокруг было покрыто лесами.

Несколько сот лет назад из-за той горы летним днем взошла черная туча. Началась сильная гроза, полил ливень. Он был настолько сильным, что река Асылы затопила весь аул. Но гром и молния продолжались. Вся земля задрожала, затряслась. Люди валились с ног, в тревоге и страхе ревели звери.

Смотрят наутро — а гора Ташлытау провалилась посередине, и на том месте образовалось большое озеро. Река Асылы изменила русло и стала впадать в то озеро. Вот потому озеро стали называть Асылыкуль.

43. Поле, покрытое кровью

(Канъяткан яланы)

Когда-то на вершине горы Тора-тау обосновался монгольский хан. Земля солнца не видела — его закрывал от нее ханский шатер. Много мук изведal народ, много горестей испытал. В конце концов, терпение его истощилось — он поднялся на битву.

---

* Ток (тук) — сытый.

Особенно кровопролитными были в тех местах два сражения, трава покраснела и стала влажной от пролитой крови. С тех самых пор поле то тали называть Канъяткан — Поле, покрытое кровью.

4. Лощина Теляу

Раньше здесь постоянно происходили стычки между башкирскими и казахскими племенами. Так однажды батыр рода Теляу лежал вместе со своим товарищем, выжидая казахов. Когда казахи появились на горе, друзья увидели, что на батыре, едущем впереди других, надета кольчуга.

— Как же его убить с первого раза? — спросил Теляу-батыр своего друга.

— А ты попробуй расщепить наконечник своей стрелы, ею и стреляй, — посоветовал друг.

Теляу так и сделал — расщепил наконечник стрелы и пустил ее в казахского батыра. Тот упал на месте.

— Ай-бай, наверное, тут затаился батыр истяков*, — воскликнули потерявшие своего главаря казахи и повернули назад.

Ту лощину, где лежал Теляу-батыр, стали с тех пор называть Теләү-үзәге — Лощина Теляу.

45. Луг Фатимы

Сказывают, жила, мол, некогда красивая девушка по имени Фатима. С детства осталась она сиротой и росла беспризорно в чужих руках. С ранней весны до черной осени пасла она скот местного башкирского бая. Много пришлось ей вступать в схватки: то с волками, охраняя скотину, то с байскими сынками, защищая девичью честь.

Однажды на стадо ее вышли неожиданно иноземные разбойники. И решили они увести с собой и красивую девушку, и скотину, которую она пасла. Вооружившись сукмаром, Фатима выступила против тех разбойников. Схватка была беспощадной — облако пыли вздыбилось над землей, и сама она сотрясалась под ногами сражающихся. Силы девушки-богатырши стали иссякать. И все-таки она не сдалась до са-

* Так раньше казахи называли башкир.

мой своей смерти. Злобные разбойники искрошили тело девушки, как лапшу, и принялись угонять ее стадо. Запоздало явившиеся на помощь джигиты с большими почестями похоронили девушку у подножья горы, где она приняла бой. С тех пор, гору ту стали называть «Гора Фатимы» (Фатима тауы), а луг, находящийся под той горой, стал называться «Луг Фатимы» (Фатима туғайы).

46. Киргизское перепутье

(Кыргыз айырылы)

На юге аула Галиакбар есть курган. В том месте когда-то сошлись в жестоком сражении киргизы и бурзянцы. Сказывают, после того сражения осталось много трупов. Особенно много воинов потеряли киргизы. Бурзянцы отказались дать землю для их захоронения. Киргизам пришлось возить ее в лыковых кадках из родных краев. Они везли эти кадки через бескрайние степи на двугорбых верблюдах. Везли они так, возили, и вот образовался этот курган.

Теперь этот курган называют Киргизским перепутьем.

47. Курган Айдара

(Айдар-тубә)

На севере деревни Халилово есть небольшой курган. Его называют Айдар-тубә — Курган Айдара.

Много-много лет тому назад между башкирами и киргизами была кровопролитная война из-за земли. На той стороне Яика проживали киргизы, на этой — башкиры. На кургане, находившемся возле аула Халилово, жил киргизский батыр Айдар. Он сражался против своих сородичей вместе с башкирами. В одном из боев он погиб. Башкиры с почестями похоронили его на вершине того кургана, и могилу его обнесли каменной оградой.

Могила батыра существует и до сих пор.

48. Поляна Черной коровы

(Кара һыйыр яланы)

Батыр бурзянского рода Каракулумбет убил батыра рода кыпсаков Бабсак-бия, разграбил его страну, уничтожил ее жителей и угнал весь скот. От Бабсака остался малолетний сын Кусяк. Когда он под-

рос, то вернулся к своему дедушке Уразхану, собрал там войско и выступил против Каракулумбета. Он разгромил его войско, а самого изловил на какой-то поляне у горы Масем, посадил верхом на черную корову и с позором повез в его собственную страну. С тех пор поляну, где Кусяк посадил Каракулумбета на черную корову, стали называть поляной Черной Коровы. Те места, где Кусяк отдыхал по пути домой, тоже обрели название «Черной Коровы».

Местечко с названием «Черная Корова» есть на земле аула Старое Усманово. Одну из горных вершин между Ново-Субхангуловым и аулом Тимерево также называют вершиной Черной коровы.

49. Могила Халиля

(Хэлил кэбере)

В древности среди башкир шли бесконечные столкновения из-за земли и воды. Особенно отличались в этом смысле Бурзянский и Кыпсакский роды, которых ничто не могло примирить. Вконец изнемог и отчаялся народ от нескончаемых стычек и сражений. Вот тогда старик по имени Халиль нашел такой выход: он поставил себе дом как раз на границе двух родов — бурзянцев и карагай-кыпсаков. Обе стороны стали сдерживать свои страсти, не решаясь тревожить и досаждать старому человеку.

Перед смертью старик Халиль оставил людям такое завещание: «Похороните меня не на кладбище, а на самой границе между родами. При жизни я удерживал их от взаимной вражды, пусть же и после смерти тело мое не допустит ненужных распрей».

Народ чтит память и завет старика Халиля. С тех пор кончились стычки между соседними родами, они стали жить в мире и согласии.

Такова история Могилы Халиля.

50. Яйляу *, где Шакира стреляла из лука

Шакира стреляла из лука — так называется продолговатая луговина. В прежние времена на это место ежегодно выходили наши прадеды, устраивали сабантуи, доили кобылиц, сбивали кумыс, веселились — словом, летовали.

* Яйляу — летовка.

Однажды устроили состязания по стрельбе. Стреляли, стреляли, да только ни один мужчина, считавший себя метким стрелком, не мог попасть в мишень.

На том яйляу была невестка по имени Шакира, и была она пригожа собой, проворна и охоча до работы. Подошла она к мужчинам, которые никак не могли попасть в мишень, и сказала так: «Попробую и я выстрелить». Первым же выстрелом послала она стрелу в цель.

С тех самых пор то яйляу стали называть «Яйляу, где Шакира стреляла из лука».

51. Кустарник Яухар

Прежде девушки и женщины имели обычай закрывать свое лицо.

Сын одного зажиточного человека был женат на очень красивой девушке. Летом все вместе отправлялись на сенокос, находившийся в лощине под горой, покрытой густым кустарником. Когда другие спустились к речке на обед, невестка Яухар от них отстала. Это заметил один из ее деверей и начал за ней следить. Едва оставшись одна, Яухар откинула с лица покрывало¹, достала из-за нагрудника кумыз* и стала на нем наигрывать. Парень, затаившийся в кустах, так и замер в изумлении перед ее красотой и необыкновенной игрой на инструменте. А она-то сама наигрывает, сама приплясывает под свой наигрыш.

Невестка каждый день оставалась одна, играла и приплясывала, а ее деверь любовался ею, спрятавшись в кустарнике.

Спустя некоторое время парень рассказал людям об удивительных повадках их невестки. С тех пор то место, что покрыто кустарниковыми зарослями, стали называть Кустарником Яухар — Йәухар кыуагы.

52. Устье реки, где джигиты повязывали платок любимой (Янтастарлаган тамагы)

В старину, когда жених приезжал за невестой, его сопровождали на лошадях несколько верных друзей. Невеста ожидала его тоже на коне вместе с подругами-наездниками. Стоило джигитам приблизиться, как девушка пускала свою лошадь вскачь, а подруги тоже уносились вместе с ней. Жених должен был догнать свою любимую и на скаку накинуть на ее голову тастар**.

* Кумыз (кубыз) — щипковый музыкальный инструмент.

** Тастар — платок в виде полотнища в два с половиной аршина.

Этот обычай был широко распространен в наших краях, а скачки происходили неподалеку от села Сергеевка в седловине гор Кургашлы и Кумбелекле, где находится устье реки. Это название осталось с тех памятных времен¹.

53. Место, где умерла сваха

В прежние времена у банкир был обычай «братъ кот».

Перед свадьбой, когда родные невесты выходили встречать сватов, они брали с собой свой подарок — кот. После этого они поворачивали своих лошадей и уносились прочь. Сваты со стороны жениха должны были настичь беглецов. Кот доставался тому, кто первым догонит невестиных людей.

Во время преследования одна старая сваха упала с телеги на каменистое место и умерла. То место стали называть Местом, где умерла сваха (Козагыг үлгэн ер).

54. Прах Абыза

(Абыз улеге)

В старину люди проживали на яйляу, что выше аула Ибраево. Мулла по имени Абыз озорил многих девушек. Все жители яйляу стали его ненавидеть.

Однажды собрали большой зинн-сход, и пригласили на него муллу. Все люди, сидя на своих местах, ждали прихода муллы. Для него оставили специальное место. Над ямой двухметровой глубины постлали широкий палас-кошму, сюда же бросили подушку. Два человека бережно подвели муллу к почетному месту. Стоило мулле сесть на подушку, как он тут же обрушился в яму. Там его и похоронили заживо.

Это место сейчас называют Абыз улеге.

55. Урочище «Имел надежду»

(Умут биргэн)

Когда начинаешь говорить о прошлом, прожитом, и смешно становится порой, и злость забирает в горестных местах.

К примеру, люди никогда не будут вспоминать добром проделки бая Кулукая. Он единолично держал более десяти батраков. И хоть

всю жизнь гнули на него спину батраки, все же прокормить себя не могли. Сам же бай был очень богатым человеком, имел целое стадо коров, табун лошадей, бессчетное количество ульев.

Однажды лошадей бая стал пожирать медведь. Были очевидцы, которые видели, как медведь-пожиратель вылезал из урочища Ясы Узьяк—Широкая лощина (так называлось в то время нынешнее урочище «Имел надежду»). Когда число лошадей заметно поубавилось, обратился бай к своим батракам с такими словами: «Тому, кто убьет медведя в урочище Ясы Узьяк, тому дам пару лошадей и вдобавок корову».

У бая служил в батраках сын бедного человека по имени Низаметдин. Он-то и начал охоту на медведя. А разве медведь так просто дается в твои руки? И бедный Низаметдин, можно сказать, дневал и ночевал в урочище Ясы Узьяк. Недаром же говорят: «Кто хочет, тот своего достигнет»,— на пятый день Низаметдин приволок-таки большого бурого медведя. Радости его не было предела. Сообщил он баю весть про медведя. Поглядел тот на медведя и произнес: «Так ведь этот совершенно бурый, а тот, что задирает лошадей, был с чернинкой. Но что делать, коль ты добыл медведя, нельзя же тебя без подарка оставлять»,— и с теми словами велел дать охотнику одного барашка и мешок пшена. Скупец. Проклятый карун! И бог его проклял. Смерть свою он нашел от медведя.

Что же касается бедняги Низаметдина, то он обронил две слезинки и пошел домой, не сказав ни слова. На другой день он отправился в чужие края. Проходя мимо урочища Ясы Узьяк, он пропел такую песню:

Ясы Узьяк мой, я имел надежду
Через тебя скотину раздобыть.
Кулуй скотину добытую отнял:
«С тебя барашка хватит, стало быть...»

После песни Низаметдина то урочище стали называть урочищем «Имел надежду».

56. Могила Навалихина

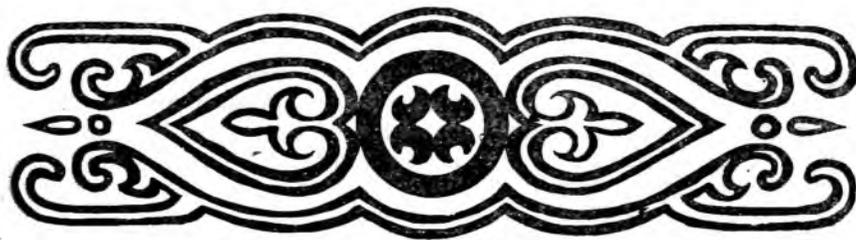
Около 1890—1898 годов человек по имени Навалихин добывал золото и обрабатывал его на Султановских приисках. Потом вдруг золото почему-то иссякло.

В ту же пору другой богатей — Рамеев — тоже занимался золотодобычей. Он предложил Навалихину: «Продай мне местечко под названием Султан». Вот Навалихин и продал свой прииск. В тот же день люди Рамеева стали разрабатывать новые места.

В тот самый момент, когда договор между двумя сторонами был составлен и скреплен подписями, ворвался один из людей Рамеева и выкрикнул: «Нашли около 30 пудов золота».

Потрясенный Навалихин, не зная, что делать, взбежал на вершину горы Каратау, забрался на самую ее макушку. Присел было отдохнуть, да там и дух испустил.

Родные опустили его тело вниз и похоронили у подножья горы. Вот откуда взялась могила Навалихина.

Легенды о растениях, животных и птицах

57. Подснежник

(Умырзая)

Случилось это в незапамятно далекие времена. В местечке, окруженном высокими горами и густыми зелеными лесами, жил злой и коварный хан по имени Дегэнэк*. С рассвета до ночи заставлял он без передышки гнуть спину своих слуг и работников. Сам же всю жизнь проводил в удовольствиях: сегодня приглашал к себе в гости соседнего хана, а завтра сам у него угощался.

В один из погожих весенних дней родилось одновременно на свет трое детей: сын Дегэнэк-хана, дочь соседнего хана и дочь слуги Дегэнэка.

Дегэнэк оседлал лучшего аргамака и поехал к соседу по ханству. Ханы решили устроить обряд обручения младенцев¹, договорились породниться между собой, когда их дети подрастут и станут мужем и женой.

Прошли годы. Сын Дегэнэк-хана Карай стал джигитом а дочь его слуги Умырзая — девушкой на выданье. Видя, что отец и мать сильно состарились, расторопная Умырзая решила дать им возможность отдохнуть, вместо них сама пошла работать на хана. Стоило Караю взглянуть на эту чернобровую, черноволосую девушку с глазами, как блестящие смородинки, как он раз и навсегда ее полюбил. Да и сам он очень понравился Умырзае.

Вскоре родители девушки умерли, и единственной опорой жизни у нее остался сын хана Карай.

Джигит и девушка тайно встречались на вершине горы.

Весть о том дошла до хана. Вначале он не поверил, как возможно, чтобы сын хана влюбился в дочь его слуги! Тем не менее, обеспо-

* Дегэнэк — лопух (репей). В тексте употреблено в переносном смысле.

коенный, он послал к соседнему хану гонца, чтобы ускорить свадьбу нареченных.

Карай прознал об этом, и, пользуясь всеобщей суетой и свадебными приготовлениями, бежал из дому вместе с любимой девушкой.

Как-то вечером хан заглянул к сыну, а того и след простыл. Поднялся шум да крик во дворце хана. Ищут повсюду — а Карая и Умырзая и в помине нет. Призвал хан к себе всех визирей и гонцов и дал такой приказ:

— Немедленно найдите бесстыдников и приведите ко мне.

Три дня, три ночи рыскали повсюду гонцы и, вконец выбившись из сил, вернулись обратно.

Потерявший терпение хан сам отправился в путь. Шесть дней и шесть ночей искал он молодых. На седьмой день в ранний рассветный час присел он отдохнуть у подножья какой-то горы. В это время рядом присела ворона и стала кричать во все горло: «Карр! Карр!»

— Чего ты каркаешь? — спросил ее хан.

— А ты их прокляни, — сказала ворона. — Проклятие отца их покарает.

— А как мне их проклясть? — спрашивает хан.

— Прокляни так: карр и карр, стань льдом!

Стоило хану произнести те слова, как сын его Карай обратился в глыбу льда.

— А еще как проклясть? — опять спрашивает хан.

— Карр и карр, за ним последуй и ты. А потом добавь еще так: последуй за льдом и обратись цветком.

И опять — стоило хану произнести те слова — Умырзая тотчас превратилась в печально застывший цветок.

Тот цветок стали называть Умырзая — Подснежник. По той причине он расцветает не летом, как другие цветы, а ранней весной, в пору таяния снега. Говорят, он идет вслед за снегом, спешит увидеть своего любимого Карая*.

58. Курай

В былые времена жил да был хан. У того хана на голове было два рога, но он никому их не показывал. Однажды, когда он мылся в бане, рога те увидел его шакирд**. «Ты увидел мои рога, если проговоришься кому-нибудь, я тебя убью», — сказал хан тому шакирду.

Шакирду очень хотелось поделиться с кем-нибудь своей тайной, освободить себя от ее тяжелого груза. Вот он пошел в лес и стал там

* Карай — от слова *кар* (снег).

** Шакирд — букв. ученик медресе. Здесь — один из молодых придворных (примеч. переводчика).

кричать во весь голос: «У хана Юсупа есть рога!..» Крик тот услышал какой-то пастух, пошел на голос, а в том месте, смотрит, растут два стебля курая. Подул он в пустое нутро курая, а оттуда вылился мелодичный напев. Вот так, говорят, и появился на свете курай*.

59. Откуда взялись медведи?

В стародавние времена жил некий джигит, владевший тайной волшебства, ходил он всегда с кинжалом за поясом. Когда среди людей ему становилось тоскливо, он уходил в лес. Стоило ему, что-то шепча, воткнуть в землю кинжал, и он сразу превращался в медведя. Медведем он и бродил по лесу. Нагулявшись, джигит возвращался на опушку, и засунув свой кинжал за пояс, вновь обретал человеческий облик.

Один недобрый человек как-то заметил это. Он подкараулил того джигита и в его отсутствие бросил кинжал в воду.

Возвратился джигит на опушку. Смотрит — нет кинжала. Кинулся искать, да все напрасно. С тех пор он и остался в медвежьем облике. Так вот и появились медведи.

60. Кэкук (Кукушка)

В очень давние времена на южных склонах Уралтау проживало одно башкирское племя. Часто нападали на него соседние племена. Напали враги и в очередной раз.

У башкир того племени был батыр по имени Кэкук. Собрал он всех своих храбрых джигитов, и выступил против врагов. Перед уходом на битву он сказал своей возлюбленной Карагаш**, которую любил еще с детства:

— Если я останусь лежать в поле, то из крови моей вырастут красивые цветы. Они будут напоминать тебе о моей любви. Поверь: если даже я сам не вернусь, то вернется имя мое.

— Чтобы ни случилось, я тебя ни на кого не променяю, буду ждать! — ответила Карагаш своему любимому.

---

* Курай — музыкальный инструмент у башкир.

** Карагаш — чернобровая.

Оседлав своих крылатых коней, джигиты умчались на битву. Вскоре они увидели несметное число вражеской рати. Началось жестокое сражение. То одна сторона брала верх, то другая. Когда бой стих, на поле брани не осталось ни одной живой души.

Эта весть быстро дошла до соплеменников Кэкук-батыра. Все племя плакало по павшим кровавыми слезами. Только Карагаш не хотела верить этой вести.

«За умершим не умрешь. Тебе жить надо», — сказали ей родители и согласились выдать дочь за одного бая, пославшего к ним свата.

Не захотела жить красавица Карагаш с нелюбимым человеком. Она задумала прикончить своего будущего мужа ножом и бежать. Но ее схватили и посадили в тюрьму.

Горько плакала Карагаш и пела грустные песни в память о любимом.

«Птицей бы полететь к тебе!» — рыдала она.

Сбылось желание девушки: вдруг на глазах стала она уменьшаться, таять. Вместо рук выросли у нее крылья. Превратившись в птицу, она выпорхнула через железную решетку окна. Перелетая от дерева к дереву, от горы к горе, она звала своего возлюбленного: кэк-кук! кэк-кук! Много дней раздавался ее жалобный клич по горам и долинам Урал-тау. И вот как-то раз после томительных поисков Карагаш увидела ослепительные красные цветы. Только тут поверила она в гибель Кэкука.

С тех пор она так и летает по миру, садится на такую же одинокую, как сама, ветлу или березу, и, устремив вдаль свой взор, жалобно повторяет имя своего возлюбленного. Если и снесет яичко, терпенья у нее не хватает высидеть — все время ищет она Кэкука. Особенно жалобно кличет она в пору цветения цветов, а, когда увядают цветы, она уже не в силах куковать. Снова улетает куда-то далеко в поисках красных цветов. И так всегда... Вот эту птицу, что постоянно кличет «кэк-кук!», люди называли «Кэкук», а те красные цветы — кукушкины цветы (кэкук сэккәһе).

61. Поющий журавль (Журавлиная песнь)

(Сынграу торна)

В древности среди зауральских башкир жил один могучий батыр. Был у него конь — сивый тулпар. Он мог перенести хозяина куда бы тот не пожелал. Не было равного этому батыру по силе, храбрости и уму.

Если на его край нападала вражеская рать, он беспощадно уничтожал врагов, защищая своих сородичей и родную землю. К тому же батыр этот был прославленным кураистом и певцом. Когда он, взобравшись

на Ирендэк, играл на курае, звуки его курая были хорошо слышны в аулах, расположенных среди горных долин

Батыр этот женился, но только спустя много лет жена родила ему сына-крестыша, такого тяжелого, словно налитого свинцом. Дитя росло не по дням, а по часам. «Храбрее отца будет», — говорили о нем люди с восхищением.

И в самом деле, став юношей, он во всем походил на отца, и даже превзошел его. Как говорят в народе: что птенец в гнезде видит, то и в полете делает. Прославился джигит и игрой на курае.

«Женю-ка я сына своего пока сам жив», — подумал отец и сосватал ему невесту. Отдал ему сивого трехгодовалого жеребца, рожденного от сивого тулпара, и в один из солнечных весенних дней молодой батыр отправился в дом будущего тестя.

Приехав, оставил жеребца своего на лугу, неподалеку от дома.

Утром, когда джигит пришел за жеребцом, он услышал удивительно прекрасную мелодию, так что застыл пораженный. Затем в нетерпении побежал в ту сторону, откуда доносились звуки. Приблизившись, притаился и стал наблюдать. На поляне, собравшись в круг, играла стая маленьких серых журавлей. В центре стояла журавушка. Стопло ей, взмахнув крыльями начать мелодичное курлыканье, как остальные тут же присоединялись к ней и принимались кружиться.

Джигит с упоением слушал звенящую мелодию журавлей, слушал до тех пор, пока не запомнил ее. Боясь, как бы не забыть песню птиц, вскочил на коня и стрелой помчался в дом тестя. Спешившись, он взял свой курай и заиграл журавлиную песнь. Собрался народ — и стар и млад.

— Откуда тебе ведома эта странная, удивительная мелодия? Уж не сам ли сложил? — спросил джигита один аксакал*.

— Нет, дедушка, — сказал джигит, — и поведал о случившемся. Взволновался народ: как бы беда какая не нагрянула. А старец сказал:

— Это ведь песнь журавлей. Там, где они играют, суждено произойти большому сражению, в котором много людей погибнет, — говорили в старину наши деды.

Услышав эти слова, батыр тут же отправился домой. Дома все, как есть, рассказал отцу.

— Да, сынок, в старину говорили, что там, где играют журавли, будет побоище, нагрянет на страну бедствие. Таких боев отец твой на своем веку повидал немало. Теперь я стар стал, силы во мне не те. Свое боевое снаряжение тебе вручаю, — сказал старый батыр. — Будь храбрым, не запятнай честь рода. Будь беспощаден к врагам-чужеземцам и верен роду и родной земле, — только тогда будешь счастлив. Это мой тебе завет. А сейчас собери войско из самых надежных людей.

Молодой батыр бросил клич джигитам страны, собрал войско и был готов к битве.

---

* Аксакал — почтенный старик.

И в самом деле, прошло совсем немного времени, и на землю его рода напали чужеземцы. Молодой батыр поднял своих стрелков, и те стали поражать врагов на расстоянии, видимом глазу.

Когда стихли бои, несколько дней подряд праздновали победу. Джигита прозвали батыром страны. А напев, услышанный им от журавлей, с тех пор называется Журавлиной песнью. Озеро же, у которого было побоище, называют Яугуль*. Оно находится в Баймакском районе, в 10-15 километрах к югу от Сибая.

62. Вороненок

В старину, во времена карымты и барымты, жил среди башкир один прославленный батыр. К тому же, он был кураистом, певцом и сэсэном**. Когда вышел возраст и он стал джигитом, то женился на дочери такого же известного батыра, как сам. И повели они жизнь в мире да согласии.

Мирная жизнь их была нарушена нашествием казахов. Им хотелось во что бы то ни стало захватить этого башкирского батыра и склонить его на свою сторону. Но из этого ничего не получилось. Едва увидев батыра, на которого посягали, пришельцы в страхе повернули назад.

Тогда казахи решили лишить батыра его наследников и однажды похитили его беременную жену. Глава рода взял ее себе третьей женой и выделил для нее отдельную юрту.

Возвращается башкирский батыр с охоты домой, а жены-то и нет. Взял он свое медное копые и вышел в путь. Добрался он до яйляу, где жил казахский батыр, украдкой стал прислушиваться да заглядывать в каждую юрту, и вот слышит, что в белой юрте кто-то тихо плачет. «Боже, да ведь это моя жена, подам-ка я ей голос», — подумал он и шепотом позвал ее. «Что бы ни пришлось испытать, лишь бы с мужем», — решила молодая женщина, услышав призывный шепот и, выскользнув из объятий казахского батыра, выбежала из юрты.

В ту же ночь они прошли довольно большой путь. Немалый путь одолели они и на другую ночь. Но на третью ночь жена батыра почувствовала себя плохо и совершенно выбилась из сил. Добрались они до зарослей кустарника и там спрятались.

Через некоторое время на свет появился младенец-сын. Преследовавшие их всадники-казахи проехали мимо, не заметив беглецов.

Мальчик надрылся в плаче, а состояние его матери становилось все тяжелее. Бежать с плачущим ребенком на руках было опасно.

* Яугуль — досл. озеро-побоище (озеро битвы).

** Сэсэн — народный поэт-импровизатор, мастер слова.

Тогда они увидели в кустах воронье гнездо, положили ребенка в то гнездо, а сами тронулись в дальнейший путь. Двигались они только ночью, а днем скрывались в кустарниках да овражках. Таким образом и удалось добраться до реки Яика и переправиться на другой берег. И в тот же миг возле реки оказались преследователи. Потоптались они на противоположном берегу Яика и повернули обратно. Дело в том, что в те времена эта река была границей между двумя народами.

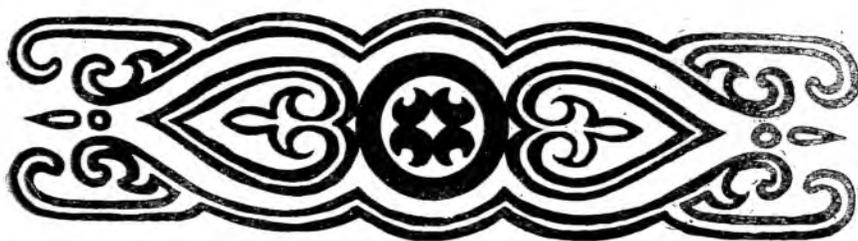
Вконец измотанные и обессиленные муж и жена добрались, наконец, до родного дома.

Когда взаимные набеги и распри несколько улеглись и установился мир, супруги решили поехать к тому месту, где оставили они своего сына, чтобы схоронить хотя бы его косточки. Приезжают они на то место и глазам своим не верят: сидит их дитя на ветке и тянется ручонками к летающим над его головой воронам.

Хотели они забрать малыша, а вороны никак не хотят его отдавать, кружат над ними и кричат во все горло. Даже когда муж с женой запеленали мальчика и выехали в обратный путь, вороны все еще не унимались, долго сопровождали их, горланя и крича пронзительно. И ребенок тоже тянулся к летающим воронам и плакал навзрыд.

Дивясь тому, что их сын оказался живой, радовались и обливались слезами его родители. Прямо в дороге назвали они своего сына Балакарга — Вороненком. Печальные раздумья навели на них те дорожные переживания, пока не излились песней. Попеременно несли они на руках чудом выжившего своего ребенка, а когда заявили в родной аул, то пришел черед удивляться односельчанам. На вопрос: «Как зовут вашего ребенка?», они отвечали: «Вороненок», и песней рассказывали всю невероятную историю своего младенца:

Оставляем мы сыночка —
Присмотрите, вороночки!
Враг за нами по пятам,
Мы бежим к родным краям.
Эй... Тирэ-тиря, тиря да,
Тиря-тиря, тиря-там!
Эй, вороны, вам спасибо,
Что спасли для нас вы сына!
«Возвратите малыша!» —
Мы спасителей просили.
Эй... Тиря-тиря, тиря да,
Тиря-тиря, тиря-там!
Ах, дитя, ты был ребенком,
Стал отныне вороненком.
Вновь обрел ты мать-отца,
Улыбнись же из пеленок!
Эй... Тиря-тиря, тиря да,
Тиря-тиря, тиря-там!
Слезы я лила ручьями,
Не смыкала глаз ночами.
Не тебе ль верна была —
Молоко я сберегла?
Эй... Тиря-тиря, тиря да,
Тиря-тиря, тиря-там!

Предания о происхождении селений

63. Пятеро сыновей

(Бишул)

В тех местах, где ныне расположены аулы Азово, Кызыл, Айтмамбетово, первыми поселились люди, которых звали Азау, Кызыл и Айтмамбет. И были они родными братьями.

Самый старший среди них — Азау.

Прошло время. Когда дети подросли и возмужали, старик Азау дал каждому из сыновей долю его скота и отселил из своего дома. Один из сыновей старика обосновался в ауле Бишулово. Тогда аул еще так не назывался. А возникновению того названия была своя причина.

Один из сыновей Азау разводил лошадей. И дни, и ночи содержал он их за оградой на выгоне. Однажды он стал замечать, что один из его необъезженных жеребцов каждое утро возвращается откуда-то в черном поту. «Никак по ночам кто-то его объезживает», — подумал он. Как-то смазал он смолой спину жеребца. Утром глядь: а на спине жеребца сидит, прилипнув, красивая девушка-шурале. Тогда он решил на ней жениться. И родилось у них один за другим пятеро сыновей.

Но вот беда: жена всегда мылась в бане одна и требовала, чтобы муж, идя в баню, непременно давал о себе знать.

Однажды муж решил проверить, чем она там занимается, и вошел в баню без всякого предупреждения. Вошел он, значит, и видит: сидит его жена и рассматривает верхнюю часть своего черепа, держа ее в руке. Едва увидев своего мужа, она упала и тут же испустила дух. Так и остался он с пятерыми сыновьями.

Все пятеро выросли добрыми джигитами, а аул с тех пор стал называться — Пятеро сыновей.

64. Аулы Ямаш и Юмаш

В старые времена на берегу реки Сакмары проживал старик Арслангали из бурзянского рода. Всю свою жизнь тот старик провел на охоте — бил волков и медведей, стрелял разную дичь.

Состарившись, он обучил своему ремеслу сыновей Ямаша и Юмаша, сам же сменил сукмар и хызму-самострел на силки и капкан и стал охотиться только на мелкую дичь вроде зайца или бобра.

Ямаш и Юмаш имели привычку выезжать на охоту каждый сразу на двух конях. Едут на двух конях, а других двух оседланных ведут за собой.

Как-то, преследуя волка, сменили они своих лошадей. Но только те, которых заменили, не вернулись домой. На утро Ямаш и Юмаш отправились искать пропавших лошадей. Не успели они въехать в лес, как увидели крупные волчьи следы, уходящие к горам Урала. Ямаш и Юмаш, забыв о пропавших лошадях, поехали по тем следам. Ни на второй, ни на третий, ни на четвертый день не могли они выехать на поиски лошадей, потому что начались затяжные бураны. На шестой день выехали они на просторную поляну, но опять не увидели своих лошадей. Так прошла зима, наступило лето. В сенокосную пору Ямаш как-то спустился к реке, чтобы срезать сук для валька. Тут ему и почудилось лошадиное ржание. Пошел он на звук и видит: лошади их пасутся в том же оседланном виде, в каком братья оставили их зимой. Привели они домой лошадей, и Ямаш рассказал отцу, как было дело. Сильно удивился тому отец, долго ломал голову и сказал сыну так: «Сынок, ты уже взрослый, женись и переселяйся на берег той реки, где зимовали эти лошади. Ты должен найти свое счастье именно у той благодатной реки».

К осени Ямаша женили, и он поселился на берегу реки, где провели зимовку пропавшие лошади. С той поры реку ту стали называть «Кышлау бар» («Есть зимовка»). Позднее это название превратилось в Кышлауар. Поляну, где лошади всю зиму провели в тебеневке, называли «Типкес ялан» (Поле тебеневки), а ручей, где лошади утоляли жажду, стали называть «Типкес шишма» (Ручей тебеневки). Ту лужайку, где устали лошади, стали называть «Атьетэр» (Лошадь доедет), а родник возле лужайки — «Атьетэр шишма» (Родник, куда доедет лошадь).

Это место действительно оказалось благодатным. Скотина Ямаша размножилась в табуны и косяки, рассеялась вокруг обильными стадами. Родные и близкие Ямаша тоже стали селиться на берегах реки Кышлауара. Так образовался большой аул. Воды Атьетэра и Типкеса впадают в Кышлауар. В честь первого поселенца аул тот называли Ямашем.

Женившись, Юмаш тоже хотел поселиться на берегу той же реки. Но отец не разрешил: «Сынок, чужое счастье не тебе будет,— сказал

он.— Свое счастье сам и ищи. Дойди до того места, где речка Кышлауар впадает в Сакмару-реку, и отправляйся оттуда вниз по Сакмаре. Пей из каждой речки, впадающей в Сакмару, какая тебе понравится, на берегу той речки и поселяйся».

Юмаш поступил так, как посоветовал ему отец. Вернувшись домой, он сказал отцу такие слова:

По течению Сакмары
Я прошел верст тридцать вниз.
Из трех рек, сойдя с тулпара,
Воду пил и травы грыз.

До четвертой я доехал,
Спрыгнул с верного коня.
И долина та навеки
Стала домом для меня.

И отец благословил сына на новое поселение.

Та речка тоже оказалась благодатной. Через два-три года скот Юмаша тоже размножился, рассеялся на новом месте стадами да табунами. На берегу реки образовался еще один аул. Пока старик был жив, он называл ту речку Куасле. Позднее ее стали называть Куашле. А аул получил название Юмаш.

65. Сынташ

Второе название нашей деревни Ишмухаметово — Сынташ, что означает фигурный камень, каменная баба или истукан.

В прежние времена на месте этого аула стояло такое вот каменное изваяние, очень напоминающее человека: голова, руки, пояс, и все это обозначалось очень четко. Видно, так его когда-то и высекали. Говорят, на камне были какие-то знаки, похожие на тамги (знаки).

Камень был поставлен на могилу очень благородного и почитаемого человека. Ночами он светился и потому люди его называли священным камнем. Старики говорят, что камень тот был цел и невредим еще сто или сто пятьдесят лет назад. Однажды он сам собой раскололся. С тех пор угасла в нем светящаяся сила. А потом он и вовсе куда-то исчез.

Вот от того камня и осталось название нашего аула ¹.

Сами мы потомки казахов-чурбаи. Наши предки отделились от казахов и обосновались на Уклы-Карагае — Стрельчатой сосне. А потом перебрались на это место. Общаясь с башкирами, изменился наш язык, и сами мы стали башкирами.

В ауле нашем много потомков башкирского рода Юрматы.

66. Вскормленный собакой

(Этимген)

В прежние времена у одной женщины никак не выживали дети. Тогда ей посоветовали: если родится ребенок, дайте ему пососать собачьего молока.

Через какое-то время у женщины родился ребенок. Она нашла оцепеневшую суку и дала своему ребенку пососать ее вымя. Тот ребенок остался жить.

От того и осталось название аула. Сейчас его называют другим именем — Абсалямово. Иногда называют Малым аулом. Настоящее же его название — Этимген — Вскормленный собакой¹.

67. Учалы

Был в старину аул в здешнем месте или не был, сказать не могу.

Однажды на башкирские земли пришел хан по имени Аксак Тимер¹. Пришел он и попросил башкир выдать за него их девушку. Ему решили дать девушку из своего рода. Хан щедро за нее заплатил и в полном согласии уехал на свою родину. Через некоторое время он приехал, чтобы забрать свою невесту. Но теперь башкиры неожиданно воспротивились его желанию. Не отдали девушку. Сильно разгневался на это хан. Мстя за свою честь, он разорил и выжег все кочевья и юрты здешних башкирских родов. Сильно пострадал народ от того разора. Долго не забывали они жестокого хана, проклятьями и лихом его поминали. Позднее эти места стали называть Усь алды. Отомстил. Слово «Учалы» произошло от того названия.

68. Деревня Абзаново

Первым на землю деревни Абзаново пришел беглец Кумырык с берегов реки Уйыл. Сказывают, что он был самым старшим братом

Кузый-Курпеса*. Оказывается, появился он в тех местах, бежав от гнева Ивана Грозного. Когда он обосновался в стане Пугачева (здесь со своим войском был Пугачев), у него родился сын. Так как появился он в пору бегства отца от воинской службы, назвали его Табантаем.

В те времена здесь росли густые леса, из крупных и высоких деревьев. Много здесь было хищных зверей — и медведь, и волк. Это только теперь даже зайца найти трудно.

Вырос Табантай, стал джигитом. Когда пришел возраст, подыскали ему невесту. Так и жил он со своей женой в темном лесу. И родилось у него девятеро сыновей. Девять-то девять, да может, не все от него. Наверное, был среди них и такие, что нашлись в том лесу. Первенца, самого старшего из сыновей, звали Абзгильде. Он продолжал жить там, где и отец. По его имени стал называться и аул — Абзгильде или Абзан.

Старик Абзгильде жил очень долго. Когда он покинул свет, его похоронили на берегу реки, на могиле его посадили сосну; над изголовьем написали по-арабски. Тот камень существует и поныне. На нем написано: «1881, 11 апрель, Абзгильде, я иллахи иллала, мухаммади рассулла»**.

Остальные восемь сыновей Кумырыка разошлись в восемь разных сторон, поделили землю, основали свои аулы. Таким образом, появились девять новых деревень: Тавакяс, Абзаново, Кумэрле, Кызыльяр, Тимербаево, Озондар, Тирякле, Айтмамбетово, Азау.

Деревни Абзаново, Азау, Тирякле стали бурно разрастаться. В них переселились те башкиры, что остались без земли и воды.

В ту пору почти не было грамотных людей. Народ верил в мусульманскую религию, отличался невежеством. Основным оружием были лук да стрелы. Тем оружием охотились они на птиц и зверей. Облачались в холстяную одежду; орудия труда изготовляли своими собственными руками. Люди жили в домах с маленькими окошками, которые не выходили в сторону улицы — не велел шарият. Домики стояли в укромных лесных местах, там, где местность пониже — боялись дыма из очагов. Народ прежде жил в страхе, боясь и нападения казахов, и нашествия русских богачеев. Страшились того, что их заставят принять русскую веру.

Вот так существовал до революции наш башкирский народ. Только после Октября исчез у народа страх, открылся ему путь праведный. Сами знаете, и русские, и башкиры, и другие народы живут нынче, как родные. К этому счастью привел их Ленин.

---

* Кузый-Курпес — герой башкирского эпического сказания.

** Слова из корана (примеч. переводчика).

69. Аул Сарт-Наурузово

На том месте, где река Зилим сливается с Агиделью, стоит аул Наурузово. История его такова.

В старые времена старик по имени Кальсир указал здесь место тем, кто вернулся из Бухары. Старшее поколение приезжих разговаривали на языке «сарт», и потому башкиры называли их сартами.

Сарты основали аул. В том деле им очень помог человек по имени Науруз. Название аула Сарт-Наурузово, таким образом, связано с именем того человека.

Сарты зажили вполне благополучно, и только зимние холода очень уж их изводили. Некий старик придумал даже песню:

Бродил бы по полям широким я,
Да снег лежит по пояс во дворе.
Я в чапане гулял бы шелковым,
Да тот чапан остался в Бухаре.

70. Аул Сарт-Аптеряшево

В Бухаре проживали два джигита-сарта (узбека). Одного из них звали Мондоших, другого — Толоших. Они обвиняли хана в том, что он проповедует неверную религию. Однажды они, собрав войско, выступили против бухарского хана. Тот бежал в Бессарабию. Там он набрал войско и через некоторое время вернулся в Бухару и подавил мятеж братьев. Братья бежали в Казахстан и нашли прибежище у Алатай-хана. Братья были начитанными, образованными людьми.

Однажды на Алатай-хана напало войско, что пришло из Бухары, и братья попали в плен. Алатай-хан выкупил братьев за скотину и отпустил их на свободу. Братья пришли на Урал. Мондоших и Толоших женились и стали там жить. У Толошиха детей не было, а Мондоших имел большое потомство. У него был сын Мустай. Аул получил название Мустай. Он расположен в шести километрах от Магнитогорска. Из того аула люди пришли и основали деревню Аптеряшево. А так как там проживали наследники сартов, то деревню ту стали называть Сарт-Аптеряшево.

71. Кашкарово

В прежние времена напавшие калмыки бежали, разбитые, и от них остался мальчик.

Утром мальчик ходил по полю и плакал, приговаривая: «Акэ, акэ»*. Один из жителей аула привел того мальчика домой, вырастил его, сделал джигитом. Поначалу у мальчика не было имени, и его называли Акэу. Подумав, решили: «Земля, где он родился, называется Кашгар, так дадим же и мальчику имя Кашкар». Так его и назвали — Кашкар.

Однажды пришла от царского правительства бумага. Там была просьба прислать своего посланца.

Собрались аульские старики, стали советоваться: «Тут, наверное, есть какой-нибудь подвох», — и решили они отправить посланцем Кашкара. Когда Кашкар прибыл на место назначения, ему сказали, что он будет головой нескольких деревень, дали ему специальную бумагу и отправили домой.

Ту реку, на берегу которой нашелся тот калмыцкий мальчик, стали называть рекой Акэу. Аул, где он стал головой, — Кашкаровым¹. И фамилия Кашкаровых, и калмыцкая слобода — идут от тех событий.

72. Деревня Убалар

Там, где ныне расположен аул Убалар, прежде жили калмыки. Подтверждением того являются восемь или девять оставшихся от них землянок. Название аула тоже осталось от калмыков.

Возле деревни протекает речка Аргынъяш, которая вырывается, как поток слез.

Кылысбай-батыр из деревни Сыскан Катайского рода бывал и в наших местах. Женщины деревни Осконло, расположенной у подножья горы Аузырдяк, слышали песню Кылысбая за семь километров и начинали неверно тянуть соски коровьего вымени, так что струйки молока падали на землю.

Песню Кылысбая поют до сих пор:

Я оседлал коня гнедого нынче
И поскакал на нем путем степным.
Мужчин достойных узнаешь привычки
Уж потому, что чужды сплетни им.

* Акэ — папа.

73. Деревня Расулево

Там, где находится сейчас деревня Расулево, в прежние времена простирались голые степи, заболоченные в иных местах. Прежде чем оказаться в этих местах, Расул-дархан¹ кочевал с одного места на другое, в поисках удобного становища. У него было множество табунов лошадей и скота, и он перегонял их с кочевки на кочевку. Оказавшись здесь, он решил обосноваться надолго.

Река Кандыбулак разделяет деревню Расулево на две половины. Расул-дархан поставил свою юрту на левом берегу реки, у подножья холма.

Однажды перед юртой Расул-дархана остановились калмыки. Залюбовались они на лошадей-красавцев Расул-дархана, и один из них обменял мальчика Тайсына, еще лежавшего в зыбке, на коня-стригунка. У Расул-дархана и у самого были дети. Старший из них был не согласен с такой сделкой отца. «Этот чужак никогда не принесет нашему роду благополучия», — заявил он и решил убить калмыцкого мальчика.

Тайсына держали в берестяной колыбели.

Однажды старший сын Расуля взял лук и стрелы и, сказав, что уходит на охоту, забрался на вершину холма. Он отобрал самую лучшую стрелу и, прицелившись, выстрелил в мальчика, лежавшего в колыбели. Но стрела угодила не в мальчика, а в ступицу колеса, лежавшего рядом с колыбелью. А ведь старший сын дархана считался очень метким стрелком, и мог попадать в цель с 200—300 метров. А тут не попал с каких-то 150—200 метров! Удивился он и, повторяя: «Если смертнику не вышел срок, то убийце не дано убить», — вернулся, не став больше стрелять.

Подрастал Тайсын, стал джигитом. К Расул-дархану относился, как к родному отцу. Тот выдал за него замуж девушку из своего рода и поселил на западе реки Кандыбулак.

Таким образом, аул, что на левом берегу реки, стали называть Расулем, а тот, что на правом, — Тайсыном.

Позднее его перестали называть двумя названиями — говорили или Расулево, или Тайсыново. Сейчас истинным названием считается Расулево. Старики же по-прежнему зовут его Тайсыново.

74. Крепостной Зилаир

В старину, очень-очень давно, выше этой деревни Искужино, всего в каких-нибудь десяти километрах, росли такие густые сосновые леса, что никакой всадник не смог бы по ним проехать. Один русский боя-

рин попросил себе в этих местах земли размером с бычью шкуру¹. Башкиры дали свое согласие. А тот русский разрезал шкуру на тончайшие ремешки, связал их между собой, затем забил в том лесу колышек, привязал к нему один конец ремешка и пошел-потянул его во всю необъятную длину. Вот так и обхватил он тем ремешком хороший сосновый лес, тянувшийся на десяток верст. С тех пор и началась тяжба между башкирами и тем боярином, переходившая в прямые стычки. Боярин вызвал конных казаков. Башкиры смолой прикрепили паклю к ножке голубя, поднесли его к деревянной крепости боярина и, подпалив паклю, выпустили того голубя. Вскоре весь хутор богача был охвачен пожаром.

И такие пожары случались здесь много раз. Поджигали по-разному, а чаще всего — запуская горящую стрелу. Стоит такой стреле угодить в какую кошну или стог — и все вокруг начинает полыхать огнем.

Видя, что дело обретает серьезный характер, наехали всякие начальники, угрозами и обманом вынудили башкир перебраться на новое место. Вот с тех пор и зародился на этом месте аул Искужино. А русское село, где обосновался русский боярин, стали называть Крепостным Зилайром.

75. История деревни Набиево

Много лет тому назад старик Сатыбал гостеприимно встретил какого-то путника, пешком спускавшегося с противоположной горы. Этим путником оказался Филатов¹.

— Почему живете разрозненно? — спросил Филатов старика. — Надо селиться аулом.

Филатов собрал всех пастухов и присмотрщиков скота, живущих хуторами, и провел сходку. Он объяснил им, как полезно и выгодно жить не разобщенно, а всем вместе — одной деревней. После этого здесь возникла улица, уходящая одним концом к югу, в сторону кибла*. Там же получил место и обосновался старик Сатыбал, его дети да и другие люди тоже.

— Теперь надо дать деревне какое-нибудь название, — сказал Филатов и предложил дать имя старика Сатыбала. Но тот воспротивился и назвал имя другого старика — Набиуллы, что жил на противоположной стороне.

С тех самых пор наш аул носит название Наби.

---

* Кибла — та сторона, где находится Черный камень гробницы пророка Могомета. Конкретно — юг (прим. переводчика).

76. Катай

Когда-то после жестокого сражения, уходя от царских войск, заметая следы, наши предки оказались в этих местах, в челябинской стороне.

Старик Катай — от потомства катайцев. У него было двое сыновей; один из них обосновался у реки Агидели, а сам он вместе с младшим сыном перебрался в эти края. В ту пору, когда старик Катай пришел сюда, здешние места были покрыты сплошными темными лесами. Поставили бревенчатый дом; повырубав деревья и выкорчевав пни, засеяли немножко зерна. Главным же занятием было изготовление дегтя из срубленных деревьев, а также выжиг древесного угля.

С некоторых пор в эти края стали перебираться пришлые люди со стороны Рязани и берегов Оки. Начались распри из-за земли. Тогда катайцев, что происходят от рода Кусюма и Колсона, переселили сюда, где мы теперь живем. В Новокатаево. И до сих пор еще аул делят на две части: Катайская сторона и Типтярская сторона.

Сразу за аулом протекает река по названию Биклянде.

Примерно лет сто назад сюда заявился какой-то помещик-алпаут, купил земли, привел с собой землемера и поделил прибрежные места. Так как те места были отныне отгорожены и отошли от катайцев, то их земли остались как бы запертymi. Не удивительно, что реку стали называть Биклянде — Заперта. А местечко стали называть «Земля боярской стороны» («Бояр ягы ер»).

А боярином тем оказался военный врач Петр Чайковский, приехавший сюда из Киева. У него было четыре дочери. Всем четырем распределил он имения, подарил земли, а когда состарился, земли его отошли им полностью.

На башкирскую землю приехали и марийцы. На землю катайцев первым приехал их старик по имени Тукмак. Когда башкиры стали испытывать стесненность и нехватку земли, они стали теснить марийцев в сторону нынешнего аула Тукбирде. Говорят, что раньше аулчане имели свое шежерэ*.

77. Канлы-туркэй

(Кровавый Туркэй)

В прежние времена в этих местах среди кочующих башкир проживал семнадцатилетний джигит-батыр по имени Туркэй. Собрав вокруг себя смельчаков, он воевал против русских заводчиков, грабив-

* Шежерэ — родословная книга

ших башкирские земли. Он захватывал казну заводчиков и раздавал ее простым людям. Однажды, когда заводчане готовились к решительному выступлению, Туркэй был вынужден бежать и скрываться в пещере. Говорят, что у него было много денег.

Туркэй основал аул. Там поселились люди из рода Канлы; аулу дали название Туркэй, или иначе — Канлы-Туркэй. Позднее Туркэй сражался против войска Белой царицы на стороне Салавата.

В Канлы-Туркэе был еще один батыр по имени Исэкей. Он тоже сражался в стане Салавата вместе с Туркэем. Спустия много лет после гибели Туркэя старый житель аула Канлы-Туркэй по имени Яныша нашел мешок денег, принадлежавший Туркэю, и сильно разбогател.

78. Килькабызово

В прежние времена наши предки участвовали в восстании Степана Разина ¹. Когда восстание было подавлено и начались преследования и казни людей, трое братьев бежали на восток и оказались в этих вот местах. Они построили здесь себе дома и основали будущий аул. Старший из братьев был очень начитанным, ученым человеком — абызом, и потому все в округе относились к нему с большим почтением, и когда он появлялся в том или ином ауле, с радостью восклицали: «Килгэн абыз!» («Пришел абыз!»). Этот аксакал повсюду пользовался большим почтением у всех. От того восклицания — «килгэн абыз» — и образовалось название нашего аула — Килькабызово.

Вольнолюбивый и отчаянный народ этого аула участвовал и во многих других бунтах и битвах. Очень многие находились в числе пугачевской рати. Они жили в больших лагерях. Одну из гор, что находится в нынешнем бакалинском лесу, и где располагался лагерь пугачевцев, так и называют — гора Пугачева.

Очень большой лагерь Пугачева находился чуть дальше нашего аула в местечке Ногайбеково. Там и поныне сохранился каменный мост. Его называют мостом Пугачева.

79. Аул Канны-туркяй

На красивых берегах Сармасана издревле проживали башкиры, которые разводили скот и занимались охотой. Это — башкиры рода Минли, минцы.

Но вот однажды напали на них коварные захватчики чужих земель и прогнали башкир с насиженных мест. Минцы ушли на восток и вынуждены были пристать к башкирам, проживавшим на отрогах Ирендыка. В те времена был там прославленный батыр по имени Туркяй. И тот батыр собрал вокруг себя лучших джигитов, призвал в их ряды минцев, обиженных врагами, и пошел войной на тех, кто захватил побережье Сармасана. И вот на высоком берегу этой реки произошло кровопролитное сражение, в котором верх взяли воины Туркяя. Они оказались и более выносливыми, и более терпеливыми. Враг был отогнан с побережья Сармасана. Туркяй-батыр был тяжело ранен в том сражении и вскоре умер. Минцы остались на месте того сражения и раскинули там юрты. Чтобы увековечить память батыра, который так много им помог, аулу дали название Канны-Туркяй — Окровавленный Туркяй¹.

80. Каныкай

По словам стариков, название нашего аула Каныкай идет от имени человека. За славные подвиги на войне Белая царица решила одарить демского башкира Каныкая большими деньгами. Но Каныкай не взял тех денег и возвратился в родную сторонку. На берегах Дима его радостно встретили в юртах родичи, расспрашивали, в каких войнах ему пришлось участвовать и где бывать. Каныкай был не только отважным, но и прямым, откровенным человеком. Вот и рассказал он обо всем честно и открыто. Молча, с недовольством разошелся яйляуский народ. «Оказывается, ты поднял руку на своих же башкир, которые поднялись на защиту наших земель, нашей свободы, наших гор и лесов, на нашу страну, родной наш Урал», — сказали они. — «Тебе нет места среди нас». И Каныкай уехал. Прошел с верховьев Дима до его устья. И нигде не мог он пристать. Однажды, когда он бродил так неприкаянно, не зная, где прижиться, остановился он в сумерках у какого-то косогора.

Ночь наступила. Вдруг ему показалось, что под тем косогором задвигались камни. Конь Каныкая заржал и встал на дыбы. Неожиданно стало светлым светло. И тогда из скал вышла девушка невиданной красоты, поднялась на вершину косогора и зацела:

Взойдем на Сагылтау, джигит отважный,
С его вершины даль степей видна.
При жизни цену людям мы не знаем,
Умрут — и познается им цена.

О камни Сагылтау клинок свой к бою
Отточись и в ножны введешь его.
И, если верен ты, своей рукою
Боль отведешь от сердца моего.

Не выдержав тех пронзительных слов и напева песни девушки, конь звонко заржал, огласив всю окрестность. И от его ржания содрогалась гора Сагылтау. Девушка услышала его голос и, приставив руку к бровям, стала смотреть вниз с вершины той горы. Увидев Каныкая, она не спеша спустилась к нему. Спустившись, склонила перед ним голову.

Та девушка была разлучена врагами со своей страной и, преследуемая ими, скрывалась в этих местах. Каныкай был безмерно рад тому, что девушку надо спасать от врагов. Они вместе отдохнули на склоне горы, потом девушка повела его в сторону своего яйлау. За ту девушку-красавицу Таубикэ нещадно расправился джигит с коварными врагами. Только джигиту не суждено было вернуться к своей Таубикэ — остался он лежать на поле сечи. И родились у Таубикэ от Каныкая трое сыновей по имени Сафар, Каскын и Исламгул. И растила она их на тех горах, которые были дороги ее сердцу, и помогали ей растить детей беркуты да соколы. Те места, где осели сыновья Каныкая, стали называться их именами. А главный аул именовался Каныкаево. Вот откуда пошли аулы Каныкаево, Каскыново, Сафарово и Исламгулово.

81. Аул Куръятмас

(Деревня «Тетерев не останется»)

Лет четыреста назад Саит-батыр решил взять себе в жены дочь Амир-бия из Усергеновского рода. Однако Амир не захотел выдавать за него свою дочь. Тогда Саит нагрязнул с большой силой, но его побил усергеновский батыр Кутур. Саит вынужден был с позором воротиться в родные края. Но он на этом не угомонился, вновь стал собирать себе войско и вновь пошел на усергеновцев. Те не были подготовлены к новому нападению и бежали, разбившись на две части. Одна часть подалась в Китай, другая ушла на запад (в Куръятмас).

Только в Куръятмасае тогда жили мадьяры. Усергеновцы стали жить вместе с мадьярами. На нынешний день есть примерно семьдесят хозяйств, ведущих свою родословную от мадьяр. Людей Усергенова рода привел сюда человек по имени Сагадаткирей сын Саитгали. К моменту их прихода на земле Куръятмаса давно уже жили люди аула Ябалаклы, выходцы демской долины. Ябалаклинцы — асабинские башкиры. Есть река по названию Куръятмас. В ауле Ябалаклы проживал искусный охотник по имени Мухаматвали. Он охотился на птицу и зверя. Однажды он пошел охотиться на тетеревов. Но тетерева, словно зная его меткость, бежали от него на всем его пути. Нигде не мог он застать сидевшего тетерева. Потому аул тот и назвали Куръятмас.

82. История аула Кыпсак-Аскароро

В древние времена кара-кыпсакские башкиры значительное время проживали на киргизских землях. Оттуда они перекочевали на отроги Ирэндыка и стали считаться башкирами-асаба (вотчинниками). В поисках земель и вод для своих стад и табунов оказались они там, где ныне расположен город Уфа. Но и эти края их не удовлетворили, и они в качестве припущенников направились туда, где находятся сегодняшние аулы Сурай и Каипкулово. Они-то и основали аул Кыпсак-Аскароро. С тех пор, как прибыли сюда наши предки, прошло ни много ни мало — 500 лет. В ту пору города Уфы¹ еще не было.

Однажды между жителями Сурая и кыпсаками вышла ссора из-за земли. Кыпсаки решили отомстить своим соперникам. Но кыпсакский батыр Акман-дархан сказал: «Не возьмем ли мы на душу грех, убив этих сурайцев?» И тем самым уговорил народ. Потому кровавого столкновения между соседями не случилось. Вопрос о земле решили мирным путем. И в дальнейшем они действовали в полном согласии друг с другом.

Акман-дархан был истинным батыром — исполинского телосложения и могучей силы. Приходя в гости к людям, он входил, внося вместе собой и дверь. В то время, когда Иван Грозный брал Казань², Акман-дархан как раз находился в Казани, участвовал в сражении, выказал настоящий героизм. Затем вернулся на родину. Он относился ко второму поколению тех кыпсаков, что обосновались в этих местах.

Позднее часть жителей Кыпсак-Аскароро выделились и основали аул Новое Аскароро. Здешние аулы Тюбетеево, Сарышево, Туктарово, Бурзян относятся к Бурзянскому роду. Жители этих аулов не «асаба», а припущенники (пришельцы). Половина жителей аула Ильсегулово бурзянцы, половина — асаба (аул Минле).

83. Кандра-Аминево

В прежние времена, когда богатеи стали отнимать земли и воды, простые люди поднялись с оружием в руках против царя. Происходили жестокие битвы и сражения. В боях шли пешком от Оренбурга до самой Казани. Очень страдал и мучился народ; уничтожался в тех сражениях и скот. Началось уничтожение башкир. На месте аулов оставалась черная зола.

Особенно ожесточенные сражения происходили на берегах реки Ай. Предводительствовал восставшими башкирами Салават-батыр. Много сил приложили каратели, чтобы схватить Салавата. Наконец, он был пойман и отправлен по этапу. Потом стали преследовать всех тех, кто принимал участие в восстаниях и захватывали одного за другим. Когда жить на берегах реки Ай стало невозможно, наш предок старик Амин взял с собой свою старуху, детей, взрослую свояченицу и ушел куда глаза глядят. Он скрывался в горах и лесах, пока не вышел к берегам озера Кандракуль. Там и стал он жить, перебиваясь охотой.

В те времена берега озера Кандракуль были покрыты густыми лесами. Много там было всякой дичи, птицы и рыбы.

Однажды во время охоты повстречался старику Амину какой-то молодой джигит. Едва увидев его, старик навел на него лук со стрелой, готовясь выстрелить. «Не стреляй в меня, бабай*, я такой же обездоленный человек, как и ты сам», — сказал джигит. Старик воздержался пускать стрелу. Он повел джигита вместе с собой, привел в свой шалаш, угостил чем мог.

Джигита звали Туйышем. Вместе стали они ходить на охоту. Стреляли диких коз — косуль, ловили лосей, рыбу. Джигит счел по нраву старика, и он выдал за него свою свояченицу. От них-то и пошло потомство. Поначалу селились вокруг озера, а когда подросли дети и внуки, стали селиться по разным местам.

С тех пор и осталось название Кандра-Аминово.

84. Деревня Ибраево

Прежде проживал один ремесленник по имени Ибрай. Сначала он попытался варить мыло — получилось мыло; затем он изготовил спички. «А почему бы мне не попробовать изготовить оружие?» — подумал Ибрай. А происходило это при царе Николае (не могу сказать при каком из Николаев — при Николае I или Николае II).

Искусным человеком был Ибрай. Вот и порох он изготовил отменный. Кое-кто заметил, что он готовит порох. Кто-то пожаловался на него царю. Один из государственных людей потребовал Ибрая к себе и стал допытываться:

— Почему ты без позволения изготавливаешь оружие?

— На сегодняшний день я не изготавливаю никакого оружия. Да и тогда я занимался этим для того, чтобы испытать свое мастерство да умение, — отвечает Ибрай.

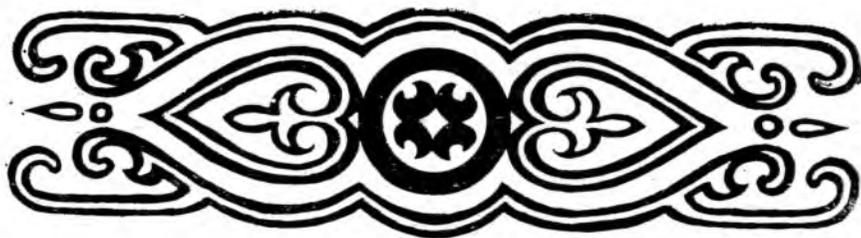
Не знаю, поверил или нет царский человек словам Ибрая. Во всяком случае он не стал его сильно наказывать, а только велел переме-

* Бабай — обращение к старому человеку, дедушка.

нить место жительства. Ибрай был вынужден оставить Уфимский уезд и перебраться в Касатурский уезд. Ибрай не стал уезжать далеко. Он поселился неподалеку от аула Лагыр (Лагерное) Касатурского уезда — в пяти километрах от нас. В честь Ибрая прежняя деревня Сонка стала называться Ибраево.

В ауле до сих пор имеются наследники Ибраевых. Старик из их рода по имени Хашим дожил до 102 лет. Долго прожили и Яркяй с Ярмухаметом. У них было по 6—9 сыновей.

В нашем ауле проживают наследники трех родов: сулымы, туктахын, мимисы. Ибраевы входят в число мимисов.

Предания и легенды о возникновении племен, родов

85. Потомство рода Алпамышей

В очень древние времена жили батыры — необычайные исполины — из рода Алыпов. Через такие небольшие горы, как Магаш, они просто-напросто перешагивали, а чащи островерхих тополей вырывали с корнем, как траву, считая, что те рвут подгузно штанов.

Один из таких Алыпов, вернувшись с поля сражения, вытряхнул пыль, скопившуюся в кожаной обуви, и из нее образовались нынешние Алыповы горы — две горы из пары его обуви. После этого тот великан сделал семь шагов назад, и на месте его следов образовалось семь полян¹. Позднее те семь полян стали становищем семи башкирских родов. Сказывают, древнейший род башкир берет начало именно от тех Алып-батыров, от одного из них по имени Алпамыша.

86. Происхождение башкир

В давние времена наши предки кочевали с одного места на другое. У них были целые табуны скота. Кроме того они занимались охотой.

Однажды в поисках лучших пастбищ откочевали они с прежних мест. Долго шли они, прошли очень большой путь, и вдруг наткнулись на волчью стаю. Волчий вожак отделился от стаи, встал впереди кочующего каравана и повел его дальше. Долго шли наши предки за волком, пока не дошли до благодатной земли, богатой реками, тучными лугами, пастбищами, лесами, кишачими зверем. А ослепительно дивные горы

здесь достигали облаков. Дойдя до этого места, вожак остановился. Посоветовавшись между собой, аксакалы рода решили: «Нам не найти земли прекраснее этой. Подобной нет во всем свете. Остановимся же здесь и сделаем ее своим становищем. И стали жить на этой земле, красоте и богатству которой нет равной на свете. Поставили юрты, стали заниматься охотой, разводить скот.

С тех пор наши предки стали называть себя «башкорттар» т. е. людьми, пришедшими за главным волком. Раньше волка звали «корт». Башкорт — значит «главный волк». Вот откуда произошло слово «башкорт».

Вариант 1-й

Башкирское племя пришло с турецких краев ¹. В турецком городе Гарбалаэ жили четыре брата. Жили они дружно, и каждый из них обладал ясновидением. Однажды старший из братьев увидел сон. Во сне ему некий человек сказал так: «Уходите отсюда. Вы не те люди, что должны жить здесь, вы — святые. Отправляйтесь на восток, там найдете себе лучшую долю».

Утром он рассказал свой сон братьям. «Где это лучшая доля? В какой стороне восток?» — спросили те с недоумением. Никто ничего не знал.

На второй день старшему брату снова привиделся сон. Тот самый человек опять говорит ему: «Покиньте этот город. Угоните отсюда свой скот. Как только вы тронетесь в путь, навстречу вам попадет волк. Он не тронет ни вас, ни скот ваш — пойдет своей дорогой. Вы идите за ним. Когда он остановится, остановитесь и вы».

Утром братья отправились в путь. Не успели оглянуться, навстречу им выбежал волк. Те пошли за ним. Долго шли они на восток, и, когда добрались до места, где сейчас находится Кугарчинский район Башкирии, волк остановился. Остановились и четыре брата, шедшие за ним. Выбрали себе землю в четырех местах и там обосновались. У братьев было трое сыновей, они тоже выбрали себе землю. Так они стали владельцами семи участков земли. И отсюда среди башкир распространилось слово «семирод». Поскольку их предводителем был корт (волк), семиродцев прозвали «башкортами» (главный волк). Так от этих семи братьев пошли башкиры.

Вариант 2-ой

Давным-давно в этих местах, богатых лесом и горами, жили старик со старухой из кыпчакского рода. В те времена на земле царили мир и покой. На необозримых просторах степей бегали ушастые косоглазые зайцы, косяками паслись олени и дикие лошади-тарпаны. В водах водилось множество бобров и рыбы. А в горах находили себе пристанище красавицы-косули, степенные медведи, соколы-белогорлики.

Старик со старухой жили, не тужили: пили кумыс, держали пчел, занимались охотой. Много ли, мало ли прошло времени, родился у них

сын. Старики только им и жили: берегли его, поили рыбьим жиром, заворачивали в медвежью шкуру.

Мальчик рос подвижным, шустрым, и скоро медвежья шкура стала ему мала — так он вырос и возмужал. Когда умерли отец с матерью, он отправился куда глаза глядят. Однажды в горах джигит встретил девушку-красавицу, и они стали жить вместе. У них родился сын, когда вырос — тоже женился. Появились дети и у них. Род увеличивался, умножался.

Шли годы. Эта родовая ветвь постепенно превратилась в большой род. Отец их был главой этого рода. Слово «башкорт» происходит от баш (голова), — кор (род), т. е. оно означает «главный род».

Вариант 3-ий

Башкиры пришли со стороны Алтая. Предводителем их был Коркуд¹. Вышел он вперед, лег на зеленую траву и, играя на домбре, произнес улень*.

Я — посол, не гоните меня,
Не троньте и род мой,
Кто тронет, тот будет убит мной.

В ответ ему кто-то сказал:

— Впереди для вас могила вырыта, не ходите туда, возвращайтесь обратно.

— Впереди нас ожидает благоденствие, позади — проклятье. Мы пойдем вперед, — ответил Коркуд.

После этого башкиры расселились в долинах Агидели (Белой).

87. Потомство волков

Мы — потомки рода Волков — Бурё. Раньше были Усергенами. Когда наши предки вели кочевую жизнь, им встретилась мать Волчица. Когда один охотник хотел ее подстрелить, Волчица заговорила человеческим голосом: «Не стреляй в меня, возьми за хвост и ударь по земле». Ударил охотник по земле, и волчица обернулась девушкой-красавицей. Охотник привел ее домой и женился на ней. Усергенцы не приняли такую невестку и прогнали семейство охотника. Ушел он от них, обосновался в стороне. Родились у него дети, образовался новый род.

* Улень — дпро-эпическая песня, народное стихотворение.

И так как главой рода была волчица, то и род стал называться Волчьим. А родоначальника того самого охотника — стали называть Башбуре — Главным волком. Вот мы и есть из рода Башбуре.

88. Река Бурелэ

Один башкирский глава рода перед смертью поставил караул у ворот и приказал: «Какое бы живое существо не подошло первым к воротам, убейте его и похороните на этом месте».

Недолго стоял караульный у ворот — вышел внук родоначальника. Караульный пожалел его, не тронул. Когда ребенок ушел, выбежала собака. Стражник убил ее, похоронил у ворот и сообщил об этом родоначальнику. Тот, собрав последние силы, промолвил: «Если бы ты убил ребенка и похоронил его здесь, после меня что-нибудь бы осталось. Сейчас у ворот лежит собака, и потому после моей смерти вам придется откочевать. Когда будете рыть мне могилу, из нее выйдет корт (волк), идите вслед за ним. В том месте, где он исчезнет, там и жить оставайтесь». С этими словами родоначальник скончался.

И вправду, когда ему рыли могилу, из нее вышел корт (волк), и люди пошли за ним. У истока одной безымянной реки волк исчез. Здесь и обосновались башкиры. А реку стали называть Бурелэ, что означает Волчья.

89. Семиродцы

Южнее нас в давние-предавние времена жили туркмены, найманы, таджики и ногайцы. Они без конца враждовали между собой из-за земель. Однажды ногайцы оставили свои земли и взяли путь на север. В дороге им встретилась волчья стая. Тогда глава ногайцев сказал: «Там, где стая остановится, мы и обоснуемся».

Волчья стая, разделившись, расселялась в лесах Урала и долинах Агидели. Ногайцы тоже разделились на родовые группы и обосновались в семи местах.

Тамьянцы и катаянцы остались в верховьях Агидели. Ниже остановились бурзянцы, еще ниже — тунгаурцы. А у истока реки остановился белый род башкир(цев). Кипчаки заняли долины реки Ик, а наши края — занял род усергенцев.

Позже между этими родами и казахами началась вражда, они совершали набеги (барымта) друг на друга. Во времена барымты среди башкир выделялись батыры: у долины Кесе Сурэм — Сура-батыр, в Юлдашево — Күк кашка-батыр, в Муйнакове — Котор-батыр.

После многих столкновений Котор-батыр вынужден был покинуть родные края. Место, где обосновался Котор, — верховья реки Садалы — называется Муйнак йорто. Несколько позже Муйнак, сын Котора, расселил своих четырех сыновей на землях, где жил их дед. Отсюда и образовались деревни: Верхне-Муйнаково, Нижне-Муйнаково, Мало Муйнаково.

Дорогу, по которой уходил Котор-батыр, называют Кюс-юлы (караванная дорога), она идет через гору и находится в шести километрах от деревни Садалы.

90. Род Байулы

В старину проживал батыр, сердце которого было двойным — кушюрjak. И называли того батыра Кушлаком. Он был искусным охотником, и в стрельбе не было ему равных соперников.

Однажды он перестрелял всю дичь, всю птицу озера Шульганкуль, а сам улегся спать. Выходит из озера сам хозяин Шульганкуля и говорит ему так: «Не стреляй мою дичь, не убивай птицу. Я дам тебе за это скот».

Согласился Кушлак-батыр и отдал хозяину озера всю набитую им дичь и птицу. Взамен хозяин озера вывел из своих владений множество лошадей. Да вот какая досада: когда из озера выходили табуны да косяки лошадей, оглянулся Кушлак, а этого нельзя было делать. Ржущие и фыркающие лошади стали поворачивать назад и вновь уходить в воды своего озера. На суше остались лишь те, что успели удалиться от озера. Вот они-то и достались Кушлаку.

Стал охотник вылавливать принадлежащих ему коней, а это было очень трудно сделать — как-никак скот-то дикий. Вот и не выдержал Кушлак — так и умер за этим делом. Остался у него сын. И так как у него было теперь много скота, то джигита стали называть БАЙУЛЫ (бай улы — сын бая).

Вот откуда происходит род Байулы, и относится он к племени бурзянцев. С тех пор озеро Шульганкуль стали называть Елкы-сыккан — Озеро, откуда вышел скот.

91. Тарпан человечий

Прежде здесь людей и в помине не было. Паслись табуны диких лошадей-тарпанов, стаи всякой прочей дичи.

И вот появился в тех краях какой-то человек и стал ловить тарпанов. Но те воспротивились его воле, подались в свои необжитые места. Следуя за ними, тот человек вышел к берегам Тока. Добравшись до горы Барэстау, он потерял из виду лошадей. Растерялся он, не знал, что делать, куда пойти. Вдруг видит: бродит поблизости стригунок. Поймал он стригунка, вскочил на него и огрел камчой по крупу. Тогда стригунок превратился в красивую девушку. «Не бей меня, агай*, сказала она, — я твоя судьба». Оказывается, тот стригунок был из рода человеческого.

Построили они шалаш на берегу Тока и стали там жить.

От них и пошел род Баштая¹ — Главного стригунка.

92. От Медведя

Наш род идет от медведя давным-давно. А вышло так: один охотник принес домой медвежонка. Глядь, а медвежонок-то по-человечьи разговаривает. Удивился охотник, стал его расспрашивать, как, да почему. Оказалось, что медвежонок-то не столько от зверя идет, сколько от человеческой породы. И чем больше он становился, тем явственнее обозначалось его человеческое обличье. Сам же он был существом сильным и отважным. Когда пришла пора его женить, ему не могли найти ровню: всех сокрушал он своей мощью.

На берегах Тока жила одна девушка. Ходила она не просто так — два мельничных жернова под мышкой таскала. Схватилась она как-то с Медведь-батыром, и оказалось, что силы у них равны. Они поженились. От них-то и пошла медвежья порода. Она имеется не только среди бурзянцев, но и среди усергенцев. Очень распространенный род¹.

* Агай (агай) — дядя. Здесь в форме вежливого обращения.

93. Порода Шурале

У одного человека был серый иноходец. Тот иноходец что ни день возвращался домой в черном поту. С вечера уходил вполне нормальный, а утром возвращался загнанный и раепаренный, исходя черным потом. Что было делать? Решил хозяин выяснить, что это такое происходит с его конем. Стал он за ним следить и выяснил, что иноходца изводит шурале. Сначала леший цеплялся за хвост иноходца, загонял его и затем блаженно пил его пот.

Однажды хозяин отпустил своего коня, густо смазав его смолой. Забрался шурале на него и уже не смог с него сойти — так и прилип к его хребту. Вот так, прилипший, он и приехал на яйляу (летовку). Хозяин стащил того шурале с коня и стал стегать его камчой. Стегал до тех пор, пока шурале не принял женское обличье. «Видно таков мой удел», — подумал про себя тот человек и женился на женщине-шурале. От той жены родилось у него пятеро сыновей. Они-то и дали начало нашему аулу. Ведь наш аул Киньягул иначе называют еще Бишул — Пятеро сыновей. В ауле есть и потомки шурале. Сам я тоже принадлежу к тому роду по материнской линии. А по отцовской — к роду кыскаков. Нас называют еще ен-кыскаками*.

94. Толбуйцы

Когда-то в этих краях появились на запряженных оленях два брата — Айна и Гайна. На каждого — по оленю, оба оленя — белые. Приехали — а тут ни души. Густые леса, высокие травы. Отпустив оленей, братья улеглись спать. Встают они утром, смотрят — вернулись олени взмыленные, изможденные.

На второй день, решив выследить и выяснить в чем дело, они снова отпустили своих оленей. Первым за оленем пошел Айна. Идет он, идет, и вдруг видит: выходит из леса какая-то волосатая старуха, хватается оленя и садится на него верхом. Это была хозяйка той местности. Звали ее Тулуа. Сказывают, что была она из рода ар¹. Была она сверх-безобразна: волосатая, с обвисшими грудями. Одну грудь она закинула за плечо, другой опоясала себя. Увидев ее, Айна даже вскрикнул в испуге. «А, ты меня подстерегаешь?» — воскликнула Тулуа и под-

* Ен (миф.) — бес, черт.

кинула Айну. Потом, разрезав его ступню, стала высасывать из раны кровь.

Поскольку Айна не воротился, на второй день пошел за оленем Гайна. И предстало перед ним то же самое зрелище: чудовищная старуха терзала оленя. Гайна, выбрав удобный момент, кинул лассо, стащил старуху с оленя, схватил за волосы и начал ее избивать. Ударил он раз, ударил два, и вдруг старуха превратилась в красивую девушку.

— Братец, не бей меня, я стану твоей женой,— сказала она ему. Гайна взял с нее клятву, что она никогда не будет заниматься дурными делами. Привязав ее волосы к рогам оленя, привел девушку к себе и обосновался в тех местах.

Потомков Тулуа и Гайны называют тулуайцами, или тулбуйцами. Они жили в долине реки Тол, по обеим ее сторонам. Гайнинцев² было всего шестьдесят деревень. Мы и сами из гайнинцев. Гору нашу называют Толтау, реку — Тол.

95. Айна и Гайна

Раньше Солнце находилось за горой Толтау. Сказывают, некогда его похитила старуха-убыр. Похитила и спрятала там, за горой, в глухой лесной пещере.

Однажды, будучи на охоте, забрели в эти края Айна и Гайна, сидя верхом на оленях. Ехали-ехали они, вдруг их олень стал топтаться на месте. Сходят Айна и Гайна с оленя и видят: земля в том месте раскалена — да так сильно, что невозможно на ней устоять. Олень стал бить копытами, земля треснула, и наружу вырвался огонь. Это был вход в пещеру. Старуха-убыр завалила его огромным камнем. Айна и Гайна положили Солнце в куржын (мешок), изготовленный из большой оленьей шкуры, и понесли его к реке Тол. В это время старухи-убыр не было в пещере. Только успели братья подойти к реке, как заметили за спиной погоню. Они быстро повесили куржын на рога оленя и переплыли реку. Так спаслись Айна и Гайна. А старуха-убыр не смогла переплыть через реку и осталась на том берегу.

Выбравшись на берег, Айна и Гайна развязали мешок, и солнце снова озарило мир.

Айна и Гайна остались там, на Толе. Обосновались, завели скот. Их потомков стали звать гайнинцами. Гайнинцев в некоторых местах называют толбуйцами, что означает «жители долины Тол».

96. Гайнинцы

Жил некогда на свете Гайна-батыр. В эти края он приехал на олене. В те времена земля была очень холодной. Спросите почему? Да потому, что Солнца тогда не было. Было оно в руках аждахи, что жил за Толтау.

Пришел Гайна-батыр, убил аждаху и вызволил Солнце из подземелья. Повесив его на рога оленя, перенес на эту сторону реки Тол. «Каждый день жди меня в это время», — сказала Солнце и поднялось в небо. Гайна ждал солнце, и оно каждый день в одно и то же время восходило над землей. Так, ежедневно ожидая Солнце, Гайна незаметно для себя привязался к этим местам. Решил не покидать их, там и обосновался. Отсюда распространился род гайнинцев. Гайнинцы — самые первые башкиры.

97. Племя Юрматы

Однажды на охоте единственный сын Юрми-хана хотел подстрелить лебедя, но тот обернулся прекрасной девушкой. Юноша женился на ней, и их потомки образовали племя Юрматы.

98. Роды Юрматы и Талтым

В давние времена у одного старика была целая дюжина детей. Старик ходил на охоту, ставил на медведя капкан, ловил кротов. В жестокие бураны вся семья сидела в юрте, завернув ноги оленьими шкурами и набросив на себя теплые медвежьи шкуры.

Быстро шло время. Дети подрастали резвыми, как жеребята, сноровистыми, как их отец. А тот не спускал с них глаз, зорко следя за тем, как они себя ведут и чем занимаются.

Трое старших сыновей что ни день выходили в поле и ковыряли деревянными ножами целину. А младшие обтесывали деревья маленьким деревянным топором, который смастерил им отец. Возвращались домой, измазавшись в сосновой смоле, с руками, полными щепок.

Посоветовался старик со старухой и решил распустить своих детей кого куда. Призвал он самых младших троих и сказал им так:

— Вы любите обтесывать кору деревьев, вот и заводите себе бортевых пчел. Пусть имя вам будет Юн*.

Так те и сделали — стали сдирать кору деревьев и пчел себе завели. Людей их рода стали называть Юнаты, юнатынскими башкирами. Постепенно название юнаты превратилось в юрматы¹.

«Эти поспоривстее, — подумал старик о старших сыновьях, — пусть растут хлеб», — и поселил их между Ашкадаром и Иделью. С тех пор их род стал называться Талтым**. В народе род называется Тэлтм. С тех пор и остались тэлтемские башкиры.

99. Бурзянцы

Раньше в низовьях Агидели жили башкиры-кыпчаки, а в ее верховьях — бурзянцы. Батыром бурзянцев был Карабатыр, а у кыпчаков — Урал-батыр. Урал-батыр со своим войском расположился среди гор и ограждал кыпчакцев от нападений.

Однажды ночью, когда Урал-батыр спал, Карабатыр убил его. Овдовела жена Урал-батыра. Она была молода и красива. Карабатыр задумал жениться на ней, но призадумался: «Если женщина эта осталась беременной от Урал-батыра, родится от нее сын: вырастет и отомстит за отца — убьет меня. Расспрошу-ка я ее и тогда решу, что делать». Позвал он вдову и спросил, не беременна ли она. Та ответила: «Нет, я не беременна. Если не веришь, зарежь вон ту двухгодовалую корову. Если она окажется стельной, значит я беременна, если же нет, то нет и во мне плода».

Карабатыр так и сделал. К счастью, корова, оказалась нетелью. После этого Карабатыр поверил словам вдовы и женился на ней. Стали они спокойно жить.

И вот жена Карабатыра родила сына. Мальчик рос не по дням, а по часам, мужал. Как-то раз одна старушка остановила его и сказала: «Сынок, знаешь ли ты, кто твой отец? Если нет, знай: Карабатыр — не отец твой. Твоим отцом был Урал-батыр», — и рассказала о том, что когда-то произошло. Узнав об этом, джигит решил отомстить за отца.

Пришел он к Карабатыру и, сказав ему об услышанном, с первого удара убил его наповал. Привязал его тело к черной корове и погнал ее на гору. Гору, где остался труп Карабатыра, называют Карабатыр-тау, что означает Гора Карабатыра. Убив Карабатыра, сын Урал-батыра набрал войско из кыпчаков и пошел войной на бурзянцев. Всех истре-

* Юн — (башк.) строгать, ошкуривать.

** Талтым — споривстый, трудолюбивый.

бил он на бурзянских землях. И все же решил оставить живую душу — мужчину. Тот род (насль), который от него произошел, называют бер-йән, что означает одна душа. (Слово берйән потом несколько изменилось, стало называться берйән-бурзян.)

100. Кыпчаки

Кыпчакских родов раньше было множество. Довольно много было их и в наших краях. Каждый из этих родов имел свое название: карагай-кыпчак, савум-кыпчак, санкэм-кыпчак, кара-кыпчак. По эту сторону деревни Кыпчаково двенадцать ли, тринадцать ли деревень, а за Ирендэком — то ли двадцать две, то ли двадцать восемь деревень, населенных кыпчаками.

Карагай-кыпчаки — это мы, а карый-кыпчаки живут на Узени, другие — ниже. Савум-кыпчаки живут в долинах реки Нугуш, санкэм-кыпчаки — в Оренбуржье. Глава карагай-кыпчаков, прибыв сюда, купил земли и расположился там своим родом.

Так расселились в этих краях кыпчаки. Откуда и когда они пришли — сказать определенно не могу. Это было очень и очень давно.

101. Племя тангауров

В очень давние времена в некоем городе Макине у Белого * моря жил хан, у которого была красавица дочь Кулямялек-Курклык. Отец спрятал ее от посторонних глаз в темнице. Здесь она забеременела от солнечных лучей¹. Тогда рассерженный хан посадил ее в серебряную лодку, которая затерялась в Аральском море. Лодку увидели деды бурзян и тангауров, и еще с берега поделили между собой добычу: лодка достанется бурзянскому батыру, а то, что в лодке — тангаурскому. Выловив лодку, батыры увидели в ней ханскую дочь. Батыр тангауров женился на красавице и от них пошло племя тангауров.

---

* Здесь подразумевается Аральское море (примеч. Р. Г. Кузеева).

Предки урман-тангауров пришли из Бухары. Деды наши кочевали у подножия гор, которые и сейчас называются башкирскими.

102. Откуда пришли айлинцы, мурзаларцы и тырнаклинцы

В старину мы назывались сырдарьинскими башкирами. Предки наши жили в местности Каип на берегу Сыра. У одного из богатых предков потерялись серый конь, резвая кобылица и красавица-дочь Гаделбану. На поиски отправились трое юношей. Они долго шли по следу и недалеко от Тургояка нашли девушку. Следы лошадей вели дальше на Урал, юноши прошли верховье Яика и пришли на реку Ай. Здесь они были очарованы красотой и богатством природы: густыми лесами, реками и долинами. Людей в тех местах не было. Юноши одну реку назвали Ай, другую — Узян, гору между ними — Благословенной (Көзрәт-тау). На берегу небольшой речки они нашли обеих лошадей и вернулись на Сырдарью. Юноши рассказали об увиденных землях, и весь род, все сырдарьинские башкиры переселились на Урал. Среди переселившихся был Мырзабек — предок мурзаларцев, Имса — предок тырнаклинцев, его брат Тумса — предок айлинцев.

103. Айлинцы и табынцы

Айлинцы пришли сюда раньше табынцев. Одни из них сделались вотчинниками, а другие — припущенниками. Это произошло таким образом. Неизвестно, то ли табынцы пришли с той стороны Уральско-го хребта, или кара-табынцы и бара-табынцы* пришли сюда с верховьев реки Уй. И айлинцев и табынцев позвал к себе царь**. Пошло двенадцать человек. Люди, посланные айлинцами, умерли там, где жил

* Кара-табын и бара-табын — два поколения одного рода табын.

** В этом случае башкиры разумеют царя Ивана Васильевича Грозного (Примеч. А. Г. Бессонова).

царь, а люди табынцев вернулись обратно сюда и принесли такую бумагу от царя, что вся эта местность — их ¹.

104. Табынцы

В очень давние времена табынцы жили на Алтае. Даже само имя табын означает Алтай (?). Когда-то на Алтае жили и уйгуры; наши предки были уйгурами. Однажды предводитель (рәис) табынцев повел сородичей с Алтая на Иртыш. У райса был струнный инструмент, и он под звуки волн Иртыша сочинял мелодии, которые и сейчас поют табынцы. Когда на Иртыше стало много народа, табынцы ушли на реку Белую.

105. Урман-кудейцы

Нашим предком был Урман*. Его отца звали Кукан, а деда Кокбуре (Голубой или Сивый волк). Урман со своим родом в древности кочевал далеко от Урала, в местности Кысындык. Однажды там началась большая борьба. Урман вместе со стариком Калманом перекочевал на реку Мензелю. Там они жили долго. Однажды башкир по имени Кыдрас по пути в Казань, увидев белые юрты Урмана и его родичей, заехал в гости к ним. Кыдрас сообщил Урману, что его соплеменники живут далеко на Урале. Вскоре Урман со своим родом перекочевал на Асылыкуль, а оттуда на Сим.

106. Род Кубаляк-Теляу

Кубаляк и Теляу — старший и младший братья. Когда умерли их родители, они покинули свои родные алтайские края и обосновались на отрогах здешних Уральских гор. Здесь они женились, обзавелись

* Урман — вариант — Юрман.

хозяйством и скотом. От них и пошли и родословная, и род здешних мест. В настоящее время девятнадцать аулов ведут свою родословную от наследников Кубаляка. От Теляу же — двадцать два аула. Они живут в тесной дружбе с табынцами, почти в родовой близости.

В прежние времена старики вели родословную книгу-шежере этого рода. Только шежере то было потом потеряно. Из рассказа стариков остались такие свидетельства: когда Иван Грозный взял Казань, башкиры рода Кубаляк-Теляу решили сами пойти туда и собственными глазами увидеть русского царя. С этих мест Шагали-Шакман-аксакал, из рода юрматы — Азнай, от бурзянцев — Иске-бий. Собрались они все вместе и отправились в город Казань. В дар царю взяли с собой самые ценные меха, башкирский мед. Добрались они до Казани, отыскали там и царя.

Царю доложили о том, что к нему явились с Уральских гор башкирские послы, почтенные аксакалы. После того, как царю были преподнесены их дары — дорогие меха да башкирский мед, — тот пришел в хорошее расположение духа и принял пришельцев дальних гор. Те подробно рассказали о жизни своих родов, выразили свое желание верно служить белому царю. Это еще больше благорасположило к ним великого государя. «Чем вас одарить?» — спросил он у башкир. «Закрепите нас на тех землях, что от века принадлежали нашим предкам. Пусть никто из чужаков не посягает на наши земли», — ответили послы.

Подумал царь и говорит послам: «Хорошо, пусть будет так. Я принимаю ваши пожелания. Мое же условие таково: я, белый царь, принимаю вас как свободных рабов своих, прикрепляю вас к землям, которые извечно принадлежали вашим предкам, родам вашим башкирским. А вы служите мне верой и правдой, ежегодно подносите мне такие же дорогие меха и ваш башкирский мед.

Послы с радостью с тем согласились. Царь же издал приказ и выдал им грамоту о закреплении земных владений. По просьбе Шагали-Шакмана роду Кубаляк-Теляу стали принадлежать земли от истоков Яика, горы Ялпактау до горы Тораташ. Азнай записал за своим родом долины рек Ашкадара и Стерли. Царь присвоил Шагали-Шакману звание князя, а Азнаю — старосты. С того договора и укрепилась земля башкирская, богатая реками и озерами. Только позднее стала она истощаться, распроданная за бесценок, или захваченная насильно.

Аул Баим основал старик по имени Баим. По-началу он владел землями у истоков Агидели. Держал табуны лошадей, занимался охотой, держал бортевых пчел. Потом русские богатеи хитростью и обманом завладели теми землями. Старик Баим пытался спорить, доказывать свою правоту, но это ему не удалось, и тогда он переехал в эти места. Со дня основания аула прошло почти 250 лет.

107. Мамбет

В старину иштяки* и казахи имели обычай нападать друг на друга и угонять с собой чужой скот — чинить барымту.

Однажды бурзянский батыр Ялан Юмаш с друзьями совершил налет на кустанайские земли, туда, где находилось яйляу известного в тех местах человека по имени Алсын Аргын. Само же место носило название Тубылгы. Неожиданно появившись в сумерках, иштяки угнали с собой целый табун лошадей Аргына. Вместе с табунами они захватили двух мальчиков лет по десяти-двенадцати.

Одного из мальчиков привел к себе домой старик Хабыр из Усергенского рода, сделав его седьмым своим сыном. А взял он казахского сына вот почему. Проснулся старик Хабыр в полночь, вышел во двор и видит: в стороне овчарни возле очага живое что-то светится. Подошел он ближе, а это тот самый казахский мальчик лежит, сплошь светом озаренный. Замер Хабыр в безмерном удивлении, стоит, значит, и глазам своим не верит. Пригласил жену. А в это время рассвет уже стал занимать. Но маленький пленник из казахских степей продолжал светиться, лежал, весь облитый лучами. Вот тогда и решил Хабыр, что мальчик тот осенен особым знаком благоденствия и взял его к себе.

А Ялан Юмаш в то время раздавал дары своим воинам, каждому воздавал по заслугам. Хабыр ничего у него не взял, только попросил отдать ему того самого светящегося мальчика. Он привел его к себе домой, пригласил стариков аула и при всех дал мальчику имя Мамбет. Так и стал расти Мамбет среди шести других сыновей Хабыра, мужать да сил набираться.

Однажды Хабыр отправил Мамбета гонцом в Урман-Ямашево. А там жила одна красивая девушка, которой не нравился ни один знакомый джигит. Мамбет же ей сразу приглянулся. Да и Мамбету она пришлась по душе. Вернулся он домой и обо всем рассказал Хабыру. Старик одобрил его выбор. Он отправил в Урман-Ямашево сватов, и вскоре привез девушку домой. Братья стали завидовать Мамбету, называть его не иначе как «пришлый казах». Тогда Мамбет сказал своей юной жене: «Давай уедем на твою родину, к отцу твоему». Но та не согласилась: «Я приехала к тебе не затем, чтобы возвращаться на родину». Тогда Мамбет стал просить благословения Хабыра на возвращение в родные кустанайские степи. Хабыр согласился его отпустить. Он выделил ему три отменных коня, дал одежду, велел испечь да нажарить на дорогу, и с тем проводил его на родину.

Мамбет вместе с женой, детьми остановился на отдых у сестры в деревне Тирекле. Там и остался зимовать. По весне он отправился в дальнейший путь.

Так, не спеша, он добрался до отчего дома.

* Иштяки — так казахи называли башкир.

Вернувшись к казахам, Мамбет стал внедрять дурной обычай: на-ходил съедобным мясо павшей скотины. «Я не видел, что она издохла, значит и есть могу», — говорил он и ел себе спокойно дохлятицу. Так и жил два или три месяца. Но вот однажды опомнился он и подумал так: «Нет, так не годится. От нечестивой еды, чего доброго, дети помрут как нечестивцы. Вернусь-ка я обратно к своим башкирам, гюй». И, собравшись вновь, тронулся в обратный путь. И опять остановился он у сестры. А там в то время проходил праздник — состязания. А сестра Мамбета была богатой байбисе, которая жила на широкую ногу. Она сказала Мамбету: «Если хочешь вернуться в прежние края, добрые кони в моих руках. Беги!» Она наготовила ему пищи на дорогу, посадила на лучших аргамаков, собрав самые необходимые вещи, и с тем проводила его в путь. Заметив отсутствие Мамбета, казахи бросились за ним вдогонку. Почувствовав за спиной опасность Мамбет решил пойти на хитрость. В пустынной степи, где он проезжал, было озеро, сплошь заросшее камышами. В них-то и нырнул Мамбет вместе со своими лошадьми, поклажей и спутниками. Преследовавшие его казахи не осмелились войти в озеро, побродили так и этак, поездили вдоль да поперек, но так и не нашли Мамбета.

Так и спасся Мамбет, вернулся на родину своего детства, башкирскую землю — к лесам и горам, холмам и долинам. Выйдя со степной стороны, он переехал через Яик и погожим летним утром вышел к реке Таналыку. И так как в тот момент, когда он переезжал Таналык, занималась заря, он назвал то местечко Танатаром — Рассветало.

Едва вернувшись на эту землю, он поднялся на Улькан-тау (Старшая гора). Там он нашел брошенную им некогда камчу. То место возле реки Таналык с горой Улькан и стало его главным становищем во всей жизни. Летовал он на яйляу, что располагалось на берегу озера Бирлекуль. Но не мог он жить спокойно в одиночестве — поехал к старику Хабыру. Но к тому времени старика уже не было в живых. Оказывается, отчим до конца своей жизни не забывал Мамбета и за хорошую службу оставил ему по завещанию 20 голов лошадей. Мамбет забрал лошадей и стал жить неподалеку от аула Хабыра. Сюда же он перевез жену и детей и повел мирную и благополучную жизнь.

Благополучие и богатство его росли с каждым годом. Табуны его лошадей очень скоро привыкли к раздольным степным просторам, к благодатным тебеневкам, нагуливали там жир, силу и резвость.

Видя его быстрое обогащение, стали исходить завистью живущие с ним рядом бурзянцы: «Этого наглого казаха надо убить!» К Мамбету приехал один из друзей, живших среди башкир, и предупредил: «Будь осторожен, в предстоящие три дня иштяки хотят тебя убить». Но Мамбет не стал братья за оружие. Он велел сбивать самый лучший кумыс, зарезать самую жирную кобылу, перед своей юртой натянуть длинный аркан, сам же предупредил жену: «Кто бы к нам ни приехал, вели привязать его коня, сама встречай его с открытым лицом и угощай как желанного гостя».

И вот башкирские конники остановились возле его коновязи. Мамбет каждого из них встречал как долгожданного гостя, угощал кумысом и жирным мясом. Башкиры остались весьма довольны таким прие-

мом. Один из стариков сказал: «Угощение может и камень растопить. А раз так, жить Мамбету». Не причинив никакого зла, башкиры уехали обратно. Но Мамбет не мог успокоиться. Он понимал, что без кровного родства ему не жить в мире и согласии со своими соседями-башкирами. И он решил сродниться с одним из башкир, кто бы владел красноречием сэсэна. Он поехал в Верхний Урал и посватался к дочери тамошнего сэсэна по имени Яхия. От дочери Яхии у него родился сын Исянгул. Когда мальчику исполнилось десять лет, отец и мать повезли его к бабушке Яхие. Сэсэн то ли признавать не хотел внука, родившегося от казаха, то ли испытать его хотел при гостях, только сказал он так: «Позвоночник — разве мясо, внук — разве сын?» Тогда Исянгул, стоявший у дверей, вышел в круг и сказал: «Эх, ата! Оказывается, мясной позвоночник не падал в твой котел, оказывается внук, могущий заменить сына, не входил в твой дом». Услышав такой ответ, сэсэн испытал полное удовольствие, в радости своей обнял внука: «Ах, дитя мое, видно, мое красноречие передалось тебе!»

С тех пор Мамбет зажил спокойно, не опасаясь за свою жизнь. Чтобы обучать своего сына Исянгула, он нанял русского человека по имени Степан. Этому ученому человеку он подарил озеро под горой Улькан-тау: «Вот тебе озеро — ешь его рыбу, вот тебе мой сын — сделай его ученым человеком!» — сказал он Степану. С тех пор местные жители стали называть то озеро Степановым озером.

С детских лет Исянгул рос способным и восприимчивым мальчиком. Степан давал ему не только знания, но и растил самостоятельным, думающим человеком. А тот действительно оказался благодарным учеником. Когда он прошел воспитание под руководством Степана и вышел в люди, то стал начальником двенадцати башкирских кантонов. В нынешнем ауле Исянгулово он держал свое войско. Когда царское правительство укрепилось в тех местах, Исянгул сказал своему отцу: «Возьми себе землю». Старик Мамбет пошел к губернатору с просьбой выделить ему землю. Губернатор написал ему на собачьей шкуре разрешение владеть землей. «Выбери себе площадь там, где тебе нравится», сказал он. Мамбет избрал себе место на берегах Танадыка — там, где было его первое становище. Долго смотрел он на свои владения и сказал так:

— В реках водится рыба, в долинах — дикий лук растет, на горах высятся камни, земля дарит пищу. Находчивый джигит и в голод не выпустит из рук узду благополучия!

В том месте он и пустил свои родовые корни. Аул, который он основал, стал в его честь называться Мамбетом. Да и гора, что рядом с аулом, стала с тех пор называться Мамбет-тау.

108. Казахская сторона

Двести или триста лет тому назад казахское войско, пришедшее на землю башкир с барымтой, увело с собой красивого и крепкого в телосложении мальчика лет двенадцати по имени Тулькубай. Отец обучил его ездить на коне, стрелять из лука и петь песни.

На чужбине Тулькубай стал работать у одного казахского бая помощником пастуха. А у бая того скотины было видимо-невидимо.

Дни шли за днями, годы сменяли друг друга. Тулькубай превратился в парня-красавца, кренкого и здорового телом. И приглянулась ему девушка Тайтул, что жила в соседней юрте.

Тулькубай верно служил своему баю. Ни одна скотина не пропадала из его стада, и бай по достоинству ценил старание джигита. В конце концов, он решил усыновить Тулькубая, женить его на приглянувшейся девушке. Однажды он призвал его к себе и сказал так:

— Эй, Тулькубай, ты служил мне верой и правдой, и я решил тебя женить. Есть ли у тебя девушка, которая тебе нравится?

Тулькубай очень обрадовался тем словам.

— Есть у меня любимая девушка,— говорит он.— Это Тайтул.

Вскоре состоялся свадебный пир. Тулькубай и Тайтул стали жить вместе. Родился у них сын. Ему дали имя Расул. Когда родился второй сын, его назвали Кутдусом.

Однажды вечером, когда никто не видел, Тулькубай отправился к старухе-ворожее. Он поставил перед ней турсук* с кумысом и сказал так:

— Бабушка, прежде всего, скажи мне: в какой стороне находится река Яик? Как найти туда дорогу? Затем скажи мне: засветилась ли звезда моего счастья? Если нет, то когда она засветится?

Ворожея ответила ему так:

— Для того, чтобы выйти к реке Яик, надобно все время идти на запад. А звезда твоего счастья еще не засветилась.

Поблагодарил ее Тулькубай и сказал, расставаясь:

— Бабушка, ты каждый день гадай на бобах. Когда раскроется звезда моего счастья, сообщи мне.

Однажды старуха-ворожея пригласила к себе Тулькубая.

— Звезда твоего счастья засветится в день большого праздника,— сказала она ему.— Если в тот день не примешь решение, потом будет поздно.

Постепенно пришел день большого праздника. В тот день состоялась свадьба старшей дочери бая. Еще днем стали съезжаться гости. Все пространство между юртами бая заполнилось оседланными и расседланными лошадьми прибывших на свадебный пир гостей. Наступил вечер.

* Турсук — кожаный сосуд для кумыса.

Все больше оживал пир. Тулькубай вернулся в свою юрту, приласкал детей и сказал жене так:

— Тайтул, тебе спасибо. Я решил вернуться на свою родину.

— Я поеду за тобой куда угодно,— ответила Тайтул, вытирая слезы.— Что выпадет на нашу долю, то и испытаем, только не оставляй нас.

Когда хозяева и гости завалились спать, Тулькубай осторожно прошел к привязанным лошадям и одной за другой всем перерезал стременные ремни.

В рассветную пору Тулькубай вместе со спутниками успел далеко отъехать от яйлыу своего названного отца.

Поздно проснулись яйлыу. Да и о бегстве Тулькубая узнали с большим запозданием. Тотчас снарядили в погоню всадников. Поскакали они что есть силы и вскоре оказались на берегу реки Яика. Тулькубай вместе с друзьями встретили гонцов во всеоружии, давая возможность женщинам и детям переправиться через реку, а потом и сами перебрались на другой берег. Преследователи остались на той стороне, а на этой оказались беглецы. Главарь преследователей обратился к Тулькубаю с такими словами:

— Эй, Тулькубай, если, стоя на том месте, попадешь стрелой в мою тороку, я не сделаю тебе никакого вреда и вернусь назад.

Тулькубай до предела натянул тетиву, и стрела его вонзилась в тороку главаря преследователей.

Видя это, поразился бай и обратился к Тулькубаю с такими словами:

— Эй, Тулькубай, я согласен с твоей службой, а ты будь согласен с тем, что ты взял у меня.— С тем он прочитал молитву благословения и повернул обратно.

Беглецы разделили между собой прихваченную скотину и разъехались кто куда по своим родным местам.

Тулькубай вместе с женой и двумя сыновьями долго искал родное кочевье и никак не мог его отыскать.

Постепенно приблизилась зима. Не найдя сородичей, Тулькубай выбрал себе место поудобнее и обосновался там на зимовье. Там жили башкиры, приехавшие сюда с разных сторон.

С тех пор те места стали называть Казахской стороной ¹.

109. Род Калмаков

Это случилось в глубокой древности, когда происходило жестокое сражение. На страну напало чужеземное войско, и весь местный люд бежал прочь, попрятался кто куда. Потом беглецы собрались все вмес-

те и внезапно ударили по врагу. Очень зол был народ и бился яростно, не жалея сил. Разбитые в том сражении чужестранцы бежали в панике и страхе. Когда после битвы осмотрелись люди, то видят: висит на суку дерева зыбка, а в ней — дитя малое. Забрали они с собой того ребенка, привезли домой и вырастили. Выяснилось, что девочка та — из калмаков.

Род калмаков в здешних местах произошел от той самой девочки.

110. Мамыт

В старину в этом ауле Юлдыбаево проживал башкирский батыр Букэт, который долго и яростно сражался с войском Батый-хана.

Однажды Букэт захватил на поле битвы мальчика по имени Мамыт и привез его к себе домой. Так как тот мальчик весьма походил лицом на калмака, то и называть его стали «калмаком». Сам Букэт почти все время проводил в разных сражениях, и потому он не имел возможности заниматься воспитанием мальчика. Тогда Букэт отдал его другому башкирскому батыру по имени Уляй. Тот отдавал много времени воспитанию мальчика и даже обучал его грамоте.

В ту пору наш род жил в тесном общении с Тангауровским родом. Когда Мамыт подросток, его назначили главой именно того тангауровского рода.

От Мамыта родился сын. Его называли Калмаком. От Калмака родились сыновья Кашкар, Раим, Баязит.

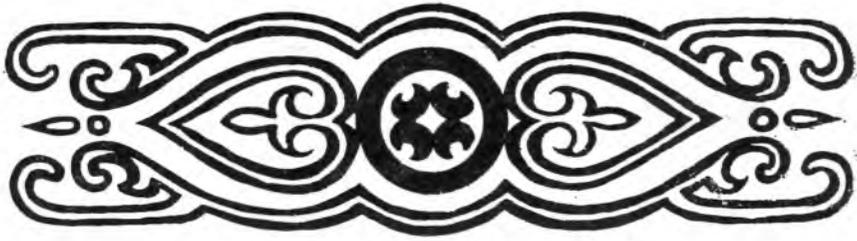
111. Как Исэн-баба переселился на Таныш

Наш предок Исэн-баба был охотником на реке Ик. Он часто ходил с сыновьями охотиться на Таныш: говорят, там охота была богатой. Однажды в лесу Исэн-баба встретил аксакала племени таз по имени Таз-баба и подружился с ним. Таз-баба пригласил Исэн-бабу навсегда поселиться на Таныше и вместе с ним охотиться, ловить рыбу. Исэн-баба так и сделал, а его сыновья женились на дочерях Таз-бабы. Так Таз-баба из бескрайних земель своих, покрытых густым лесом, обильных животными и дичью, отдал ирэктинцам в приданое большую вотчину.

112. Уфа-танышцы

Мы потомки настоящих марийцев. Мы—народ, который, оставив марийские обычаи, перешел в мусульманскую веру... Деды и прадеды поклонялись змеям; у многих были бляхи с изображением змей. Бляхи пришивались к материи, и наши женщины носили их на груди или на лбу. Когда здесь много стало народа, старики пошли к марийскому царю, который в то время жил за Уралом, где сейчас Свердловск или Челябинск. Марийский царь сказал нашим дедам: «Моя вера неправильная. Ваша вера находится в Истамбуле, идите туда». Старики ходили в Истамбул, и мы стали мусульманами.

Исторические предания

113. Булгары и башкиры

В древние времена в этих краях жили булгары. Было у них свое государство, свой хан. Говорят, это был сильный, воинственный народ.

Во времена Айдар-хана булгары приняли ислам. До этого они были язычниками и поклонялись идолам. А мусульманами они стали вот каким образом.

Единственная дочь Айдар-хана тяжело заболела — отнялись у нее руки и ноги. С разных концов были приглашены табибы (лекари), лечили ее разными заговорами, заклинаниями — но все бесполезно.

Уж было потеряли всякую надежду на исцеление, когда ханский визирь принес добрую весть: мол, откуда-то издалека прибыли три многознающих табиба, чьи лекарства исцеляют от многих болезней, и заклинания они знают чудодейственные.

Отыскивали этих табибов, привели их к хану. Один из табибов, что постарше, сказал:

— Болезнь вашей дочери именуется параличом. И если вы сможете выполнить два моих условия — исцеление ее в наших силах.

— Назови свои условия, — сказал хан.

— Первое условие: ты принимаешь нашу веру, второе: совершив обряд бракосочетания — никах, выдашь свою дочь за меня замуж.

Хан согласился. Однако предупредил:

— Если не вылечишь дочь — голова твоя с плеч.

Старший табиб воткнул свой посох рядом с большим цветком, что стоял в ханском дворце, затем, подобрав ноги под себя, уселся со своими спутниками у цветка и сидел там довольно долго. Тогда всем на удивление на сухом посохе стали распускаться листья.

Оказывается, посох был из березы. Из молодых его листиков табиб сделал веник и приказал этим веником парить больную в горячей бане.

В баню ханскую дочь принесли на руках. Стали ее парить. Парят, парят. Отдохнут малость — парят опять. Из бани ханская дочь выбежала на собственных ногах¹.

После такого чуда хан уже не мог не выполнить своего обещания: обратил всех болгар в мусульман, совершив никах, выдал свою дочь за старшего табиба и устроил свадебный пир.

Говорят, именно после того чудесного случая и остался обычай париться в бане молодым березовым веником. Березовый веник применялся как лечебное средство, а баня у болгар считалась исцелительным заведением.

Говорят, башкиры в те времена жили в лесах. Дорога от них до болгар занимала пятнадцать-двадцать дней. Древним промыслом башкир была охота и пчеловодство, продавали болгарам мед, меха, выдру. Питались они мясом да рыбой, медом и кумысом.

В старину башкиры тоже были язычниками. Они поклонялись множеству богов.

После того, как болгары приняли ислам, тех табибов стали считать святыми — авлиями. Они послали своих учеников-табигинов и к башкирам. Так ислам распространился среди башкир, живущих в долинах Агидели, Ика, Демы, Таныца. А табигинов, распространивших среди башкир ислам, причислили к лику святых.

114. Бурзяне во времена ханов

Бурзяне — очень древнее племя. Кисса* «Кусяк-бий» гласит, будто слово бурзян происходит от бер-йэн, что означает «одна душа». Кусяк-бий истребил весь род Каракулумбета, оставив в живых лишь одну душу (бер йэн). От этого бер йэн потом пошли бурзяне (берйэн). Кыпчаки об этом говорят, чтобы показать, что их род древнее бурзянского.

Бурзяне пришли в эти края намного раньше кыпчаков. Они жили здесь еще во времена ханов-каганов. В старину бурзяне имелись повсюду и кочевали по многим землям. Потом одна их ветвь появилась на Урале и нашла там себе пристанище.

Пришли кыпчаки, стали вытеснять бурзян. С их приходом кончилась мирная жизнь, началась тяжба за земли и воды. Кыпчаки-пришельцы были воинственны. Они без конца притесняли бурзян. В то же время и бурзяне ничего своего не уступали.

В свою пору Чингисхан завоевал весь мир. Говорят, он был из рода святых: мать его была зачата небом.

* Кисса — сказание, эпическая песня большого объема в устном бытовании и рукописи.

Пророк сказал своему приближенному хаяту Гумеру: «Человек, который сможет проглотить мою слюну, — будет святым». Говорят, Гумер сам не смог проглотить слюну пророка — захлебнулся. Проглотил ее малыш, родившийся от небесной женщины¹.

Сначала Чингиса не признавали. Братья сильно его обижали, и он был вынужден бежать в горы. Там он, голодный и раздетый, прожил довольно долго.

Однажды Чингис нашел какой-то посох. Оказывается, то был посох святых. Стоило ударить им о землю, как он, маленький мальчик, превратился в солидного мужчину лет сорока.

Узрев его в таком степенном облике, народ стал к нему тянуться. Вскоре Чингис заставил покориться себе и своих братьев. Собрал он войско, ушел воевать. Многие земли и многие народы поверг он к своим ногам. Завоевал долины Урала, Идели, места, где сейчас находится Казань, которыми раньше владели булгары.

Говорят, в те времена жил царь Зулькарнай. Никакой веры он не придерживался. Не хотел признавать и Чингисхана. Чингис сказал тогда: «Признает или не признает, увидим. Нужда заставит — сам придет».

Прошло какое-то время. По некоей причине потерял Зулькарнай рассудок. Долго его лечили, да так и не смогли излечить. Говорят, выздоровел он лишь после того, как пришел к Чингисхану с повинной.

Чингисхан раздавал народам тамги. Башкиры получили их тоже.

Башкиры пришли на Урал с Алтая. Здесь они обитали вместе с бурзянцами.

После смерти Чингиса ханом стал Батый. В те времена башкиры, казахи, бурзяны и многие другие народы приняли мусульманство.

Жестокие битвы происходили во времена Чингиса и Батыя. Народ охранял свои земли, старался не пускать ханские войска в леса и горы. Особенно кровопролитным был бой на Тимеровском хребте (находится около деревни Тимерево нынешнего Бурзянского района). От пролитой крови побурела вода в реке, что протекала рядом. После этого ту реку стали называть Бузарган (Потемневшая, *досл.* Посеревшая, Помутневшая). Там же, на хребте, есть девятнадцать курганов. Говорят, это могилы погибших в том бою девятнадцати батыров.

Народ прятался от ханских войск в горных ущельях. Возможно, с тех пор аулы, расположенные в непроходимых лесах и горах, стали называться Колгона.

После Чингиса и Батыя кыпчаки опять размножились и превратились в воинственный народ. Большая часть бурзян осталась в горах, некоторые перекочевали в степные районы. Горные бурзяне разветвились на роды барак и субхангул.

115. Биксура

Еще до прихода в эти места старика Сармана и до нашествия войск Чингиса и Батгя реки Агидель, Ик, Мэлле и Минзели были глубоко-водны, богаты рыбой, а долины их — покрыты густыми лесами. Птиц и зверей водилось здесь бесчисленное множество. В тех местах кочевали башкирские роды байляр и буляр. Жили они привольно. Скот, добытая пища принадлежали всем.

Однако, когда через их земли прошел хан Батый со своим войском, мирной, спокойной жизни башкирских родов пришел конец. Хан шел покорять страну булгар и по пути уничтожал башкирские племена, грабил их добро.

Особенно большое горе постигло род Карагай-атайцев, кочевавший между реками Минзели и Ик. За неповиновение предводителю вражеского войска седобородого Карагай-атая высекли перед всем его родом. Обезглавили всех мужчин от мала до велика. Женщин и девушек пленили, захватили все добро, скот. Только жена Карагай-атая Асылташ, изрыдавшаяся, осталась на Аби́тау, что сейчас называется Калансатау. Со своими снохами и внуками расположилась она у одного старого дуба.

В то время с охоты возвращался старший сын Карагай-Атая — Биксура. Когда он увидел вокруг злодеяния захватчиков, весь окаменел. Выслушав горестный рассказ матери, простился он со всеми родичами, сыном, что лежал в колыбели, сел на своего аргамака и поскакал к соседним родам — байляр, ыласын, буре. Там он собрал джигитов, готовых пройти огни и воды, и выступил против войск Батый-хана. Выследил их и уничтожил. Первое наступление Батый-хана на булгар было сорвано.

Года через три Батый-хан снова бросил большое войско в страну булгар. Биксура со своими джигитами снова поднялся на борьбу. В одном из сражений его тяжело ранило. Со своим другом Ахметом он убежал в леса через горы Тикей. Спустя какое-то время силы покинули Биксуру, и он скончался. Это было в том месте, где сейчас находится кладбище деревни Ново-Ахметово. Ахмет похоронил друга, а сам на том месте и обосновался. Когда вражеские войска ушли с тех земель, Ахмет взял под свой кров оставшихся в живых сородичей Карагай-атая и построил новый иль.

116. Бошман-Кыпсак-батыр

Тамъян, Кыпсак, Катай, Телявли, Бурзян, Юрматы — дети одного отца, родные братья. Их потомки в старину жили в долинах Ика,

Яика, Агидели, Чулман-Идели, занимались коневодством. Не было счета их скоту. Косяки в тысячи и тысячи голов покрывали земли. Они кочевали с одного пастбища на другое.

Однажды со стороны Алтая пришла страшная черная рать. Неожиданно появившаяся эта сила распространилась по бескрайним степям, опустошила земли тамъянцев, кыскаков, катайцев, бурзян, телявлинцев, юрматинцев. Кыскаки, катайцы и бурзяне пытались дать врагу отпор, но не смогли устоять перед его бесчисленной ратью, вынуждены были скрыться в лесах и горах.

Кыскаков было много, и они оказались живучими. От Кыскака пошли Гирей-Кысак, Бошман-Кысак и еще неизвестно сколько родов.

К тому же, кыскаки отличались воинственностью. Они были образованнее и хитрее других.

Увидев, что этот род живучий и боевитый, хан вражеского войска решил его подкупить, перетянуть на свою сторону, начал одаривать подарками, землей, сокровищами. И тогда, сказывают, часть кыскаков ушла вместе с войском, что приходило с Алтая.

А Бошман-Кысак-батыр не повиновался, не склонил головы перед ханом — ушел на север, в горы, леса. Там он собрал войско и дал бой ханскому войску. Говорят, он долго воевал, и только под конец из-за одного предателя войско его было окружено и уничтожено до последнего, а самого батыра хан приказал казнить. Перед казнью хан велел доставить Бошмана к себе. Он хотел перетянуть его на свою сторону, предложил стать военачальником. Но батыр не согласился. «Верблюд не сгибает колен, сокол не умирает, склоняя голову», — сказал он¹.

В этих краях, в долинах Ика, Агидели, и сейчас есть деревни Кысак, Катай, Тамъян, Юрматы, Телявли. Их названия происходят от тех родов. Раньше, говорят, в этих краях был и майдан* для зиинов, где они держали совет.

117. Акман-Токман

С Акман-Токманом связана очень древняя история. Со времен ханов. Эту историю рассказывало не одно поколение наших дедов.

В старину хозяевами этих мест были башкиры. Богатство здешних земель и вод не выразишь словами. Леса и горы изобиловали диким зверем, водились медведи, волки, лисы, куницы, выдры, соболя, норки. Реки и озера были полны рыбой. В лесу — борть. Народ занимался охотой, пчеловодством, держал скот, коней. Башкиры кочевали со сво-

* Майдан — площадь для сходок, сборищ (зиинов).

ими табунами с одного кочевья на другое. Каждый род, аймак имел свое место для весенних, летних, осенних и зимних стойбищ.

Так жили башкиры. Мирно, спокойно. Но однажды с востока, со стороны Алтая, пришла страшная черная рать¹. Было это летом. Весь народ, вся скотина были на яйляу, в лесах и горах, в долинах рек. Через башкирские земли прошла только часть вражеской рати. Основные же силы проходили, кажется, южнее, по приицким землям.

Спустя некоторое время хан послал к башкирам своих нукеров. Они вынудили народ покориться хану. Земля и воды были распределены между родами. Каждому роду предназначалась своя тамга, уран (клич), дерево, птица. Наш китайский род получил тамгу — багау*, клич — Салават, дерево — сосну. После получения земель и тамги башкиры должны были платить хану ясак.

В начале все это показалось не особенно обременительным. Бортью полны были леса и горы. Меду, помимо ясака, и для самих оставалось. Леса и горы были полны дичью — пушнина поставлялась вовремя. Но однажды от хана пришел новый указ. Молодые мужчины и парни со своим конем, снаряжением призывались в ханское войско. Стали угонять косяками коней, скот. Невмоготу стало башкирам, и они поднялись против хана. Среди них был храбрый джигит Сураман. Он собрал довольно большое войско и уничтожил ханских нукеров, собирающих ясак. Некоторым удалось сбежать. Хан послал против Сурамана войско, но тот еще долго продолжал воевать. Вместе с ним сражалась и его жена.

Со временем люди начали принаравливаться к сложившимся обстоятельствам. Спрятавшись в лесах и горах, стали подстерегать ханских сборщиков ясака, неожиданно нападали на них. Завязывалась схватка — стрельба, убийства... Скот угонялся в глубь лесов и гор. Так проходило лето. В бездорожные зимы, когда леса и горы покрывались снегом, ханские войска не могли пробраться в глухие места. Зимой было спокойнее. С наступлением лета снова начинались бои.

Долго продолжалась борьба против хана. Она то стихала, то снова усиливалась. Стал стареть и Сураман, который включился в борьбу еще совсем молодым джигитом. В одном из жестоких боев он погиб, после чего борьбу возглавила его жена. Однажды в бою и ее сильно ранило. Перед смертью она призвала своих сыновей (а их было двое: старший — Акман, младший — Токман) и сказала им так: «Дети мои, настал мой час, я ухожу вслед за вашим отцом. Когда он погиб, вы были еще маленькими. Умирая, отец ваш сказал: «Чем жить на колених, лучше умереть стоя». Сыновья мои, вы теперь выросли, стали джигитами, не забудьте завет отца».

И Акман с Токманом продолжили борьбу, которой не было конца.

Однажды взяли они с собой с сотню самых надежных воинов и ушли на зимовку вглубь Уральских гор. Но среди них оказался предатель. Как-то раз ночью он сбежал и указал ханским приспешникам место зимовки Акмана и Токмана, получив за это вознаграждение.

---

* Багау — поперечный топор для выдалбливания внутренности колодочных ульев.

Хан послал туда большое войско. Батыров прижали к горам. С трудом, путая следы, им удалось скрыться и выйти в Зауралье. Но там их тоже ожидали враги.

Это было ранней весной, когда снег то таял, то замерзал. Начались сильные бураны. У беженцев кончились продукты, не было такого места, где можно было бы укрыться, передохнуть. Голая степь, невыносимый буран. Акман, Токман и их боевые спутники, голодные и измученные замерзли. Лишь некоторым удалось добраться до ближайшей деревни. Но там тоже находились ханские войска. До последнего дрались джигиты и погибли до последнего. Среди них были две храбрые девушки. Их тоже схватили и жестоко замучили.

После этого прекратилась многолетняя борьба башкир с ханскими войсками.

118. Хромой Тимур

(Аксак Тимер)

Однажды старуха-прорицательница явилась к хану и сказала ему так:

— Мой хан-султан, дети, что родятся в этом году, доберутся до твоей головы.

Не долго размышлял хан, приказал пройтись по всей своей державе и истоптать животы всех беременных женщин. Прислужники хана заглянули в каждый дом и оттоптали животы тех женщин, что были на сносях. Таким образом, в тот год по всей стране не родился ни один ребенок. И только один младенец появился на свет, но и тот оказался хромым. Поэтому ему дали имя Аксак Тимер — Хромой Тимур.

Вырос мальчик и однажды добрался-таки до головы хана.

* * *

Аксак Тимер был ярым воителем. Идя с войной на других, он брал один город за другим. Никто не мог оказать ему сопротивления. Все же он остановился у стен одного из городов, не в силах его покорить. «Что за диво? — говорит Аксак Тимер. — Отчего это я не могу захватить этот город? В чем тут секрет?» Он пребывал в удивлении и растерянности. Долго ломал он голову над этим вопросом, а потом решил отправить в тот город своих соглядатаев и шпионов. То под видом купцов, то под видом нищих просочились они во все уголки города. Но только никто из них не мог принести утешительных вестей.

Один из шпионов под видом нищего заглянул в каждый дом. Однажды он оказался в многодетном доме. Отец семейства ушел на войну, а дети ели кашу. Тесным кольцом окружили они чашку, как бы боясь,

чтобы она не сбежала от них. Никто из ребят не ел со своей стороны, каждый тянулся к середине чашки. Тогда мать стукнула ложкой по голове одного из сыновей, который вел себя хуже других, и сказала: — Ешь то, что перед тобой. Не тянись, как Аксак Тимер, к тому, что тебе не по рукам!

Вернувшись в свой стан, шпион передал те слова. Только тогда Аксак Тимер понял свою ошибку.

Он ведь тоже потянулся сразу к центру города, не завоевав его окраины.

119. Аби-хан-ата

(Почтенная женщина)

В стародавние времена женщина по имени Сэпэй наезживала сюда в главе своего войска. Ее стали называть Аби-хан-ата¹. В одном из жестоких сражений Аби-хан-ата (Сэпэй) погибла. Ее похоронили в местечке возле пропасти (ущелья) Сергейле, что находится в устье реки Саргайы. Сложили песню, прославляющую Аби-хан-ата. Раньше ту песню пели во время праздников и разных сборищ.

120. Бэндэбика и Ерэнсе-сэсэн

Старуха Бэндэбика жила на земле аула Максютото, на берегу правого притока Ика—Бэндэбики. В свое время река та была полноводной, в ней водилось много рыбы, а берега были покрыты густыми зарослями деревьев.

К северу от реки на возвышенном месте стоит курган Бэндэбики. На нем находится жилье старухи, которое было выстроено из кирпичца. Там она жила в зимнюю пору.

Бэндэбика вышла замуж за Ерэнсе-сэсэн, который был намного моложе ее. Она привела его к себе в дом. Сама она пользовалась среди земляков огромным уважением, ибо была решительной, отважной и мудрой женщиной. Лучшие мужи края неизменно обращались к ней за советами и всячески старались им следовать. Все они относились к ней с большим почтением.

Однажды начала Бэндэбика прихварывать. А Ерэнсе-сэсэн как раз входил в зрелую пору мужчины. Из каждого похода, с каждой битвы

возвращался он победителем, с каждым разом возвышался его душевный чарострой. Когда Бэндэбика и вовсе расхворалась, он окончательно закусил удила.

Как-то собрал молодых джигитов и сказал им так:

— Казахи много раз приходили к нам с барымтой. Ну-ка, ребята, интереса ради, мы тоже ходим с барымтой на их яйляу.

Некоторые засомневались:

— А Бэндэбика-иней разрешит? Что она скажет на это?

Другие им возразили:

— Мы не из трусов.— И тем самым поддержали предложение Ерэнесе-сэсэна.

Когда они обо всем договорились, Ерэнесе-сэсэн пришел домой и рассказал Бэндэбике о своей задумке. Та стала возражать.

— Ты на своей земле обрел имя батыра. Но батыру мало смелости, нужна еще и мудрость. «Защитник страны — в сердце людей, зачинщик войны — худший злодей»,— говорили в старину. До сих пор народ почитал вас за то, что вы вершили святое и правое дело. А ты теперь хочешь сделаться злодеем и толкаешь на худое дело молодых. Захват чужой страны не входит в наши обычаи. Не позорьте себя и имя нашего рода. Говорят: «Губителя бог не взлюбит». Одумайтесь, пока не поздно.

Так уговаривала она мужа, лежа в постели. Люди тоже одобрили ее совет.

Но Ерэнесе-сэсэн не прислушался к ее словам. Вместе с верными ему джигитами уехал он ночью в дальний путь.

Болезнь Бэндэбики еще более усилилась. Она собрала близких и родных и обратилась к ним с просьбой, которая прозвучала как завещание:

— Плохи мои дела, видно, мне уже не встать на ноги. Если умру, внесите меня в дом и завалите землей окна и двери. Пусть мой дом станет мне могилой.

Вскоре она умерла. Выполняя ее завет, старики схоронили ее в собственном доме.

А Ерэнесе-сэсэн попал вместе с джигитами в окружение, многие там погибли. Казахские охранники родной земли привели их на майдан, где обычно вершился общественный суд. Там собрались почитаемые всеми аксакалы. Пленники стояли перед ними, опустив головы и потупив глаза. К ним подошел один из казахских батыров. Вот тогда-то и вспомнил Ерэнесе-сэсэн слова Бэндэбики и его охватило жестокое раскаяние.

Старики вынесли такой приговор:

— Батыры должны схватиться в борьбе. Если выйдет победителем их батыр, этих пленников надобно отпустить. Если верх возьмет казахский батыр, в сердце их предводителя вонзить нож, а остальных отпустить. Пусть они дома обо всем расскажут своим землякам.

Казахский батыр победил Ерэнесе-сэсэна, сел на него и приготовился вонзить нож в его грудь. Вдруг побежденный громко рассмеялся.

— погоди! Не спеши убивать! Надо узнать, почему он смеется,— закричали старики.

Ерэнесе-сэсэн поднялся на ноги и заговорил:

— Моя жена Бэндэбика мне...

Но его прервали:

— Знаем, знаем Бэндэбику!.. Хорошо! Говори! Значит ты и есть ее муж Ерэнсе-сэсэн?

— Да, я Ерэнсе-сэсэн. Бэндэбика строго-настрого запретила нам нападать на чужую страну. «Защита страны — подвиг, захват страны — подлость», — сказала она, но я ее не послушался. Отправился к вам с барымтой. Она оказалась права — я испытал у вас свой самый большой позор. Вот почему я смеюсь над самим собой, — сказал Ерэнсе-сэсэн.

— Мы слышали, что Бэндэбика — мудрейшая женщина, авлия. Оказывается, действительно, авлия. В честь такой женщины мы всех вас освобождаем и отпускаем с миром, — сказали казахские аксакалы.

Измученные вернулись они на свою родину. Но и здесь не было покоя Ерэнсе-сэсену — на него набросились те, чьи дети остались поверженными на чужой земле:

— Где наши сыновья? Это ты виноват в их гибели! Не послушал совета умного человека и вверг в позор и себя, и наших детей.

В глубокую печаль погрузился Ерэнсе-сэсэн. Не выдержав позора, сел на своего коня и поехал на восток. Поднялся на вершину горы Кэншат. Во весь опор помчался он по гребню той горы и вместе с конем прыгнул с крутой скалы. Там и нашел он гибель вместе с верным своим конем.

Холм, где похоронен Ерэнсе-сэсэн, находится на правом лесном берегу реки Ургунь, там, где в нее впадает речка Назый выше дороги, ведущей в Коро-Урсай. Все пространство вокруг холма вскопано и вспахано. На могиле находится длинный плоский камень.

121. Исянгул и Саит-балуан *

В прежние времена в этих краях башкир на воинскую службу не брали. Первым стал поставлять солдат белому царю Исянгул — с тех самых пор, как стал здесь начальником-турэ. Частенько наезживал он и к казахам, убеждая их последовать его примеру. Он говорил им: «Мы служим в солдатах у Белого царя, и вы тоже держите под своей властью реку Яик, будьте на ней хозяевами, отдавайте своих джигитов в солдаты». Но казахские бии с ним не соглашались: «Ой-бай, гоните этого иштыка, он хочет наших сыновей превратить в русских!» Уходя, Исянгул сказал казахам: «Я тоже казахский сын. Если не будете поставлять солдат, вас выгонят с Урала».

* Балуан — богатырь, борец.

В другой раз Исянгул поехал к казахам вместе со своим младшим братом Габитом, прихватив к тому же борца Саита и Кувандыка. Они угодили прямо на зинн — большое пиршество казахов. Исянгул опять стал убеждать их, призывая служить Белому царю. Потом была байга, скачки лошадей, а также борьба сильнейших батыров. На борцовский майдан привели могучего казахского балуана. Исянгул обратился к борцу Саиту:

— Попробуй с ним схватиться.

А Габиту:

— Ты выйдешь на подмену.

Казахский балуан начал бороться с Саитом. Долго-долго боролись они. И от того, что никто из них не мог друг друга одолеть, елозил в нетерпении Габит-батыр в своем золоченом седле. Исянгул же сказал ему так: «Ох, испортишь лошадь, сойди на землю!»

Наконец, Саит бросил оземь того казахского балуана.

После борьбы начались скачки лошадей. Исянгул обратился к своим: «На скачках будем держаться вместе». Решили каждый скакать на своей лошади. Вчетвером они опередили хозяев, а конь Саита пришел первым.

И тогда старейшина казахов, который организовал весь этот зинн, сказал так: «Ой-бай, и там Саит-балуан, и тут Саит-балуан», — и на том закончил пиршество.

С тех пор и осталось выражение: «И там Саит-балуан, и тут Саит-балуан».

122. Баяс-батыр

Проживали в старину два друга. Одного из них звали Баясом. Но местные баи не давали житья двум батырам. Тогда, стоворившись, два друга разграбили жестокосердных богатеев и подались в казахские степи. Но и там не нашли они пристанища и продолжили свой путь на юг, в сторону реки Сэди. Друг Баяса сказал: «Не уместятся две бараньи головы в один котел», — и поехал он своей дорогой, которая привела его в страну мадяров¹. Там и остался. А Баяс облюбывал себе долину реки Сэди. Пришлась ему по душе густая и сочная трава, которую так любит скотина.

Когда он кочевал по Сэди, неожиданно появились казахи, что пришли к нему с барымтой. Баяс-батыр собрал всех своих людей, весь скот и спрятал их в камышах.

Одна надоедливая сорока все летала и стрекотала над их головами. По ней-то и нашли казахи спрятавшихся. «Первая стрела — предательнице», — сказал Баяс-батыр и подстрелил сороку.

Настал вечер, казахи разожгли костры, сварили ужин и завалились спать. И тогда Баяс-батыр выполз из своего укрытия, пробрался к соседним аулам и поднял их жителей против казахов. Он преследовал их до тех пор, пока в колчане не осталось ни одной стрелы. Тогда Баяс-батыр сказал своим друзьям: «Как только казахи опомнятся и станут стрелять в нас из своих луков, бегите назад. Без хитрости нам не одолеть этого Аластайму».

Стоило казахам взяться за луки, как джигиты Баяса дружно повернули назад, и только сам батыр придержал разгоряченного коня. Казахи дружно бросились на него.

Тогда Баяс-батыр сказал им так:

— Если имя тебе Аластайма, сам выходи со мной на поединок!

Казахский батыр Аластайма принял его вызов. Они стали стреляться между собой, стоя друг от друга на почтительном расстоянии. Первым стрелял Аластайма. Баяс-батыр легко поймал летящую на него стрелу и наложил ее на свой лук. Аластайма весь так и вздрогнул от страха. Баяс-батыр в свою очередь запустил свою стрелу. Она пробила серебряное седло и застряла в чепане казахского батыра. Видит Аластайма: дело плохо, перед ним действительно находится народный батыр. И он склонил свою голову. Баяс-батыр ему сказал:

— Эй, Аластайма! Оберегать скот — одна забота, оберегать страну — тысяча забот. Больше сюда не приходи!

Говорят, с тех пор казахи не приходили к Сэди и не покушались на скотину. Там и ныне находится большое кладбище, оставшееся от наших предков. Позднее эта земля приглянулась русским казакам, и они прогнали оттуда башкир. Потом башкиры поселились на берегах Камалека десятью аулами: Бурзян, Кышак, Кагарман, Кундузлу, Усуyle, Бишул, Катай, Ишимбай, Сарыш, Мишэр; восемь аулов расположились на берегах реки Каралек: Таллы, Бурзян, Дингезбай, Кышак, Кинзягул, Хасан, Таштугай, Муратша.

Такова история наших рек Камалека и Каралека.

123. Бакатэр-батыр

В отдаленные от нас времена в этом ауле Бакатэр проживали два брата. Тот, что был постарше, очень хорошо стрелял из лука, был знаменитым стрелком-мэргеном.

Вот однажды наши соседи-казахи начали свое нашествие со стороны реки Яик прямо на Бакатэр. Прознав про то, братья скоренько вскарабкались на гору Бакатэр. Вместе с ними поднялись туда еще семь их друзей. Стоило им оказаться на вершине той горы вместе со своими луками и большим запасом стрел, как казахи подступили к са-

тому аулу. Куда ни глянь — их всадники! Там и тут, кучами и группами, развели костер, подвесили над ними большие казаны, стали варить мясо. А рядом с ними — камыши, глубокое Бакатэрское озеро.

И вот старший из братьев наложил стрелу на лук и пустил ее в стан врагов. Каленая стрела вонзилась прямо посередине казана, проколола чугун, и из казана потек варившийся бульон. Среди казахов начался переполох. Они поняли, что с таким метким стрелком шутки плохи, стали они убегать с того места, многие спрятались в камышах.

И тогда башкиры стали их преследовать, подожгли камыши. А те были сухими, пожухшими, и потому очень быстро воспламенялись. Камыш тогда рос со стороны нынешнего Юлгутлу. В те же времена этого хутора не было и в помине. Казахи бежали без оглядки, до самого Яика не останавливались. Вот так прогнали их наши. Но те успели-таки выкрасть одну девушку из аула Бакатэр и увезли ее на тот берег Яика. С того случая прошло какое-то время.

Среди тех казахов жил в плену некий башкир. Он прознал про ту девушку и решил устроить ей побег. В назначенный час, глубокой ночью они выбрали себе коней, что паслись возле казахских юрт, а у остальных, что были привязаны, перерезали подседельники. Ускакали они в сторону Яика, пустили вплавь своих коней. Казахи хотели было сесть на лошадей, да попадали на землю.

Вот так и спаслись пленные башкиры, вернулись в свой аул Бакатэр и свалились без сил. Но та девушка была уже беременной от казаха. В скором времени она родила мальчику, которому дали имя Серембет.

От них-то и пошла наша улица Серембетов: старики Зариф, Хаким — Алчембаевы — Серембеты. Яркимбай-казах, жил у нас, тоже из рода Алчембаевых. «Тальник Яркимбая» называют заросли у аула. Участок в истоках реки Кутуй принадлежит ему. Вот такими были, как бы ни говорили наши Серембеты!

124. Ерэнсе-сэсэн

Лет 400 назад в ауле Корама нынешнего Учалинского района жил человек по имени Ябайхынсы, который славился своей способностью ясновидения и умением ворожить и предсказывать.

В те времена между башкирскими племенами и киргизо-казахами происходили частые раздоры и даже целые сражения из-за земли и воды. В одном из таких сражений сын Ябайхынсы по имени Ерэнсе-сэсэн угодил в плен к казахам.

В плену Ерэнсе-сэсэн пас скот казаха по имени Кусембай. Однажды он наткнулся на голову лошади, ставшую полой от времени. С тех

пор он бережно носил ту голову с собой. Брал он ее в руки и начинал напевать:

«Кто скажет, что ты голова тулпара,
Что сын Ябайхынсы пасет овец отары?
Коль бывшего рода ты зачинатель,
То я — сэсэн Ерэнсе!»

Напарник Ерэнсе, который пас вместе с ним байское стадо, придя домой, рассказал, что тот — ясновидец, ворожей, хынсы. Хозяин Ерэнсе Кусембай призвал к себе пастуха-башкира. Он повел его к косяку лошадей и спросил: «Есть ли среди этих лошадей жеребенок, который может стать тулпаром?» Ерэнсе ему ответил: «Нет». Тогда хозяин показал ему табун другого бая-соседа. Осмотрел Ерэнсе байских лошадей и показал на одного неказистого жеребенка. «Постарайся во что бы то ни стало выкупить у бая этого жеребенка, — сказал он своему хозяину, — из него получится настоящий тулпар».

Кусембай купил у соседа жеребенка и отдал его Ерэнсе на присмотр. Прошло два года, и жеребенок превратился в завидного стригунка.

Пришло время выводить коня на майдан.

Однажды перед самым майданом Ерэнсе-сэсэн пришел к Кусембаю, и сказал ему так: «Тот неказистый жеребенок превратился в рослого коня, надо его испытать», и попросил у него разрешения участвовать в скачках. Бай дал ему свое согласие. Начались скачки лошадей. Ерэнсе-сэсэн придержал узду своего скакуна и следовал позади всех, отстав от прочих всадников. В таком порядке и прискакали на майдан, и тут Ерэнсе-сэсэн крикнул что есть мочи: «Эй, жолдосы-приятели! Вот, поглядите на истинного тулпара!», и затем ударил своего коня, и повернул обратно.

Беглеца пытались преследовать, но никто не мог за ним угнаться.

Когда скакал тот тулпар, от копыт его так и отскакивали искры. Ни разу не останавливаясь, доскакал Ерэнсе-сэсэн до Корама. В ту пору народ находился на летовке в местечке Ямазы. Ерэнсе-сэсэн не стал спешиваться в ауле, а направил коня прямо на ту летовку.

Неподалеку от Ямаза ему пришлось преодолевать какую-то речку. Тулпар сделал прыжок, и копыта его впечатались в камень. До сих пор сохранился тот лошадиный след. А брод тот стали называть с тех пор «Толпар баҫқан кисеу» — «Брод, где ступал тулпар».

125. Исмаил и Даут

Примерно четыреста лет тому назад неподалеку от Яика на берегу реки Узункуль проживал прославленный человек по имени Исмаил из рода Кубалаяк. В ту пору многие башкирские роды принимали власть

русского царя. К ним относились и роды Кубалаяк, Катай, Теляу. Только старик Исмаил был против этого. Усадив на лошадь свою жену, единственного сына Даута и невестку, прихватив с собой весь скот, подался он в казахские степи.

Ехали они, ехали, пока не оказались в пределах яйляу одного казахского бая. Старик Исмаил рассказал обо всем, попросил позволения жить на казахской земле.

А казахский бай загорелся на жену и невестку старика, на его стада и табуны, и повелел своим приближенным: «Отнимите у этого иштяка и жену, и красивую невестку, и стада его». О том донесли Исмаилу, сказав: тебе будет позволено здесь жить, если только ты отдашь баю свою жену, невестку и скотину. Старик Исмаил ответил: «Не отдам вам ни жену мою, ни невестку».

«Тогда убьем и тебя самого, и твоего сына», — сказали ему.

Наткнувшись на непреклонность старика, приближенные казахского бая быстренько связали его самого и сына его Даута. Палач бая поднес нож к горлу старика Исмаила, и только тогда старик обратился к баю с такими словами:

— Есть у меня к тебе одна просьба: Даут — мой единственный сын. Если даже меня зарежете, его, ради бога, не трогайте. Пусть ходит хотя бы в пастухах.

— Твое желание будет исполнено, — отвечал бай.

Старика Исмаила убили, а Даута определили пастухом. Жену Исмаила отдали за одного старика, а невестку бай взял себе в жены. Отлученный и от матери, и от жены, Даут начал жить в доме для скотников.

Однажды, когда, пригнав овец, Даут входил в свое жилище, увидел он свою жену. Одетая в шелка и парчу, шла она, беспечно хохоча. Даут обратился к ней: «Женушка моя, что же это ты даже посмотреть на меня не хочешь, о делах моих не спросишь? Или, понав во вражьих руки, позабыла меня совсем?» Но жена только нос отворотила: «Если ты, оборвыш, не будешь вести себя смирно, пожалуюсь своему баю, он тебя проучит».

Вечером, перед сном, к Дауту заглянула старуха — доильщица кобылиц. «Сынок, — обратилась она к нему, — говорю тебе по великой тайне, будь осторожен: тебя хотят убить через сорок дней. Постарайся бежать. Для этого старайся поймать черного жеребца бая, только он может тебя спасти. Если ускачешь на другой лошади, тебя все равно догонят. Я сама тоже башкирка. Меня выкрали еще в пору девичества. Я так истосковалась по родным краям, но вернуться туда уже не смогу. Ни в чем бы не раскаивалась, если бы удалось мне умереть на своем Урале».

С того самого дня джигит стал думать о побеге. Каждый день приглядывался он к черному жеребцу бая, ища возможности его похитить. Но табунщик зорко следил за жеребцом. Даже ночью, ложась спать, он привязывал к нему один конец веревки, а другой наматывал на запыстье. Так прошло тридцать девять дней, начался сороковой. Вечер настал. Даут опять отправился выслеживать черного жеребца. С собою он прихватил двухпудовую гирию. Табунщик лег спать. Как всегда,

заарканил жеребца и один конец аркана повязал на запястье руки. Даже лежа в юрте, время от времени подергивал аркан.

Осторожно подобрался Даут и схватил жеребца за узду, развязал аркан и привязал его к той двухпудовой гире. По той причине табунщик не заметил отсутствия жеребца.

Сев на черного жеребца, Даут поскакал в сторону отчего края. Проснулись казахи, попытались было нагнать беглеца, но—куда там! — черного жеребца и след простыл.

Вернулся джигит к людям своего рода Кубалаяк. Сородичи окружили его тесным кольцом, стали расспрашивать, что да как. Даут обо всем подробно им рассказал. Сородичи Даута были сильно возмущены жестокостью и бесстыдством казахского бая. И вот порешили они: «Отомстим за старика Исмаила, вызволим его жену и угоним скот!» Для такого дела были приглашены батыры из родов Теляу и Катай. Вооруженные батыры направились в сторону яйляу казахского бая. Внезапно напали они на яйляу, вызволили из плена жену старика Исмаила, старуху башкирку и угнали с собой отобранный баем скот. Когда они уже ступили на землю рода Кубалаяк, сзади показались два столба пыли. «Погоня!» — распространилась весть. Батыры отправили вперед женщин, скотину, а сами стали в ожидании скачущей в их сторону погони. Аксакалы стали советовать: «Постарайтесь обойтись без кровопролития».

Когда преследователи приблизились, батыр рода Кубалаяк для острастки с дальнего расстояния выпустил стрелу и вдребезги разнес луку седла военачальника. Но тот продолжал скакать дальше. Только после этого батыр Кубалаякова рода пронзил следующим выстрелом ему грудь. Видя гибель своего предводителя, остальные преследователи повернули назад.

Освободившийся из плена Даут обосновался на родине своего отца старика Исмаила — на берегу Озонкуля. Дети, родившиеся от Даута, расселились аулом. Тот аул называют и Озонкулем, и Исмаилом.

126. Умбет-батыр

Лет пятьсот тому назад часть башкир жила на берегу реки Самары. У них происходили постоянные стычки с Казанским ханством. Казанские ханы старались подчинить себе самарских башкир, но те дружно сопротивлялись и раз за разом отбивали налеты татарских войск. Во главе башкирского воинства стоял усергенский батыр Умбет.

Когда Умбет-батыр начал стареть, усергенцы, жившие на Самаре, решили вернуться в родные места. Их сородичи приняли эту весть с большим одобрением. Они выделили им место на берегу реки Ускалик.

К тому времени несколько сыновей Умбет-батыра подросли и налились зрелой мужской силой. На землю усергенцев нередко нападали казахи и калмыки. Несмотря на свой пожилой возраст, Умбет не мог с тем примириться. Для сбора войска он назначил в каждом ауле надежных людей. Военачальниками он назначил своих сыновей. Он выставил караулы и гонцов на дорогах, по которым обычно совершались нападения. Караульным на горе Тишеклетау, что находится возле сегодняшнего аула Муйнак, он назначил своего старшего сына Муйнака. Стоило на горизонте появиться врагам, как караульные извещали об этом огнем и дымом костров. Тотчас гонцы разъезжались по аулам, созывая войско.

Особое беспокойство усергенцам доставляли калмыки. Однажды они заявили с большим войском и дошли до йяляу у подножия горы Каратау, где проживал старик Умбет. Сражение с калмыками очень сильно подточило силы усергенцев. С огромным трудом выгнали они врагов со своей земли. При приближении их аульский люд, женщины, старики и дети прятались в лесу, и только так спасались от уничтожения и плена. Название леса Аулкаскан (Аул сбежал), что находится возле нынешнего аула Умбетово, осталось именно от того времени.

Умбет-батыр умер, прожив большую жизнь. Его похоронили на нынешнем кладбище аула Умбетово. У старика были большие земельные владения. С разрешения его сыновей позднее на том месте, которое называется «Сурень кугэрсене» («Суреньский голубь») поселились татары.

127. Тэкэкашка

(Плешивый)

Лет четыреста тому назад в ауле Карт-Муйнак (Старый Муйнак) жил род зауральских башкир. Здешные башкиры то и дело воевали с калмыками. Родоначалником рода в Карт-Муйнаке был батыр по имени Утягул, который участвовал во многих битвах с калмыками.

Прошли годы. Однажды калмыки прислали к старику Утягулу своего гонца: так, мол, и так, отдайте нам вашу землю, а не отдадите, пойдем на вас с большим войском. Но Утягул не принял таких условий, в ответ сам выставил свои условия: пусть возле горы, отстоящей от аула Карт-Муйнак в трех верстах, встретятся в поединке два батыра с обеих сторон. На чьей стороне будет победа, тому отойдет и земля.

Калмыцкий гонец увидел в доме Утягула висящий на стене лук и решил себя проверить. Он поднял тот лук, а повесить обратно на место не сумел, там его и бросил, а сам уехал на свою родину. Вернувшись, он рассказал обо всем, что видел и слышал на башкирской земле.

Стоило гонцу уехать, как старик Утягул призвал к себе младшего брата своего Тэкэкашку. Настоящее его имя было Рыскул, а Тэкэкаш-

кой называли его из-за плешивости. Когда Тэкэкашка предстал перед Утягулом, тот спросил его: «Братец, ты теперь стал джигитом, пробовал ли ты испытать свою силу?» «Нет, испытать не приходилось, — отвечает тот, — но когда я сжал в кулаке пучок таволги, обильно потекла вода». Тогда Утягул сказал так: «Знай и ожидай: тебе придется бороться с калмыцким батыром. Калмыки приведут своего батыра, с двух сторон связанного арканом. Он будет реветь, как взбешенный бык, будет скрести землю и швырять ее в обе стороны. К тому же, он будет голым и густо смазан маслом. Когда до тебя останется расстояние, равное двум копьям, аркан отпустят и батыр бросится на тебя. Во время борьбы он постарается пролезть между твоими ногами, вот тогда хватай его за ребра и бросай в воздух».

Наступил назначенный день. Утягул вместе с сородичами явился к обговоренному месту возле горы. Через некоторое время появились и калмыки. Как и предвещал Утягул, калмыцкий батыр ревел быком, скреб землю и швырял ее в обе стороны. Когда он приблизился к Тэкэкашке, его освободили от арканов и он бросился на своего соперника.

Схватка началась.

С обеих сторон, не жалея глоток, кричал народ, воодушевляя своего батыра. Когда калмыцкий батыр постарался пролезть между ногами Тэкэкашки, тот мертвой хваткой схватил его за ребра и подбросил в воздух. В каждой руке башкирского батыра остались по ребру брошенного им соперника.

Видя поражение своего батыра, калмыки, без битвы, повернули обратно. Те же, кто остался здесь, стали славить Тэкэкашку, устроили скачки, шумно пировали, а потом разошлись по домам. С того времени ту гору стали называть Шартымтау, что означает Гора условия.

Утягул вновь призвал к себе батыра и дал ему такой совет: «Ну, братец, ты теперь испытал свою силу, спас нашу землю от разора. Тем не менее, будь начеку, скоро зайвится другой калмыцкий батыр. Он будет на коне. Вонзай свое копьё не в него самого, а в голову его коня. Конь начнет кружить на месте, и пока наездник будет с ним возиться, коли его в подмышки».

Немного времени прошло, и калмыки заявили опять.

Как и советовал Утягул, Тэкэкашка вначале вонзил свое копьё в голову скачущего коня, а затем снес и самого наездника. И вновь калмыки были вынуждены уехать восвояси. И опять после того поединка состоялись скачки и всеобщий пир. Всей летовкой перебрались местные жители к подножию горы, находившейся неподалеку от Шартыма. Гора та носит название Кувандык (Обрадовались).

Нашествия казахов и калмыков прекратились лишь после признания власти Белого царя. Для прекращения распрей, Белый царь прислал своих конных казаков. По этой причине в этих местах образовались казачьи деревни. С тех пор прекратились войны между башкирами и калмыками за обладание землей.

Сегодня возле горы Шартымтау проходит железная дорога Миасс—Учалы. Теперь там станция. Ее называли Шартым.

128. Карасай и Казы-батыр

В старину у ногайцев был батыр по имени Урак. Славе и богатырству его очень завидовал Исмагил-мурза, который приходился Ураку родственником. И вот он стал подговаривать двух джигитов, чтобы они убили батыра.

Только как убить Урак-батыра? Как от него избавиться? Ни стрела, ни копье не брали Урака. Исмагилу, однако, удалось узнать, что Урак-батыр может принять смерть только от своей сабли. Прознав тайну батыра, Исмагил велел своим джигитам выкрасть у батыра саблю, подвесить ее поперек дверей его юрты и затем что есть мочи выкликать его наружу. Джигиты так и поступили: когда Урак-батыр уснул глубоким сном, они тихо прокрались в его юрту и выкрали саблю, лежавшую у изголовья. Затем они привязали ту саблю к дверям его юрты на уровне человеческой шеи. Через некоторое время они стали кричать что есть мочи, что, мол, на яйляу напали разбойники.

На их крик проснулся Урак-батыр, вскочил на ноги, бросился к выходу и напоролся на лезвие своей сабли. Там и дух испустил.

Так Исмагил-мурза избавился от Урак-батыра. Сам же стал ханом. А у Урака осталось двое малолетних детей. Старшего звали Карасай, младшего — Казы. Чтобы уберечь малышей от кровожадного Исмагила, бабушка увезла их в другие края. Там и росли мальчишки в нужде и невзгодах.

Однажды на страну ногайцев напало войско калмыков. Исмагил был низвергнут и убит.

Карасай-батыр, который вырос к тому времени могучим батыром, собрался выступить против калмыков. Но у него не было ни коня, ни оружия. Он стал просить свою бабушку достать ему коня и боевое снаряжение. Видя, что внук еще слишком молод, бабушка Карасая никак не хотела выполнить его просьбу. Она всячески стала отговариваться, ссылаясь на то, что достойного коня и оружия нигде нет и что враг и без того уже далеко.

Однажды батыр по имени Гадельсултан собрал вокруг себя сорок ногайских батыров и выступил против калмыков. В битве с ними Гадельсултан потерпел поражение и попал в плен к врагу. Его бросили в темный зиндан, который находился среди высоких гор, куда не ступала нога человека.

Прослышав о поражении Гадельсултана и его пленении, бабушка Карасая посадила внука на одного из тулпаров* султана и сама проводила его на битву. И стал юный батыр крушить калмыков. И только никак не мог напасть на следы Гадельсултана.

* Тулпар (миф.) — крылатый конь. Здесь — в смысле прекрасного коня.

Находящийся в зиндане Гадельсултан написал маленькое письмоце, привязал его к крылу ласточки и выпустил ее из зиндана. Ласточка прилетела к людям, и те все узнали про Гадельсултана. «Если сумеет отыскать, меня может спасти только младший сын Урака, Казы», — было написано в том письме.

Казы отправился искать батыра. После долгих поисков отыскал пещеру среди тех непроходимо-высоких гор. Пошел он той пещерой и вышел прямо к стану калмыков, там и разыскал зиндан Гадельсултана.

Вместе со старшим братом Карасаем стал громить Казы-батыр калмыков, освободил из плена Гадельсултана и вернулся домой с огромной добычей. Слава о Карасее и Казы полетела вокруг на стремительных крыльях.

В Оренбургской области у деревни Бурансы, находящейся в Беляевском районе, есть озеро по названию Карасай. Говорят, у того озера в те далекие времена располагался летний яйляу Карасай-батыра. От этого и идет название озера.

129. Кобланды-батыр и Казан-хан

Еще у ногайцев был батыр по имени Кобланды. Казахи называют его своим батыром. Они сочинили о нем улены и разные песни.

Мне пришлось слышать от стариков деревни Бурансы, что батыр кипчаков Кобланды уберег кипчакские роды от калмыков.

Кипчаков мучил и изводил калмыцкий хан по имени Казан. То и дело он угонял их скот, да и самих изгонял из собственных их кочевий и владений, безжалостно вырезал мужчин и забирал себе в рабство самых красивых девушек.

Сам Казан-хан был необыкновенно сильным, огромным в теле человеком. Голова у него была величиной с котел — казан. Потому-то и называли его Казан-ханом. Размах плеч достигал нескольких аршинов, а уж о росте и говорить нечего. От одного его крика сотрясались горы и земля, набегали тучи на ясный небосвод и начинался дождь или снег.

Во всем ханстве не находился батыр, способный одолеть Казан-хана. Но именно в ту пору подрастал и стал батыром юноша по имени Кобланды. И задумал он победить Казан-хана и отомстить калмыкам за все их издевательства над его народом.

Женился Кобланды на красивой девушке, которая, к тому же, была мудрой, настоящей ясновидицей. Она выбрала среди многочисленных лошадей своего табуна одну кобылицу, дождалась, когда та ожеребится, и воспитала ее жеребенка. Тот жеребенок оказался из породы тулпаров. Никому не показывала его та мудрая женщина, растила и хонила несколько лет в стороне от завистливых человеческих глаз.

Когда пришел срок, она посадила на того тулпара мужа своего Кобланды и проводила на битву с Казан-ханом.

Добрался Кобланды-батыр до города калмыков, вступил в жестокую схватку, которая длилась несколько дней подряд, и одолел-таки Казан-хана, снес ему голову острым мечом, насадил на конец копья и проехал много стран, показывая народу ту огромную голову хана, наводившего ужас на всех, кто испытал его жестокость.

Позднее иссохшая голова хана еще долго валялась на земле. Ее катали пинками, кололи чем попало, но так и не могли размолоть ту страшную пустую голову. Сказывают, часть той головы до последнего времени лежала на местном кладбище.

130. Сорок ногайских батыров

Когда я учительствовал в ауле Бурансы Беляевского района Оренбургской области, мне много приходилось слышать от местных стариков, в том числе от Абдельгали Узбекова (он с 1892 года рождения) предание о сорока ногайских батырах.

Сказывают, проживали в старину сорок ногайских батыров. То богатирство передавалось по наследству — от дедов к отцам, от отцов к их сыновьям, от тех сыновей к их наследникам. Один из первых пращуров Тукляс-баба, за ним Идукай, его сын Мурадым, сын Мурадыма Муса-хан, его сын Мамай-хан, Сура-батыр, Ямгырсы, Агипш-батыр... так и шло от поколения к поколению. Позже всех, самым молодым батыром был в том роду Кобланды. Прежде старики много рассказывали уленов и сказов об истории Кобланды-батыра.

Мамай-хан прогнал калмыков с этих мест. Название нашего аула Бурансы осталось от ногайского батыра по имени Бурансы. Говорят, он был современником, приближенным Ижукай (Идукай). Ижукай был выходцем из простого (черного) люда. Говорят, поначалу он был начальником тумена*. Как память о нем осталось два могильных камня. По левую сторону от дороги, ведущей в Беляевку, на мусульманском кладбище, находятся два камня с надписями. Во время летнего туристического похода мы собственными глазами видели те камни, сфотографировали их. Надпись очень и очень древняя, трудно что-либо понять. Во времена Ижукай жил Хабрау-йырау**.

После Ижукай был Баял-хан. По происхождению Баял — казах, из простого, бедного люда. Он был сиротой. Упорство и богатирство помогли ему вознестись.

* Тумен — десять тысяч воинов.

** Йырау — певец-импровизатор.

И еще росли у него сыновья Кунсу, Куку, Есем-батыр. Именно они прогнали с тех мест калмыков. Много сражений происходило в те времена.

Усергенские башкиры жили в тесном общении с казаками. Из усергенцев вышли батыры Алгышай, Сура.

131. Сура-батыр

В прежние времена здесь не было никаких аулов. Некий человек по имени Купеш, искавший удобное пастбище для скота, выбрал для стоянки место, где ныне расположен аул Садалы, и там обосновался.

На вид Купеш был могучего сложения башкир, к тому же остро слов — не лез в карман за словом, и потому те, что осели там вслед за ним, скоро признали за ним право верховодства. Пришлые башкиры составили несколько аулов. Они тоже подчинились Купешу. После этого тамошних башкир стали называть Купешевым родом. Они представляли собой частичку бурзянского рода.

У купешцев были и свои батыры. После смерти Купеша верховенство перешло к его старшему сыну. В скором времени его стали называть Сура-батыром.

Однажды, когда Сура-батыр вместе со своими батырами обедали в лесу на зеленой полянке, ему принесли весть о нападении вражеского войска. Сура-батыр поставил дозором на вершине самой высокой горы своего самого верного батыра, дал ему самый толстый курай и велел играть громко, едва покажется вражеское войско. Батыра того звали Кулуй.

Нельзя сказать, что Кулуй проспал. Нет, он не спал, только враги оказались куда хитрее — они напали ночью, и совсем не с той стороны, откуда ждал их Кулуй, и перебили большинство батыров Суры. С остатками своего войска поднялся Сура на гору и сказал кураисту:

— Кого ты караулил? Может быть, караулил имэн — дерево дуба? С тех пор ту гору называют «Имэн карауылы» — Дубовый караул.

132. Старик Муйнак

Во времена Белой царицы — Эби-батша — проживал старик по имени Муйнак. У того старика было шестеро сыновей: Кунакбай, Канбулат, Яунбай, Карамыш, Кунаккужа, Акбаш. И вот подросли, возмужали те сыновья.

Однажды начальник воинского гарнизона в городе Каргалы, что возле Оренбурга, по имени Ахмар получил соизволение прибрать к рукам старика Муйнака и подчинить его царице. Он тут же послал к нему гонца: так, мол, и так, я приеду к тебе в гости с сотней солдат, встречай, мол, за селом Исянгулом у реки Ик возле Широкого Брода — Ясы кисеу. И подпись свою поставил.

Таким образом Ахмар-батыр решил прибрать к рукам не только самого старика Муйнака, но и весь его яйляу вместе с детьми и сородичами, со всем его богатством.

Но старик Муйнак разгадал тайный умысел Ахмара.

Сыновей старика Муйнака в ту пору дома не было — уехали биться с врагами. А что-то надо было делать, встречать Ахмар-батыра в назначенный день.

Старик Муйнак собрал всех, кто жил или находился на яйляу. Среди них оказалось двенадцать стариков, остальные — все девушки, женщины да старухи. И еще — детвора.

Старик Муйнак объяснил им положение дел.

Вот и назначенный день настал, а сыновей старика все нет как нет. Тогда он собрал всех, вооружил чем мог и отправился в путь. По дороге поучал: «Когда Ахмар-батыр будет со мной здороваться, то скажет: «Вот, старик Муйнак, ты и попался».

Я спрошу у невесток Айсуак и Уркуи: «Ну, как дети?» Тогда вы подойдете с двух сторон, вонзите копыя в бока Ахмар-батыра и поднимете его на воздух».

Едут они дальше. Добрались до Широкого Брода. За рекой показались и люди Ахмара. А сам он оставил своих воинов в двадцати саженьях и направился к старику Муйнаку с намерением пленить его собственными руками. Старик сделал знак своим людям, сошел с черного иноходца и пошел навстречу Ахмару, держа в руке уздечку своего коня. Здороваясь со стариком Муйнаком, Ахмар-батыр произнес: «Ну что, попался?» А старик, как и было договорено, обратился к Айсуак и Уркуе: «Ну, как дети?» Те быстро подступились к Ахмару и вонзили копыя в его бока. И началось сражение. И в том сражении особенную удачу выказала та самая невестка Уркуя. Войско Ахмар-батыра не выдержало натиска и бежало.

Вот так, с победой, воротился домой старик Муйнак.

Через день-другой вместе с отбитой у врага скотиной вернулись и сыновья старика. Они еще не знали, что произошло на яйляу. Старик Муйнак рассказал им обо всем, показал добытое оружие. Сыновья не одобрили действий своего отца: «Не надо было выступать против правительственных войск. У нас нет сил, чтобы им противостоять, что теперь делать будем?» Тогда встал старик Муйнак и обратился к народу с такими словами: «Я совершил оплошность, сам же и поправлю».

Спустя три или четыре дня старик Муйнак отправился в город Казань вместе с двумя стрелками. Он решил добровольно отдать себя в руки властей. Он явился к губернатору и рассказал о том, как убил Ахмар-батыра и разгромил его войско. «Только детей моих, пожалуйста, не трогайте», — сказал он, признавая виновным в содеянном только себя, и склонил голову.

Губернатор был поражен тем, что старик Муйнак из такой дали добирался сюда на лошади. Долго разговаривал он с ним, и потом сказал: «Муйнак, мы тебя не тронем, назначим старшиной. Держи своих людей в одном месте, исполняй наши приказания». Старик Муйнак выразил свое согласие наклоном головы. Получил в руки указ и вернулся домой старшиной. Созвал он весь народ, закатил большой туй.

Своих людей рассадил он отдельными аулами, велел измерить реки в местечках Сурэм, Ускэлек, Эселе. «Где река окажется побольше, там и селитесь», — приказал он сородичам. Измерили те реки, и оказалось, что больше других оказалась река Ускэлек. Тогда старик Муйнак решил сам расположиться на берегу этой реки. Так образовалось три аула: Верхний Муйнак, Средний Муйнак и Нижний Муйнак.

Сказавши: «Не бросим берега Сурэма», три сына старика основали аул Малай Муйнак. Тех трех сыновей звали Канбулат, Кунакжуа и Акбаш. Их потомки живут до сих пор.

133. Алдар-шымай и Зухра

В старину здесь жил батыр и меткий стрелок по имени Шымай. И потому, что во всех делах был он впереди, все ему удавалось и было по силам, прозвали его Алдаром. На берегу реки Уршак не было ему равных.

И была у него любимая девушка по имени Зухра, грациозная, как лань, и тонкая, как камышинка. Только пожениться они так и не смогли. В эти места заявилось какое-то чужеродное племя. Алдар-Шымай выступил против него. В местечке Чуваш-Карамалы есть Лес семидесяти — Етмеш урманы. Там батыр уложил своими стрелами семьдесят человек. Когда стрелы у него кончились, враги убили Шымая. Похоронили его между селами Биккулово и Мияки. Раньше была и его могила. Теперь ее уж не отыскать. Аул Алдар носят его имя. Этот аул находится возле Ильсегулова. После смерти Алдара недолго прожила и Зухра. Ее могила находится на вершине горы, что на востоке от нашего аула Биккулово. В прежние времена существовало дивное сказание про Алдара и Зухру¹.

134. Акай-батыр

Акай был прославленным полководцем, предводителем войска¹. В наши края он прибыл с мензелинских мест.

Когда я был маленьким, йырау — певцы-импровизаторы пели о нем, играя на домрах и гуслях. Сейчас такие певцы-музыканты перевелись.

Акай отличался редкой отвагой и физической силой. Его ни стрела не брала, ни сабля не секла. Когда в него стреляли из винтовки, пуля пролетала мимо. Он не тонул в воде и через широкие пропасти перешагивал без разбега. Когда Акай отряхивался после очередного сражения, из его железной кольчуги ворохом сыпались пули.

Долго сражался он с царскими офицерами и начальниками. Жесткие битвы прошли на берегах озера Кандра-куль. Воины Акай, не жалея жизней, бились и на уфимской стороне, и в долинах реки Идели, там, где текут соленые источники, стараясь захватить царские крепости. Но взять эти крепости они так и не смогли. Восстание было подавлено. В конце концов, Акай остался один и еще долго бился с карателями на берегу озера. Вконец выбившись из сил, взял и ушел по воде на середину озера. Сунулись было за ним, да куда там! Тонут солдаты — и все тебе. А Акай знай себе стоит, и хоть бы ему что! Стреляют в него, стреляют, да никак не попадут. Тогда в ярости начальник царских войск Тевкелев (Тавтиляу)² оборвал на своем мундире все пуговицы, зарядил ружье и выстрелил в башкирского батыра. И раненый Акай рухнул в воду.

Но даже упавшего с ног Акай не проглотило озеро в свои недра. С тихим колыханием, словно качая на качелях своих волн, вынесло оно на другую сторону его тело. А на том берегу Акай ждал верный конь. Он дождался, когда хозяин придет в себя и унес его в лес.

Но Акаю не суждено было выздороветь. Под видом лечения ран его накормили беленой и свели с ума. Помутилось сознание батыра, и он бродил среди людей в умалишенном состоянии, наводя на них жалость и страх. А когда пришел в себя и понял, в каком состоянии все это время пребывал, чуть не заплакал от горя и стыда. Не выдержав позора, он одним концом аркана удушил коня, а на другом — повесился сам. Озеро то стали называть Акайкуль.

Много войн было в старину. И много великих батыров и предводителей было в народе. Только не было в нем единства, не могли они «влезть в одну шапку». Да и оружие было такое, что хуже некуда: стрела, сабля, копые да секира. А у царских карателей винтовки линейные да мушкеты, пушки, стреляющие ядрами. Попробуй устоять против них. Разве может секира победить чугунные пушки?..

135. Карас и Карасакал

Когда явился Карасакал¹ и влился в ряды башкир, он собрал стариков, самых удалых молодцов и зрелых мужчин, завел с ними разговор. Кто-то из толпы подал голос:

— Военное дело — спорное дело. Оно тут обоюдно. Тех, кто явился сюда, мало. Есть отпрыск Кубагуша² Карас, который во главе тысячи бился с ханами по всей демской долине, а потом покинул родину и поселился в Уйташе. Он верховодит на истоке Идели в Иремеле и в долине Яика Уйташе, к нему и надо обратиться. А придется бежать или прятаться — опять же нужны горы да леса. Он — хозяин скал да лесных чащоб.

Так сказал этот человек.

А Карас сам присутствовал на том сборе, но его никто не признал. Вышел он вперед и воскликнул: «Не загоняйте лошадей, я здесь!»

Кинулись к нему с расспросами, а он сказал так:

— Соперничество — удел мужчин, война — удел страны. Если бы мое мнение касалось какого-нибудь мелкого дела, я бы стал говорить. Для войны же нужны люди, нужен народ, а за него я говорить не могу.

Тогда кто-то ему бросил:

— Как говорится, сорок человек — за, сорок первый — сторона. Не противься, Карас! Ты — глашатай народа, его голос.

На это Карас ответил:

— Верно говоришь! Если народ откроет рот, то я — его язык, — стану говорить. Но откроет ли народ свой рот? Живу я на Урале, и нет вокруг ни одного деревца, чтобы вырезать себе кнутовище. А пойдут ли на войну без камчи?

Встал тут Карасакал и промолвил:

— Мне сказали, что ты — глашатай страны. Ждали от тебя мудрого слова. Ты же мелешь пустое. Неужели на Урале не найдется сук для кнутовища?

Карас ответил:

— Много тополей на Урале, но начнешь их разрезать — и станет сочиться кровь. А пещеры заняты волками. Там они наплодили волчат. Уши лошадей мечены, на крупах тавро. Собаки, что лают по ночам, убиты. А есть одежда, на которую можно наложить заплату? И этого никто не знает. Ведь куропатка еще не села на верхушку деревьев, удалые джигиты. Хорошо, попробую вернуться и поговорить.

Все остались в растерянности. Никто не смог и слова промолвить. А Карас выбрался из толпы и пошел своей дорогой.

И тогда поднялся шум и гам. Некоторые говорили: «Этот Карас сошел с ума!» Другие: «Он над нами смеется, издевается над нашими чувствами».

Из толпы вышел какой-то человек и объяснил загадочные слова Караса:

— Нет, узаманы*, Карас сказал истину. Вы сами поняли его на-бекрень. Когда срезаешь дерево — выступает кровь, сказал он, а это означает, что уральские леса орошены народной кровью, обильно вытекшей на полях сражений. Меченые уши лошадей, крупы их, клейменные тавром, означают, что все места наши на виду, куда бы мы не подались, всюду нас найдут, всюду выловят. Слова о том, что собаки, лающие по ночам, убиты, означают, что все участники прежних вос-

---

* Узаманы — почтенные.

станий замучены и уничтожены. Слова о том, что куропатки не сели еще на верхушки деревьев, надо понимать так: не все участники восстаний, оставшиеся в живых, но вынужденные пребывать на чужбине, еще вернулись на родину. А под одеждой, на которую можно наложить заплату, он имел в виду Карасакала. Ведь он — пришелец со стороны и может стать в нашей стране всего лишь заплатой.

Удальцы с восхищением подумали о Карасе, который мог облечь свои мысли в столь загадочный наряд.

136. Продажа земли

Один русский боярин прибыл для купли башкирской земли.

— Сколько дашь денег? — спрашивают у него.

— Дам сто рублей, — отвечает тот. — Сколько земли дадите?

— Сколько земли за день осмотреть успеешь, столько и получишь, — отвечают башкиры. — Только иди пешком, а не на коне.

Вышли на улицу и забили колышек. Боярин отправился от него чуть не бегом. Уж так он бежит, так бежит! И чем дальше убегает от того колышка, тем лучше становится земля. И жаднее разгораются глаза боярина, хочется ему как можно больше земли скупить. А день жаркий. Вспотел боярин, в воду холодную вошел, чтобы остудиться. Вышел из воды и заболел, слег. Так и умер на той земле.

137. Как боярин землю покупал

В прежние времена башкиры были богаты землями. У наших юрматинцев было полно земель, лугов и пастбищ вдоль долины Ашкадара.

Однажды в наш аул Бужэ приехал какой-то русский барин. Созвал он аульских стариков и говорит им:

— Я прибыл, чтобы купить у вас землю. Соберите завтра сход.

На другой день весь аульский люд собрался на майдане.

— Собратья, я дам вам денег, а вы дайте мне взамен земли, — обратился к ним барин.

Зашумел народ. Послышались голоса: «Наши земли нужны нам самим. Не продадим!»

Тогда барин вытащил из кармана загадочную бумагу и сказал:

— Вот видите, царь сам отдал мне вашу землю. Не дай бог, разозлите меня — тогда я заберу вашу землю задарма.

Растерялись люди, подумали так: «Все равно он отберет нашу землю, лучше получить у него хотя бы на чай да сахар».

Барин же продолжал:

— Вы не бойтесь, я не возьму у вас много. Мне хватит земли с бычьей шкурой¹.

Старики тотчас велели привести быка и тут же его зарезать. Барин разрезал ту шкуру на тоненькие ремешки. А потом забрал себе столько земли, сколько охватили те тоненькие ремни, связанные друг с другом узелками.

Вот так и перешли во владения барина аулы Искесэк и Бужэ.

138. Утяган

За ратные подвиги, совершенные в войне 1812 года, старику по имени Утяган было дозволено владеть землями нынешнего Кармаскалинского района. Старик Утяган стал набирать себе крестьян: и из татар, и из башкир, и из чувашей. Начал продавать землю по 8 копеек за десятину (5 копеек — за землю, 3 копейки — в пользу самого Утягана).

Прослышав про возможность купить у старика Утягана землю, из Казанской губернии Мамадышского уезда приехали три брата — Ишекэй, Иштуган и Ишбирде, и остановились в ауле Старые Кияшки. Ишекэй и Ишбирде нанялись к старику Утягану возчиками.

— Сколько вам платить за вашу работу? — спрашивает у них Утяган.

— Нам вполне хватит, если дадите землю, величиной со шкуру коровы, — отвечают братья.

Целый год проработали Ишекэй и Ишбирде, пришло время с ними расплачиваться. Ишекэй зарезал корову, размягчил шкуру в кипящем котле, затем хорошо высушил и, растянув, стал разрезать на тонкие ремешки толщиной в спичинку. Сам разрезает, сам наматывает на катушку. Намотал он на ту катушку, привязал с конца к сусеку и стал тянуть тот ремешок во всю его длину. Тянет он, тянет — смотрит старик Утяган, а земля-то целого аула и затянулась тем ремешком, да и перешла во владения Ишекэю.

139. Мурзагул

В далекие прошлые времена на том месте, где находится наш аул, росли сплошные непроходимые леса. На месте нынешнего города Белорецка располагались башкирские аулы. В окрестных лесах было полно разной дичи.

Со стороны Кусатыра пришли правительственные люди. Они осмотрели местные чащи, исследовали земли, и после этого подготовили царю доклад. Царь задумал вырвать эти места из рук башкир.

Однажды появился человек, знающий кузнечное дело, и сказал людям так: «Продайте свою землю. Видите, все у вас изготовлено из дерева, а дерево быстро ломается и изнашивается. Если построим здесь кузню, то и колеса у вас будут железными, не будут ломаться и изнашиваться. И плату за это я не буду у вас брать».

Стали советоваться аксакалы. И решили они продать землю, но немного: столько, сколько просил тот кузнец — величиной с бычьей шкуру. Согласился бай. Там же составили договор и закрепили его тамгой.

Башкиры зарезали быка и стали варить бешбармак. Пока варилось мясо, шли развлечения, игры да веселье. А потом сели за трапезу.

В это время кузнец разрезал бычью шкуру на тонкие ремешки, связал их между собой и вытянул во всю необъятную длину. И растянулся тот ремешок от сегодняшнего города Белорецка до аула Азекеево. Объял землю с четырех сторон. Удивились башкиры. Но что делать: договор-то закреплён тамгой!

Через восемь или десять дней кузнец явился опять. Принес с собой всякую мелочь, раздал ее башкирам: подковы там, чугунные вещи, а сам снова стал задумывать хитрость. У башкир в те времена не было мельниц для молки муки — только ручные и были, которые руками крутят. И вот предлагает кузнец: «Давайте построим мельницу на вашей реке. Скоро зерно поспеет, смолотим его, мука будет — людям раздадим».

К осени мельница была готова. А кузнец все не берет плату с башкир.

Однажды пришел приказ от самого царя: строить в этих местах завод. Сказал богач*: «Если построим завод, будем изготавливать железо, то хозяйство ваше будет справным». Начал было дело, но оказалось, что купленной земли-то и не хватает. Он опять обратился к царю, и тот приказал скупить у башкир землю в должном количестве. Снова собрались аксакалы и сказали: «Пока не поговорим с народом, землю продавать не будем». Народ же воспротивился продавать землю. Но царь вместе с богатеями стояли на своем. «Если не станете продавать

---

* Богач — имеется в виду богатый кузнец.

свою землю, мы отберем ее у вас силой», — сказали они. На месте нынешнего Белорецкого завода поставили несколько домов. Башкиры поначалу называли это местечко «дереушка» (деревушка).

По истечении нескольких месяцев снова созвали народ. На этот раз никто из башкир не пошел на сход. И тогда богатеи решили прогнать башкир с исконных их земель и отнять их владения. В аул приехало много конных казаков. Схватка началась. Но так как казаков было слишком много, то они стали бить и теснить башкир. И тогда абзелювские, учалинские и бурзянские башкиры разъехались каждый в свою сторону и создали свои кантоны. Вот от них-то и образовались жители Учалов, Абзелюлова и Буряна.

Казаки прогнали башкир за реку Нуру, что протекает возле нынешнего Белорецка. Народ не хотел покидать насиженные места. Проживал в те времена старик по имени Мурзагул. Он тоже не желал оставлять родные места. Так в тяжбах и стычках постепенно в 1707—1712 годах между башкирами и русскими богатеями началась открытая война. Башкиры прятались в лесах и горных местах. Позднее друг их ушел и старик Мурзагул. Рядом с ним шел его бык, а позади две дочери старика — Шарбостан и Гульбустан. При старике был колчан вместимостью в девятнадцать стрел.

Устал старик Мурзагул и решил остановиться на отдых. В это время в тех местах бродили казаки в поисках бежавших башкир. Не найдя никого, присели они потрапезничать. В это время заревел бык старика Мурзагула. «Здесь башкиры!» — воскликнули казаки и стали рыскать по лесу.

Старик Мурзагул спрятал своих дочерей и настрого им велел: «Как бы я не кричал — не выходите и не появляйтесь! Если умру, никуда не увозите — где умру, там и захороните, оградив каменной оградой».

Мурзагул положил рядом с собой девятнадцать своих стрел, стал считать казаков, а тех оказалось двадцать человек. И вооружены они были только копьями. Каждым выстрелом старик Мурзагул укладывал по одному казаку. Выпуская одну стрелу за другой, он уложил семнадцать казаков. Восемнадцатая стрела тоже была выпущена им не впустую. Последнюю стрелу он придержал. Оставшиеся в живых два казака стали к нему приближаться. А у него только одна стрела. Одного из них старик пристрелил, а в последнего бросил своим батманом.* Батман его угодил в копые казака и отлетел прочь. И в этот момент казак вонзил свое копые в живот старика.

После смерти Мурзагула казаки перестали сюда заглядывать.

---

* Батман — высокая деревянная кадка (примеч. переводчика).

140. Лес Шарлы

(Шарлы Урман)

У старика Яиксыбы было восемь сыновей: Суракай, Камыш, Сурай, Альшэй, Аккылай, Кайыи, Дюртюли. По их именам образовались аулы с теми же названиями. Таким образом, род Яиксыбы-минцев состоял из восьми деревень.

Глава рода нанял переводчиком одного татарина и послал его в Петербург для выплаты ясака. Тот татарин представился девятым сыном старика Яиксыбы и записал себя под именем Туктар-Абдрашит. Поэтому эта татарская ара* считалась башкирской и вошла в состав минцев девятым аулом.

Девять аулов всегда были готовы ко всяким вражеским нападениям и войнам. Хорошо вооруженные минцы были способны противостоять любому врагу. И подчинялись минцы главе рода.

Однажды трое из братьев, сговорившись, продали русскому боярину Шарлы-урман — Лес Шарлы. Остальные братья сложили об этом песню.

Я вам поведал историю леса Шарлы.

141. Сураш

Прежде в наших местах проживал жестокий богатей Брагин, приехавший сюда из Петербурга. Были при нем и солдаты, которые его охраняли.

Брагин выжигал здесь известь, мучил народ, заставляя работать на добыче извести. И еще — он позорил девушек и женщин, вызывая тем особую злобу людей. Каждая выходящая замуж девушка должна была первую ночь провести в постели Брагина. Если же девушка не соглашалась, то и девушку, и ее жениха, и родителей их уничтожали.

Однажды удальцы аула собрались и решили между собой: «Надо кончать с этим Брагиным». Среди них были братья-батыры по имени Амин и Сураш. В плечах Сураш был в шесть четвертей. «Брагин каждое воскресенье ездит на озеро Талкас удить рыбу, — сказал Сураш. — Там мы его и накроем».

---

* Ара — родовое подразделение.

Заговорщики пошли в этот день на Талкас. Сураш сказал: «Вы не показывайтесь, а я к нему подойду».

И отправился он к Брагину.

— Сураш, зачем ты пришел? — спрашивает его Брагин.

— Вот, пришел поесть рыбки, — отвечает Сураш.

— Если пришел поесть рыбки, спускайся сюда, — предлагает ему Брагин. — Только очень ты что-то переменялся.

Сураш сел за уху, а сам проводит рукой по лбу. В это время мимо него со звоном пролетела стрела, но не задела никого.

— Эге, Сураш, по всему видно, ты пришел меня убить, — сказал Брагин и схватился за свое ружье, но Сураш успел вырвать ружье из его рук. Брагин сел в лодку и отплыл к середине озера. И тогда Сураш выстрелил в Брагина — стрела прошла сквозь плечо Брагина и разворотила корму лодки.

На руке у Брагина был перстень, который покрывал три его пальца.

— Сураш, чем наживаться тебе, пусть вода наживается! — крикнул Брагин и швырнул перстень в воду.

В тех местах по двое и по трое бродили солдаты Брагина. Одного за другим перебили и тех солдат.

Пока шла перестрелка, шум и гам, кухарка Брагина погрузилась в воду и оставалась там, дыша через камышинку. Потом, пользуясь суматохой, села на черную кобылу, прихватила еще и гнедую кобылу, и была такова. За беглянкой пустилась погоня. Уже стали было ее догонять, но она пересела на свежую лошадь и помчалась дальше. Так ее и не догнали, вернулись обратно, стали советоваться между собой: «Нет, ждать милости нам тут не приходится. Лучше переедем на другое место», — решили они.

После этого двенадцать семей снялись с места и уехали за Троицкий, в сторону Кустаная.

Однажды пришел от царя указ: «Брагин — не наш человек. Он сам выносил приговоры и казнил людей. Если есть такие, что бежали от него и где-то прячутся, пусть возвращаются на свои места».

Только после этого откочевавшие стали возвращаться назад. Некоторые остались в Аминове. Сураш обосновался там, где снег выпадает рано, стал жить в том самом ауле Исяново.

Сураш был сыном Истамгула. От Сураша родился Ярмухамет. От Ярмухамета — Кунаккужа. У Кунаккужи было пятеро сыновей: Хусанн, Юмагужа, Абдрахим, Хамит, Байтура.

Моим отцом был Байтура.

142. Камень Брагина

Лет двести тому назад из Оренбурга прибыл в эти места князь по имени Брагин. Он велел выворачивать камни на горе, что стоит рядом

с аулом Амин. С тех пор аул этот стали называть «Каменный аул» («Таш ауыл»).

В ту пору аулы чаще всего назывались именами того или иного батыра: Темясово было названо в честь Темяс-батыра, половина другого аула носила имя Тагир-батыра, а другая половина — Нургале-батыра. Батыры соперничали между собой из-за того, чтобы аул назывался его именем. Говорят, такое было повсюду.

Батыром нашего аула был Амин. Отважный богатырь, меткий стрелок, он славился повсюду, где знали его имя.

Брагин бродил в этих местах вместе с тридцатью хорошо вооруженными солдатами. Он заставлял отрывать камни на скатах горы, формовать кирпичи. Поставив кузню, он велел изготовлять там топоры. Каждый изготовленный топор проверялся ударом по камню. Если топор не выдерживал — получал вмятину или зазубрину, голова кузнеца летела с плеч.

Пришел черед и Амин-батыра. Он отлил свой топор и разрубил на части огромный камень. На горе лежит большой белый камень, вывернутый когда-то Амином. Его не то, чтобы человек — никакая машина не поднимет. А Амин не только его поднял, но подложил под него еще один камень.

Весь аул плакал кровавыми слезами от жестокости и чудовищной бессердечности Брагина. Без согласия Брагина ни один джигит не мог сосватать себе девушку, ни одна девушка — выйти замуж. Если, тем не менее, какой-нибудь джигит женился, то Брагин вырывал у него молодую невесту, и первые три ночи проводил с ней сам, и лишь потом возвращал ее мужу. Стоило кому-нибудь сказать поперек или выразить свое несогласие, как виселица или пуля для него были уготованы.

Вот так же хотел Брагин опозорить и жену Амин-батыра. Он давно таил в себе месть к этому смелому и решительному человеку, который всегда вставал на защиту своих людей.

Амин-батыр тяжело переживал унижение земляков, а когда терпение его истощилось, стал думать, как отомстить Брагину за его жестокосердие и коварство. Он дождался удобного часа, чтобы свести с ним счеты.

По весне Брагин имел привычку уезжать на озеро Талкас, где охотился на разную дичь. И вот, дожидаясь его выхода на охоту, залег Амин-батыр с несколькими близкими друзьями в камышах на краю озера. Когда Брагин уселся в лодку и выехал на середину озера, Амин выскочил из своего укрытия и до предела натянул тетиву своего лука. Со свистом понеслась его стрела, пробила навывлет грудь Брагина и разворотила лодку, в которой он сидел. Упал Брагин в воду и стал тонуть. Но перед этим он снял с пальца перстень и бросил его в воду. А перстень тот был золотой, самолично подаренный ему царицей. Даже имя на перстне было начертано. Тот перстень был обнаружен в желудке щуки, оказавшейся в сетях на реке Яугильде, что за Ирэндыком. Говорят, Ирэндык и Яугильде сообщаются между собой подземным течением.

Так спас Амин-батыр здешнее население от беды. Спас он и любимую жену от позора. Позднее он забрал свою жену и уехал с нею не-

весть куда. Как уехал, так больше и не появился обратно, исчез навсегда.

Народ спалил дом Брагина, разгромил его охранников. Вспахал то место, где он проживал. Когда приехали царские следователи и стали расспрашивать, что и как, никто ничего не сказал.

Белые валуны, некогда вывороченные Амином, и поныне возвышаются, подобно огромным стогам. До сих пор не могут забыть люди те страдания народа и жестокость Брагина. После Амина сменилось уже шесть поколений: Амин — раз, Мухамет — два, Назар — три, Утемиш — четыре, Фатих — пять, Нигмат — шесть. От Нигмата родился Ашраф. Все это я услышал из уст самого Ашрафа. А Нигмат умер, достигнув столетнего возраста. Что ни говори, а тем событиям добрых двести лет.

Я поведал вам то, что сам слышал и знаю. А того, чего не знаю, говорить не берусь. Недаром говорят: хоть и сидишь криво, а говори прямо.

143. Купэш

В Оренбурге первым поставил себе дом Ямбэк-хан.

Долгое время Оренбург принадлежал башкирам. Здесь башкиры построили для себя гостиный двор — Караван-сарай, воздвигли мечеть. В сад Караван-сарая были привезены и посажены сосны, вывезенные с наших мест, с берегов Садалы. Из-за Караван-сарая происходили многочисленные стычки и схватки. В те времена башкиры цели так:

В саду зеленом Караван-Сарая
Посажены осины в семь рядов.
Что сможет сделать враг, скажите, с нами,
Коль будем мы едины — семь родов?

Царское правительство попросило прислать специального человека, чтобы обсудить вопрос о строительстве города. Тогда башкиры собрались на берегу нынешнего Садалы и решили выбрать там своего посла к царю. «Из стариков никто не будет лучше дедушки Купэша», — пришли они к единому выводу и послали старика Купэша в Оренбург.

Даже не завернув в аул, старик Купэш подался в город. Название ложбины у речки Садалы Кала-киткэн (Ушел в город) осталось с тех самых пор.

Вернулся старик Купэш. Вновь собрались представители семи башкирских родов. Стали расспрашивать Купэша, что он видел, что слышал в городе Оренбурге. Тогда встал старик Купэш и сказал так: «В горловине рек Сакмары и Яика будет поставлен город. Считайте, что покой ваш отныне нарушен навсегда». «Что же будем делать?» —

стали спрашивать башкиры. «Город расположен на стыке двух рек,— продолжал старик Купэш.— Воду вашу превратят в тягловую лошадь, самих вас — в плотогонов, и не останется у вас лесов на верховьях рек».

Нынешний аул Садалы в прежние времена был расположен на берегу реки Сурэм. По совету старика Купэша аул перебрался на вершину горы.

144. Батырша и Яныш

Хазрет Батырша¹ родился и вырос в Верхнем Карыше.

Верхний Карыш — старинный аул. Его основали два старика, приехавшие сюда с Алтая. Одного из них звали Байбирде, другого — Тукай. Их аул находился между двумя нынешними аулами — Верхним и Нижним Карышем. Затем потомство стариков размножилось, разделилось на две части: потомки Байбирде — в Верхнем Карыше, потомки Тукая — в Нижнем Карыше.

В прежние времена эти места покрывали непроходимо густые леса. А на чистых черноземных местах обильно вызревало хлебное зерно. На столь благодатное место устремлялись люди со всех сторон и всеми правдами и неправдами старались там обосноваться. Приезжали с берегов Идели, из большого аула Таулар. Есть выходцы из Оренбургского края. Позднее умножилось число мишаров.

В те времена хазрет Батырша обрел большую славу в округе нашего аула. Он содержал медресе*, сам же учил там шакирдов. Зная его ученость, баи окрестных аулов старались устроить своих детей в его медресе.

Столь широкая популярность и авторитетность Батырши пришлось не по душе старшине Янышу. Видно, он боялся за падение собственного авторитета. Был он человеком жестокосердным, завистливым и хитрым. Всех, кто был в его подчинении, держал в страхе и постоянной тревоге.

Старшина Яныш обожал охоту. Однажды охотничьи псы Яныша приловчились жить возле медресе Батырши; они пожирали продукты тех шакирдов, что прибыли издалека, изводили и мучили всех, кто учился в медресе. Об этом передали Батырше-хазрету. «Если они мучают вас, ошпарьте их кипятком. Кипяток кого угодно отвадит», — сказал Батырша. В то время сдохла одна из самых любимых собак Яныша. Еще большую злобу затаил после этого Яныш к хазрету, стал считать его личным врагом.

Говорят, что причина их вражды была более глубокой и загадочной. Мол, они нашли какой-то клад и не смогли его поделить. Батырша

* Медресе — мусульманская духовная школа.

хорошо знал многие мошенничества и подлые дела Яныша, и потому старшина побаивался хазрета.

Внешне они были друзьями. Завистливый Яныш старался действовать против него исподтишка. Авторитет Батырши был так велик, что однажды из Оренбурга пришло письмо с решением перевести его в ахуны*. Яныш перехватил то письмо и не дал ему хода, а в Оренбург написал, что Батыршу нельзя делать ахуном.

Времена тогда были беспокойными. Население было задавлено налогами. Налог налагался даже на соль. Недовольство народа росло. Особенное возмущение вызывал все усиливающийся запрет мусульманской религии. Для совета по этому поводу к хазрету люди приезжали издалека, за сотни и сотни верст. Да и сам он нередко выезжал в отдаленные аулы. Его повсюду встречали с большим почетом, принимали как самого важного гостя.

Когда наступление на религию стало особенно яростным, множество мусульман обратилось к Батырше с просьбой написать обращение. Три дня и три ночи, не отрываясь от бумаги, писал он это обращение. Ближайшие ученики хазрета переписали его набело и распространяли через гонцов по всей округе. По тому призыву весь народ поднялся на восстание. Но мусульмане — и башкиры, и мишаре — потерпели поражение от царских войск. Началась жестокая расправа, резня, пытки, истребление.

Старшина Яныш с самого начала видел, что восстание вспыхнуло по призыву Батырши, по его наущению, но воздержался от того, чтобы писать донос царскому правительству. Скорее всего, боялся народа. Он постарался поскорее спровадить на царскую службу самых отчаянных и своевольных джигитов. Составив несколько отрядов из мишарей, он отправил их в Уфу.

Зная, что Яныш рано или поздно выдаст его в руки правительства, Батырша вместе с десятком шакирдов бежал в ближайшие леса. Он забрал с собою и семью. Позднее многие шакирды, вконец измученные и изможденные, вернулись в родной аул. С каждого вернувшегося старшина Яныш снимал допрос и отсылал в уфимскую тюрьму.

Теперь он во что бы то ни стало хотел самолично поймать Батыршу. С этой целью он выслал в леса множество своих вооруженных людей. Дело в том, что сам губернатор назначил за поимку Батырши вознаграждение в размере тысячи рублей. Но больше денег Яныша привлекало желание отличиться, возвыситься в глазах властей. И дни и ночи высылал он своих сыщиков и ищеек. Даже в сторону Сибири и Казани отправил своих гонцов-соглядатаев. Но найти Батыршу никак не мог.

Говорят, позднее Батырша сам попался в руки. Кажется, он умер где-то в Петербурге, в каменной тюрьме. От хазрета Батырши не осталось никакого потомства. Даже дети его были пойманы и проданы неизвестно в какую сторону.

Вот все, что пришлось мне слышать от отца и что осталось в моей памяти.

---

* Ахун — духовное лицо, занимающееся проверкой и инспектированием мечетей и исполнения шарната.

145. Пугачевский бунт

Раньше забельские земли, что простираются вокруг деревни Котаново, принадлежали башкирам. Однажды один русский (фамилия его была Вознесенский) попросил у башкир в тех местах землю:

— Дайте мне немного земли, всего лишь с бычьей шкурой.

— Что ж, бери,— согласились башкиры.

Тогда Вознесенский составил с башкирами договор: заколов быка, изрезал его шкуру на узкие полоски и опоясал ими двадцать пять десятин земли. Потом он стал строить на ней медеплавильный завод. Руду возили из Табынска.

Мало ли, много ли времени прошло после того, как он обосновался, башкиры восстали.

В эти края после боев у деревни Имян-юрт пришел Юлай Азналин со своим сыном Салаватом. После разгрома Кана-Никольского завода явился и Пугачев. С высокой горы они стали обстреливать из пушек каменную мечеть. Потом кто-то вмешался и стрельбу прекратили.

Так некогда в нашей деревне побывали царь Пугач, Салават и его отец Юлай Азналин. (Ядра из пушек прежде находили помногу. А одно и по сей день сохранилось, вес его 400 граммов).

После Пугачев ушел на Вознесенский завод, что в километре отсюда, и сжег его. Из Котанова Пугач направился на Уфу¹.

146. Девичья гора-крепость

Эта гора находится возле деревни Старо-Муюште Краснокамского района Башкирии на правом берегу Агидели (Белой). Вокруг нее — равнина. Если глядеть издалека, гора кажется высокой и очень красивой. Об этой горе Старо-Муюштинские старики рассказывают такую историю.

Когда-то давно в долине Агидели сражались войска Аби-падши* и «царя Петра»**. Спасаясь от погони, войска царицы успели переправиться на правый берег Агидели и укрепиться на той горе. А царь Петр со своим войском из-за ледохода не успел переправиться, остался на левом берегу.

* Аби-падша — императрица Екатерина II (1729—1796).

** Царь Петр — Емельян Пугачев.

После нескольких дней затишья вновь разгорелся жестокий бой. Войско Аби-падши, потерпев поражение, бежало в сторону Казани. Царь Петр, не отставая, преследовал его. Солдаты Аби-падши не успели прихватить с собой ни оружия, ни снаряжения. Все оставшееся добро досталось войску царя Петра. Царь Петр был милостив к народу, и потому местные жители снабжали его продовольствием и сами записывались в его войско, где были и башкиры, и татары, и киргизы.

Обрадованный поражением войск царицы народ праздновал победу царя Петра.

147. Сражение на Девичьей горе

Царь Петр не был настоящим царем. Он был такой же крестьянин как и мы.

Раньше бои между Петром-царем и Аби-падшой говорят, были на Урале, в стране киргизов, около Уфы и Оренбурга. Однажды крупное сражение произошло и на Девичьей горе-крепости (Кыз калатау).

Скрываясь от преследования царя Петра, войска Аби-падши кое-как успели переправиться на правый берег Агидели. Часть войск утонула. На реке в то время начинался ледоход, и царь Петр со своим войском вынужден был оставаться на другом берегу. Так и укрепились войска: Аби-падши — на Девичьей горе, царь Петр — на горе, что напротив.

На время бои стихли. Войска отдыхали после тяжелой дороги, и только изредка перестреливались из луков. Были и жертвы. Вскоре к войску белой царицы подоспело подкрепление. Войско царя Петра было немногочисленным, да и распутица мешала — вот он пока и не решался наступать.

Как-то раз на одной из гор в долине Агидели, появились в пяти местах темные силуэты людей. Увидев их, царь Петр сказал: «Вон на той горе появились чужие люди», — и послал своих узнать, кто они такие. Люди те не были врагами царя Петра. Это было сборное войско из башкир, татар и киргизов. Оно присоединилось к войску Петра. Получив подкрепление, царь Петр, несмотря на половодье, повел свое войско на битву. Войско Аби-падши бежало с Калатау, и больше в этих местах боев уже не было. А потом гору, на которой укрепились Аби-падша со своим войском, называли Кыз калатау (Девичья гора-крепость); гору, на которой стоял царь Петр, — горой Петра; место, где погибли киргизы, — Киргиз улгән, а то место, откуда показалось подкрепление, — Пятеро чужих — Бишбутән.

148. Салават

Около Юрюзани есть столб — окаменевший ствол древней сосны. Стоит выйти в степь, и сразу его увидишь. В тот столб вбито несколько гвоздей. Во времена салаватского бунта на те гвозди люди Салавата вешали свои ружья, привязывали коней.

Впрочем, вы о Салавате, наверное, не знаете. Если вы никому не расскажете, я вам поведаю одну историю.

Видать, история та очень давняя. Даже мой покойный дед помнил ее плохо.

Здесь, на наших землях, раньше росли дремучие леса. Медведей здесь было что зайцев. И повсюду — непроходимый сосняк. Все эти леса, как и вся округа, являлись землями ардынцев*. Народ жил очень хорошо, имел целые табуны скота, которым не было числа. Спокойствие царило в тех местах, никто никого не обижал.

Но с некоторого времени русские чиновники начали грабить и обирать тех людей. Они считали, что тот народ, хоть и богатый, но темный, порядков никаких не знает, так что можно его как угодно притеснять. Вначале стали отнимать у них земли и продавать боярам. Отнимали скот, богатства. Скот ардынцев угоняли и киргизы. Народ был вынужден взяться за меч. Если кто-нибудь являлся за ясаком или по какому-то другому злому делу, от него и мокрого места не оставалось. Для смирения ардынцев стали засылать войска. А те еще больше озлоблялись. Сопrotивляться народу становилось все труднее. Тогда из среды ардынцев выделился один батыр. Откуда он был, точно не знаю. Кажется, из Сима. Звали того батыра Салаватом. Сильным он был. Двадцатипудовую тяжесть поднимал одной рукой, словно пушинку. Его военная одежда весила больше трех пудов.

В молодости Салавата заставляли пасти коней. Однажды ему надоело это дело, бросил он свой табун, да и пошел играть с товарищамп. Начали играть, а вожака-то и не было. Какая же это игра без вожака? Салават: «Давайте вдоль вот этой тропинки на расстоянии палочки поставим вешки. Кто из нас сможет на скаку сбить вешку, тому и быть ханом. На каждого мальчика поставили одну вешку. Каждый должен был ее сбить. Начались скачки, но никому из ребят не удалось сбить вешки. Салават же сбил свою шапкой.

— Салават, ты нарушил условие, — сказали ребята.

— Эх вы, глупцы, — ответил Салават. — Как можно рукой сбить вешку на таком расстоянии? Я оказался умнее вас, значит, я и буду за старшего.

Вначале они играли вот так, по-детски. Позже Салават и взаправду стал предводителем.

---

* Так называет рассказчик башкир.

Мало ли, много ли времени прошло, вырос Салават, возмужал. Ардынцев снова стали сильно притеснять. С одной стороны — купцы, с другой — уральские и оренбургские казаки.

Увидев, что дела плохи, ардынцы обратились к Салавату: «Ты наш батыр. Мы тебя уважаем. Прогони с башкирских земель этих русских и киргизских чиновников».

Вот Салават и поднялся на битву с боярами. Что ни день — город, что ни час — село брали. Худо стало боярам.

В это время и появился Пугачев. Салават с ним подружился. Много дел совершили они вдвоем. Много земель освободили.

Пугача после поймали и казнили. Еще говорят, будто он утонул в Юрюзани. Салават скрылся. Вестей от него не было. Потом и его поймали.

149. Детство Салавата

Когда Салавату было пятнадцать лет, он в схватке с медведем сломал себе зубы. Из-за этого и не смог научиться играть на курае. А кураистов он очень любил. Частенько приходил к пастухам, чтобы послушать их игру.

Однажды один из пастухов его отца загубил кобылицу. Отец очень рассердился. Тогда Салават сказал: «Не ругай. Одна его песня стоит целого табуна коней».

150. Как Салават убил медведя

Однажды отец Салавата Юлай собрал майдан. С соседних деревень стеклось много народу. Во время состязаний в силе Салават вышел на майдан раньше, чем его старшие братья. «Ты еще мал, чтоб прежде своих братьев выступать», — сказал с упреком отец. Тогда сел Салават на коня и ускакал, куда глаза глядят.

По дороге к реке Эляк есть лес. Приходит туда Салават, и что же видит? Стоит перед ним медведь. Возможно, дитя раздражил зверя. Медведь кинулся на него. К счастью, в кармане оказался нож. Мальчик не растерялся: взял нож, нырнул медведя и убил его. Убил и ушел. Дорогою попался ему навстречу один человек. «Дяденька, я убил од-

ного зверя, пойдем посмотрим,— сказал ему Салават.— Он хотел обнять меня, а я его ножом пырнул». Пошли. Смотрят — зверь тот медведь! Путник был потрясен. Дитя 12—13 лет убило такого большого медведя!

— Чей ты сын,— спрашивает тот.

— Юлая.

— О-о-о, а что ты здесь ходишь, ведь у отца твоего майдан.

— Отец не разрешил мне участвовать в состязаниях, поэтому я и ушел оттуда.

Тот путник, придя на майдан, сказал Юлаю:

— Сын твой медведя убил, а ты его не допускаешь к состязаниям. Затем они с Салаватом притащили медведя и бросили его на площадь. Место, где Салават убил медведя, находится у дороги к реке Эляк.

151. Салават-батыр

На отрогах Урала на берегу круглого озера жил-был Салават-батыр, который никому не уступал на майданах в борьбе, всегда был первым в состязаниях сээнов, не знал себе равных в мудрости и, ко всему, был отменным стрелком-мэргэном.

Однажды, когда он охотился, перемахивая с горы на гору, со скалы на скалу, одна из шкур, подвешенных к его поясу, скользнула вниз и понеслась, подхваченная течением. Поймали ту шкуру и принесли к царю Кырмасакалу¹. Царь же подарил ее одному из своих ближайших прислужников, сказав ему, что шкура та волшебная.

— Возьмите эту шкуру и подите к ее хозяину,— велел он.— Попросите у него земли величиной с эту шкуру. Затем надо как следует обработать эту шкуру и изготовить из нее лесу тоньше конского волоса, и тем самым надуть башкир.

Тем обманным способом удалось в прежние времена захватить неоглядные земли башкир. Так и получилось, что дело-то не в шкуре, а в дуре. Кырмасакалу нужно было только ступить на их землю, хотя бы величиной со шкуру, а уж там он стал всеми правдами и неправдами расширять свою власть. Так и улетучилась краса да благодать земли, затухла охота. Баев Кырмасакал подкупил и привлек на свою сторону, обещав их возвысить в чине.

Дальше больше: Кырмасакал стал грабить и разорять башкирские кибитки и юрты, сжигать дохла аулы, угонять скот, учинять расправу над народом. И не стало терпения все это сносить.

Пришли старики к Салават-батыру и сказали:

— Не дадим врагу грабить нашу землю. Нету больше сил терпеть. Ты наша единственная опора, Салават! — И с теми словами дали ему волшебный меч.

Салават вскочил на коня, воскликнул:

— Судьба батыра в руках страны, судьба страны в руках у батыра. Где народ, там и моя судьба!

Прогарцевал он на коне, вырвал из ножен блеснувший молнией меч и, сжимая в руке кусок угля, обратился к собравшимся:

— Будем же хозяевами своего края! Уральский лес вырастил для нас луки и стрелы. Уральская земля вырастила отважных мужей, способных защитить землю нашу и воду. Так не отдадим же ее в руки врага!

Услышав слова Салавата, способные на сорок частей расщепить валун, все мужчины вскопили на коней, взяли в руки оружие. Разнося клич Салавата, во все стороны разъехались гонцы.

Чтобы отстоять свободу в совместной борьбе, Салават примкнул к войску Пугачева. Вскоре он стал его правой рукой.

Поначалу Кырмасакал объял страх. Он отправил против Пугачева-батыра и Салават-батыра несметное войско. Много крови пролилось. Царь продолжал засылать войско за войском. Затем на некоторое время война приутихла.

Пугачев и Салават ушли в разные леса, договорившись дожидаться благоприятных времен.

— Встретимся! — сказал Пугачев-батыр.

— Свидимся! — отвечал Салават-батыр.

А Кырмасакал в это время обдумывал хитрый план поимки Салавата. Как-то, разузнав у баев, земляков батыра, он окружил с большим войском густой лес, где скрывался Салават.

Салавата в то время не было дома — он уехал на охоту. До смерти напугав его жену, Кырмасакал спрятал своих воинов в подполе. А Салават-батыр, несясь на лыжах, как олень, добрался до своего дома в лесной глухомани, разделся, повесил на крюк лук и стрелы и одежду. И в то же самое время из подпола выскочили прятавшиеся в нем солдаты. Салават-батыр кого сбил с ног, кого разбросал могучими пинками, но, что ни говори, он был один против целого войска. Его схватили, скрутили руки за спину и повалили за печку.

Только после этого Кырмасакал почувствовал себя спокойно и улегся спать. Солдат он тоже уложил спать.

Стоило царю смежить веки, как маленькая дочка Салавата потянулась к волшебному мечу, что висел на стене, но достать не могла. Тогда мать велела это сделать сыну, и тот, сняв со стены меч, отнес его отцу за печку. Салават взял зубами острый конец меча, а сын взялся за рукоятку. Вдвоем они перерезали веревки, которыми Салават был связан.

Вскочив, как грозный лев, он бросился на солдат, связавших его, и одному за другим снес им головы мечом.

Наконец-то проснулся царь Кырмасакал. Ничего не подозревая, он важно прошел за печку, где, по его предположениям, должен был лежать связанный по рукам и ногам батыр.

— Ну, батыр, какие сны тебе снились? — спросил он насмешливо.

— Мой сон тебе несповаден будет, — отвечает ему Салават. — Сам-то какой сон видел?

Кырмасакал так же важно сказал, щуря один глаз:

— Видел я, будто руки моего врага Салавата круто закручены за спину и готовы вот-вот отпасть.

А Салават ему как ни в чем не бывало:

— А я видел, что войско царя Кырмасакала обезглавлено.

Только было подался царь к двери, чтобы призвать своих солдат, как снова раздался звонкий голос Салавата:

— Дальше порога тебе не шагнуть! — И с тем он снес голову царю.

— Туда тебе и дорога! — сказал Салават и выбросил голову царя воронам.

Вот таким был Салават.

152. Пребывание Салавата на чужбине

Когда, захватив башкирские земли, бояре и заводчики построили Симской завод, аппетиты их еще более возросли, и они стали строить дома на новых землях, желая расширить свои владения. Видя это, башкиры взбунтовались. Отношения обострялись с каждым днем, пока не перешли в открытую войну между заводчиками и местными башкирами. В то время Салавату было 16 или 17 лет. И он тоже принял участие в борьбе с заводчиками. Несмотря на свою молодость, Салават в тех кровавых столкновениях показал большую храбрость. Все удивлялись, видя его удалество и умение сражаться.

Один из стариков, участвовавших в тех событиях, собрал людей и сказал им так:

— Друзья, я хочу к вам обратиться. Я был изумлен тем, как отважно сражался вместе со всеми юный Салават. Никто не мог устоять против него. Нельзя, чтобы у этого отрока силы растратились впустую. Из него должен выйти народный батыр. Как только вернетесь домой, скажите старшине Юлаю и его жене, что, мол, Салават погиб в бою, я же наставлю его на путь истинный.

После этого старик увел Салавата к Пугачеву. С того ухода Салават пробыл на чужбине два или три года и только потом вернулся к себе в аул.

По просьбе старика вернувшиеся с войны люди говорили старшине Юлаю и его жене одно и то же: что их сын погиб в бою. Поэтому те не ожидали, что Салават может когда-нибудь воротиться.

Однажды в кромешно-темную дождливую ночь кто-то постучал в окно дома старшины Юлая. «Отец, это я вернулся!» — услышал Юлай голос Салавата, но не поверил. Тем не менее он сказал: «Если ты действительно Салават, назови имя отца, матери, жены и родных». И Салават всех их перечислил по именам. Тогда Юлай окончательно убедился, что голос в самом деле принадлежит Салавату, и открыл дверь.

Возвращение Салавата было огромной радостью для всей его семьи, и особенно — для отца.

В отлучке Салават встречался и говорил с Пугачевым, и потому сразу же после возвращения стал думать о том, как бы собрать войско. Однажды вечером он обратился к отцу с такими словами:

— Отец, повсюду идут народные волнения, дай мне воинов, я поведу их к войскам царя*.

Отец отнесся к его просьбе благосклонно, дал ему воинов, и Салават повел их к Пугачеву.

153. Как Салават с Пугачевым подружились

Салават батыром был, в отец его — Юлай — был старшиной. Когда на Урале объявился государь Петр Федорович (так Пугачева называли), Юлай сказал башкирам:

— Надо освободить край от кабалы.

Сформировали башкиры конный отряд и Салавата командиром избрали, направили его к Пугачеву. Пугачев тогда Оренбург осаждал. Не доезжая километров девяносто до города, Салават увидел пугачевское войско. Расспросил, как найти государя, и явился к Пугачеву. Пугачев обрадовался:

— Вот хорошо, что башкиры пошли за мной. Спасибо!

Сразу Салавата в полковники произвел и послал по аулам агитировать башкир за вступление в повстанческий полк. Отряд Салавата был переформирован в полк.

Конница Салавата вместе с русскими казаками под Оренбургом сражалась. После сражения поехал Салават с Пугачевым по дороге на Елецк, разговорились. Пугачев сказал:

— Ты, Салават, храбрый батыр!

Крепко они, Салават Юлаев с Емельяном Пугачевым, подружились.

154. Салават и Карасакал

Потеряв свое войско, Салават в растерянности приходил за советом к Карасакалу. Тот в то время жил в пещере.

---

* Войско царя — имеется в виду войско Пугачева (прим. переводчика).

Однажды, когда Салават шел к пещере, на него напало около ста волков. На крик вышел Карасакал и спас юношу.

Салавату хотелось услышать ответ на мучивший его вопрос: где взять войско?

— Не знаю, сынок. Одинок ты. Видимо, не удастся тебе снова сколотить войско,— сказал Карасакал.— А сам я, пожалуй, в Астрахань подамся.

Умер Карасакал уже старым, когда однажды, переплыв реку Уйыл, держал совет по важным мирским делам.

155. Салават и Балтач

Когда начиналась какая-нибудь война, русский царь, зная воинскую доблесть башкир, призывал их на службу со своими лошадьми и снаряжением.

Однажды, когда началась война с пруссаками, башкиры получили приказ царя о призыве на службу. Вместе со многими джигитами ушли на войну с долины Таныпа старшины Кигазы, Балтач, с Юрюзани — Юлай-батыр. После того как враг был разбит в прибалтийских землях, царь собрал башкирские войска, воздал военачальникам по их заслугам, преподнес различные подарки, чины. Кигазы-батыр захотел получить земли-леса, Балтач получил деньги, Юлаю же достались земля и медаль.

У Кулуя Балтачева земли и без того было много. И все же, через некоторое время после возвращения с войны, он стал зариться на земли вокруг деревни Илекеево. Они были богаты лесом, реками и озерами.

Тогда в тех краях жили два батыра — Илекэй и Даут. Эти два батыра сказали: «Земли те и нам по душе. Мы только не смели в том признаться. В таком случае давайте мы, трое старейшин, бросим жребий: кому выпадет, тот и получит эти земли».

Кулуй Балтачев не согласился. «Давайте будем тягаться в силе,— сказал он,— кто трижды выйдет победителем, тому будет принадлежать земля».

Он поставил такое условие, ибо сам был богатырем и выглядел здоровее тех батыров. Один вес его превышал девять пудов.

Что поделаешь? Задетая совесть батыров заставила их принять его условие. Начали бороться. Сначала соперничали Илекэй с Даутом. Илекэй вышел победителем. Затем он начал тягаться с Балтачем. Вначале Балтач дважды поборол Илекэя. На третий раз Илекэй взял верх над здоровяком Балтачем. Борьба разгоралась. Как ни стараясь Балтач, но так больше и не одолел Илекэя. Так Илекэй был признан

первым батыром, и земли достались ему. Нынешняя деревня Илекеево ведет свое название от того самого Илекэя.

Согласно условиям борьбы, Кулуй Балтачев обосновался на месте теперешней деревни Старобалтачево, Даут-батыру достались земли, где сейчас находится деревня Даутово.

Илекэй-батыр почему-то прожил недолго, в скором времени оставил свет. Перед смертью он сказал: «Тогда, во время борьбы, я испугался что Балтач своим громоздким телом раздавит мне грудь, и дважды дал себя побороть. Потом, раззадорившись, три раза подряд сам положил Балтача. Мне показалось, что я надорвался. Полагаю, что хворь моя — в наказание за мой грех. Я тогда поборол Балтача, слегка подставляя колено. Поэтому грешное тело мое не хороните на священной земле. Похороните меня на той стороне, за рекой.

Так Илекэй-батыра предали земле за рекой. Место захоронения сохранилось по сей день.

Но вот начался пугачевский бунт. Башкиры разделились на два лагеря: одни были на стороне Пугачева, другие — на стороне Аби-падши. Юлай и его сын Салават повели башкир к Пугачеву.

Кулуй Балтачев был трусливым, хитрым и мстительным человеком. С самого начала бунта он по приказу Аби-падши послал ей войско. Сам он, старшина, под всяческими предложениями отклонился от службы.

Победы войск Пугача и Салавата навели страх на Балтача. В одно время он и вовсе притих, стараясь делать вид, будто он ни на чьей из сторон. На самом же деле он шпионил за сторонниками Пугачева и Салавата.

С испугу Кулуй Балтачев припрятал все свои богатства. Говорят, свои золотые и серебряные вещи он скрыл где-то в реке Карыш.

Однажды после крупного сражения Салават с небольшим войском спустился на балтачевские земли. Чтобы дать передышку своим войнам, велел разбить лагерь на пологом склоне горы у деревни Норкэ. Едва успев расположиться на отдых, Салават послал в Норкэ гонца.

Население встретило салаватские войска с почестями. Зарезали скот, в тот же вечер устроили им обильное угощение. Зачинщиком этого был аксакал деревни, старик по имени Муса. Впоследствии они с Салаватом крепко сдружились.

Население близлежащих деревень тоже помогало продуктами, пополнило войско джигитами. На широком холме, что на востоке от деревни Норкэ, Салават сам принимал джигитов, являвшихся на пополнение. Те, принимая присягу, целовали коран. Старик Муса тоже отдал двух своих сыновей на службу в войска Салавата. Словами: «Родной земле, Салавату честно служите!» — проводил их на битву.

Место на горе, где принимал пополнение Салават, по сей день называют Прием-тау (гора Приемная). Места подле той горы были болотисты и ухабисты. Чтобы провести свои войска по этим местам, Салават приказал из земли возвести насыпную дорогу (досл. мост). След от этого моста и сейчас ясно обозначается, и называют его Салават ызыны (Полоса Салавата).

У деревни Норкэ войска Салавата стояло довольно долго. Где-то в 15—18 километрах был лагерь войск Аби-падши. Между ними проис-

ходили столкновения. То место, где стоял лагерь войск Аби-падши, называется Торлагыр, что означает место, где стоял лагерь. Там повсюду не сохранились большие рвы. По сей день у горы Норкэ находят различные наконечники стрел, прочее оружие.

Противоположные стороны перестреливались из лука с 15-18 километрового расстояния. Лук и стрелы у них были необычными. Лук, сделанный из вяза или черемухи, прикреплялся к большому столбу, тетива его была сделана из конских кишков. Тетиву такого лука натягивали лошадьми. Стрела была длинной и толстой, с опереньем. Наконечники тоже были необычайно большими.

По приходе Салавата в эти края Кулуй Балтачев сбежал в стан войска Аби-падши в Торлагыр. Разгневанный Салават разорил его имение, отнял скот, имущество.

Салават был против поджогов и насилия в селах и городах, которые он захватывал. Он не разбрасывался богатствами. Заботился о пополнении казны Пугачева. Говорят, Пугачев сам научил Салавата пополнять казну деньгами, золотом и серебром. Когда Салават занял Симской завод, то заводские деньги до последней копейки отправил, запечатав, с конвоем Пугачеву.

После ухода пугачевского войска в направлении Казани Салават взял командование (досл. руководство) на себя. Казна также перешла в его руки. Он приказал припрятать казенные деньги в лесу, в дуплах деревьев, с тем, чтобы воспользоваться ими позднее, во время новых боев.

Говорят, спустя много лет житель деревни Илекеево Салих обнаружил в дупле одного большого дерева клад и разбогател. Утверждают, что это был клад Салавата.

После подавления бунта Пугачева и Салавата, Кулуй Балтачев жестоко мстил салаватцам. Особенно безжалостно расправился с марийцами, которые участвовали в салаватском бунте. Он выселял их целыми деревнями. Организовал поимку сторонников Салавата.

Когда Салавата поймали, Балтач писал на него черные доносы. За шпионаж, за «заслуги» в подавлении салаватского бунта оренбургский губернатор подарил Кулоу Балтачеву меч. Меч этот был покрыт золотом и серебром, с подобающей надписью. В детстве я сам видел его у Шайхутдин-бабая.

Кулуй Балтачев получил еще ярлык, написанный на собачьей шкуре. Это был ярлык на дворянское право и право быть освобожденным от платежей.

Потом этот ярлык кто-то выкрал у него и уничтожил. Исчез ярлык, полученный за доносы и пролитую народную кровь.

После поимки, Салавата, закованного в кандалы, водили по местам его боев и избивали розгами. По прибытии в деревню Норкэ Салават снова встретился с изменником Балтачевым. Балтач бросал ему в лицо страшные обвинения. Салават гордо опровергал их. И народ не подтверждал слова Балтачева.

156. Салават и старик, живущий в лесу

Однажды Салават, направляясь на битву, вернулся обратно — что-то забыл прихватить. Дорогою он зарубил двенадцать волков, которые напали на него.

В лесу Куряк, что у Симского завода, он вышел к одной избушке. Жил там одинокий старик. Когда тот узнал, кто к нему пришел, промолвил так: «Сынок, я довожусь тебе родственником. Слышал о тебе много. Я тут приготовил тебе подарок. Возьми его! Только не развертывай, пока не приедешь домой».

Дома Салават развернул сверток и увидел в нем золото.

157. Штаб Салавата-батыра

Во время салаватского бунта в деревне Оло-Ака стоял большой дом. Бревна его были из лиственницы. Толщина каждого бревна в полтора аршина. В этом доме и разместил свой штаб Салават. Дом охраняли часовые. Им Салават наказывал: «Вы, братцы, не только за домом следите. Как следует наблюдайте за дорогами, что идут от полей, и вон за той сопкой. Вражеские войска могут появиться именно отсюда».

Штаб Салавата стоял в Оло-Аке пятнадцать дней. Салават остановился здесь по пути к Красноуфимску, дожидаясь Пугачева. Сам он пришел с востока, через Мечетлино.

158. Пороховой склад Салавата-батыра

Когда Салават стоял в Оло-Аке, он приказал своим воинам построить пороховой склад. Склад тот находился у горы, что в трех верстах от Оло-Аки. О нем долгое время никто не знал. В 1927 году сельчане поехали за глиной и стали раскапывать гору. В выработке обнару-

жили дом. Бревна его были такие же, что в доме, где стоял штаб Салавата.

Стали копать дальше, и в доме обнаружили порох. Потом несколько возов пороху отвезли в волость.

Изнутри дом был обделан толстой берестой. Не знаю, откуда они взяли такую большую бересту. В те времена, говорят, в здешних местах росли березы-великаны. Видимо, береста была снята с них. Под берестой был положен слой тряпок и бумага.

Это был пороховой склад Салавата.

159. Салават был очень сильным

В деревне Каратаулы у Салавата был близкий друг по имени Мугуш. Он с преданностью исполнял любое указание Салавата. Салават его очень любил и относился к нему с большим доверием.

Перед наступлением на Катавский завод, нужно было послать на разведку одного человека, чтобы разузнать о расположении и силе противника. Не раздумывая долго, Салават послал туда Мугуша.

Мугуш отправился на завод. Едва успел он заглянуть в одно из окошечек в Катавской крепости, как был застрелен.

Салават почувствовал недоброе и прискакал на коне к месту гибели друга. Одной рукой поднял семипудовое тело Мугуша и повез к месту, где стояло его войско. Там его и похоронил.

160. Салават-батыр был метким стрелком

Салават был метким стрелком. Однажды на его юрт (землю) наступала вражеская рать. Ее возглавлял батыр, весь в железном панцире.

«Стрелой его не пробить ни в одном месте. Немного приоткрыт лоб, выстрелю-ка туда»,— сказал Салават и отдал коня своему товарищу Мавлюкаю. Не долго целясь, он выстрелил. Батыр замертво свалился с коня. Перенуганная рать повернула назад.

Тем временем Мавлюкай с конем шел навстречу Салавату и не заметил, как тот в одно мгновение прыгнул с горы и очутился в седле.

161. Салават был жесток к баям

Салават-батыр не ко всем относился одинаково. К баям он был жесток. Те перед ним дрожали.

В наших Кыгах был Абдулла-бай, настроенный против Салавата. Старик Ишмэт предупредил об этом батыра. Однажды Салават приехал в нашу деревню и зашел к Абдулле-баю. Того не оказалось дома. Когда бай вернулся, ему сказали о приезде Салавата. «Ах, видимо, он хотел меня убить», — воскликнул бай и поехал в Златоуст за жандармами.

Салавата схватили в деревне Ака. Батыр не стал сопротивляться. А когда его привезли в Кыги, он сумел вырваться из рук жандармов и принудил их к бегству. А Абдулле-бая застрелили где-то за кладбищем. Прибежали дети Абдуллы. Их было четверо. «Не жалейте его, ваш отец был дурным человеком», — сказал Салават. Он отрезал от своего драгоценного пояса (кэмэр) четыре монеты и отдал детям.

162. Приказ Салавата

Как-то Салават со своим войском стоял около Сибелея. Он послал приказ баю Кусэпэю, чтобы тот доставил для его войска провиант. Кусэпэй его ослушался. Салават известил его опять. Но продукты все не привозили. И только после третьего грозного предупреждения Кусэпэй-бай сам доставил баранину, кумыс и другие продукты.

— Почему не явился по первому предупреждению? — спросил Салават. Тот стал оправдываться, ссылаясь на разные причины.

— Я воюю за землю родную, а ты мне ставишь подножку, — произнес Салават и приказал расстрелять бая.

Тот начал упрасивать Салавата. Помощники Кусэпэя хотели было заступиться, но Салават отивырнул их и застрелил бая.

163. Женидьба Салавата на русской девушке

Салават часто заезжал в Красноуфимск. Там ему приглянулась одна русская девушка. Да и он оказался ей по душе. Вскоре они полюбили друг друга.

Покидая Красноуфимск, Салават сказал возлюбленной: «Ну, сын родится — мой будет, девочка родится — твоя будет». С этими словами он простился с ней и вскочил на коня.

Салават долго не мог навестить свою любимую девушку. Заехал он сюда года через два. Выбежала навстречу возлюбленная, обняла и сказала: «Твой будет!» Салават сразу понял и вбежал в дом. Там в люльке лежал мальчик-крепыш. Салават поднял его и прижал к груди.

Время было беспокойное, и Салават не мог долго задерживаться у любимой. Он завернул малыша в медвежью шкуру и забрал с собой.

Но вскоре пришлось расстаться с сыном. Узнав, что войска противника готовятся к наступлению, Салават оставил сына у одной старушки в деревне Киги. «После боев заберу ребенка, а вы уж пока ухаживайте за ним, как за своим собственным», — попросил он старуху.

После этого Салават со своим войском пошел на Катав, оттуда уже не смог вернуться. Что с ребенком стало — жив ли, мертв ли — никто ничего не знает.

164. Сын Салавата Хасан

В те времена, когда Салават воевал вместе с Пугачевым, он женился на дочери одного пермского купца. У этой девушки от него родился сын. Жена не захотела уйти вместе с Салаватом. Тогда батыр взял сына с собой.

Ребенок рос в деревне Кулбаково, и никто, кроме старика, который воспитывал его, не знал, что он сын Салавата.

Говорят в Кулбакове в свое время был один кантонный начальник. Хасаном его звали. Он был жесток и бесстрашен. Ожог его плетки испытали даже становые приставы.

Вот этот Хасан-кантон, говорят, и был сыном Салавата.

165. Сын Салавата

Пугачевский бригадир Салават сражался как-то в районе города Красноуфимска, уничтожал там баев.

В Красноуфимске женился на русской девушке. У нее родился сын. Дела у салаватцев не ладились, и, когда нужно было отступить

от Красноуфимска, Салават пришел к жене и сказал о своем намерении увезти ее. Но жена почему-то воспротивилась.

В это время подросли пристав и урядник, которые следили за Салаватом. Салават сбил их с ног, и с такой силой, что те упали замертво. Батыр схватил ребенка и ускакал. Оставил он его в Кигах у старика Нуркылыса. Сам он после Кигов направился в сторону деревни Калмакларово и спрятался в том месте, которое сейчас называется «Салаватов двор».

С Салаватом был и Кинзя. Видя, что дела плохи, он предложил своему другу:

— Давай, возьмем все деньги и уйдем к казахам. Когда шум несколько уляжется, соберем войско и заново начнем свое дело.

Салават, то ли надеялся на свою силу, то ли на что еще, уходит, однако, не спешил.

— Я сначала должен сына забрать. Потом уедем,— сказал он Кинзе. Затем быстро собрался и ушел. Обратного он уже не вернулся: попал в руки войск Аби-падши.

Через несколько лет сына Салавата, оставшегося у старика Нуркылыса, забрал на воспитание Кулбаков Валиша. Ребенка звали Хасан. Старики рассказывают, что Хасан был весь в отца: крепок сложеньем, храбр.

В зрелом возрасте он стал кантонным начальником во Второй Айлинской волости. Старики также говорили, что Хасан был вспыльчивым и во гневе мог избить даже кое-каких начальников.

166. Жены Салавата

Говорят, у Салавата-батыра было три жены. Одна из них была калмычкой. У нее родился ребенок. Когда мать бросила его, ребенка положили в тогос (мешок) и привезли в деревню Кулбаково.

В этой деревне теперь живут две родовые ветви: кумыйцы и калмыки. Поскольку в Кулбаково ребенка доставили в тогосе (мешке), калмыков-кулбаковцев и поныне называют тогосами.

167. О семье Салавата

У Салавата было две жены: Амина — из деревни Калмаково и Зулейха — из Юнусова. Когда ходил с Пугачевым, связался с одной рус-

ской девушкой, от которой родился сын. Звали его Рамазаном. Салават оставил его в Кигах у одного старика.

Поймали Салавата в горах Каратау.

О жизни батыра много знает старик Хайрулла из Кигов.

168. Поимка Салавата

После поражения в боях с войсками Аби-падши, Салават долгое время скрывался. Говорят, место его убежища находилось в болотах, что у деревни Калмаково. Но однажды, перед самым началом зимы, его заметили враждебно настроенные люди из той деревни и сообщили начальнику царских войск. Солдаты окружили болото. Учувяв это, Салават сбежал в Каратаулинские леса. Там ему и встретились солдаты. На вопрос: «Кто ты будешь?» Салават ответил: «Охотник я». Но те схватили его и привели к начальнику войск. Тот признал в этом «охотнике» Салавата, приказал привязать его к столбу. Салавата повели в деревню Шаганаево и там привязали к столбу. Собрали народ, чтобы это было уроком для всех.

У Салавата был близкий друг Кинзя¹. На место сборища пришел и он. Увидев друга, Кинзя подошел к начальнику войска и сказал: «Этот злодей и меня замучил. Много вреда я от него натерпелся. Когда услышал, что его поймали, пришел сюда. Хочу сам наказать его».

Взяв разрешение, он подошел к Салавату и начал «бить», а сам стал перерезать веревку. И было почти ее перерезал, да тут заметили подвох. Кинзю схватили и тоже привязали к столбу.

169. Почему в горах хрустала много

Когда Салавата поймали и сослали на каторгу, вся Башкирия плакала. Плакали и в одиночку, и семьями, и всем аулом. Плакать уходили в горы. Слезы были чистые, горькие. Падая на скалу и просачиваясь в землю, они превращались в хрусталь. И теперь, когда найдут один маленький хрусталик, говорят, что здесь один человек плакал втихомолку, побольше — семья плакала, много хрустала — аул плакал.

170. Раньше запрещали петь о Салавате

В 1890 году в нашем ауле состоялся большой зинн. А я — тот человек, который не пропускает ни один зинн. И всюду играю на своей скрипке. Принял я участие и в этом зинне. Окруженный плотной толпой людей, играл я им и пел разные песни, а потом по общей просьбе заиграл мелодию о Салавате, не удержался — спел о батыре Салавате. Стоило мне спеть две-три песни о нем, как рядом возник урядник Хуснуллин.

— Откуда взялась эта песня? — спрашивает урядник. — Кто дал тебе право ее петь?

Меня испугал злобный крик этого человека при сабле. В некоторой растерянности я отвечал:

— Эта песня, господин урядник, песня Салавата. Он приходился мне родственником. Нечто вроде зятя.

Услышав эти слова, урядник Хуснуллин увел меня с зинна и запер на пятеро суток в глухом амбаре.

171. Потомки Салавата

В роду Салавата все были очень сильные. Лук Салавата никто не мог натянуть, кроме отца Юлая и братьев — Ракая и Сулеймана.

В этой деревне самыми близкими потомками Салавата были Аллаяр с Кильдияром. Аллаяра я не знаю, а Кильдияр умер, кажется, где-то в 1918 году.

Был еще старик Багау, сын Кильдияра. Он тоже умер. Аллаяр и Кильдияр — прямые потомки Сулеймана. От Сулеймана родился Аллаяр, от Аллаяра — Кильдияр, от Кильдияра — Салых. Салых и Исмагил — родные братья. Сын Исмагила старик Миндияр жив и поныне. От Салыха родилась Фаткия (она моя жена, 1905 года рождения), Гарифа, Ямиля. У Салыхутдина были и сыновья: Ишмухамет и Сайфутдин. Сайфутдин умер.

Другого брата Салавата звали Ракай (некоторые говорят Раки). Могила его находится на шаганаевском кладбище. Старик Кильдияр поставил на ней каменную ограду.

От самого Салавата остался всего один мальчик. Кажется, от русской жены (говорят, Салават имел любовную связь с родственницей Пугачева).

Боясь мести, ребенка никому не показывали. Мальчик жил в доме Юлая. Пытались приводить его к Амине, но в доме мачехи мальчик не прижился.

Амина была родом из Калмака. В Калмакове и поныне есть её потомки. Они хранили память о Салавате, пели о нем. Одного звали Гариф (кажется, Султанов). Вот у этих Султановых было спрятано седло Салавата. А кольчугу Салавата долгие годы прятал старик Кильдияр.

Салават был и поэтом. Недалеко от Шаганаева есть русская деревня Муратовка. Говорят, в этой Муратовке у Митрофана, сына Тимошки, хранится книга Салавата. Книга Салавата, сказывают, должна быть ещё и у директора Ошинской школы.

172. Шежере Салаватова рода

Говорят, мать Салавата звали Азнабикэ, жену — Гульбазир, сына — Хасан.

Учитель из деревни Юлаево Ихсан-ага дал мне такое шежере (родословную): Дормэн (имел жену из шайтанов) — Азналы — Юлай. От Юлая — три сына: Сулейман, Ракай, Салават. У Сулеймана было пятеро детей, у Салавата — двое. Сына звали Хасан. У Ракая детей не было.

173. Сабля и сукмар (палица) Салавата

Сабля и сукмар Салавата сохранились в ауле Тулыбай. Сабля кривая, рукоятка — из меди. Поверх ножен вьется тонкая медная проволока. Голова сукмара сделана из корня дерева, сплетенного в клубок. Вокруг клубка торчат железные зубья. Мой отец любил повторять: «Это священное оружие, оставшееся от боевого снаряжения Салавата».

174. Камча Салавата

У жителя аула Норкино Фазылбекова, отца Хайбрахмана, сохранилась камча (кнут) Салавата. Он бережно хранил ту камчу, которая

постоянно висела на самом почетном месте, на том самом крюке, где обычно вешают покрывало для намаза*.

После хозяина и дети его относились к той камче с благоговейным трепетом, считая ее священным предметом, таящим чудодейственную силу. Очень долго они ее хранили.

175. Седло Салавата

Салават-батыр подолгу гостил в деревне Норкино. В том же ауле у внука Мусы Кадерметова старика Кисре хранилось седло Салавата. К луке того седла пристегнута была кисточка, сплетенная из тонких ремешков. Ложе седла — широкое. Стремена не из железа, а из гнutoго камышевидного дерева. Они были отполированы до блеска. В пору моего детства дом старика Кисре сгорел вместе со всем добром. В пожаре погибло и седло Салавата.

176. Камень Салавата

Близ Каратаулов, в трясине, что у деревни Лука, есть один камень. Башкиры называют его «Камнем Салавата (Салават ташы)», а русские — «Гребень Салавата».

Камень этот вышиной с человеческий рост. Говорят, что Салават стоял на нем и осматривал окрестность.

Около Калмакова проводят сабантуй. Там тоже есть скала. На ней, сказывают, Салават ходил со своей Аминой¹.

177. Гора Карабит

На этой горе поймали и казнили друзей Салавата. Поэтому народ стал называть эту гору Карабит-тау. Есть и песня, посвященная этой горе:

* Намаз — (рел.) молитва, богослужение.

Черная гора, гора приметная —
Всюду скал обветренный гранит.
О, не верьте же вы миру этому —
Что с людьми он гордыми творит!

Эта гора находится там, где родился Салават.

178. Аул Салавата

Салават-батыр отступал вместе с Пугачевым от города Троицка и остановился возле сегодняшнего аула Салаватово. То место находилось на южном приотрожье горы Кыркты и именовалось Канлы-биль (Кровавый пояс). Речку тоже называют Канлы-биль.

Здесь башкирские роды Тамьян, Тунгаур, Кубалаяк-теляу, Кайтай и Кыпсак создают свои боевые отряды. Во главе одного из них был назначен наш прадед Шайхем Кулакаев. На том месте, что носит название Канлы-биль, произошло ожесточенное сражение. В том сражении погиб Шайхем Кулакаев. Одно из кладбищ до сих пор носит название Кладбище Шайхема.

Царские войска в том месте потерпели поражение. Зарезав раненных в бою лошадей, устроили большое празднество. С тех пор и осталось название аула — Салаватово.

179. Юлкай и Башаргул

Среди людей, живущих на берегу реки Зилим у подножия горы Магаш, двое принимали особенно активное участие в восстании Салавата Юлаева. Один из них башкирский джигит Башаргул, другой — чуваш Касирка. Оба они были друзьями Салавата Юлаева. Тот, кого звали Башаргул, много раз бывал на родине Салавата, жил на горе Басаргул. А пошло это название оттого, что чувашский парень называл своего друга не Башаргулом, а Басаргулом, вот и гору стали называть тем именем.

После того как Салават примкнул к Пугачеву, двое приятелей покинули гору Басаргул и стали обживать гору Магаш. Касирка выбрал себе невесту среди башкир табынского рода по имени Алима и взял ее в жены.

Однажды на горе Магаш их посетил Салават и договорился с ними о создании повстанческого отряда. «Не пропустим на нашу землю царские войска,— сказал он.— Укреним подступы к Уралу. Мы отнимем у бояр ваши земли и воды и вернем вам». И пояснил, что эти слова принадлежат посланию Пугачева.

Клич Салавата подхватили люди самых разных народов. В скором времени сколотилось крепкое войско. Народ славил Салавата песней:

Нет другой, как Урал-тау, горы,
Чтоб пробить ту гору, нет реки,
Много в мире славных есть мужей,
Только Салавата нет славней.

Сам Салават воевал в оренбургской стороне.

Однажды Башаргул описал в письме положение на берегах Зилема и отправил то письмо Салавату через сына своего Юлкая. Сев на доброго коня-тулпара, Юлкай поскакал в оренбургские края. Перед его отъездом Башаргул напутствовал сына, чтобы тот вручил письмо только в руки Салавата и никому другому не отдавал.

Юлкай встретил Салавата по дороге между Стерлитамаком и Оренбургом и вручил ему письмо отца. Прочитал Салават послание Башаргула и очень обрадовался.

Домой уже Юлкай не вернулся, остался в отряде Салавата.

Когда войско двигалось от Оренбурга к Уфе через Авзян, Петровское, возле поселка Соколовка Юлкай был тяжело ранен и вскоре умер. Услышав про его смерть, Башаргул в глубокой печали пропел такую песню:

Я выпустил стрелу из арбалета.
Погиб Юлкай, мой сын, в большом бою.
Сам, как стрелой, пронзен я вестью этой,
И потому я в горести пою.
Всечасно ожидал о нем я вести,
Кровоточила раной моя грудь.
Погиб Юлкай в сражении. С ним вместе
Пал конь, что разделил Юлкая путь.
Безлунной ночи нелюдима мгла,
Стожаров нет — темь черная легла.

После смерти Юлкая Башаргул поехал к Салавату и рассказал ему о своем горе. Салават ему ответил: «Смерть медведя в глухомани, смерть батыра — в поле брани».

Войско Салавата возле этого поселка Соколовка три дня и три ночи сражалось с царскими карателями. С обеих сторон были большие потери.

Затем не менее кровопролитное сражение произошло у аула Кишикы. После этого повстанцы захватили русское село Чесноковка и стояли там всю зиму. Именно оттуда осаждали Уфу. Готовясь к бою, Башаргул пел так:

Грудь сокола, что родом с гор Магаша,
Синим оперением горит.
Арбалет и лук — оружие наше,
Лук стреляет, а стрела разит.

Булат в руке у нас, стрела в колчане.
Оружьем тем мы берегли Урал.
Нас лютые враги в боях встречали,
Но ни один из них не устоял.

Перед третьим наступлением на Уфу, готовя снаряжение к бою вместе с теми, кто вытаскивает стрелы и правит сабли, Башаргул цел им так, поднимая их боевой дух:

Воротник с каймой, чекмень лазурный —
Мужчинам недостойным не к лицу.
Когда в руках у воина оружие,
Пойдет он встречь и ядрам и свинцу.

Через некоторое время Башаргул узнает, что Пугачев угодил в плен к врагам. В печали слагает он такую песню:

Ненастен день, и спит в тени глубокой
Угрюмый косогор, печаль тая.
Смерть принял бы до срока я, да только
Не жалит смерти черная змея.

Терпя поражение, участники восстания вынуждены были постепенно отступать. Многие из них нашли приют на одной из скал Магаш-тау по названию Змеиный косогор (Елан-сагыл). Они испытывали там большие трудности и лишения. И потому цел Башаргул такие песни, призывая себе преждевременную смерть.

Повстанцы провели зиму в одиннадцати землянках, построенных на берегу маленькой речки под скалой Елан-сагыл. Там же зимовал и Башаргул со своим отрядом. Царские начальники присылали к ним своих людей с предложением вернуться в свои дома и покаяться во всем. Таких обещали не предавать казни.

У Башаргула на такое условие был один ответ: «Достойные мужи должны достойно погибнуть. Такая смерть почетнее возвращения домой и покаяния».

Та речка, на берегу которой жили повстанцы, называется ныне Землянка-елгахы (Река Землянка). Она течет возле скалы Елан-сагыл под горой Магаш-тау.

Когда и как покинул отряд Башаргул в ту свою зимовку и куда после этого ушел, осталось неизвестным.

А Салават-батыра возили по тем местам, где он поднимал народ на восстание, и секли розгами, а потом отрезали нос, язык, наложили клеймо на лицо и лоб каленым железом. Не успели зажить его раны и меты на теле, как его под усиленным конвоем отправили на Балтику в порт Рогервик на вечную каторгу. Тяжело переживал народ муки своего батыра:

Черным-черна гора Каралы-тау,
Сквозь тьму земли округа не видна.
Друзья, не поклоняюсь этой жизни —
Что сделала с батырами она?
Был Салават достойным из мужей.
Достойнейшим — любил его народ.
Когда со лба стекали капли крови,
Он говорил: то выступает пот.

180. Марийцы в войске Салавата

Раньше в наших краях много разных боев проходило. Салават-батыр тоже был из здешних мест. Когда я был маленьким, отец и другие старики об этом много рассказывали.

Покойный дед Камалетдин по какому-то делу прибыл в Мензелинск. В ту пору дороги были плохие. Дед Камалетдин заблудился и, вместо того чтобы идти направо, пошел налево. Шел долго и в лесу набрел на кордон*. На этом кордоне был один старик мариец 110 лет. Он спросил у дедушки: «Ты откуда?» Когда дед Камалетдин сказал: «Я из деревни Киги Златоустовского уезда», тот ответил: «Те места я очень хорошо знаю». И потом рассказал, откуда и как знает: «Я в ту пору был восемнадцатилетним парнем. Очень жестокие мятежи начались. Поднялся народ и начал уничтожать бояр. Я тоже присоединился к восставшим. Через некоторое время слились с войском Салавата. Через Катав, Узень, Лаклы, Йыланли, Вакир, Карабаш-шары пришли в Киги. Оттуда ушли в Казань. На Карабаш-шаре зарыли три воза серебряных монет. Они, наверное, уже превратились в клад. Никто, интересно, не нашел его?»

После старик мариец, угостив дедушку Камалетдина, указал дорогу и проводил в Мензелинск.

181. Муллаян

В восстании Салавата 1773—1775 годов принимали участие и турумбетовцы. Многие мужчины примкнули к его воинству. Поэтому во время подавления восстания каратели Аби-батши (Белой царицы) сожгли в Турумбетове все дома без остатка. Жители были истреблены. От поголовного уничтожения уцелели лишь два человека.

У джигита по имени Муллаян, относящегося к предкам нынешних Уметбаевых, была сестра, выданная замуж за человека из другого рода, но не успевшая туда перебраться. Отец их, услышав о приближении царских войск, сказал сыну Муллаяну: «Сынок, если они придут, то никого из нас не пощадят. Поэтому проводи свою сестру и передай в руки жениха».

---

* Место, где кормили скотину.

Муллаян и его сестра сели на двух лошадей, навьючили на них необходимые вещи и отправились в путь. А путь тот был дальним. Добрались они до какого-то аула и остановились там на отдых. Зашли в крайний дом и там потрапезничали. Решили остаться там до спада полдневной жары. Через какое-то время в дом тот заглянуло несколько девушек и пригласили сестру Муллаяна на купанье. Ушла девушка, а назад так и не вернулась. Сколько ни искал ее Муллаян, так и не мог отыскать. Когда он ходил из одного дома в другой, какая-то старуха сказала ему так: «Сынок, не старайся найти свою сестру, уноси отсюда свою голову подобру-поздорову. Сестру свою ты все равно не найдешь».

Сел Муллаян на своего коня, прихватил лошадь сестры и, оставив аул, отправился в сторону своего дома.

И в самом деле, вскоре он заметил за собой погоню. Тогда он отцепил повод сестриной лошади, а сам пустился галопом наутек. Конь у него был добрый. Далеко оставив преследователей, он донес Муллаяна до отчего дома. Смотрит он, а на месте его аула только дмящаяся зола да недогоревшие головешки. То отряд карателей прошел через их аул. Никто из жителей не остался в живых.

У Муллаяна была надежда, что остался в живых его брат Муллагали, примкнувший к восставшим. В поисках брата поехал он по стране. Везде и всюду спрашивал он про него. Наконец он оказался на берегах Яика. Там и отыскал он своего брата. Затем они вместе вернулись туда, где был их родной аул Турумбетово. Заново начали они жизнь на выжженном месте. В Турумбетове живут те, что пошли от рода тех братьев.

182. Черная галка

(Ямгырсы)

После подавления пугачевского бунта Твердышев вызвал к себе в Оренбург участников этого бунта. Из аула Кусем явился Карагужа, из Темясова — Рахматулла, Мухаметова — Кусман, из Салаватова — Кадергул, Ниязгулова — Ямгырсы. Твердышев снял с них допрос и подверг пыткам. За сопротивление велел отрезать Ямгырсе губы, Кадергулу — нос, Рахматулле — уши. К волосам Кусмана приказал привязать колотушку. И только Карагужа избежал пыток.

— Ты участвовал в бунте Пугачева? — спрашивают у него.

— Урал был моим яйляу, Кыркты — моей зимовкой, я ничего не знаю, — отвечал Карагужа.

— Как же ты жил?

— Зимой сушил корот*, готовил творог; весной выкапывал саранки, на летовке пил кумыс, ел мясо.

* Корот — сыр особого приготовления.

Твердышев не знал, что означает слово «саранка». Карагуза показал ему печеную саранку, которую он захватил на дорогу. Вот так старик и избежал пыток да казни.

На обратном пути Карагуза догнал своих товарищей. Те собирались пить чай. Между собой они сговорились не говорить землякам правду о своей поездке, а соврать: мол, одного лягнула лошадь, другие же попали в дорожную беду.

Когда их догнал Карагуза, видят они, что тот совершенно здоров и невредим и на теле его нет никаких мет. Мало того, он над ними еще и насмехается:

— Что же это вы не взяли с собой достаточно еды — один съел свой нос, другой — губы...

Товарищи прозвали Карагузу Карасяйука — Черной галкой.

Ямгырсы был искусным певцом, родом из аула Ниязгулово. Оказываясь, еще перед поездкой в Оренбург он предчувствовал, что путешествие это будет печальным и сложил такую песню:

Небо ясное скрывает тучи.
Конь бредет походкою тягучей:
Ухожу, кажись, в недобрый путь —
Сердце болью и тоскою мучит.

Над Кыркты-горой туман курится
Поутру... Дорога далека.
Если мне удастся воротиться,
Белого б зарезал я быка.

Утки ли над озером кружатся,
Плыть в густых не могут камышах.
Я не смог от песни удержаться —
Полыхнула пламенем душа.

Добравшись до своего аула, Ямгырсы занялся привычкой забираться на гору Кыркты и, усевшись на выступ скалы, играть на курае и петь эту песню.

183. Каранай-батыр и его сподвижники

Мы — из рода Каранай-батыра. Каранай был самым близким атаманом Пугача, его полковником. Весь наш аул такой же отчаянный, горячий, как наш батыр.

Говорят, Каранай стал богатырем еще в отроческом возрасте. В борьбе не уступал никому, в схватке никто не мог взять над ним верх. А выйдет на охоту — не возвращается без убитого волка или лисицы.

Однажды поднялось восстание Пугачева. Едва пришел от него манифест, два сына старика Мурата — Каранай и Ырсай — отправили-

лись к нему служить. Караная поставили во главе сотни, а брат младший Ырысай стал его помощником.

Во многих местах сражался Каранай. Сперва вместе со своими мятежными воинами совершил нападение на Стерлитамакскую пристань. Овладев ею, взяли путь на Табын. Говорят, позднее Каранай-батыр держал в своих руках земли между Оренбургом и Уфой. Враги боялись его, как огня. Только что его видели в одном месте, а через короткое время он неожиданно появлялся со своими летучими конниками в совершенно другой стороне. Мгновенно окружал он вражеский отряд и уничтожал до последнего.

Таков был батыр Каранай.

Царь Пугач пригласил Караная к себе и несколько дней подряд угощал его лучшими винами и блюдами. Дал ему чин полковника. Затем отправил его в сторону Казани, приказав: «Очисти путь моим войскам». Царь Пугач называл правой своей рукой Салавата и Караная. Он отправлял их на самые опасные и трудные участки военных действий.

У Караная было много верных друзей, преданных сподвижников: младший брат его Ырысай, Касай-батыр (его еще называли Каскын-батыр — Беглец-батыр), Мурадым-батыр и другие.

Каранай-батыр погиб в одном из боев на оренбургской земле. Наше потомство пошло от двух сыновей, что остались от Караная.

В годы нашей юности еще сохранялись лук и стрелы, принадлежавшие Караная. Старики берегли их как память и живой лик батыра. Но тот лук и стрелы сторели во время большого пожара. Помним, стрелы те были с перьями, наконечники их — костяные. Тетиву лука невозможно было натянуть.

Существовали и песни о Каранай-батыре.

Говорят, царь Пугач подарил Караная саблю в золотых ножнах, а Ырысай — шубу.

В одном из боев под Тятербашем Ырысай потерпел поражение и бежал в лес. Запутав следы, он стал жить в тех местах. Царица требовала не столько поимки Ырысай, сколько нахождения шубы, подаренной ему Пугачом. В скором времени прибрали к рукам и Ырысай, и его шубу. Говорят, то была какая-то особенная шуба. Но никто не мог разгадать ее загадку.

Ырысай-батыра привезли в Мензелинск и там повесили. Повесили раз, но веревка не выдержала его могучее тело. Царица прислала письмо с требованием не чинить над Ырысай убийство, но оно запоздало: Ырысай повесили во второй раз, и теперь — надежно. За это палачам здорово досталось. Никто не мог понять из-за чего: то ли потому, что человека вешали дважды, то ли она хотела ему простить грехи; а может быть, причиной всему была таинственная шуба Пугача.

184. Вторая армия

Однажды французский царь начал войну против московского царя. Многие земли и реки, многие города захватил и подошел к самой Москве. А когда он занял Москву, то московский царь вынужден был вместе со своими приближенными покинуть столицу. Видя, что приближенные трясутся от страха, царь поднял горсть земли и сказал: «Ах, земля, по которой ступали мои прадеды! Неужто останешься ты под пятой врага? Неужто не придется мне больше тебя увидеть?» Никто из его приближенных и слова не обронил; все сидели, низко опустив головы, погруженные в тяжелую думу.

Слова царя услышал старик-рыбак, который чинил в сторонке свои сети, и подошел к ним.

— О, великий царь! — сказал рыбак. — Чего так пригорюнился? Коль тебе тяжело было оставить в Москве свой золотой трон да кладбище своих предков, то народу вдвойне тяжелее оставить страну поганым врагам. Не тужи! Твои народы живут не только около Москвы. Есть у тебя башкирский народ, который пляшет в седле, как куропатка, скачет, как ветер бушующий, перемахивает через скалы, как дикий тур, ни в грош не ставит густой лес и болото, медным змеем проползает сквозь степной ковыль, уничтожает волков и медведей, как баранов, несется на лыжах, как рыба в воде! Чужой не простит, свой не убьет, как говорится, они вместе с нами ходили по одной земле, дышали одним воздухом. Проси и у них помощи.

Услышав слова старого рыбака, вскочил на ноги царь, точно что-то потерявший и вдруг нашедший потерянное человек, огляделся вокруг и промолвил:

— Ах, старик, ты подал совет, который не могли подать сатрапы, евские со мной из одной золотой чаши, не могла подать жена, делившая со мной пуховое ложе. Спасибо тебе, старик! Я сейчас же пошлю гонцов по стране. Башкир тоже попробую призвать на помощь.

Как только рыбак ушел, царь собрал возле себя своих приближенных и держал с ними совет. Решили написать письмо башкирам.

А башкиры и не ведали о том, что на русскую землю напали враги. Едва получив эту весть, весь уральский народ встрепенулся, как от удара молнии, разом поднялся на ноги. И все начали готовиться к великому походу, выстругивали в лесу стрелы, резали телков и прочую скотину, сушили и коптили их мясо, варили корот, коптили кожу для лучшей выделки, шили бурдюки и саба*, взбивали сметану и выбивали из нее масло, дни и ночи доили кобылиц, изготовляли кумыс и наполняли им бурдюки, приводили в порядок шубы и полушубки, всякую одежду. Все были на ногах, все пришли в движение: девки и бабы, старики и старухи, пострелы-подростки, младенцы, что вышли из колы-

* Саба — мешок, котомка.

белей и сделали первый шаг. Все пришли провожать уезжающих в далекий поход.

Во время проводов старые женщины давали нитки для шитья: пусть, мол, путь ваш будет короток. Пожилые пристегивали к грудям вопнов монеты, чтобы их не брала вражеская стрела. Девушки дарили своим джигитам вышитые платочки, чтобы они хранили о них память.

При проводах старухи пели:

Ваши ли головушки уходят
В армию — прощайте же, сынки!
Пусть годы, словно месяцы проходят,
Воротитесь, усмирив клинки.

Женщины сказали так:

Вопнами стали вы, чтоб в седлах,
Уходя в походы, гарцевать,
Хай, страна моя, богатырей всех мать.
Как монеты ваши, звонкогласно
Возвращайтесь в край родной опять,
Хай, страна моя будет с нетерпеньем ждать.
Коль настанет время перелетов,
Дожидайтесь перелетных птиц,
Хай, страна своих батыров будет ждать,
Птица ль пролетит назад какая,
В ней увидим ответ ваших лиц,
Хай, страна моя станет письма читать.

Девушки дарили любимым платочки и вышитые кошельки и пели так:

Оседлав коней и нас покинув,
От Урала вдаль умчались вы,
Хай, страна моя, оставив нежный стан.
На следы оставленные глядя,
Будем мы вас молча ожидать,
Хай, любимый, не забудь мой нежный стан.
Те платки, что мы вам подарили,
Будут в битвах вас оберегать,
Хай, мой милый, не забудь мой нежный стан.
Узелок набив землей уральской,
Мы дадим вам — он спасет от ран,
Хай, любимый, не забудь мой нежный стан.
Вместе с тем подарком честь народа
Берегите в дебрях дальних стран,
Хай, мой милый, не забудь мой нежный стан!

Поднося прощальную чашу на дорогу, обратились к уезжающим родителям:

Быстроногой лошади дорогу
Никто не перекроет, не запрет,
Хай, сынок, лишь в седле джигит познается.
Джигиту грудь пронзить не сможет недруг —
Стрела сгорит и сабля не возьмет,
Хай, сынок, сам стрелою джигит несется.
В руки взяв копьё, не уносьсь
В страхе от обычной пустельги,

Хай, сынок, дни тяжелые ждут впереди.
Во время скачек чуток будь, как беркут,
А уж разжег огонь — сжигай дотла,
Пусть счастья цветы пылают на твоём пути.

А сэсэнз страны напели такую песню, чтобы поднять боевой дух уезжающих:

Слово наше к батырам,
Что уезжают в поход.
Бродили мы много по миру.
Для дел боевых — не для пира —
Пусть каждый то слово возьмет.
Все вы знаете, что Урал
Врагов мечом и луком встречал,
Что жестокую битву вели
Салават и Карасакал,
Что врагов кромсали они,
Как баранов, снискавши тем славу.
Число врагов не считали они,
Убивая их в битве кровавой.
И сын Урала взвивался стрелой,
Быстрым соколом над землей,
Многих недругов истреблял,
Землю прадедов прославлял, —
Таков, вы знаете, наш Урал!
Это не место, чтобы гостить.
Чтобы калым платить или брать,
Чтобы кумыс из жбанов пить,
Чтоб суп из чаши одной хлебать,
Это место — чтоб в бой скакать!
Пусть воинов больше будет лихих:
Чтоб, как у Салавата, сильны были руки,
Мягкие стрелы и гибкие луки —
Пусть больше джигитов будет таких.
Сын Урала пусть кличем зовет
На великую битву народ
Голосом, что силой своей
Волос на сорок частей рассечет,
Пусть от страсти его речей
Маслом тает и этот, и тот;
Неуклонно пусть к цели идет.
Чтоб думал — будто камень глотал.
Был, как мудрый Карасакал,
Мужчиной яростным будет он,
Мужем будет ау, будет он!

А вот что сказали уходящие в поход:

За сопкой сопка — темными хребтами
Раскинулся бескрайний Урал.
Хай, страна моя, краса-земля моя.
Как беркут, со своими сыновьями
Ты расставался, путь их озирал,
Хай, страна моя, краса-земля моя.
Жар крови дедов сердцем ощущая,
Мы стрелы вырезали из дерев,
Хай, страна моя, краса-земля моя.
Мы, лучших аргамаков выбирая,

Клялись сражаться всюду, смерть презрев,
Хай, страна моя, краса-земля моя.
Мой Урал! Ты, как детей, растил нас
На спинах быстроногих лошадей,
Хай, страна моя, краса-земля моя.
С победой мы однажды возвратимся,
Разбив врагов среди чужих полей,
Хай, страна моя, краса-земля моя.
Шли чередой батыров поколенья,
Мы будем слушать их и песни петь,
Хай, страна моя, краса-земля моя.
Спасем мы землю на полях сражений,
Готовые за землю умереть,
Хай, страна моя, краса-земля моя!

Бурля, как горный поток, башкирское войско влилось в море русского войска, и вместе с ним погнало прочь французов.

185. Кахым-туря

Однажды французский царь Наполеон начал войну против России и вытеснил царя Александра из Москвы. Сколько ни старался Александр, но вернуть Москву не мог. Тогда впал он в тяжкую думу, день думал и ночь думал он, потом обратился к своим приближенным: «Ведь есть у меня в подчинении народ башкирский. Что, если мы попросим их прибыть со своим войском?» Приближенные ему отвечают: «Верно говоришь, царь-хазрет, если кто и справится с французами, так это башкиры».

И тогда в страну башкир срочно послали гонца.

Получив призыв русского царя, собрались башкирские аксакалы и держали большой совет. И решили аксакалы между собой: «Посмотрим, что это за враг, а придется с ним сразиться — выкажем свою храбрость». И бросили они повсюду боевой клич: «Все, кто хочет воевать, пусть при полном снаряжении садятся на коней и выступают в поход!»

В короткий срок собралось несметное войско, готовое к дальнему походу. Военачальником был избран Кахым-туря.

Не ели, не пили, спеша поскорее достичь цели. Ехали, десять дней и десять ночей.

Вот добрались они до Москвы.

При виде башкир испугался Наполеон, поджег Москву и стал спешно уводить из нее свои войска. Это прибавило духу Кахым-туре. Он стал преследовать Наполеона и преследовал его десять дней и десять ночей подряд. Он разгромил войско Наполеона и выгнал его из русской земли. После этого огляделся Кахым-туря, вперед взглянул, назад ог-

лянулся и не посмел вступать в пределы чужой страны. Вместе со своим войском возвратился в Москву. Вернулся и видит, что царь Александр, наслаждаясь тем, что Наполеон ушел из Москвы, блаженно развалился на своем троне. Кахым-гуре не понравилось такое благодушие царя. «Ну, отчего вы расселись так беспечно, царь-хазрет, — спрашивает он. — Нельзя так просто оставлять проклятых французов. Если заварили кашу, пусть ее и расхлебывают. Если они взяли Москву, мы возьмем Париж. Если позволите мне ступить на чужую землю, я немедленно туда отправлюсь». После долгого размышления царь сказал: «Разрешаю, отправляйтесь!»

Вначале в путь тронулись башкиры. За ними выступили татары. Выходя из Москвы, башкиры пели песню «Хай, земля моя, краса-страна моя»:

Встречал с почетом царь наш государь
Башкирский богатырский наш народ,
Хай, страна моя,
Краса-земля моя!
Мы стрелы, что остались от отцов,
Густым дождем прольем на вражий род,
Хай, страна моя,
Краса-земля моя!
Завет тебе, родимый наш Урал:
Батыров память сохрани в чести,
Хай, страна моя,
Краса-земля моя!
Коль от французов не придем назад,
За нас врагам жестоко отомсти,
Хай, страна моя,
Краса-земля моя!

Так пели они, и Урал-тау им ответил. Так сказал Урал:

Эй, дети! Не горюйте понапрасну,
Когда есть кормилица-мать.
Французов прочь гоните громогласно
И возвращайтесь к матери опять.
Пока есть Урал-земля, враг не страшен.
На место одного родит она
Батыров тыщу — и сильней и краше,
Им даст благословение страна.
Или о том не знают на чужбине,
Что есть страна могучая Урал?
Сыны его горят отвагой львиной,
Их острый меч любых врагов карал.

Получив такой ответ от Урала, башкирские воины наполнились новой отвагой и ринулись вперед. Им пришлось проезжать через царство по названию Австрия. Австрияки спрашивали у них: «Вы что за народ?» Они отвечали им: «Мы башкиры». Оказывается, австрийцы издавна знали башкир. «Ага, оказывается, те самые, что едят конину», — говорили они. Затем башкиры привели занузданного батыра по имени Гариф, родом из Кубаляк-Тилеу. Увидев занузданного человека, удивились австрийцы.

Миновав австрийскую землю, джигиты добрались до французской земли. Французы ждали от башкир только смерти, и при виде их стали разбегаться кто куда, французское войско тоже. Башкиры стали их преследовать с криками: «Где Париж?»

И вот добрались они до Парижа. Видят они, что город Париж со всех сторон обнесен неприступной каменной оградой, и все войско Наполеона спряталось за этой стеной. А в тех стенах есть дыры (бойницы), чтобы, значит, стрелять оттуда из винтовок. И французы вовсю палят оттуда из мушкетов и пищалей. Тогда Кахым-туря сказал: «На винтовку — винтовка!», и попросил, чтобы русское войско вышло вперед. Целый день и целую ночь палили русские воины из винтовок. Башкиры же выпускали стрелы в небо. Взмывали те стрелы под самые облака и, опускаясь за те каменные стены, насмерть разили французов. Видя рой свистящих пуль, жужжащие мухами стрелы, падающие на головы, не выдержали французы, стали отбегать от тех стен. Пользуясь их бегством, наши войска приблизились к воротам города. Хотели они ворваться в город, а ворота те оказались на запоре. И тогда привели того самого занузданного батыра по имени Гарпф. Он ловко забрался на каменную стену, сшиб саблей огромный замок и распахнул настежь городские ворота. Наши войска ввалились валом в те ворота, заполнили все улицы Парижа.

Заняв Париж и низложив французского царя, наши войска несколько дней праздновали победу. Потом царь Александр сказал: «Давайте вернемся в Москву, я там всех одарю подарками». И тогда все войско скопом тронулось в обратный путь. Возвращаясь домой, башкиры пели такую песню:

Урал-тау вдали ласкает глаз,
Урал-тау соскучился по нас,
Хай, страна моя,
Тонкий стан, душа моя!
Нам не жаль хоть нынче умереть —
Враг разбит, нам нечего жалеть,
Хай, страна моя,
Тонкий стан, душа моя!

Когда все войска собрались в Москве, царь Александр призвал к себе тех, кто проявил на войне особое мужество. «Ну, что просите за ваше геройство?» — спросил он. Батыры других народностей стали просить скот, медали, начальнические чины, и царь дал, что они просили. Затем он обратился к башкирам: «Вы совершили много подвигов, что вы требуете?» Кахым-туря ответил так: «Мы приехали к тебе на помощь, ничего у тебя не просим и не требуем». Посмеялся царь над ответом Кахыма-тури и надолго задумался. Затем сказал: «Я не слышал ваших желаний. В таком случае я даю вам столько земель, сколько вы пожелаете. Тебе, Кахым-туря, я дарую чин генерал-майора, твоих батыров Сайфетдина, Мортазу, Насира воспроизвожу в есаулы, Абубакира, Яруллу делаю хорунжими».

Поблагодарили его башкиры и уехали в свои родные края, на благословенную уральскую землю.

186. Кахым-туря

(вариант)

Когда-то аулы Мырдаш и Аюсы были слиты между собой. Там жил старик по имени Мугатай. У него было двое сыновей, которых звали Тувай и Хатлык. У Хатлыка не было детей, тогда как Тувай имел сына по имени Казакбай. От Казакбая родился сын Мырдаш, от Мырдаша — Кахым-туря.

Кахым-туру называют Туйсиным. Это неверно, должно быть, Туваев, ибо отца его деда звали Туваем.

В свое время Кахым-туря был прославленным мужчиной. Ни одна из лошадей не выдерживала его на своей спине. Ни один, кроме Кукся — Серого и Турыся — Гнедого коня. В дверь он протискивался бочком.

Кахым-туру отравили в 1812 году, когда он ехал на войну. Помощником у него состоял мулла по имени Утягул. Коня Кахым-тури привел домой Казакбай, и на нем стал ездить сын Кахым-тури Хайбулла.

С французского похода последним вернулся Буранбай. Ему в то время было примерно 45 лет. С камчой в руке поднялся он на вершину Уральской горы и прошептал так:

Нет выше гор, чем Урал-тау гора,
Нет рек, что могут пересечь Урал.
То, что на лбу написано у нас,
Уж не сотрет никто и в Судный час».

От Кахым-тури родился Хабибулла, от Хабибуллы Юндузак, от Юндузака Галиулла и Валиулла. У Валиуллы не было детей. От Галиуллы родились Гайнулла и Хуснулла, которые стали носить фамилию Касимовы. Гайнулла — учитель, Хуснулла — простой колхозник.

187. Абдрахман Акъегетов

Абдрахман-батыр из нашего аула с юности прославился как лихой джигит. На сабантуях он никому не уступал в борьбе, побеждал и в скачках и стрельбе. В конце концов никто из башкир в округе не смел вступать с ним в единоборство.

Абдрахман-батыр любил, подвесив лук и стрелы, взяв в руки суммар, выезжать с аульскими джигитами на охоту. Каждый выезд у них длился по несколько дней, а то и целые недели.

Когда началась война с французами, Абдрахман-батыру было примерно двадцать пять или двадцать шесть лет. Российский царь обратился к башкирам за помощью. Это обращение дошло и до нашего Утяганова. Собрались старики — аксакалы аула — и держали большой совет. На том совете они порешили: когда стране грозила опасность, когда на нее шли враги, башкиры никогда не оставались в стороне; пусть джигиты и мужчины завтра же седлают своих боевых коней. Лучших мужей аула во главе с Абдрахман-батыром проводили на войну.

Как-то французы окружили Абдрахман-батыра. Со всех сторон стреляют они в Абдрахман-батыра, но того пуля не берет и сабля не сечет. Железная кольчуга не допускает к телу ни пулю, ни саблю. Запаниковали французы, пришли в смятение, а Абдрахман-батыр, воспользовавшись этим, порубал их почем зря своей саблей, вырвался из окружения и ускакал к своим.

Французы задумали во что бы ни стало изловить Абдрахман-батыра. Вырыв большую яму, они стали теснить удальца к той яме. С боем отступал от них Абдрахман-батыр, а когда сзади него разверзлась яма, слегка растерялся, не зная, что предпринять: не перескачет конь ту яму, сорвется в нее, и тогда им конец обоим. Все-таки рискнул: диким ревом и натиском отеснив и отпугнув врагов, он врезался в их ряды, а затем, круто повернув коня, пустил его в сторону ямы, и конь молнией перелетел через нее. Только задние ноги сорвались, чуть не погубив тем Абдрахман-батыра.

Сказывают, Абдрахман-батыр был искусным кураистом и певцом. В перерыве между боями он любил играть на курае и петь песни. Сохранилась песня, которую якобы Абдрахман пел в ту пору:

В думках ухожу в свой край любимый:
Урал-тау встает передо мной.
Нас оторвала от стен родимых
Спесь французов, что пришли с войной.
Магаш-тау в сиянии небесном —
Заливаются ль там соловьи?
Жив-здоров, еще воюю здесь я,
А родные живы ли мои?

На обратном пути царь призвал к себе Абдрахман-батыра и наградил его медалями. А затем он обратился к башкирскому воинству: «Мои башкиры, вы снискали большую боевую славу, выскажите все ваши пожелания». На это башкиры отвечали: «Нам не нужны никакие дары и богатства, дайте нам только землю».

За большие ратные подвиги Абдрахман Акъетегет получил обширные земли. Недаром земля нашего Утяганова на архангельской границе тянется вдоль берегов реки Кизилгы, а в кармаскалинской стороне упирается в Карламан.

И по возвращении домой Абдрахман-батыр не оставил военную службу, пребывал в больших начальниках. Когда он подавал криком голос с Кармаскалов, то его слышали в Утяганове.

Мурзакаевы, что живут в нашем ауле, происходят из рода того самого Абдрахман-батыра.

188. Янхары-батыр

Мухамед-Садык — сын Файзуллы. Он участвовал в войне с французами; он рассказывал то, что сам видел и слышал: «Там был один богатырь по имени Янхары. Сила в нем была такова: пущенная его рукою стрела пронзала сразу двух неприятелей. Роста Янхары был в два с половиной аршина; в плечах—необъятно широк. И сражался он, не зная усталости. Силу его можно было приравнять к лошадиной. Оружием батыру служил лук, из которого он пускал стрелы с необыкновенной меткостью. Они настигали врага за версту. И стрелять он мог одинаково — с места и на скаку. Против стрел французы не могли ничего предпринять.

Царь сам не раз хвалил башкир за их усердие и умение в бою. В награду за это он приказал отдать в их пользование обширные земли, которые затем перешли к потомкам. А также он приказал отлить из металла статуи некоторых героев-башкир, которые были установлены в Петербурге».

189. Рассказы башкирца Джантюры

Войско наше болно скоро шло к Дризден. Три дня и три ночи мы не слезали с лошадей. Была тогда половина августа, жар душил людей, и от усталости я едва держался на лошади. Наконец, потеряв последние силы, я своротил с дороги и лег в траву. Жена моя была со мной. Она села около меня и горько плакала. Я точно едва слышал. Прощай, родимая Башкирия, думал я, прощай, раздольная степь: верно, уж мне не видать тебя больше. Мне горько, болно было горько. Я захотел пить. Невдалеке было маленькое озерко, тинистое, как болото; я кое-как с помощью жены дотащился до него. К счастью, вздумалось мне полежать в воде; я разделся и с час времени пролежал в ней. Мне стало

легче. Я встал и испугался, а жена чуть не упала от страха. Все тело, начиная от шеи до пят, было усыпано пиявками. После испуга я обрадовался. Дав им напиться, я снова лег в воду, и после третьего раза усталость с меня как рукой сняло. Я сам оделся и, вспрыгнув на лошадь, весело отправился с женой догонять наш отряд...

Другой раз, я уже вовсе не чаял воротиться на свою сторону, но меня спасла жена. Не помню, при каком месте, нас, человек с пятьдесят, поставили на сторожевой пикет. Не знаю, как мы проглядели, только на заре наткнулись на нас человек с 20 французов, вот тех, что носят стальные доски на груди (вероятно, французские латники): мы вскочили на коней, пики приперли к седлам и с гиком бросились на злодеев. Лошадь подо мной была бойкая, я навывлет проколол одного и вынимал уже пику, как другой, собака, сильно хватил меня палашом, кольчуга не устояла, и я с разрубленным плечом повалился с лошади и обеспамятел. Когда я очнулся, то увидел, что половина товарищей была перебита, а остальная связана, жены около меня не было, и я подумал, что ее уже нет на свете. Посадив на лошадей, нас повели в плен. Часа через полтора вдруг из-за леса вылетела целая сотня донских казаков и окружила нас со всех сторон. Французы, их осталось только 12 человек, струсили и попросили пардону. Жена моя была с донцами, и дело объяснилось: в первой схватке моя баба смекнула, что нашим не устоять, ускользнула с места сражения и дала знать главному отряду. Да, коли бы не она, то не шировать бы мне больше на своей родине. Славная баба, нечего сказать.

190. Эрмэ

(Армия)

Когда один джигит, женившись, только-только начал семейную жизнь, ему по жребью выпало уйти на солдатскую службу. И осталась у него дома молоденькая жена. Надолго растянулась его солдатская служба, вконец изнемог он от тяжелой казарменной жизни, походов, войн. Он тосковал по родной сторонке. Во время ночных караулов он вспоминал об отчем крае, что остался так далеко, любимую жену свою, проклинал тяжкую службу, и родилась в его душе печальная песня:

В армии оброс я волосами —
Хоть из них косички заплетай.
Повезет — увидимся мы с вами,
Снова возвратимся в отчий край.

Колесом вращаясь, всходит солнце,
Луч свой светлый к тучам привязав.
Будем живы — все домой вернемся,
Обернувшись солнцем в небесах.

Ах, тверды дороги под ногами —
Не найти здесь корма голубям.
Не тверды — дороги медь да камень,
Тяжело идти нам по камням.

Пел солдат эту песню и в том находил утешение.

А служба его все тянулась и тянулась. За два с лишним десятка лет изведав все тяготы и превратности армейской волюшки и потеряв немало здоровья, крепко сдавшего и уже далеко немолодого солдата наконец отпустили домой.

В дом к себе он воротился поздно ночью. Отыскал свою избу, видит: стоит она все на том же месте, цела и невредима, двор, сарай тоже справны — чувствуется мужская рука. Значит, не получив вестей от мужа-солдата, запропавшего на службе, жена его привела к себе в дом кого-то другого. Когда в избе засветился огонь, он стал заглядывать в окошко, затянутое брюшиной. И видит он, что жена его, порядком изменившаяся за прошедшие годы, прядет пряжу у горящей лучины. Кроме нее есть еще в доме какой-то молодой человек. Вот он обнимает женщину сзади, а та ласкает его, нежно хлопая по плечу. «Вот каков ее муж, — думает солдат. — Не то, что я, молодой, кровь с молоком». Четверть века хранивший верность своей жене солдат затек тяжелым чувством ревности и злобы. Но следующие слова молодого человека заставляют его насторожиться:

— Мама, спой-ка, песню, посвященную отцу.

Женщина начинает петь, а молодой человек берет в руки курай и подыгрывает ей:

Дикий лук, растущий на Урале,
В стебле толще, чем степной борщевник.
Если мужа в армию забрали,
Долго ждать придется возвращенья.
Край родной — лишь белые березы —
Мужу вспоминаются ль они?
Я тоскую, проливая слезы...
Бог солдата в армии храни!

Удивляется солдат, не может ничего понять. Сын какого же солдата этот парень, который обращается к его жене словом «мама»?

Распахнул он двери дома и шагнул через порог. Увидев изможденного старика, обросшего бородой, застыла в изумлении женщина. Затем, узнав в нем мужа, бросилась к нему на шею. За ней к нему несмело подошел и молодой парень.

— Так этот старик и есть мой отец? — спросил он. — Ты ведь всегда говорила, что он сильный и молодой.

— Двадцать лет ведь это сама человеческая жизнь, сынок, — отвечает мать. — Когда твой отец уходил на службу, ты еще и не родился. А теперь ты переваливаешь тот его возраст.

Так все и прояснилось, и солдат поздоровался со своим сыном.

191. Как Перовский избежал смертной казни

Оренбургский губернатор Перовский под предлогом того, что, мол, башкиры без разрешения царя захватили себе земли, велел казнить у озера Дунгызлау девять тысяч башкир. Весть об этом дошла до царя. Тот был разгневан и вызвал Перовского в Петербург, заведомо приговорив его к смертной казни.

Перед тем, как отправиться в Петербург, Перовский велел призвать двух самых лучших башкирских кураистов и одного узляусе — мастера горлового пения. В те времена самыми прославленными кураистами были Рахимгул из аула Хунарсы и Хасан из аула Колсом. Среди мастеров горлового пения выделялся узляусе Юсуп из аула Хунарсы. Он был так искусен в своем деле, что если пел горлом возле болота, то голос его оттуда свободно доходил до аула.

Захватив с собой двух этих кураистов и одного узляусе, Перовский выехал в дальний путь. До самого Петербурга музыканты играли беспрерывно на своих кураях, а узляусе потешал своим горловым пением. Вот так же зашли они и во дворец царя.

Перовский отдал рапорт царю. В конце рапорта он сказал: «Я привел вашему величеству двух башкирских кураистов и одного узляусе — мастера горлового пения».

Царь приговорил Перовского к смертной казни. Когда выносили приговор, кураисты без конца играли на своих инструментах, а узляусе пел горловые песни. От бесконечной игры губы у кураистов спеклись и потрескались. И тем не менее, они поражали слушателей своим удивительным искусством. Царь тоже был удивлен тому, что они играли столь неутомимо и самозабвенно. «Уж нет ли чего-нибудь во рту?» — подумал он про узляусе и заставил его открыть рот и показать горло. Ничего там не обнаружив, царь и вовсе поразился такому чуду. Вздурженный их игрой, он смягчился душой и даровал жизнь Перовскому, отменив смертную казнь. Башкирским же кураистам велел преподнести хорошие одежды и смастерить медные инструменты вместо тростникового курая. Он предложил им также остаться во дворце музыкантами. Но те не согласились, стали проситься домой. Царь велел им подать добрых лошадей, угостить перед дорогой лучшими яствами и проводил в путь.

Вот так избежал Перовский смертной казни.

192. Аман

Прежде казахский народ владел землями от Арала до Башкортостана. Казахи с башкирами жили в мире и согласии. Башкирские сэсэны и казахские акыны постоянно состязались на совместных байгах. Два этих народа выдавали другу другу своих девушек, сватали сыновей. Но вот однажды началась смута, оборвались мирные дни. Откуда ни возьмись появились царские войска и стали притеснять эти народы.

Не выдержав такого насилия, казахи подняли мятеж. Повстанцы заполнили всю южную окраину своей страны. Неподалеку от сегодняшнего Семипалатинска, на актюбинской земле, происходили ожесточенные схватки повстанцев с царскими сатрапами. Однако в тех битвах казахи потерпели поражение. Многие не вернулись домой. Оставшиеся в живых попрятались на берегах Аральского моря. Принимавший участие в восстании Аман Абазбаев подался к башкирам. Башкиры приняли его радушно, потчевали чем могли. Аман пребывал на земле бурзянского, кыпсаковского и усергенского родов. Его сопровождали несколько друзей. Как-то Аман оказался в доме старика по имени Хужа из усергенского рода. Потом стал жить в ложбине по названию Энерсе. Часто бывал в ауле Акбаш, где полюбил девушку по имени Гюляндам. Они встречались в благоухающей цветами долине реки Ика, мечтали пожениться и начать совместную жизнь. Но сделать это было непросто: Амана повсюду искали царские солдаты.

Бывал Аман и в ауле Средний Муйнак. Там у него были знакомые из рода Карамыша. Его там хотели схватить, но Гюляндам успела спрятать своего возлюбленного. Мстя за это, преследователи убили Гюляндам.

Однажды Аман вместе со спутниками выехал на берег Энерсе. День стоял жаркий. Аман разбил своих спутников на две группы, одну отправил в аул Акбашево к могиле Гюляндам, а другую — в аул Кыргызбай, а сам решил искупаться. Оставив одежду и оружие на берегу, вошел в воду.

В это время мимо проходили несколько человек, продавшихся царским сатрапам. Среди них был некий Ядир, у которого слегка недоставало в мозгах. Он вырвал саблю и хотел тут же изрубить Амана, да помешали товарищи. Связанного казаха повели в аул Средний Муйнак. По пути Ядир убил одного из спутников и выстрелил в грудь Амана. Тот пошатнулся, повел вокруг себя тускнеющим взором. Ядир выстрелил во второй раз и пробил ему почки. Аман упал в воду. В это время появились друзья Амана. Ядир бежал. Казахи его не тронули. Аман попросил похоронить его на высокой горе. Друзья исполнили его завет: похоронили на вершине высокой горы и воткнули копьё на его могиле. Сами же решили возвращаться в казахские степи. По пути решили заглянуть в Средний Муйнак. Навстречу им выехали несколько

всадников. Казахи остановились в растерянности, не ожидая такой встречи. Они сошли со своих лошадей, воткнули в землю свои копыта и склонили головы.

Выяснилось, что их обвиняют в убийстве Ядира из рода Карамыша. «Мы не убивали Ядира», — сказали казахи. Жители Среднего Муйнака привезли тело Ядира. В это время они увидели проезжавших мимо царских солдат. Ехавший впереди других был облачен в одежду Ядира. После этого башкиры все поняли, извинились перед казаками и проводили их до самого Актюбинска.

С тех пор река, в которой купался Аман, стала называться Аманелга (Река Амана), а те места, где он бывал и где похоронен — Аманинган (Был Аман).

193. Вороной

(Карат)

Оренбургский генерал-майор попросил башкир прислать к нему пятерых лучников. Те прибыли туда, куда их пригласил генерал. Тот велел им стрелять по мишени. Мишенью же он выбрал березку на опушке леса. Те пятеро истрепали своими стрелами березу. Уверившись в их меткости, генерал-майор дал им такой приказ:

— Ваши стрелы способны пробить насквозь 25 человек, и потому у вас не должны быть те, что мастерят стрелы, кузнецов, чтобы вытачивать наконечники.

Тот свой приказ он распространил на все башкирские аулы.

После издания того приказа башкиры стали изготовлять стрелы с наконечниками в глубокой тайне. Девять кузнецов из аула Яманхар, что в оренбургской стороне, спустились к глухому месту у реки и изготовили более тридцати тысяч стрел. Сейчас ту речку называют Тугыз тимерсе — Река девяти кузнецов.

В то самое время два человека по имени Габдельнасир и Ишмекей собрали тайную сходку. Они были не согласны с приказом генерала и собирались начать войну против него. Про это прознал генерал Кильмяков, проживавший в Нижнем Троицке и, угодничая перед оренбургским генералом, послал к нему письмо-жалобу.

Через некоторое время заявили полицейские и раскрыли заговор, арестовали 120 башкир, привезли их в Мелеуз и заперли в подземной тюрьме.

В заточении Габдельнасир и Ишмекей вели такой разговор:

— Из-за нас арестовали наших товарищей. Постараемся же их спасти. Мы должны их выручить!

Испросив разрешения, Габдельнасир отправился в Оренбург. Приехал он туда и видит такое объявление: «Если башкиры найдут ска-

куна, достойного нашего атамана, мы освободим их заключенных». По возвращении Габдельнасир рассказал об этом Ишмекею. Тот сказал: — Пусть я лишусь Карата, своего вороного коня, но и его не жаль ради товарищей.

Увидев вороного Ишмекея, засмеялся атаман, почесывая живот.

— У меня есть два иноходца, есть майдан в версту. Если в скачке на тринадцать кругов моего майдана ваш скакун опередит моих иноходцев, я освобожу ваших приятелей.

И вот отправились кони по кругу. Когда кони атамана сделали четыре круга, Карат отстал от них на один круг. Приближенные атамана шумно радовались и хлопали в ладоши. А кони все скачут и скачут. Вот там и сочинил какой-то башкир песню:

Стремись вперед, старайся, мой Карат,
Пусть на тебя взирает целый мир.
Зависит от тебя, крылатый брат,
Кровь ста и двадцати еще башкир.

Ты лошадей майора обойди,
Тем узников спасешь ты от оков.
Опреди их! Слезы иссуши
Ста двадцати башкирских стариков!

Конь ты ли твои в земле увязли? —
Ведь был ты в скачках легок и крылат!
Сто двадцать человек уперлись глазом
В тебя, кто носит прозвище Карат...

И, точно услышав мольбу сородичей, Карат вдруг устремился вперед. Пока кони атамана сделали двенадцать кругов, он сделал тринадцать, опередил их и, звонко заржав, пошел грудью на своих соперников. Таким образом, сто двадцать узников были освобождены. Но Карат должен был оставить своего хозяина Ишмекея и перейти во владение атамана.

Но однажды ночью Габдельнасир и Ишмекей похитили Карата. Чтобы отыскать пропавшего коня, атаман шел на всякие хитрости, проводил в разных аулах праздника и игры, устраивал конные скачки, надеясь, что на одной из таких скачек появится исчезнувший конь. Но Карат как в воду канул. И только по прошествии многих лет (тогда Карату исполнилось пятнадцать лет) его захватили на одной из скачек, которые проводились в Абзелилове.

194. Банк-сэсэн

Банк был широко известным и знаменитым сэсэн (поэтом-импровизатором). В поэтических поединках и состязаниях по острословию не было ему равных. Он жил в этих наших краях. Его могила находит-

ся в Кызыл-яре (Красном Яре), как раз на том месте, где дорога уходит из Идельбая в Урмантау.

Могила сына Байк-сэсэна находится между Аркауловской фермой и складом. Мне ее показывал дедушка по матери. Сейчас та могила окончательно затоптана и сравнена с землей.

Родословная Байка-сэсэна по линии шежере такова:

Байк-сэсэн — сын его Баймухамет — Игембэт — Ахтям — Вали — Сафаргали.

195. Курсай-батыр

В наших краях жил раньше прославленный Курсай-батыр. Говорят, по стрельбе из лука он никому не уступал первенства. Храбро сражался он и в боях.

Жил Курсай-батыр во времена царя Ивана*. От него получил землю.

Могила батыра сохранилась по сей день. Она находится в Красном Яре, близ деревни Урмантаево.

196. Буранбай

После первых бунтов древних башкир на берега реки Тока были переселены ирендыкские башкиры. На краю одного из аулов жил старик по имени Исянгильди, и был у него сын, которого звали Агыш. Когда тот сын подрос и стал джигитом, отец женил его на девушке с ирендыкской стороны. От Агыша родился сын, которому дали имя Ярмухамет. Иначе его еще называли Яркей. Он был истинным батыром, борцом, певцом; слава его гремела по берегам Тока, Сурана, Камалека, Юшатыра.

Однажды, сговорившись со старшиной Каипкулом, боярин по имени Тимашев купил за бесценок раздольное поле в верховьях реки Тока и Сурана по названию Тоз юлы — «Соленая падь». Жители аула с гне-

---

* Очевидно, имеется в виду Иван Грозный.

вом восприняли весть о размежевании своих земель и встретили боярских людей с луками и стрелами. Во главе мятежа стоял Яркей.

Выступление местных жителей было подавлено вооруженной силой. Земля была разделена межой. Яркея и его сообщников отправили к генералу. При переходе через сакмарский мост Яркею удалось бежать. Он ушел к горным и лесным башкирам, пристал к материнскому дому. Кроме самых близких людей в ауле его никто не знал. Он и имя свое сменил, назвался Буранбаем.

Известный в тех местах кантон по имени Бурангул под тем прозвищем отправил Яркея учиться. А когда он вернулся после учебы, сделал его старшиной под своим подчинением.

Кантон Бурангул женил Буранбая на дочери китайского старшины Альмея.

Однажды началась война между Россией и французами. Башкиры составили большое воинство. Многих забрали на ту войну. Начальником же войска стал кантон Бурангул. Перед выступлением он назначил сотниками сына своего Кагармана, Кахыма, Буранбая, Биша, Айсуака и еще нескольких человек, которым особенно доверял.

На войне показали они большие подвиги. По возвращении на родину Бурангул вновь назначил Буранбая старшиной, сына своего Кагармана кантоном, Биша — сотником, а сам скончался от старости. Кахым остался начальником войска при Караван-сарае вместо Бурангула.

После окончания войны на башкирской земле закишели всякого рода заводчики, скупая за бесценок или отнимая у народа леса, где он охотился, долины, где летовал. В стране начались волнения. Генерал отправил своих людей к каждому кантону или старшине. Старых писарей стали заменять новыми. Буранбай и некоторые другие старшины не стали менять своих писарей, а новоприбывших отправили обратно.

Генерал сообщил про это дело бумагой царю. От царя пришел приказ: старшинами назначать только тех, кто имеет чин тархана, а те, кто не имеет такого чина, должны непременно иметь напутствие надежных людей.

Кантоны и старшины всячески выгораживали друг друга. Большинство из них осталось на своих местах. Конфликт с заводчиками все еще не прекращался. Чаще всех возникал он там, где в старшинах состоял Буранбай. Заподозривший неладное генерал подослал к Буранбаю своего человека. Тот загостил у старшины, охотился вместе с ним, ловил рыбу. Вместе с Буранбаем навещал заводчиков. Это стало вызывать недовольство среди людей. Начались разные толки да разговоры: «Буранбай продается заводчикам, не хочет с нами считаться». А враждебно настроенные к Буранбаю люди еще больше разжигали страсти, всячески раздували назревавшее раздражение и недовольство народа.

Буранбаю донесли, что приезжий на охоте и рыбалке встречается с его недругами, подолгу с ними толкует. Разузнав от этих людей и от заводчиков о Буранбае, человек, присланный генералом, собрался уезжать. Узнал о том Буранбай, держал совет с близкими себе людьми,

вместе с которыми было решено на обратном пути убрать и генеральского посла, и всех доносчиков.

Весть о том дошла до генерала. Но тот не стал тотчас заводить дело по убийству, потому что стал догадываться, что подобным образом поступает не один только Буранбай. В связи с такими событиями генерал созвал совет в Караван-сарае. На тот совет он пригласил всех кантонов, старшин, сопровождающих их певцов и кураистов. Кроме того, на тот зийн прибыли и другие певцы-импровизаторы и сазэны. Но сколько бы искусных людей ни собралось там, все же никто не мог соперничать с Буранбаем. Его игре удивлялись не только чужеродцы, но даже прибывшие из его мира люди.

Пошел в народе разговор: «По тому, как этот человек держит курай, играет на нем, опять же песни, которые поет, очень напоминают сбежавшего из наших краев Яркея, сына старшины Альмия». Но с того времени так много воды утекло, что никто не мог в Буранбае признать бывшего беглеца.

На том ийыне-совещании был устроен большой пир. Самые знатные да важные тарханы и старшины были приглашены на него вместе с женами. Возвращаясь вечером с пира домой, многие из них приглашали Буранбая к себе домой, выражая желание послушать его песни и игру на курае.

За время пребывания в Караван-сарае Буранбай сблизился и подружился с тарханом-старшиной Тимергазы с берегов Камалека. Никто не догадывался о том, что Буранбай и есть беглец Яркей, и сам он никому о том не говорил. Много было выпито бала*, съедено разных яств, там же и спать остались. К их пробуждению жена Тимергазы приготовила завтрак, то и дело входила в комнату, где спали ее муж с гостем. Вдруг взгляд ее упал на голую ногу, выглядывавшую из-под одеяла, под которым спал Буранбай. Пригляделась она и видит на той ноге след от большой раны. Откинула она одеяло, а под ним Буранбай лежит. И с того момента потеряла покой та женщина, все про ту рану думает: «Неужели это Яркей? Когда он приходил к моей юрте, отец ударил топором по его ноге. Не та ли это рана?»

Вот и еда поспела. Встали все, принялись есть и пить. На зийн сходили. Снова начали угощаться. Тимергазы ушел в город по делам. Оставшись наедине с Буранбаем, жена Тимергазы спросила у него тайком: «Ты случайно не Яркей?» Эта женщина оказалась из рода Кайынкул — старшины с родины Буранбая. В свое время она любила Буранбая и мечтала выйти за него замуж. Звали ее Салима.

Буранбай сначала опешил, не узнавая Салиму, а как узнал, то воскликнул в удивлении:

— А если тот самый Яркей, что бы ты стала делать?

И этот ответ еще больше насторожил женщину. Она еще более утвердилась в своей догадке.

Видя, что жена слишком вертится и усердствует перед Буранбаем, ревностью затек Тимергазы. Не прошло мимо его внимания и то, что,

---

* Бал — медовка.

выпивая бал, жена пела Буранбаю слишком уж нежные песни. Это вызвало в нем приступ злобы, и он ударил свою жену. «Как увидишь чужого мужчину, так и начинаешь выгибаться, — пробурчал он. — Раньше заморочила мне голову каким-то беглецом Яркеем, теперь...» И тем выразил он свою враждебность Яркею.

Закончился зинн, гости разъехались по домам.

После того случая Тимергазы уже не мог жить с женою в мире и согласии. Услышав об этом, приехали родители Салимы.

Салима им и высказала:

— Хоть вы и ругаете и насмешничаете над Яркеем, а он вовсе и не пропал, стал начальником целого округа.

Она хотела похвастать тем, что Яркей скрывается под именем Буранбая. Прознали про то и Тимергазы, и отец Салимы и не преминули сообщить генералу.

Генерал взялся проверить правдивость такого сообщения, для чего опять отправил к Буранбаю своих людей. Те выяснили, что Буранбай действительно Яркей. Но и на этот раз генерал не стал спешить с арестом Буранбая. Он послал царю донесение, будто среди башкир скрывается главарь беглецов. Получив это донесение, царь отправил приказ об упразднении кантонства и низведении начальников кантонов до штатских служащих.

Генерал пригласил к себе всех кантонных начальников и велел им сбросить с себя военный мундир и саблю. Среди кантонов оказались такие, что уехали домой, не вняв приказу генерала. С помощью писаря генерал отправил Кагарман-кантона. Велел прибрать к рукам Кахымтуру, но тому удалось бежать. Буранбай остался один. Воспользовавшись этим, генерал выслал его в Сибирь. Отбыв несколько лет в сибирской каторге, Буранбай бежал. Приближенные генерала разыскали его и убили.

По пути в Сибирь Буранбай пел такую песню:

Коль спросите, как звать меня, скажу я;
Что ложно мое имя — Буранбай.
Доносом и наветами шельмуя,
Отправили меня в сибирский край.

За киной кино — белая бумага,
Построчья буранбаевской руки.
Прочитывая письма Буранбая,
Бывалые рыдают старики.

197. Буранбай

(вариант)

Много лет тому назад проживал один бай. У него не было детей. И потому он дал себе слово:

— Если жена родит сына, пусть поступает с ним, как знает. Родит дочь — выдам за первого батыра страны.

И вот жена бая родила дочь. Ей дали имя Айхылу. Прошли годы. Подросла Айхылу, стала девушкой на выданье. В округе не было джигита, который не любовался бы на нее, не был бы влюблен в ее красоту. Сваты осаждали дом бая. Но тот не хотел нарушать своего слова.

Однажды народ собрался на сабантуй. На майдане схватились батыры, которых с одной стороны окружили баи, с другой — бедняки. Там-то бай и обронил:

— Кто бросит наземь всех батыров, за того выдам свою Айхылу. Джигиты стали бороться с удвоенной силой. Надолго затянулось их соперничество.

В конце концов, над всеми верх одержал сын одного богатого начальника. Против него вышел джигит из бедняков по имени Уралбай. Долго боролись они. Наконец, Уралбай бросил своего соперника. Среди собравшихся пошли споры, крики. Возмущались баи. Бедняки защищали Уралбая. Решили соперников свести еще раз. И вновь победа оказалась на стороне Уралбая. И опять начались крики да споры. Баи ни за что не хотели признать победу батыра-бедняка. Отец решил выдать свою дочь Айхылу за сына богатого начальника. Уралбая схватили и посадили под замок.

Начались приготовления к свадебному пиру. Айхылу, хотя и не знала хорошо Уралбая, но не раз видела его. Ей не хотелось выходить замуж за байского сына, который потерпел поражение от бедного джигита. Улучив момент, она сказала об этом лучшему другу Уралбая Ибраю.

— Во время пира приезжайте к нашему дому вместе с Уралбаем. Остальное будет видно,— сказала она.

Вот и день свадебного пира настал. Собралось множество сватов свах, званых и незваных гостей. Началось застолье, пошло угощение. Когда гости порядком захмелели, подоспели и Уралбай с Ибраем. Они неприметно переговорили с Айхылу. Та сказала Уралбаю:

— Если сумеете вывести из отцовского сарая акбузата — белого коня и кукбузата — серого скакуна, то я твоя.

Прошли друзья к сараю, а там дверь на замке. Возле дверей ходят стражники. Уралбай отошел в сторонку и заиграл на своем курае. Пораженные голосом курая, забыли стражники обо всем на свете. Они расселись кружком вокруг Уралбая и стали слушать его игру. А в это время Ибрай незаметно вывел из сарая коней. Пока суд да дело, на акбузата вскочили Уралбай с Айхылу, на кукбузата Ибрай и поскакали в сторону Уральских гор. Пока до пирующих дошло известие об этом, беглецы успели уйти далеко. Во всей округе не было коней, способных догнать акбузата и кукбузата.

Уралбай, Айхылу и Ибрай заехали в самые труднодоступные и дикие места, спрятали коней в надежном месте и стали там жить. Потом они сумели устроить побег еще одной девушки, ближайшей подружки Айхылу по имени Кюнхылу, на которой женился Ибрай. Так и стали жить в горах в две семьи.

Шли годы, сменяя друг друга. У Айхылу родились дети. А баи все еще продолжали искать Уралбая, но никак не могли найти. Тогда они попросили войско у царя, но и это не помогло. Царские ищейки не могли напасть на следы беглецов.

Однажды преследователи напали в Уральских горах на следы акбузата и кукбузата и пошли по ним. Следы привели к тому месту, где жили молодые. Войско со всех сторон окружило их жилище. Без верных коней своих беглецы не могли уйти далеко и скоро были пойманы. Уралбай не назвал своего настоящего имени, назвался Буранбаем. Заковали их в кандалы и отправили в Сибирь. Уралбай писал письма из сибирской каторги:

Коль спросите, как звать меня, скажу я:
Что ложно мое имя — Буранбай.
Доносом и наветами шельмуя,
Отправили меня в сибирский край.

Народ не забыл Уралбая, с нетерпением ждал каждое его письмо:

За кипой кипа — белая бумага —
Построчья буранбаевской руки.
Прочитывая письма Буранбая,
Бывалые рыдали старики.

В память о Буранбае Айхылу сочинила песню. Тоскуя по мужу, в минуты нестерпимой печали, шла она туда, где пряталась вместе с ним от чужих глаз. И пела так на том самом месте:

В объятых неприступного Урала
След акбузата, как рубец от ран.
В глухих местах, где каменные скалы,
Любимого остался вечный стан.

Ныне эту песню называют «Буранбаем».

198. Ишмурза

Сам Ишмурза был родом из деревни Исекеево — великодушный, общительный и веселый человек. Достаточно грамотный для своего времени. Односельчане постоянно избирали его доверенным в земельных делах. В те времена у башкир было много земель и вод, гор и лесов.

Ишмурза птицей облетал неоглядные земные пространства. Он никого не выделял и всем делил землю поровну. Видно, потому народ его уважал и считал за своего.

Шли годы. Постепенно башкир начали теснить невесть откуда взявшиеся бояре. Они вырывали луга, на которых буйно разрасталась трава, отнимали долины рек, где блаженно отдыхали стада, и сами становились там хозяевами. В конце концов Ишмурза, у которого сердце кровью обливалось при виде страданий народа, вынужден был уехать. И стал он разбойником. Похищал у бояр жирных лошадей и раздаривал беднякам, поджигал боярские скирды и стога. Наезживал он и к подножьям Алатау. Там он убил почтальона, обслуживавшего дорогу Стерлитамак—Белорецк, забрал его сумку с деньгами и бежал. Но при этом оставил свои документы. Позднее люди слышали его песню у горы Осконлотау:

Алатау, ты стремишься к высотам.
Как тобою мне не дорожить?..
Жизни прошлой моей нету счета,
Ну, а сколько осталось мне жить?

Много лет прошло, много воды утекло, прежде чем царские служаки смогли его схватить. Ишмурзу посадили в длинную арбу и повезли в сторону Белой Мечети. Его сопровождали два стражника.

— Я ни за что бы не дался вам в руки,— сказал Ишмурза,— да надоело быть одному среди диких гор.

Солдаты на это отвечали:

— Знаем мы тебя! Чтобы вор Ишмурза да сам в руки отдался! Благодаря нашему большому усердию ты только здесь и сидишь.

— В таком случае попробуйте словить! — крикнул Ишмурза, разбросал стражников в разные стороны и снова убежал. Отбежал он на расстояние, где дробь не берет, обернулся и опять закричал:

— Ну, что же вы стоите? Попробуйте поймать, если такие удалые!

Как ни бежали стражники, а поймать Ишмурзу так и не смогли. Лишь после этого он вернулся и дал им завязать свои руки.

— Дядя, мы поверили, что можешь бежать, не делай этого больше, — взмолились стражники.

Когда проезжали Исекеево, Ишмурза обратился к односельчанам так:

— Эх, аулчане мои! Если бы вам удалось отыскать деньги, которые я спрятал в дупле дерева вон в том лесу, всем бы хватило.

Люди со слезами проводили его в Белую Мечеть. Потом сочинили такую песню:

Ишмурза-батыр вскочил в седло —
Конь под ним взметнулся, будто пламя.
То копьё вздымает, то стрелой
На куски дробит он черный камень.

199. Баяс

На берегу реки Сакмары, говорят, жил джигит могучего сложения, искусный певец и остролов. Звали джигита Баязитдин. Вместе со своей родной сестрой вооружился он копьём, луком и стрелами, собрал отряд лучших стрелков и начал борьбу против притеснителей. И родители Баяса (так называли того джигита), и родные да близкие были замучены, убиты.

И Баяс, и его сестра были искусными наездниками. На состязаниях пробивали насквозь стрелой колечко, попеременно побеждая, никому не уступали первенства. Да и выпущенные в сторону врагов стрелы находили свою мишень. Но устоять против ружей и натиска карателей им было трудно, и они вынуждены были отступить.

Так оказались они среди зауральских башкир. Отряд расселился по разным аулам, а Баяс со своей сестрой стал кочевать вдоль по Ирендьку. На восточном приотрожье Ирендька есть молодой березняк по названию Баяс-саука (Березняк Баяса). На земле аула Нижний Яикбай в низовьях Сакмары есть гора, которая называется Апай-тау (Гора сестры). Как рассказывают, батыры жили именно в тех местах.

Когда смутные времена мало-помалу утихли, Баяс стал жить в ауле Кусеево. Там он женился на красивой дочери одного бедняка. Сестра его вышла замуж за джигита из аула Басеево.

Шли годы, и постепенно баи стали проникаться к Баясу ненавистью. Называли его не иначе, как «приблудный», «проходимец». Они сговорились оклеветать его и под ложным наветом отправить в Сибирь.

Учуял это Баяс и решил бежать. К дому его приставили секретный караул, который дни и ночи не смыкал глаз. Но Баяс не появлялся. Так и не сумев изловить беглеца, баи распространили ложный слух, будто поиски его прекращаются. Но сыщики не спускали глаз с жены Баяс-батыра.

И все же Баяс ухитрился встречаться со своей женой. Только их никак не могли выследить и поймать. Они встречались так осторожно и в таком глухом месте, что сыщики никак не могли напасть на их следы.

В один из погожих летних дней жена Баяса, прихватив кое-какую еду, вышла из дома, сказав, что отправляется по ягоды, а сама вскоре свернула с дороги и по безлюдным местам подалась в ту сторону, где ее ждал муж. Сыщики незаметно следовали за ней. Нетерпеливо ожидавший ее Баяс обнял жену. Тут же появились вооруженные преследователи и схватили их. Потом связали Баяса по рукам и ногам, избили до полусмерти и повели в аул.

Как бы жестоко они его ни избивали, Баяс не произнес ни слова, даже вида не подал, как он страдает.

Когда его провожали в Сибирь, то сопровождали два всадника. Баяса, скрученного железной проволокой, вели по улице аула. И тогда Баяс запел мелодичным голосом:

Ветрами поднебесными гонимый,
Летает в небе сокол без конца.
Когда тебя изгонят с мест родимых,
Никто не пожалеет беглеца.
Родину оставил. Не в отраде
На свободе вольно я скакал.
Ворами тех мужчин не называйте,
Кто в горы Ирендыкские бежал.
Когда в горах я ездил Ирендыка,
Рукою правой был конь верный мой.
Когда же схвачен был, то стал я мнгом
Чужой своим друзьям, родным чужой.
Срубил я в дождь плакучую березу,
Чтоб из ветвей шалаш надежный свить.
Иль рок велел и выполнил угрозу —
На всей земле наш род искоренить?
Восходит солнце, полно желтой грусти.
Над головою небосвод высок.
Коль буду жив, на родину вернусь я
Еще хотя б единственный разок.

Слушая горькую песню Баяса, все бедняки аула, девушки и женщины, дети и старики плакали навзрыд. С того раза Баяс больше не вернулся.

200. Биинш

Биинш — это человек, который боролся против начальников и баев и прятался в лесах. Находясь в бегах, Биинш сам о себе сложил песню и напевал ее:

Из шкур белых зайцев сшил шубу себе —
Чем буду ее обшивать я?
Я каждое лето здесь провожу —
Где буду теперь зимовать я?

Если бедные да обездоленные и видели, где скрывается Биинш-батыр, сыщикам ничего не доносили. А баи очень хотели его схватить, потому что редкий богач избегал грабежа со стороны Биинша на большой дороге.

И все-таки какой-то человек увидел Биинша в лесу и сообщил об этом уряднику. Тот собрал людей и вышел на поиски. А Биинш и в самом деле был в это время в лесу. Догнали его люди урядника, а прикоснуться к нему никто не решался. Все же кое-как совладали с батыром,

связали его цепью и свезли в Орскую уездную тюрьму. Много мучений и страданий перенес Биш, потому что и в тюрьме с него не снимали железной цепи и всячески над ним издевались.

Однажды он сорвал с себя все цепи, отодрал всю решетку с окошек тюрьмы, собрал все это железо в одну кучу и уселся на нее.

Увидели это дело во время утренней проверки и диву дались. Наложили на руки-ноги узника еще более крепкие колодки и посадили в еще более надежную камеру.

Какие бы муки ни испытывал Биш, он все сносил терпеливо. Сам себя утешал песней:

Ах, двери тюрьмы номерные,
Обито железом окно.
В колодках и руки, и ноги,
Одеревенели давно.

Когда почернеет предлесье,
Знай: это настала весна,
Здесь час — словно месяц, а месяц —
Как год. Ни яви, ни сна.

Так в тяжких муках души и тела прошло три года.

Однажды летним утром в связи с пришествием на престол Александра II в уездах и городах проводился большой праздник. О торжествах по поводу коронования нового царя, которые проходили в Орске, узнал и Биш. Не по себе стало узнику-богатырю, еда не шла в горло. То, что приносили стражники, оставлял он нетронутым! «Почему не ешь?» — спросили его. «Не могу есть, — отвечает Биш. — Раньше, когда я жил на свободе, участвовал во всех торжествах, никому не отдавал первенства в борьбе. Сегоднешний праздник коронования напомнил мне о тех временах».

На праздник собралось много народу. Состоялись скачки, дети соревновались в беге. А потом началась борьба. И в той борьбе всех подряд побеждал один казахский батыр. Был он огромен телом и толст, как ухоженный бык. Побросав одного за другим всех батыров, он насмешливо обратился к людям, кружком сидящим вокруг майдана: «Эй, куда подевались ваши батыры? Если они еще есть, пусть выходят!» Тогда начальник тюрьмы подошел к начальнику уезда и сказал ему о том, что в его тюрьме содержится очень сильный узник. Тот велел быстренько запрячь коня и привезти Биша.

«В таком случае дайте мне кружку молока», — сказал Биш. Принесли ему кружку молока, выпил он ту кружку и отправился на праздник по случаю коронования. Он появился на майдане в тот самый момент, когда начальники — организаторы тех празднеств — не знали, кого выставить против могучего казахского батыра.

При виде измученного в застенках тюрьмы, пожелтевшего лицом человека люди горестно вздохнули. Казахи ехидно посмеивались: «Хэй, это подобие человека крови своей, видно, захотел, к смерти своей спешит».

Казахский богатырь боролся, держа в руке железную цепь. Биш-батыр тоже попросил такую же цепь, скрепленную с концов сыромят-

ными ремнями. Когда казахский батыр сказал: «Я не могу больше терпеть, принесите ему быстрее!» и приблизился к Биишу, тот толкнул его в грудь и прошел вокруг майдана, говоря собравшимся: «Если я первым подниму казаха, кричите, а поднимет он — молчите».

Затем он прошел на середину майдана и пожал руку своему сопернику. Казахский батыр имел привычку прежде чем бросить соперника оземь, крепко встряхнуть его на весу и как следует помять. Точно так же хотел он поступить и с Биишем, но тот не поддался, не дал себя оторвать от земли, коснувшись ее коленкой. По майдану пробежал говорок: «Ах, как бы казах, расвирепев, не убил этого бедняжку». Но казахский батыр не только не мог сделать смертельный бросок, но даже оторвать его от земли оказался бессильным. Зато Бииш шмякнул его о землю и подтащил волоком к начальству. Весь народ на майдане с ревом вскочил на ноги. Бросок Бииша был так силен, что кости в огромном теле казахского батыра оказались раздробленными и одна рука сломанной. Народ, не ждавший такого поворота, диву давался.

Все собравшиеся — башкиры, татары, русские — стали одаривать Бииша деньгами, товарами, одеждой. Даже сам начальник уезда не устоял — преподнес подарок.

«Какие у тебя еще есть способности?» — спрашивают начальники у Бииша. «Раньше я был хорошим стрелком, — отвечает тот. — Когда меня забирали, вместе со мной был лук со стрелами». Тогда быстро привезли из тюрьмы его оружие. Примерно в полутора километрах от майдана стояла церковь. Бииш и говорит: «Если позволите, я бы не стал стрелять по мишени, а выстрелил бы в двух ворон, что сидят на церковном кресте». «Ну что ж, стреляй, если сможешь», — говорят ему начальники.

Для того чтобы подстрелить обеих ворон одной стрелой, Бииш отошел немного в сторону.

«Куда велите стрелять в этих ворон?» — опять обратился он к начальству.

«Стреляй куда угодно, только в крест не попади», — отвечали те. «Я снесу обеим воронам головы», — говорит Бииш.

Выстрелил он, и вороны одна за другой свалились с макушки церкви. Изумленный народ бегом побежал в сторону церкви. Начальники кричат им вслед: «Стойте, люди, стойте! Сейчас мы пошлем туда лошадей». Ускакали туда несколько всадников, привезли сбитых стрелой Бииша ворон, а у тех голов нет как нет.

В тот же день подарки, которые получил Бииш, были отправлены в аул, где жил отец батыра.

— За что тебя посадили в тюрьму? — спросил начальник уезда.

— Я был против баев, — ответил Бииш. — Нападал на них.

Несмотря на это, уездный голова привез Бииша к себе и угощал его три дня. Затем велел начальнику тюрьмы выпустить его на свободу. Таким образом Бииш воротился в родной аул. И все же он не отрекся от своего, продолжал выступать против баев, так и погиб в неравной борьбе.

201. Юркэ-Юныс

В 1840—1850 годах в деревне Атьетяр Сафакульского района нынешней Курганской области жил джигит по имени Юныс. Когда он возмужал, нанялся батраком к баю по имени Шарип.

Шарип-бай был известен среди здешних башкир своей непомерной жестокостью.

Юныс был проворен и прилежен в работе.

Однажды бай привез из зауральского аула Юрматы молоденькую девушку седьмой для себя женой. Девушка очень понравилась Юнысу. Да и та питала неприязнь к старому баю и в душе любила джигита.

Они решили бежать от бая, но получилось совсем не так, как они помышляли: у девушки не хватило смелости бежать с молодым джигитом.

Бай начал подозревать о связи, существующей между своей юной женой и Юнысом, и приказал слуге убить своего батрака. Тот собирался было исполнить приказание своего бая, но Юнысу в последний момент удалось бежать.

Юныс стал встречаться с молодой женой бая в леске неподалеку от аула. Бай прознал про это дело. Вскипая злостью, он призвал к себе другого слугу и сказал так:

— Если убьешь этого самого Юныса, отдам тебе половину своего богатства. Будешь и женат, и со скотом.

Тот согласился.

Однажды он явился к тому месту, где прятался Юныс, и сказал ему:

— Я тоже бежал от бая.

В тот день Юныс вернулся со свидания с перстнем жены бая, и эта продажная душа увидел тот перстень на его пальце.

Вначале Юныс относился к нему с подозрением, вел себя осторожно. Но тот старался доказать, что он его не обманывает, вместе с ним крал скотину и постепенно вошел к Юнысу в доверие.

Однажды, вернувшись с промысла, поели они и завалились спать. Юныс уснул глубоким сном. Только того и ожидавший слуга убил Юныса. Не зная, что делать от радости, прибежал он к своему баю:

— Кончил Юныса! — сказал он.

Бай хитро усмехнулся из-под усов и сказал:

— Хорошо. В таком случае принеси его палец, на котором должен быть перстень моей жены.

Ушел слуга, а бай подумал:

— С одним врагом свел счеты, теперь нужно разделаться и с этим недоноском.

Через какое-то время слуга вернулся и отдал баю палец Юныса с перстнем жены бая. Шарип-бай стал хвалить своего исполнительного

слугу, приказал приготовить обильное угощение в его честь. Он наполнил его на том пиру и прикончил.

Когда люди прознали про те дела бая, сложили песню в честь бедного Юныса:

С Актубы видна в тумане хмарном
Акъюн-долина, что уходит вниз,
Сделал надпись на березе парной
Сын Кирея — Юркэ-юныс.

202. Газибэк-Насир

Самый первый оренбургский губернатор Иван Иванович Неплюев много сделал для того, чтобы укрепить в крае власть царя. Он построил почти семьдесят крепостей; со всех сторон сзывал купцов и бояр и щедро наделял их землей. Примерно в середине 18 века он приглашает из Казани бая по имени Сеит. Бай обосновался на том месте, где речка Каргалы впадает в Сакмару — в восемнадцати километрах от Оренбурга. Там находился небольшой аул по названию Каргалы. Постепенно Сеит был назначен старшиной того аула.

Сын старшины по имени Исхак занимался среди башкир торговыми делами. Однажды Исхак оказался на берегах реки Ташлы и остановился на самом красивом месте, заложил там деревню. Вскоре туда переехали и жители аулов Верхний Себенле и Нижний Себенле. В честь первого основателя аула его называли Исхаково. Однако многие и поныне называют его Ташлы.

Но татары не могли в этом ауле жить спокойно — на них то и дело делали набеги — барымта*, угоняли не только скот, но и здешних девушек и женщин. Татары вынуждены были бросить аул и снова податься в Оренбург.

После этого аул целиком — вместе со всеми его землями и водами — перешел в руки боярина по имени Тимашев. Вполне понятно, он стал расширять пределы аула, который постепенно стал самым красивым среди аулов Оренбургской губернии.

Тимашев любил повеселиться, поволочиться за женщинами, сыграть в карты. В деревне Каргалы он выиграл у одного человека вместе со всем его добром еще и единственную сестру. Он привез девушку к себе домой. Отлученная от подруг, девушка никак не могла прижиться на чуждой ей стороне. Она пожелтела, проливая слезы. Не зная, что предпринять, Тимашев переселил из Каргалов несколько ее подружек, выделил им клочок земли.

* Барымта — ответный угон скота, месть.

Так образовался еще один аул по названию Алмалы.

В соседнем к Ташле ауле по названию Аллабирде жили башкиры. Их земли простирались по долине реки Юшатырь. Ненасытный Тимашев давно зарился на те благодатные земли.

Однажды он приехал в Аллабирде, велел зарезать двух быков и щедро угостил мясом местное население. Поил людей водкой. Когда те напились и наелись, он выразил им свою «маленькую» просьбу.

— Говори, бояр, — сказали жители. — Подавай свою просьбу.

— А просьба моя такова: мне бы немножко вашей земли.

— Сколько тебе нужно? — спрашивают у него.

— Мне не надо много — чтобы хватило покрыть шкурами вот этих двух быков.

— Эге, это же пустячок, — засмеялись башкиры. — Айда, бояр, бери! Бери столько, сколько покроет сотня таких шкур!

А хитрый Тимашев вырезал из тех шкур ремешки толщиной с нитку и связал те ремешки между собой. И вот тем длинющим ремешком обхватил он землю в несколько километров в длину и ширину. Видя, что лучшие земли уплывают из их рук, башкиры пытались было протестовать, но ничего тем не добились. На бумаге поставлена тамга и подпись.

Но Тимашев на том не остановился, продолжал по-прежнему теснить башкир и расширять свои юшатырские владения. Только пахотные его угодья составили 47 тысяч десятин.

В те времена в ауле Аллабирде жил человек по имени Хажбеков Насир, довольно грамотный для той поры мужик. Знал он и русский язык. А что касается физической силы, то не было ему равных. На сабантуях никому не давал себя победить — сам кидал оземь всех подряд. И пел он мастерски.

Насир частенько бывал в усадьбе Тимашева, играл с хозяином в карты, выезжал с ним на охоту. Изредка принимал участие и в его застольях.

— Почему ты не женишься, Насир? — спрашивает его однажды Тимашев.

— Не могу найти подходящую, — отвечает тот. — Чтобы по душе была.

— Хи, тоже мне беда, — говорит боярин. — В моем ауле Алмалы есть прелестные татарочки, что тебе средний пальчик руки. Выбирай любую.

— Когда же мне прийти, бояр?

— Приходи послезавтра.

В назначенный день принаряженный Насир прибыл в усадьбу Тимашева, и они вдвоем отправились в аул Алмалы. Тимашев велел примерно десяти девушкам одеться в одинаковые платья и выстроил их в один ряд.

— Выбирай, Насир, — сказал он.

По уговору тому нельзя было открывать покрывало на лице девушки. Решившись, наконец, Насир указал на одну из девушек с приятной, хорошо сложенной фигурой. Девушка откинула покрывало. Насир замер в удивлении: перед ним стояла такая же рябая, как он сам,

девушка. «Чему быть суждено, того не миновать», — решил Насир и увел девушку к себе домой.

Имя девушки было Хажяр.

Видя коварные проделки Тимашева, Насир не мог оставаться спокойным. И вот он решил проучить боярина, намеренно стал вступать с ним в спор и даже в ссору. После этого отношения их оборвались.

В одну из ночей Насир вместе с друзьями пробрался в усадьбу Тимашева и выкрал у него отменного жеребца, да так, что никто этого не заметил. Смотрят утром: замок на месте, и дверь не выломана, а жеребца нет.

Тимашев поставил на ноги всю округу — приказал искать жеребца. Он арестовал невинных людей, велел сечь их плетьюми. Это привело Насира в еще большую ярость. Не успело улечься дело с жеребцом, как приятели Насира разогнали весь скот боярина, подожгли усадьбу. Тимашев вызвал из Оренбурга вооруженный отряд. Явились всякие начальники с погонями, вспученные, как копна, арестовали Хажибекова Насира. Заковали его в кандалы и увели из аула. Когда проходили около того места, где лежали бревна, привезенные для строительства мечети, Насир поднялся на их грудь и зашел так:

Аллабирде — становище родное.
Базарный день по пятницам у нас.
Не думал я, что ждет меня такое,
Что грянет тяжкий расставанья час.
В Аллабирде найдет дорогу каждый —
Его базарный день не позабыть.
Коль буду жив, вернусь сюда однажды,
Боярину Тимашу отомстить.

Народ, вышедший проводить Насира, плакал. А Насир потряс кандалами и крикнул во весь голос: «Не клоните головы, будьте беспощадны к насильникам!»

Сразу за аулом начинается местечко по названию Тугызкыр. Там Хажибеков сеял и растил хлеб. Проходя мимо тех мест, Насир зашел, озирая широкие просторы:

У Тугызкыра проходя, увидишь
Долину Юшатыря вдалеке.
Расскажут ли Хисаму в должном виде,
Как уходил я в горе и тоске.

Хисам был родным младшим братом Насира. В тот момент, когда старшего брата уводили в Сибирь, на каторгу, его не было дома — находился где-то в стороне.

Даже отправив Хажибекова Насира на каторгу, не мог успокоиться боярин. Нет-нет да и пропадала его скотина из хлева, лес его вырубали, дворы и ограды превращались в золу. В летние ночи в долинах Юшатыря звенела песня, которую сложил Насир:

Конь под Насиром — равных ему нет:
Тряхнет ли холкой — и вспорхнет в мгновенье.
Коль держит Газибэк-Насир ответ,
Теряет губернатор все терпенье.

Не вина ль бродят на больших столах? —
Хоть сей же час закатывайте пир.
Ног не сгибает — на прямых ногах
Дает ответ начальнику Насир.
Долины Юшатыря — не для нас —
Боярином давно они отбиты.
Ушел Насир... Ужель не грянет час,
И не поднимут голос свой джигиты?..

С того своего ухода Насир как в воду канул.

Через несколько лет жена его Хажяр отправилась на его поиски. Осталось неизвестным, нашла она своего мужа или нет. Во всяком случае, ни сам Насир, ни его жена не вернулись в аул. Песня же, которую сложил когда-то Насир, приняла название «Газибэк Насир» и стала переходить от поколения к поколению.

203. Кызырын Таш — дом Ибли

В ауле Ташлы проживал бай по имени Яиксыбы. У него было два сына-богатыря, которых звали Ябиром и Ибли. Оба они подрастали могучими джигитами и ничего не боялись.

Но вот беда: не могли они ладить друг с другом. Ябир был скуповат, а Ибли никогда не присваивал похищенный скот — сполна раздавал его людям. Он неслышно входил в дом какого-нибудь бая, закрывал за собой дверь и говорил шепотом: «Тихо, я Ибли». И бай лежал на месте, боясьдохнуть. А когда позднее стражники начинали искать похитителя, того уже и след простыл.

Однажды весна пришла засушливая. Людям нечего было есть. Пользуясь их бедственным положением, какой-то боярин приехал в Шафраново, чтобы по дорогой цене продать овес. Были при нем и собаки.

Ибли вошел во двор с одним человеком и велел ему запрягать лошадей. А у того из рук сбруя валится. Сам же Ибли стоял в это время с ружьем возле дверей. Не стерпел Ибли, взял сбрую из рук того человека, сказал: «Вот так надо запрягать лошадей!» — и быстро снарядил четыре груза к выезду. Затем он посадил своего спутника, распахнул ворота боярского дома и был таков.

Вернувшись в ту ночь в аул, Ибли надел на головы всех лошадей деревни мешки с овсом. Вышли жители поутру и диву даются.

Спустя сутки Ибли вновь решил навестить того богатея.

«Повадился раз — не остановится, пока меня не обдерет как липку», — подумал боярин и решил пригласить стражников.

Ничего не подозревая, подъехал Ибли, а стражники тут как тут — схватили за узду его лошадь. Спрыгнул Ибли с телеги и пустился бе-

жать. Его пустился преследовать пес — здоровенный и злой псина. Ибли добежал до реки Суракай и бросился в воду, намереваясь перебраться на другую сторону. И в тот самый момент пес впился пастью в Ибли. Обернулся Ибли, схватил пса за два его уха и погрузил в воду. В таком положении и пошел Ибли на другую сторону, а отпустил пса — тот назад бросился. Пытались было его натравить на беглеца, но тот только боязливо поджимал хвост.

Место, где ночевал Ибли, находилось у подножья горы, в каменном шалаше. Туда он и отправился.

Так прошло немало времени.

Когда однажды вечером он вернулся в свое прибежище, в лесу раздался какой-то голос. Пошел он на голос, а там, оказывается, какого-то башкира преследует тот же богатырь. Подошел Ибли, намереваясь ткнуть боярина копьём, но тот опередил его — успел схватить копьё. Рванул было Ибли то копьё, желая его вырвать из рук богатыря, а древко-то и сломалось. Воспользовавшись этим, боярин вонзил саблю в Ибли. Кровь потоком залокотала из тела Ибли. Решив, что он убил Ибли, боярин быстро вскочил на коня и помчался в аул. Созвал он своих друзей и привел на то место. «Вот тут я его прикончил», — говорил он. Но Ибли не было нигде. Следы крови были, а самого его не было. Пошли они по кровавым следам, а они привели в тот самый каменный шалаш. Там и лежал раненый Ибли.

Внезапно нагрянувшие приятели боярина набросились на Ибли, стали его пытать и мучить, там его и прикончили.

У Ибли оказалось много денег. Говорят, только не успел он сказать, где их спрятал. Каменный шалаш, где он прятался, называют и Кызырын-таш (Камень-Кызырын) и Домом Ибли.

Недавно в том месте стали добывать камни. Только деньги Ибли так и не были найдены.

204. Истем

Истем был жителем аула Табылды.

В прежние времена имена бедных людей произносили неверно. Настоящее имя его должно быть Исмагил. И был он богатырем. Баи его ненавидели. Под каким-то предлогом отправили его на каторгу. С каторги он бежал и вновь вернулся в свой аул. На обратном пути где-то раздобыл коня акбузата. В аул его не пустили. Тогда он забрался на вершину вот этой горы и запел громким и задушевым голосом. В слезах слушал его песню весь аул. Так началась его беглянская жизнь.

У одного из аульских баев был отменный конь. Он начал сильно опасаться за сохранность того коня. Нанял двух человек, чтобы убить Истема.

Однажды, когда Истем проезжал через мост, нога акбузата провалилась в щель и сломалась. Тогда Истем пришел в аул и обратился к человеку, который приходился ему братом: «Поди и зарежь моего коня». А тот бай как раз нанял-то его вместе с его приятелем. Они-то и ударили топором по затылку Истема. К телу же привязав камень, бросили в озеро.

Через год тело выплыло на поверхность озера. Люди узнали тело Истема и похоронили его на кладбище.

205. Саляй

Произошло это неподалеку от Куншака. В те, прежние, времена на людей налагались непомерные налоги. Джигит по имени Саляй выступил против таких законов. Бежав от властей, он прятался в болотах, поросших камышами. Был он проворный и отважный, не боялся риска и расплаты.

Его искали. Однажды урядник со своими людьми наткнулся прямо на самого Салая, но не узнали его, потому что джигит оброс густой бородой.

— Не знаешь ли ты Салая? — спросили они у него. — Где он скрывается?

— А-а, он в этих болотах, — отвечает Саляй. — Не бродите кругом да около, прямо отсюда и идите, — и он указал узкую тропку, ведущую на те болота. А сам нырнул в камыши, перерезал им путь, вышел навстречу и всех до единого там перебил. После этого он оставил свое убежище и бежал в другие края.

В ауле Атемэй (неподалеку от Туляка) проживала жена Салая и две его дочери. Девушки хорошо играли на курае. Осталась песня о Салая:

Скакал, и привязал коня с разгона
В березняке у речки на краю.
Коль ворочусь домой, не навлеку ли
Мучителей на голову свою?

Едва заметный ветер задувает —
Не обернется ль ураганом он?
Живым вернуться я в аул мечтаю —
Не оживет ли, как бывало, он?

Коль в сад войду, он весь цветами пышет,
И расцветает на душе весна.
Я рад, коли аул во сне увижу,
И в плаче пробуждаюсь ото сна.

206. Гумеров

Гумеров — из аула Рахматово. С детских лет отличался он редкими способностями. В 18 лет его назначили старшиной. Селяне его очень любили, он никогда попросту не обижал людей. «Хороший человек долго не живет», — говорили в старину. Гумеров с юных лет заболел болезнью легких. Во многих местах побывал он с надеждой исцелиться. Однажды поехал в Троицк к ишану-хазрету. Тот вручил ему бумажку, сказав: «Прочитаешь, когда выедешь из города». Выехал Гумеров за город, развернул бумажку, а там написано: «Гони быстрее своих лошадей, ты сегодня помрешь».

По пути домой Гумеров сел у озера Бугазак, омыл лицо, попил озерной воды.

— Прощай, озеро мое Бугазак! Прощайте, берега Бугазака, — договаривал он, проливая слезы.

Входя в свой дом, он услышал внутри голоса.

— Кто у нас в доме? — спросил он у матери.

Оказывается, в доме находились два кураиста по имени Равиль и Колой.

— Что ж, пусть сидят, — сказал Гумеров. — Больше они сюда уже не придут.

Он вошел в дом, открыл окна и сказал кураистам:

— Ну, приятели, дни мои сочтены, сочините обо мне песню.

Сказал он так, лег и умер.

Его звали Галиакбаром. Говорят, он умер в 1888 году.

Колой и Равиль спели песню, посвятив ее Гумерову.

Гумеров:

Вы окошко мое распахните —
Взглядом в милый простор окупусь.
Для ясина* муллу пригласите —
В лоно жизни своей ворочусь.

В тихом озере рыбу ловил я,
Не хотела сорожка клевать.
Исцелить меня бога молил я,
Но лекарств не найти мне, видать.

Сельские старьки:

Конь под ним и послушный, и быстрый,
Ветром мчится вдоль чащ и долин.
Молчалив его гордый хозяин —
В многословье его много смысла,
В Кубаляк-Теляу такой он один.

* Ясин — предсмертная молитва.

Мать Гумерова:

Я поутру на вешалку гляжу:
Нет шубы сына, лисьей шубы желтой.
Коль спросите Гумерова, скажу:
В первоисток судьбы своей ушел он.

Сельские старики:

Бугазак-куль — озера такого
На земле найти не хватит сил.
Где мужчину сыщете такого,
Чтоб как старшина Гумеров был?

207. Сибай

Шаяхмет — единственный сын бедного старика по имени Сибай — родился в ауле Атайсал, который сейчас называют Сибаем.

Всю жизнь старик Сибай провел в батраках у начальника кантона Биксурина в ауле Гали. У Биксурина было двое сыновей.

Когда Шаяхмету исполнилось 19 лет, сыновья Биксурина были призваны на военную службу. Вместо своего сына Биксурина послал на службу сына старика Сибая. И хоть родители Шаяхмета были против, он сказал: «Испытаем то, что все другие испытывают», и решил пойти на службу.

Шаяхмет был неунывающим, удачным парнем. Его учили в полковой школе, где он быстро выучился русскому языку, затем он участвовал в турецкой войне. Всем своим поведением отличался он от других, и вскоре его сделали есаулом.

Прослужив примерно десять лет, Шаяхмет вернулся под ведомство оренбургского губернатора. «Пока возвращайся домой, а там мы тебе дадим весть», — сказал ему губернатор, дал на дорогу повозку и отправил в родной аул.

Шаяхмет вернулся к своему отцу. К тому времени Биксурин уже лишился звания начальника кантона.

Месяц ждал Шаяхмет, два месяца ждал, а от губернатора вестей нет как нет.

Однажды Шаяхмет отправился в поле косить сено. Там он повстречал Биксурина. У Биксурина была дочь по имени Фатима. Девушка любила Шаяхмета, да и отец ее был не против их женитьбы. Но только сам Шаяхмет и его родители этого не желали.

Однажды от губернатора пришел приказ назначить Шаяхмета начальником Тамьян-Катайского кантона. Приветствуя эту весть, Биксурин дал суюнсе — лучших лошадей, стал торопить со свадьбой.

Старейшины аула, аксакалы народа сумели уговорить старика Сибая женить сына на дочери Биксурина. Шаяхмет поставил перед будущим тестем условие: «Поставишь в деревне Атайсал мне хороший дом, построишь мечеть». Биксурин принял это условие. Отдал дочери в виде приданого половину своего богатства.

Когда молодые уезжали из аула, деревенский люд провожал их до самой речки Кизилки. По прибытии в Серменево Шаяхмет и вовсе остыл к своей Фатиме. Та пожаловалась посреднику. Тот пригрозил Шаяхмету: «Если не будешь жить как следует со своей женой, пожалуюсь губернатору».

Кантонным врачом состоял тогда Азаматов. Фатима увлеклась тем самым Азаматовым.

Однажды на шее Шаяхмета выросла опухоль. Фатима велела ему вырезать ту опухоль: «Пусть ее удалит Азаматов». Азаматов вырезал опухоль, и в то место вылил яд. Шаяхмет умер в муках. У него осталось двое детей. Фатима попыталась жить с Азаматовым, но жизнь у них так и не сложилась.

Фатима была весьма коварной женщиной. После смерти Шаяхмета она вернулась в Атайсал и жила там.

Потомки Сибая живут до сих пор.

208. Старик Хажи

Издавна было известно, что на Кусейских и Абзелиловских землях имелись драгоценные руды. Царское правительство насадило на башкирские земли двух братьев Рамиевых — Шакира и Закира. Братья основали там прииски «Восьмое», «Юлалы», «Султан». Началось жестокое угнетение башкир. Хажи Каримов из рода старика Халила пришел к Рамиевым с вопросом: «Почему народ терпит такое угнетение?». Он смело выступил против Рамиева, встав на защиту простых людей.

Шакир Рамиев решил избавиться от смутьяна. Он подал на Каримова в суд с подложным заявлением, что тот якобы с сообщниками захватил все его богатства, разграбил банк. Каримова отправили в Сибирь на восемнадцать лет.

Отбыв восемнадцатилетнюю каторгу, Хажи вернулся на родину и вновь пришел к Рамиеву:

— Ну, турэ,* я вернулся. Головой ли своей пожертвуешь, или смажешь пятки с этих мест?

Рамиев сильно перепугался. Он посулил старику Хажи большие богатства, но склонить на свою сторону не сумел — тот остался не-

* Турэ — начальник.

преклонным и не давал житья хозяину золотых приисков. А там началась революция, и Рамиеву-таки пришлось «смазывать пятки» с тех мест.

209. Акмулла

Акмулла ¹ был выходцем из стерлитамакских мест. Однажды в Стерлитамаке решили выстроить большую мечеть, в самом центре города. В строительстве той мечети участвовали и русские. Один из русских неверно забил гвоздь (колышек). К нему подошел Акмулла и велел перенести колышек правее. Русский был уязвлен, ответил ему резким словом, и между ними началась перепалка. Разъяренный Акмулла одним ударом уложил туда книги и плотницкие инструменты и уехал в казахские степи. Там разъезжал он, обучая казахских детей. Однажды ему пришлось принять участие в застолье начальников волостей. Некий старшина ему сказал так:

— Погляди-ка, истяк, как ты разжирел. На травяных выпасах жиреет бык, в скандальных местах жиреет мулла.

Акмулла ответил ему, не раздумывая:

— Там, где много травы, бык жиреет,

Где много ссор и тяжб, правители жиреют.

Когда нет ученых людей, нам подобных, что скитаются по пустынным степям, голову подобных тебе дураков собаки сгрызают.

В гнев и ярость пришел старшина, но ничего не мог ответить. Тогда он решил пойти на коварную проделку — подложить в карман Акмуллы золото и выдать его за вора. Но Акмулла разгадал его замысел и успел бежать. Потом где-то в пути его убили. От Акмуллы остался баит — стихотворный напев:

В человеке ценны вера и терпенье,
Он достигнет своей цели без сомненья.
Осквернит нетерпеливый даже веру
И предаст свою совесть он забвенью.
Ценна также в нем душа. Бездушных тварей
Берегись — предаст бездушный и ударит.
Подлецу под землю быть уместней,
Чем ходить по земле с тобою в паре ².

210. Про Акмуллу

В 1892 году Акмулла был в деревне Халилово у Курмангалиевых. По рассказу преподавателя Темясовского училища Наиля Мусина, Акмулла приехал в Темясово в двухколесной заячьей тележке, в которую был вделан небольшой сундук. В том сундуке находились разные плотницкие инструменты и книги, которые он читал в дороге. Там же находились рукописи Акмуллы. Тот самый старик Мусин умер в прошлом году, перевалив через восемьдесят лет.

Имя и слава Акмуллы были широко известны и распространены среди башкир. Его стихи многие знали на память. Были и такие, что пытались писать, подражая стихам Акмуллы. Немало таких стихов сочинил старик из деревни Абдельгазы Абзелиловского района Шафик Аминев. Он в разных местах читал их вслух, но никогда не отправлял в печать. Очень талантливый был старик. О пребывании Акмуллы в деревне Давлетша знает старик Баязит Кутлугужин. По словам старика Баязита, Акмуллу убили в челябинской стороне.

211. Гнедой

(Ерянякгай)

В деревне Ургунь проживал старик по имени Ишмай. Была у него жена, две взрослые дочери, которых звали Хадиса и Закира, после которых шел сын Акбулат, а уж после Акбулата — еще девять девочек.

Ввиду того, что у старика был всего один сын, земли ему досталось очень мало. Дело в том, что в прежние времена земля выделялась только мужскому полу. По царским законам девушке земля не полагалась. Поэтому причину тяжелой своей жизни старик Ишмай всегда видел в дочерях и не переставал сетовать: «Дармоедки! Вы же куска землицы не стоите!»

Сам старик Ишмай работал у бая по имени Хисам. Когда Акбулат подрос, Ишмай его тоже определил к Хисаму в батраки. Сам старик пас байский скот, а сын косил сено.

Видя беспросветную жизнь отца, подрастал Акбулат в тоске и печали. Уставая на работе, он садился возле скошенных покосов и заводил печальный напев на курае. А когда играл отец, он пел под его мелодию.

Все богатство старика Ишмая — корова. Даже кошмы, чтобы постлать на нары, у него не было.

Однажды Акбулат попросил у отца жеребеночка гнедой кобылы. Отец отдал жеребенка сыну. Акбулат дал ему кличку — Ерянсякай.

Ерянсякай попрос длинногривым конем, с крутой спиной, большими копытами, черными глазами, красивым, упитанным и злым — того и гляди лягнет! Когда Акбулат пас лошадей Хисам-бая, его гнедой всегда был при нем. Он холил его, поил и кормил. «Хотя бы летом с тобой поживем в свое удовольствие», — говорил он ему.

Ерянсякай попрос таким злым и драчливым конем, что не подпускал к табуны никакого матерого волка. Подойдет тот спереди — он его кусает, сзади подступится — бьет копытами задних ног. Так он и охранял табун. Если случалось какое-нибудь несчастье, а Акбулат в это время спал на земле, конь начинал бить и скрести копытами землю, будил Акбулата, а сам сбивал лошадей в одну кучу.

Прошли годы, и сильно постарел старик Ишмай. Призвал он к себе сына и сказал свое завещание: «Я, наверное, скоро умру. Может быть, в этом поле, может быть, в постели — это знает один бог. Ты остаешься продолжателем моего рода. Тебе придется приходиться в это поле одному, или с каким-нибудь другим стариком. Будь всегда и везде мужественным, не поддавайся никакому врагу», — сказал он.

Немного жил он после этого, вскоре умер.

Хисам относился к Акбулату немилосердно, часто морил его голодом.

Едва началась гражданская война, Акбулат простился с матерью и сестрами, сел на своего гнедого коня и уехал из дому. Вскоре он примкнул к партизанам. Какое-то время он партизанил в лесах, сражался против белых. Партизаны выбрали себе командиром башкирского парня по имени Хайрулла.

Однажды расположились красные на горе Кыя юл (Косая дорога), а белые — на горе Сусак. Пошла перестрелка. Белые убили Хайрулла. Его похоронили у подножья горы. Вместо него товарищи избрали командиром Акбулата. И он отдавал борьбе все силы, все свое умение. Точно огонь, врывался он в ряды белых на своем Ерянсякае. И мужеством своим очень нравился он друзьям по оружию. Ерянсякай несколько раз выручал своего хозяина от плена.

Акбулат был настоящим батыром, не знал, что такое страх, всегда стрелой врался на врага. Любя своего коня, он сложил такую песню:

Ерянсякай помчится, словно птица, —
Скажите, где такой еще есть конь?
Ерянсякай в сражение устремится,
Горя и полыхая, как огонь.
Лохмотогривый, преодолевает
Леса и реки, на гору взнесет.
Ни страха, ни сомненья он не знает —
Неодолимых нет ему высот!

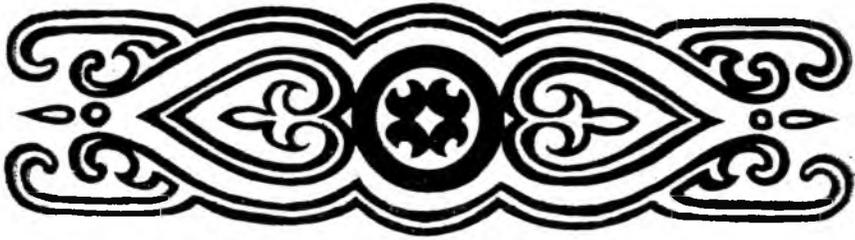
Песня Акбулата понравилась и его товарищам. Снова и снова заставляли они исполнять ее Акбулата.

Пришла пора всеобщего похода. И этот поход оказался для Ерянсяка последнего. Он из того похода не вернулся — пал на поле боя.

А случилось это так.

Белые атаковали внезапно, когда их не ждали. Стрельба началась, сабли скрестились. Акбулат был ранен в том бою, но не хотел остаться в стороне от битвы. В один момент белые всей своей силою устремились в его сторону. Первым почувствовал это Ерянсякай. И первым же помчался против врага. Видя это, за ним устремились красные бойцы. Белые повернули назад.

Ерянсякай достал убегающих беляков. Сгоряча он хотел перемахнуть с одного берега реки на другой, но не рассчитал — упал в бездну. Погибли и конь, и Акбулат. Их похоронили на вершине горы — там, где проходило сражение. Над изголовьем Акбулата поставили красную звезду.

Социально-бытовые предания

212. Прошедшая жизнь

Некий бай из Тамьян-Катайского рода сосватал своему сыну красивую девушку из Усергенского рода. Отец будущей невестки тоже был состоятельным человеком. Договорились обо всем, пришли к общему согласию, назначили день свадьбы.

Вот и пришел долгожданный день. Оказывается, перво-наперво надо ехать на родину невесты. Жених сел на лучшего отцовского тулпара и выехал в путь. Едва объезженный жеребец грыз удила и гарцевал всю дорогу. Во всей округе не было другого коня, что мог бы оставить за собой тулпара. Не доезжая до невестининого аула, жених спешил и раскинул шатер в придорожных зарослях. Затем надежно спрятал своего коня и к дому будущего тестя отправился пешком.

Об этом прознали его золовки, и вот, пользуясь тем, что кругом не было никого, пошли посмотреть на тулпара. Забрались они в заросли, приоткрыли двери шатра — а там спит тулпар жениха, распластав в обе стороны свои крыла. Стоило ему увидеть чужой взгляд, как тут же, на месте, и окошел¹.

Свадебный пир проходил невесело, все горевали по чудо-коню. И больше всех печалился сам хозяин тулпара, не мог сдержать своих слез.

Пришло время гостям трогаться в обратный путь. Отец невесты сказал так:

— Выберите в моем табуне любую лошадь, которая придется вам по душе. Ту я и подарю своему зятю.

Сваты всей компанией принялись выбирать лошадь для своего джигита. Среди тысяч резвых скакунов не могли они найти достойного погибшему тулпару. Наконец, старик-прорицатель, участвовавший в свадебном пиру, сказал так:

— Среди всего этого несметного косяка мне приглянулись всего три скотинки. Но все они пока молодые стригунки, едва-едва перешагнувшие жеребеночий возраст. А настоящую цену коня можно узнать только в четырехлетнем возрасте. Поэтому этих троих надо растить еще три года. Если тулпар входит в возраст, мослы на передних его ногах наливаются отменным жиром.

Если держаться совета старика, то жених должен был остаться в доме тестя на три года. И он остался.

Вот и три года миновало. Одного из трех избранных коней зарезали, сварили мясо и попробовали мослы передних ног. Жировой пласт достигал почти толщины ножа.

— Значит, два других уже стали тулпарами,— сказал тесть. И затем велел их поймать и преподнести зятю и своей дочери.

Тулпаров начинают обьежживать, приучая к верховой езде. Жениху кони тоже пришлись по душе. Он стал просить позволения вернуться на родину. Тесть и теща дали свое согласие и проводили в путь зятя своего и родную дочь. Только те выехали за пределы аула, как впереди показался всадник, который скакал во весь опор, поднимая клубы пыли. Жених сказал невесте:

— Он хочет перерезать нам путь, не позволим ему это сделать. Они прищипорили своих коней и отъехали в сторону. В тот же момент всадник на бешеном скаку пронесся мимо них, перерезав им путь. Сошел жених с коня, сел на землю и запричитал:

— При прежнем тулпаре никто не мог перерезать мне дорогу. Наверное, это к моей гибели.

Невеста посмотрела на своего жениха и сказала так:

— Не плачь попусту, мой родной. Ведь то, что перерезало нам путь,— вовсе не человек, а пройденная жизнь. А ее нельзя нагнать даже на тулпаре.

Его юная жена была не только мудра, но и певунья. Там она и спела ему песню:

Конь подо мной — под стать звезде ночной,
Он мастью — чистокровный вороной.
Скакала я, но поняла давно:
Жизнь прошлую догнать нам не дано.
Проходит жизнь, бежит неумолимо,
Глядишь: и старость упадет, как снег.
Что старость... И она минует мимо,
Лишь смерти нам не избежать вовек.
И соловью я трепетно внимаю —
Мне молодость напоминает он.
А пройденная жизнь напоминает
Далеких родников печальный звон.
Коль скачет конь — встречай его с приветом,
Неблагодарным словом не порочь.
Вот прошлой жизни вечные приметы:
Наступит утро, приближая ночь...

После той песни джигит так и не смог добраться до отчего дома. Что-то приключилось с ним в дороге, и он умер.

213. Дочь Тархана и «Книга Юсуфа»

В стародавние времена у одного башкирского тархана была красавица-дочь. Капризная и избалованная, она никого не любила, всем перечила и досаждала. Отец никак не мог подобрать ей угодного жениха и вконец извелся на этом деле.

Жалея тархана, один старик Хаджи дал ему такой совет:

— Говорят, в царстве Мысыр (Египте) есть любовная книга по названию «Юсуф и Зулейха»¹. Любой, кто прочитает эту книгу, непременно находит своего любимого или любимую.

Тархан не стал долго раздумывать, призвал к себе муллу по имени Ырысбай, отличавшегося проворностью, и велел ему немедленно отправляться в Мысыр и не возвращаться обратно без книги о Юсуфе и Зулейхе. «Все дорожные расходы с меня, только постарайся вернуться поскорее», — напутствовал он муллу.

Тот отправился в царство Мысыр. Ему дали книгу любви, но не для того, чтобы он унес ее с собой, а чтобы почитал, не выходя из дворца. Не успеешь дочитать сегодня, возьмешь завтра с утра, сказали ему.

Мулла так и делал. Весь день читал он книгу и учил на память, а вечером возвращал ее на место. Ночами он записывал заученные куски. За семь дней и ночей он выучил всю книгу и тщательно записал ее от начала до конца. Горячо поблагодарив правителей царства Мысыр, он отправился на родину.

Едва добравшись до дома, мулла вручил дочери тархана заветную книгу о любви. Девушка принялась за чтение, забыв про сон и еду. Дочитав книгу до конца, она погрузилась в сладкий сон. Во сне ее взору предстал прекрасный джигит, и она безоглядно в него влюбилась. Такому обороту дела не столько обрадовалась она сама, сколько ее отец. «Какой подарок ты ждешь от меня за свою услугу?» — спросил он у муллы. «Мне не нужно никаких подарков, — отвечал мулла. — Разрешите мне только читать выученную мною книгу «Юсуф и Зулейха» среди родов и аулов, в летних яйляу и домах, и я буду вполне доволен.

Задумался тархан, потом сказал: «Проси что-нибудь другое, а с этим я не могу согласиться. Не то все молодцы и молодайки найдут своих избранников и избранниц и заживут припеваючи».

Но Ырысбай-мулла не унимался в своих просьбах. И, слушая его заученные строки из той удивительной книги о любви, тархан, наконец, решил изменить свое мнение. Главной причиной того стал довод, который привел мулла: «Если мы поступим по-твоему, мой тархан, твоя дочь не сможет встретиться с приснившимся ей во сне прекрасным джигитом и умрет от тоски и печали. Для этого мало, чтобы только твоя дочь видела джигита во сне, нужно, чтобы и он тоже увидел ее и полюбил. И тогда он сам ее отыщет. Не прочитавши же или не послушав книгу о Юсуфе и Зулейхе, он не сможет этого сделать».

Скарденный тархан ничего не мог на это возразить.

А Ырысбай-мулла ходил по родам и аулам, по кочевьям и домам и читал на память легенду о Юсуфе и Зулейхе. Он прославился в народе как самый желанный и дорогой гость. Имя его стало известно всем и всюду. Вскоре тот джигит увидел во сне дочь тархана и полюбил ее всею душой. Говорят, перейдя через хребты Урала, преодолев огромные расстояния, через тысячи мук и испытаний добрался он до дома тархана и нашёл-таки свою возлюбленную.

Так нашли друг друга двое юных сердец.

214. Узаман-апай *

В старину на приотрожье Ирендыкских гор проживала женщина по имени Узаман. И была она редкой красоты, о чем толковали во всех близких и далеких аулах.

Каждый день Узаман-апай брала свой сагайдак**, поднималась на самую высокую вершину Ирендыка и пристально озираала открывающиеся оттуда дали.

Однажды она заметила приближающееся в их сторону воинство. Она тут же известила об этом своих братьев. Те стали над ней смеяться:

— Какое войско может здесь оказаться? Ты что-то путаешь, сестричка!

А войско, между тем, приближалось, а потом окружило то место, где жила Узаман-апай. Но ей удалось вырваться из вражеского кольца да еще спасти двух своих невесток. Те благодарили от всей души и умоляли спасти и ее братьев.

Хитростью и своей собственной храбростью ей удалось выволить из рук врагов и своих братьев.

А войско то пришло за тем, чтобы захватить саму Узаман-апай. Она поднялась на вершину Ирендыка и стала посылать во врагов одну стрелу за другой. И ни одна из них не летела впустую — десятки врагов уложила она меткими выстрелами. Когда весь запас стрел у нее вышел, она подошла к густому тальнику и закричала:

— Братья, вырезайте мне стрелы из тала и подавайте каждый по очереди!

Так и сделали: подавали ей свежеструганные стрелы, а Узаман-апай одну за другой выпускала их в нападавших врагов. И те не выдержали, уцелевшие бежали без оглядки.

---

* Апай — форма учтвого обращения к старшим женщинам.

** Сагайдак — самострел.

Однажды из очень отдаленных краев приехал к ней сват, и Узаман-апай дала свое согласие. Невестку забрал из дома сам будущий тесть. Время было зимнее. Будущий тесть посадил Узаман-апай в сани, нагрузил туда еду на дорогу и увез ее в свои края. По дороге они увидели глухаря на дереве. Тесть остановил лошадь и стал стрелять по птице, но никак не мог в нее попасть. Тогда Узаман-апай вырвала у него лук и одной стрелой уложила глухаря, который со стрелой в груди камнем упал с дерева на землю.

Испугался тесть:

— Что это за женщина такая? — и оставил ее на том же месте. Вернувшись в свой аул, старик рассказал про это дело. За Узаман-апай приехали снова и увезли в дом будущего мужа.

215. Ауазбикэ

В бурзянском роду проживали джигит по имени Давлет и девушка по имени Ауазбикэ. С детства любили они друг друга. У Давлета не было никого, кроме единственной сестры-сиротки.

Когда джигит и девушка подросли, то стали жить вместе.

Прежде люди жили в вечных стычках, схватках, угонах скотины друг у друга. Давлет тоже участвовал в таких нападениях и угонах. В одном из них он угодили в плен к казахам.

Ауазбикэ удалось сбежать вместе со своим скотом с поля брани. Отправилась она в степную сторонку. Перейдя Ер-купер — Земляной мост, остановилась она возле нынешнего местечка, которое носит название Ауазбикэ-кул — Лощина Ауазбики.

Когда асабинцы увидели на своей земле чужой скот и пришли туда, то повстречали незнакомого им мужчину. А это была Ауазбикэ. Она представилась асабинцам под именем Ауазгул. Дав им одного необъезженного жеребца и одну выдровую шапку, она купила у асабинцев немного земли и стала жить в ауле Ильсегол. Ауазбикэ верила, что Давлет хоть когда-нибудь да вернется.

А Давлет жил в плену в муках и унижении. Для того, чтобы он не сбежал, ступни его ног исполосовали, вложили туда конский волос, а потом замотали сверху тряпьем. Там же проживала старуха, всю жизнь прослужившая казахскому баю и у него же состарившаяся. Ее выкрали и привезли еще в пору молодости. И хоть жила она далеко, никак не могла забыть родные края — Урал. И хоть на новом месте обзавелась она семьей, детьми, а привыкнуть к нему не могла. Она-то и научила Давлета, как бежать из плена. «Когда будешь идти в сторону Урала, все время оставляй Етеган — Большую Медведицу за правым плечом», — сказала она. Старуха стоговила ему на дорогу масло, курут, дала маленький кинжал.

Едва только рана на ступнях ног стала затягиваться, Давлет бежал. Пока спохватились и пустились за ним вслед, он успел пройти немалый путь.

Мчатся преследователи, поднимая клубы пыли. Тогда Давлет забрался в озерные камыши, погрузился в воду и стал дышать через тростинку. Искали его казахи, да все бесполезно. Тогда они обложили озеро кошмой и приставили сторожить собак.

Три дня пролежал Давлет под водой. А потом разрезал ночью кинжалом кошму и пустился бежать дальше.

Казахи снова стали его преследовать. Оказавшись на башкирских землях, поворотили они назад. Давлет же направился к Ирэндыку на бывшую свою летовку. А там проживало всего несколько человек. От них-то он и узнал, что жена его откочевала куда-то вместе со скотом. Окончательно придя в себя и встав на ноги, он пошел искать свою жену и отыскал ее на берегу реки Дим в ауле Ильсегулово.

В Ильсегулово заявился он ночью. А с утра Ауазбикэ нарядилась в женскую одежду и предстала перед людьми красивой молодой женщиной. Когда асабинцы поняли суть дела, они не могли надивиться смекалке женщины и все ее хвалили.

Один из асабинцев женился на сестре Давлета.

От Давлета и Ауазбикэ пошла та часть жителей, что проживают в местечке Бурзян-Ильсегулово. Сегодня они составляют половину жителей аула.

216. Алтынсяс

Примерно триста лет назад в этом ауле Утягулово проживал старик по имени Бирдегул. И была у него жена по имени Алтынсяс — красивая и расторопная женщина.

Однажды все жители аула перебрались на летовку — яйляу.

В прежние времена люди надевали холстяную одежду.

В тот год хорошо вызрела конопля, из которой изготавливают холстину. Оставив яйляу, Алтынсяс пришла обдирать коноплю. Внезапно напали киргизы (так прежде называли казахов) и выкрали Алтынсяс. И исчезла Алтынсяс, как в воду канула. Вернувшись с яйляу, мужчины попытались было ее искать, но нигде не могли найти.

Киргизы продали Алтынсяс одному из своих богачей. А похитили они Алтынсяс беременной, и позднее у нее родился ребенок — сын. Ему дали имя Бирдегул.

Однажды киргизский бай устроил байгу — праздник скачек и борьбы. Сам он выставил трех лучших лошадей для скачек. Заседланные, они стояли, привязанные возле юрты. А Алтынсяс в то время думала о победе. Для сына своего Бирдегула сшила она холщовый мешок.

Пили баи, пили, да и уснули. Алтыняс вместе с сыном вышла на улицу, крепко завязала выходную дверь волосяной веревкой. Села она на лошадь и, прихватив сына, бежала. Перебралась через бурливый Яик. Ее преследовали на лошадях. Нагнали ее только у самой Сакмары-реки. Алтыняс перебралась через Сакмару вплавь. Преследователи отстали.

Старик Бирдегул попросил заново прочесть венчальную молитвенник и во второй раз женился на Алтыняс.

217. Алебай и его жена

Давным-давно произошло все это. Башкиры жили, разделенные на роды. Они не знали, что такое — жить вместе, целой общиной. Лишь для отражения вражеского нападения время от времени объединялось несколько родов, но стоило врагам отступить или уйти с башкирских земель, снова каждый из родов продолжал жить по-своему, отдельно от других. Иногда же они сами враждовали между собой. Во время таких внутривидовых распрей они угоняли друг у друга скот, понапрасну лили кровь. Бывало, что становились друзьями, и тогда сватали друг у друга девушек, ходили в гости.

В таких отношениях жили башкиры не только между собой, но и с соседними казахскими родами. То они обменивались подарками, то начинали враждовать да разорять друг у друга стада и табуны. И у башкир, и у казахов считалось тогда высокой доблестью увести у соседа скот или похитить девушку.

В ту пору человек Усергеновского рода по имени Мамбетай выдал свою дочь за джигита из Бурзянского рода Алебая. Дочь Мамбетая звали Хырбика. Несмотря на свою молодость, Алебай успел снискать в округе почет и уважение благодаря своему уму, силе и безмерному мужеству.

Свою женитьбу на Хырбике Алебай отметил пышным свадебным пиром и повел мирную благополучную жизнь: ухаживал за скотом, охотился на лисиц, преследуя их по отрогам гор, выходил с копьём против медведя, понемножку сеял хлеб и из всего того, что добывал своим трудом, платил положенный ясак.

Однажды Алебай отправился на охоту. Дома остались его родители и жена Хырбика. На охоте Алебай обычно проводил два-три дня кряду, ночевал где придется, под открытым небом. Когда срок охоты Алебая должен был выйти и домашние ждали его возвращения, внезапно наехало семеро отменных казахских батыров, вырвали из рук матери и отца Алебая его жену Хырбику и увезли с собой. Отец Алебая никак не мог противостоять похитителям — он вышел из того возраста, когда держат копьё и машут саблём.

В сумерках вернулся с охоты усталый Алебай. Входит он к себе домой, а там жены-то его и нет. Только мать его и отец сидят, проливая горючие слезы. Алебай не стал долго раздумывать, прихватил новый лук да побольше стрел, вскочил в седло своего верного коня и пустился преследовать казахов. «Не уезжай, сынок, ведь их много, а ты один!» — успел крикнуть вослед отец, но Алебай даже не оглянулся. Вослед за хозяином помчался и его верный пес Кашкар.

Всю ночь напролет не давал Алебай покоя и отдыха своему коню — все погонял и погонял. К полудню другого дня он перешел через реку Яик и оказался в казахской степи. Поехал он по степи, и вот видит вдалеке какую-то юрту. Приблизился он к той юрте и видит: висит над очагом казан, а рядом хлопчет жена его Хырбика. Повернул Алебай назад, спрятал коня в укромной ложине, а сам пополз в густой траве в сторону жены. Не доходя до нее, остался лежать, выжидая, что будет дальше. Хырбика ничуть не казалась встревоженной или озабоченной: подогнув подол платья, она шустро возилась у очага, подбрасывая в огонь кизяк и ловко снимая пену с поверхности котла. Алебай почувствовал в этом недобрый знак, но переборол себя и тихим шепотом дал о себе знать. Услышав его голос, Хырбика вздрогнула и испуганно ответила ему:

— Уходи отсюда скорее, если заметят, тебе не сдобровать.

— Подойди сюда, я хотя бы тебя приласкаю, — промолвил Алебай.

Но Хырбика не подошла. Тогда Алебай вскочил, прикрыл рот жены крепкой ладонью и, подхватив Хырбику на руки, быстро понес ее в ложину, где был спрятан его конь. Там он бросил ее в седло, сам вскочил на коня и пустил его в обратный путь.

Когда казахские батыры встали со сна, то не увидели ни готового супа, ни похищенной ими женщины — все пусто. Они сразу же сообразили, в чем дело. Быстро собравшись, они пустились преследовать Алебая и догнали его как раз в тот момент, когда он перебирался через Яик. Увидев казахов, Алебай велел жене спрятаться вместе с конем в укромном месте, сам расположился на удобном бугорке и стал стрелять по преследователям. А так как он был метким стрелком-охотником, то вскоре свалил с ног шестерых казахов. Остался последний батыр, который подступился близко к Алебаю и закричал пронзительным голосом:

— Стреляться будем или бороться?

— Бороться будем! — ответил ему Алебай.

Схватились они за пояса и стали бороться. Оба батыра были достойны друг друга и никак не хотели дать друг другу свой пояс и, упираясь ногами в землю, изрыли ее, будто копытами жеребцы. Обеденное солнце к закату склонилось. От натуги вены на плечах батыров готовы были вот-вот лопнуть. В конце концов Алебай, не евший и не пивший вот уже несколько дней, стал слабеть, и ноги его начали подгибаться. Казахский батыр повалил его на землю и схватился за горло. Алебай с трудом отвел его руки и крикнул жене:

— Помоги, убивает!

— Кто победит, тот мне и муж, — ответила Хырбика и не подошла к соперникам.

Тогда Алебай в отчаянии крикнул своей собаке:

— Кашкар, сюда!

Собака одним прыжком подскочила на зов хозяина, схватила за ворот казахского батыра и стащила его с Алебая, тем самым спасла его от верной гибели. После этого он умыл лицо, передохнул немного и, захватив жену и свою собаку, отправился в дальнейший путь.

Яйляу тестя его Мамбетая находился неподалеку от тех мест. Прямо туда и направил Алебай своего коня. В сумерках он добрался до яйляу, нашел юрту тестя, а у того как раз гости собрались за трапезой. Алебай приветствовал гостей. Тесть его Мамбетай вскочил с места и усадил зятя среди самых дорогих гостей. Шурин Алебая тут же принес тазик и кумган с теплой водой, полил на руки любимого зятя. В знак выражения своего особого почтения Мамбетай вручил зятю самый лакомый кусок баранины — хебэ. Алебай принял мясо, затем разделил его на две части, одну часть положил перед собой, а другую отдал, подозвав, своей собаке. Такой поступок зятя сильно разгневал Мамбетая.

— Что это значит, зятек? — спросил он, меняясь в лице. — Почему оскверняешь мое угощение?

И тогда Алебай поведал обо всем, что произошло с ним, с его женой и собакой, заключив свой рассказ словами:

— Вот, благодаря своему Кашкару я остался в живых.

Выслушав рассказ зятя, Мамбетай вызвал свою дочь и спросил: «Правда, что он говорил?» «Правда», — трижды ответила Хырбика. Мамбетай вскочил с места, сорвал висевшую тут же саблю и, не задумываясь, снес голову дочери. Собравшиеся только ахнули.

Мамбетай привел свою младшую дочь Укабику и сказал Алебаю:

— Вот, зять мой, тебе жена.

А сам выпросил его собаку Кашкара.

Кашкар после этого жил очень долго. Когда, наконец, он окошел от старости, Мамбетай с почетом похоронил его на вершине заветного холма. С тех пор тот холм стали называть именем собаки — Кашкаром. Позднее это название изменилось и стало Кашкуком. Так нынче и называют — гора Кашкук.

218. Гайша

В старину в этих местах поселился Аксура-батыр. Название аула осталось именно от того батыра. И поныне можно поражаться красоте этих мест. А уж о тех временах и говорить нечего. Необычайно прекрасной была и река Сакмара; в ее долинах росли непроходимые леса, и разные ягоды сгибались под собственной тяжестью; когда в травы и кустарники, росшие у подножий гор, забиралась скотина, она утопала

с головой, и даже спины не было видно со стороны; а бросишь наугад палку — непременно угодила бы в какую-нибудь птицу.

Когда Аксура умер, наследниками его имени и владений остались его сыновья. Одного из них звали Тойгон. Он мирно жил со своими девятью детьми на отведенных ему землях. Жена его Гайша прихрамывала, ходила, припадая на одну ногу.

Однажды Тойгон отправился на охоту, захватив с собой девятерых своих сыновей. В те времена охота для башкир была и самой увлекательной забавой, и самым большим ремеслом. Уходя, Тойгон строго-настрога наказал своей жене: «Из дома никуда не выходи, или казахи с собой уведут». От казахов тогда и в самом деле не было покоя.

Гайша осталась одна, оберегая дом и все хозяйство. Впрочем, смотреть особо было не за чем — весь скот их находился на стороне, на зеленых просторах пастбища. Поэтому Гайша заперла дверь на засов и сидела дома безвылазно.

Тойгон задержался на охоте. «Уж сегодня-то должны вернуться, — решила Гайша, — приготовлю-ка я им ужин». И с тем вышла из дома за дровами. В ту же минуту из высокой травы, что росла на задворках, выскочили казахи, набросили на голову Гайши подол ее еляна и увезли ее с собой.

Вернулся Тойгон с охоты и видит: дверь его дома распахнута настежь и вокруг никого не видать. Жены и след простыл. Недолго думая, он вместе со старшими из сыновей отправился преследовать похитителей. Вот они перебрались через Яик, бросились туда-сюда, но никаких следов не обнаружили. Пришлось им воротиться домой с пустыми руками.

Между тем казахи привезли Гайшу к себе и вручили ее одному своему баю. Прожив с тем баем год, Гайша родила ему сына. И за это бай проникся к ней истинной любовью. После этого Гайша жила с ним еще несколько лет. За это время сын их вырос, окреп, а сама Гайша окончательно стала женщиной-казашкой. И все же она никак не могла привыкнуть к казахской земле, прижиться не могла, горько тосковала по родине, по рекам, из которых пила воду, по своим сыновьям. По ночам выбиралась она в степь и плакала там беззвучно, утирала слезы кончиком платка.

Однажды она воспользовалась моментом, когда казах после обильной трапезы развалился на белой кошме, и подседа к нему. После незначительного разговора она сказала ему так: «Сколько лет мы уже с тобой живем, а ты даже пару добрых лошадей мне не определил для выездки». Ни о чем не подозревавший бай решил угодить своей жене, отобрал двух лучших своих лошадей и подарил их Гайше. Никто кроме Гайши не должен был накидывать поводья на тех лошадей.

Гайша была безмерно рада такому дару. Теперь каждый день она выбирала время выезжать на своих лошадях — попеременно то на одной, то на другой. Сама же в это время осторожно осматривалась вокруг, ища верные пути для побега. Затем она поделилась своими мыслями с одним башкирским стариком, находившимся в плену у казахов. Тот старик угодил в руки степняков еще в молодости. Для того, чтобы он не убежал, те рассекли кончиком ножа ступни его ног, вложили туда

конский волос, и когда кожа ног снова срослась, старик уже не мог ходить нормально, а только ковылял кое-как. Выслушав землячку, он по-своему объяснил ей дорогу на родину: «Все время поезжай на север, не сводя глаз с Полярной светлой звезды. А я уж не смогу вернуться домой, тут и конец твой найду».

Однажды казахский бай уехал в гости. Пару дней Гайша жила как ни в чем не бывало, затем, дождавшись сумерек, она призвала к себе сына и сказала ему так: «Отец твой, аке, заболел, поедem за ним». Сын поверил своей матери. Оседлав двух лошадей, принадлежащих Гайше, они выехали в дорогу.

Оказавшись в степи, поехали они, глядя на яркую северную звезду. Лошади быстрые, настроение женщины бодрое. Мчится она так, словно на своих собственных крыльях парит. А сын ни о чем не догадывается, думает, что едут они к больному отцу.

А в это время вернулся домой из гостей казахский бай. Глядь, а дома ни жены, ни сына. И тогда он сразу догадался, что случилось; захватив с собой нескольких джигитов, он тут же отправился вслед за беглецами.

А Гайша вместе с сыном скакала и на рассвете, и когда погасла в лучах солнца Полярная светлая звезда. Но боясь, что лошади от такой скачки могут просто-напросто сгореть, днем она дала им отдохнуть, спрятавшись в надежном месте. Когда же пали прохладные сумерки, они снова продолжили свой путь. Когда они подъехали к берегу Яика, их нагнал казахский бай и закричал не своим голосом: «Стойте!» Услышав отцовский голос, юноша произнес: «Да ведь вон же мой аке!» и повернул назад своего коня. А Гайша прыгнула вместе с конем в воды Яика с его высокого берега. Выбравшись на другой берег, она продолжала гнать своего скакуна. В конце концов скакун не выдержал такой гонки и тяжело рухнул наземь. Дальше Гайша побежала пешком. Она шла, продолжая смотреть все на ту же северную светлую звезду. Тем временем пал на землю первый снег. Гайша шла, утопая в снегу и не решаясь останавливаться на отдых.

В те самые дни Тойгон выехал на охоту. И вот видит он на снегу какие-то странные чelовечьи следы. Они были оставлены казахскими чувяками и ступали одной ногой чуть наискось. Смутная догадка озарила душу Тойгона, ему показалось, что следы принадлежат его бывшей жене. Он отправился за этими следами. Едет он, едет, и видит лежащую на земле женщину, наполовину заваленную листвою. Если стану будить, думает он, она может так испугаться, что и дух может испустить. И решил он дожидаться, когда женщина проснется сама. И она действительно вскоре проснулась. Увидев рядом какого-то чelовека, вскочила на ноги. Смотрит — а это ее собственный муж. Горькие и радостные слезы потекли по ее измученному лицу. «Узнаешь ли, ведь я твоя жена», — говорит Гайша. «Узнаю», — отвечает Тойгон. «Не вынесла я жизнь на чужбине, решила вернуться», — говорит Гайша. — Если согласны, примите меня к себе». Обрадованный старик Тойгон привез жену домой. После возвращения Гайша прожила еще тринадцать лет.

219. Гильмияза

Когда солнце поднялось на высоту копыя, по отрожьям гор, клубясь густой пылью и тучами мух и слепней, возвращался табун лошадей. Проведшие всю бессонную ночь в седлах табунщики напевали заунывную песню. Опершись на свои палки и посохи, впали в тяжкую думу пастухи, отпустив пастись на луга уже подоенных коров и овец.

По обе стороны реки Таналык, опоясывающей гору Ирендък, расположились на летовку яйляу Иске-бия и Бикбау-бия — худые кибитки из старого, пропитанного дымом и копотью войлока, и среди них — красивые белые юрты.

По весне в распадках Ирендыка расцветают ягодные кусты и вишняки, чтобы зиму напролет проведенные в полуголоде девушки и женщины могли, наконец, почувствовать сытость.

Именно в такую пору отправилась по ягоды со своими подружками Гильмияза. Случилось так, что перед самым их приходом по тем местам прошло стадо бая, истоптав ягодные места, раскромсав кусты вишняка. На горных склонах Ирендыка остались змеящиеся ленты дорожек.

Следом за девушками выезжали на добрых конях байские сынки. Бывало, что они похищали приглянувшихся девушек.

Подростала и Гильмияза, считая дни, месяцы, годы. Она была единственным ребенком у родителей и потому выполняла дома любую тяжелую работу, которая с руки только мужчинам. Участвовала в скачках наряду с джигитами, и в сборищах-зипинах вместе с певцами и сәсәнами. Постепенно ее стали относить к числу певцов, неугодных баям и начальникам.

Однажды состоялась байга для испытания силы бурзянского рода Иске-бия и усергенского рода Бикбау-бия. Были там скачки, состязались на майдане борцы, а в пенни — певцы, сочинении стихов — сәсәны.

На скачках победителем вышел черный конь бурзянцев. А в споре певцов всех победила бурзянская певица Гильмияза.

Бикбау не мог снести нанесенной обиды. Он собрал всех своих приближенных и батыров и повелел им:

— Найдите скакуна, который смог бы победить коня бурзянцев. Найдите певца, который смог бы одолеть Гильмиязу. А не найдете — отберите их у бурзянцев!

С тем он отправил свой приказ письмом — повсюду, куда донесут ноги лошади.

По его призыву прибыло множество всадников на лучших лошадях. Множество певцов собралось отовсюду. Но ни одна из лошадей, ни один из певцов не удовлетворил Бикбау-бия. Народ по-прежнему хвалил все того же черного скакуна бурзянцев, славил певческий дар Гильмиязы.

Но не зевали и слуги Бикбау-бия. В поисках резвого скакуна отправились они в казахские пустынные степи. Там они нашли хорошего коня, вместе с которым прибыли три казахских джигита. Тот конь пришелся по душе Бикбау-бию. Двум казахским джигитам он подарил много скота и отправил назад, на родину, третьего попросили остаться, пообещав выдать за него девушку-красавицу. Вместе с тем джигитом выехали они в степные раздолья Бикбау-бия.

В это время ходившие по ягоды девушки возвращались обратно. Присели они отдохнуть у подножья Ирендыкских гор и затеяли игру в «пять камешков». Была среди них и Гильмияза. Во время игры, как и во время работы, она любила постоянно петь или напевать, а то и на ходу сочинять шуточные куплеты. Джигиты незаметно подкрались к девушкам, и слуги Бикбау-бия указали казахскому парню на Гильмиязу. Тот, не раздумывая, подскакал к резвящимся девушкам, связал Гильмиязу, бросил ее через седло и исчез с глаз долой.

Воротились девушки по домам, подняли переполох. Вдогонку похитителю выслали всадников, но те не смогли напасть на его следы и вернулись ни с чем. Узнав, что девушку похитил казахский джигит, не могли также обвинить в этом и людей Бикбау-бия.

На чужбине Гильмияза не могла найти человека, с которым могла бы поговорить по душам, поведать сокровенные свои тайны. А если и находился такой человек, то она не понимала его языка и молча переживала про себя обрушивающиеся на нее беды. Тоскуя по своей родине, по водам ее и лесам, цела она так:

Река Сакмара по весне проснулась.
Голубеет вдалеке гора Урал.
Коль отказали б ноги, я вернулась
Хотя б ползком в родной свой отчий край.
Лошадь степных краев сутулы,
Гривы их шершавы и тверды,
Ветры, что с Урала дуют с гулом,
Заметают прежние следы.
Юности моей липкие кони,
На ветру их гривы хороши.
Человека нет вокруг, кто б понял
Мой язык и боль моей души.
Ирендыка даль, родимый выпас
Иске-бля — зов моей любви...
Давши чужеземцу меня выкрасть,
Получил ли радость Бикбау-бий?

Гильмияза была красивой, открытой лицом и ясной душой девушкой. Несмотря на все горести и невзгоды, старалась с терпением их переносить. Ее красоте завидовали. В конце концов весть о том, что Гильмияза находится в казахской степи, дошла и до рода бурзян.

Узнав о том, бурзянские батыры не стали сидеть сложа руки. Уяснив что к чему, они снарядились в поход и вызволили Гильмиязу из неволи казахской страны. Таким образом выяснилась злонамеренность Бикбау-бия, и роду его было дано прозвище «отомстил» — «ус алган». Постепенно прозвище это видоизменилось, превратившись в «усерген».

Но Бикбау на том не успокоился. Он решил добиться того, чтобы Гильмиязу опять насильно выдали замуж. Так и сделали: отдали ее

за человека, которого она никогда не видела-не слышала. Так Гильмияза оказалась на земле усергенова рода, во владениях Бикбау-бия. Когда ее провожали в эту сторону, Гильмияза пропела отцу такую песню:

Разлив степей—подножья Ирендька,
Покрыты степи белым ковылем.
Отец, я уйду без стопа-крика,
Хоть с горем покидаю отчий дом.
Отец меня отправил на чужбину,
Видать, мои песни он сыт.
Злым людям отдал. Черною кручиной
Мой лик, как черной тучею, покрыт.
Ах, косы мои черные вдоль стана!
Не покидала б я свой край родной.
Но как же я в краю родном останусь,
Коль гонит меня прочь родитель мой?
Я пела на рассвете от обиды,
Душа пылала, полная огня.
Чтоб Бикбау-бию угодить, ты выдал.
Отец, за нелюбимого меня.

Матери же она пропела так:

И белый свет луны перед глазами
Покажется вдруг черным в небесах.
Коль изойдешь кровавыми слезами,
Припомнится тебе Гильмияза.

В конце концов тяготам жизни предпочла она смерть. Идя на дойку кобылиц, повесилась она на суку дерева. Ее задушевные напевы и мелодии, горестные песни остались в душе народа вечным наследием.

220. Таштугай

После того, как башкиры приняли власть русского царя, казахский хан Абдулхаир¹ начинает всеми способами склонять башкир на свою сторону. В те времена был у казахов батыр по имени Сеит. Среди башкир был свой прославленный батыр, которого звали Кутур из Усергеновского рода. Слава о нем как об удалом наезднике и метком стрелке, гремела не только среди башкир, но и среди казахов.

В ту пору старшиной Усергеновского рода был некто Кубэк, а Кыпсакского рода — Казаккул. Подарив царю белые шелковые юрты и двух отменных коней-акбузатов, они получили от него сан тарханов. После этого они начали настраивать башкир против казахов, вызывая между ними всяческие раздоры и ссоры.

Между казахами и башкирами то и дело происходили стычки и распри, взаимные нападения и разграбления. Неожиданный налет совершает Сеит-батыр, который нанес башкирам большой ущерб. Это вызвало у тех озлобление. Разослав письма и гонцов, они собрали воинство и совершили нашествие на землю казахов. Захватив множество скота, они привезли с собой и взрослую дочь Сеит-батыра. Кутур берет ее себе в жены. Абдулхаир-хан начинает готовиться отбить девушку у башкир. Боясь, что дело может принять опасный оборот, Кутур-батыр покинул родные места и переехал на землю Китайского рода.

Здесь в мире и согласии и живут Кутур с молодой женой Куйхылу. У них рождается девочка по имени Кюнхылу. Кроме нее детей у них не было. Повзрослев, девушка эта прославилась красотой и певческим даром. Коновязь Кутура не пустела без поводов тех лошадей, на которых приезжали сваты. Каждый день прибывало несколько сватов.

Жил в том же ауле, что и Кутур, джигит по имени Байгубак, меткий стрелок и искусный кураист. Он рано остался без отца, рос удальцом и, несмотря на свою молодость, входил в число лихих джигитов. Он стал рано выезжать на охоту и стяжал славу удачливого охотника.

Однажды состоялись состязания по стрельбе из лука. Стреляющий должен был пробить стрелой сквозь подвешенное кольцо. На это развлечение собралось множество народа — подростки и юноши, девушки и снохи, старики и старухи. Дочь Кутура заняла на этих состязаниях второе место. Отец был очень этим доволен и отдал все свои стрелы и доспехи дочери. Был он рад и успеху Байгубака.

В поднятии же монеты с седла всех победила Кюнхылу, а Байгубак остался на втором месте. И Кутур опять радовался успеху молодых. Он разрешил дочери ездить на своем резвом коне с острыми и крутыми копытами, с лохматой гривой, продолговатыми бабками, длинными заячьими ногами, с ястребиной грудью, впалыми боками, с ушами, наподобие камышей, с медными глазами, узкими скулами, острым подбородком, щучьей спиной и высоко приподнятой холкой.

Растет дочь Кутура, подрастает, считая дни и недели. Однажды отправляется она к ручью за водой и неожиданно сталкивается лицом к лицу с Байгубаком, и тот поет ей так:

Листья здесь не листья. И на тале
Не трепещут соловьи в пылу.
Есть ли на Урале в самом деле
Девушки прекрасней Кюнхылу?

Ей от сватов нет отбоя просто —
Коновязь с гостями не в ладах.
Я подбил бы и домой принес бы, —
Кюнхылу не птица в небесах.

Кюнхылу не осталась в долгу, пропела ему в ответ:

Или коновязь не для поводов,
Отчий дом ли сердцу не оплот?
Не слезами ль девушка исходит
Оттого, что друга не найдет?

Будет ли джигит врагами битым,
Бросит ли в сраженье свою рать?
Иль должна признания джигита
Девушка и дни, и ночи ждать?

Выслушав девушку, Байгубак подошел к ней и подарил ей свой медный перстень. Там девушка обещала выйти за джигита замуж, а тот обещал на ней жениться.

А сваты от разных родов все продолжали приезжать, так что Кутур совершенно растерялся, не зная, за кого выдать свою дочь. За кого бы он ни выдал Кюнхылу, кто-то все равно остался бы в обиде. И тогда он решил выдать свою дочь за Альми, сына Кубака, старшины бывшего рода Кутура. Уговорился он с Кубаком, и ни Кюнхылу, ни Байгубак не могли помешать этому свовору. Потому данное ими друг другу слово так и осталось тайной двоих. Вот и свадебный пир состоялся, и жених Альми приехал. Девушку проводили в дом жениха. А тот оказался непутевым парнем, у которого, к тому же, ум бы слегка набекрень.

Каждый раз, приезжая к отцу, Кюнхылу спускалась к тому ручью, где она впервые встретила с Байгубаком, обмывала лицо, а Альми оставался караулить лошадей. Заранее зная день их приезда, Байгубак уже ждал девушку в условленном месте.

Возвращаясь же в дом мужа, Кюнхылу грустила, думая о Байгубаке и пела, тоскуя и желтея лицом. Никто не мог понять причину ее печали, и потому не могли ничего предпринять.

Однажды свекровь поехала к Кутуру вместе с молодыми. Кюнхылу опять встретила и разговоривала с ожидающим ее Байгубаком. Они объяснились через песню. Байгубак так пропел Кюнхылу:

Тебе ли подарил я желтый перстень,
Чтоб желтый пламень всю тебя обжег,
Чтоб обо мне встревоженная вестью,
Покинула немилый ты порог?

Тебе не ровней перстень оказался.
Я нашу тайну свято берегу.
Не предавайся скорби, чтоб остался
Твой лик, как снег на этом берегу.

Свекровь обратила внимание на медный перстень с сердоликом на пальце невестки и поняла ее тайну. «Наверное, тот джигит ее околдовал, — подумала она. — Не владыка ли он ручья?» Когда добрались до дома Кутура, она поделилась с сыном своими предположениями. Тот, в свою очередь, рассказал ей о том, что Кюнхылу каждый день спускается к тому роднику и моет лицо. Страх их возрос вдвойне. Они стали советоваться с муллами и ворожеями. Те посоветовали им не пить и не брать воду из того ручья. Тот ручей прозвали Нечистым Ручьем — Бэрейле шишмэ, а камень при нем — Нечистым Камнем — Бэрейле Таш. Рощу рядом с ними называли Нечистой Рощей — Бэрей кулы.

Через некоторое время медный перстень Кюнхылу увидели на пальце Байгубака, похитили его, а потом подговорили одного из аулчан за большое число скота убить Байгубака.

Кюнхылу с мужем и свекровью уехали домой. Через некоторое время Байгубак был убит неизвестным лицом. Вскоре Кюнхылу вместе с мужем приехала вновь в гости к отцу. Вновь спустилась она к ручью, чтобы умыться лицо, но Байгубака там не оказалось. Огляделась она по сторонам, но нигде его не увидела. Тогда она запела с горечью в голосе:

Идель-река ли синяя граница
Вдаль уходит к Ирмелли, как судьба?
Мой Урал! Твои умолкли птицы,
Здоров ли, невредим ли Байгубак?

Она печально села на своего коня. Так же печально доехала до дома своего отца. Видя, как пожелтело и осунулось лицо дочери, родители расспрашивали о ее здоровье, Кюнхылу же отвечала им песней:

Не Таштугай ли — степь да степь сухая?}
Под ветром осыпаются цветы.
Желтею я лицом, изнемогаю
От грусти, вопрошая: где же ты?
Пустынна Таштугая степь нагая,
Поют здесь птицы, сидя на камнях.
Что дочь Урала здесь найдет?.. Страдает
Душа в немых обугленных песках.
Грущу, отец, по милому Уралу,
Глухую землю примет ли душа?
Мой муж молчун — как в рот воды набрал он —
Навек меж нами пролегла межа.
Уральские отроги — рек теченье,
Воды попьешь — жар сердца утолишь.
Умчаться б прочь, чтоб не сносить мучений.
Остаться здесь — от горьких дум сгоришь.
С зарею встану, поведу глазами
На горизонт — всплывет Урал родной.
Как на постель, на черный его камень
Легла б я, коль вернулась бы домой.
На Таштугае веет пыльный ветер,
От ветра не укрыться здесь в степи.
Муж непутевый — хуже нет на свете,
Хоть в омуте боль сердца утопи.

Каждый, кто слышал ее песню, проливал горючие слезы, жалел бедную женщину. Пока готовился обед, ей захотелось во что бы то ни стало повидаться с Байгубаком, потому что она стала смутно догадываться о том, во что не хотело верить ее сердце. Она желала хоть что-нибудь узнать о своем возлюбленном, но не могла получить о нем никакой весточки.

Вечер настал, табуны с лугов воротились, а Байгубака все не было. Дивилась тому Кюнхылу. Наконец ей удалось узнать от своей енгей, с которой она делилась всеми секретами, что Байгубака убили. В речи и обиде пропела она своему отцу:

Отец мой, ты прославился, сражаясь
С врагами, что напали на страну,
И славу вновь на старости стяжал ты,
Отдав меня в чужую сторону.

Иль к старости батыр бессильной злобой
Исходит, чью-то кровь стремясь пролить?
Невинную льет кровь глупец безмозглый —
Какую славу хочет тем нажить?

Твоей стрелою я на Таштугае
Убью ль хотя б лису?.. Пускай живет она.
Смеются над тобой — ты проливаешь
Кровь бедной жертвы... В чем ее вина?

С теми словами Кюнхылу покинула дом отца. Закрывшись, долго пребывала одна, а потом вместе с одним из самых близких друзей Байгубака потихонечку отправилась искать могилу убитого. Они отыскиали малоприметный холмик, и Кюнхылу взяла с него землю в свой мешочек. Она привязала тот мешочек к шее и бросилась в воду. Но родители, следившие за ней, спасли ее от смерти. Кюнхылу вновь пропела своему отцу:

На Таштугае нет ростков курая,
Чтоб грусть-тоску мелодией излить.
Меня земля пная призывает,
Готовая навек похоронить.
Отец, я пожелтела от печали
В степи ковыльной, в стороне чужой.
Меня на смертном ложе повстречаешь,
В земле, что в поларшина шириной.

Даже не попрощавшись с родителями, она вскочила на коня и усакала в постылые степи своего мужа. Отец последовал вслед за ней. Возле могилы Байгубака она сошла с седла и, ни на кого не глядя, обняла могилу и спела так:

Прибавилась гора еще одна
Среди хребтов родимого Урала.
Обрел Кутур покой и сладость сна.
Аллах все дал ему, о чем мечтал он.
Нет на Урале места, где бы ни был
Мой Байгубак — наездник и стрелок.
Я не заставлю ждать тебя, любимый,
Не будешь ты в могиле одинок.
О, мой Урал! Не на твоих отрогах
Мне гарцевать теперь... Но под землей
Давно мне уготована дорога,
Никто там не разлучит нас с тобой.

Изо дня в день желтела и сохла Кюнхылу, пока и вовсе не сошла с ума. В конце концов, она умерла, бросившись в реку Таштугай.

К Кутур-батыру выслали гонца. Получив весть о гибели дочери, Кутур поспешил в путь, чтобы хоть одну горсть земли бросить на могилу своей дочери. Чтобы скорее добраться до степных краев своего зятя, он решил оседлать гнедого своего коня, которому перевалило за двадцать лет и на котором он выезжал еще на битвы. Стоило Кутуру доскакать до цели, как гнедой конь под ним рухнул замертво, ибо сгорел, скача всю дорогу галоном.

Утопленницу похоронили.

Мать Кюнхылу приехала только к тому времени, когда отмечали три дня после смерти ее дочери.

Кутур не позволил резать своего гнедого коня и даже освежевать его, а велел прямо в таком виде его похоронить. Коня погребли у степного косогора. С тех пор тот холм стали называть Турат-сагыл — Туратский косогор.

А тот камень, на котором каждый день сидела Кюнхылу, напевая свои песни, с тех пор называют Камнем Кюнхылу.

221. Таштугай

(вариант)

Не найдя девушку в своих краях, некий слабоумный таштугайский парень сосватал себе дочь одного бурзянского бая. Говорят, та девушка была вполне начитана и развита для своего времени. Девушка не любила парня, не принимала душой его степную сторонку. Доит она корову, а сама тянет печальную песню.

Говорит свекор своей жене: «Зачем мы держим на привязи эту бедняжку, точно жеребенка. Надо ее отправить обратно в родительский дом, пусть там и найдет себе ровню». А та набросилась на мужа: «Если даже ты не любишь своего сына, как его будет любить чужеродная сноха?» А старик все не унимается: «Это дитя каждое утро печалится, грустные песни поет. Грех держать ее, как на привязи!»

На одной из вечеринок свекор попросил молодуху спеть какую-нибудь песню. Сам он пропел так:

На Таштугае камни красноваты,
Не плачь, сноха, еще так молода ты!

Сноха ему отвечает:

Кому и плакать, свекор, как не мне,
Коль муж не мил, мне снится дом во сне.
Просторы Таштугая — камыши.
Курай ли изготовлю и сыграю.
Молчит кукушка. Нет в степях души,
Вернуться на Урал хочу с кураем.

После той вечеринки старик увез свою сноху к ее родителям.

222. Зюльхиза

Жили на свете два охотника и звали их Кушмухамет и Ишмухамет. Были они большими друзьями. Переименовав их имена на свой лад, народ стал их называть Кушай и Ишэй. Охотники были настолько близки между собой, что о тех, кто ел из одной ложки и из одной чашки, и даже о стадах, пасущихся вместе на одном лугу, стали говорить: «Неразлучны, как Кушай и Ишэй». На совместных вылазках они так отточили свое умение и сноровку, что прославились в округе как самые искусные охотники. Прославленные в народе, они еще крепче держались друг за друга.

Как-то, возвращаясь с охоты, они договорились между собой.

Кушай сказал:

— Друг мой Ишэй, наши жены забеременели почти одновременно. Если у одного из нас будет сын, а у другого дочь, будем с тобой сватами.

Ишэй с радостью его поддержал.

— Так тому и быть,— сказал он.— Будем с тобой и друзьями, и сватами. Как масло не портит кашу, так и родство дружбу не испортит.

Дома их встретили вогласами, требующими суюнсе:*

— Кушай-агай, у тебя есть дочь! Ишэй-агай, у тебя есть сын!

Ишэй на это сказал:

— Ангел услышал наш разговор и внял нашим желаниям.

Кушай промолвил:

— Сказанное слово — что выпущенная стрела, будем сватами.

Пожали они друг другу руки и назвали свои будущие подарки, договорились провести «бишек туйы» — «колыбельный пир».

Кушай и Ишэй, как и прежде, выезжали вместе на охоту. Когда младенцам исполнилось по сорок дней, они устроили «колыбельный пир», Кушай дал своей дочери имя Зюльхиза, а Ишэй назвал сына Вали.

Так и продолжали они жить в дружбе и совместных охотничьих выездах, а дети их росли, считая месяцы и годы. Вали мог уже садиться на коня, а Зюльхиза — ходить с коромыслом за водой. Сваты провели «хырга туй»¹ — «пир сережек». Подростка стали называть женихом, а девочку — невестой.

Однажды, охотясь в чужих, незнакомых местах, Ишэй свалился в перекаат студенной реки, простудился и, так и не оправившись после этого, оставил белый свет.

---

* Суюнсе (Сойонсой) — слово, употребляемое перед сообщением радостной вести, за которое полагается вознаграждение.

Кушай остался один, но, сохраняя верность другу, не стал сблизяться с другими охотниками. Он и один не возвращался с охоты без дичи, подтверждая былую славу.

Близживущие баи стали приглашать к себе Кушай, чтобы вместе выезжать на охоту. И Кушай согласился.

Однажды известный на всю округу Янтуря-бай пригласил Кушай в гости вместе с женой, потчевал их несколько дней подряд. Тот Янтуря-бай прославился повсюду не только своим богатством, но и редкой скупостью. Народ называл его «Янтей-живоглот». Узнав, что он пригласил к себе Кушай с женой и проводил их с подарками и почестями, дивились люди: «Оказывается, и с камня можно сдирать лыко».

Вскоре Янтуря-бай сказал Кушай:

— Дочь твоя Зюльхиза выросла красавицей. Чем губить ее, выдав замуж за этого голодранца Вали, отдай мне в жены, я ее в шелках утоплю.

Потом и все поняли, что «Янтей-живоглот» приезжает к Кушай не для того, чтобы выезжать с ним на охоту. В конце концов, Кушай согласился отдать ему свою дочь третьей женой. Но Зюльхиза об этом еще не знала.

Как-то она шла за водой и ей повстречалась женщина, что пришла сюда невесткой из янтеевского аула.

— Здравствуй, невестушка Зюльхиза! — окликнула она.

Зюльхиза застыла на месте, удивленная и растерянная, не знала, что и ответить. Вернувшись домой, она стала расспрашивать свою мать, и та все ей рассказала.

Девушка стала говорить, что никогда не выйдет замуж за Янтурю-бая, что она любит Вали.

Тогда Кушай пригласил Вали и сказал ему так:

— Отец твой умер, общность наша распалась. Так что ты не имей виды на мою дочь, она не будет тебе принадлежать.

И тогда Вали и Зюльхиза задумали бежать.

Между тем, шли дни, был назначен срок проведения свадебного пира Янтури-бая. Прибыли сваты, пиршество началось, смех да веселье. И в той пиршеской суматохе Вали и Зюльхиза оставили отчий дом и бежали. Их исчезновение заметили джигиты, которые должны были следить за Зюльхизой. О бегстве сообщили Кушай. Сразу же забыв о свадебном пире, Кушай вскочил на коня и отправился в погоню за беглецами, прихватив с собой еще несколько человек.

К несчастью, в ту ночь шел дождь, и пока беглецы собирали разбредшийся под дождем косяк и выискивали подходящих лошадей, прошло много времени. Не успели они отъехать на приличное расстояние, а Кушай вместе с другими преследователями уже их и настиг. Они окружили молодых, но Вали удалось скрыться, а Зюльхизу поймали. Привязали ее к конскому хвосту и пешей привели обратно домой, нещадно хлеща по пути плетями.

Поймать же Вали не удалось. Он нашел таких же, как сам он, беглецов, подобрал себе приятелей и решил похитить Зюльхизу. Но не успел: Зюльхизу выдали за Янтурю-бая и заперли в его юрте.

Зюльхиза не могла забыть Вали. Тоскуя по нем, сохла с каждым днем, исходила желтизной.

Несколько месяцев пропадал Вали. Много земель изъездил, и вновь оказался на яйляу Янтурп-бая. Глубокой ночью, когда все уснуло, и на яйляу установилась полная тишина, Вали приблизился к юрте бая, подал условный клич и зашел, тоскуя по возлюбленной:

Олень шагает по лесам-дугам, Зюльхиза,
По низинам коротка дорога, Зюльхиза.
Девушка рыдает по ночам, Зюльхиза:
Погубили жизнь твою жестоко, Зюльхиза.
У кукушки птенчики растут, Зюльхиза,
В чьих-то гнездах под чужим крылом, Зюльхиза.
Слезы ли у девушки текут, Зюльхиза:
Догорает жизнь моя огнем, Зюльхиза.
Девушка глаз ночью не сомкнет, Зюльхиза,
Смотрит на рассвет — не занялся ли, Зюльхиза?
В темноте рукою проведет, Зюльхиза —
Муж ее не пробудился ль старый, Зюльхиза?
На рассвете трели соловья, Зюльхиза,
Под окном девичьим раздаются, Зюльхиза.
Плачет она; «Где любовь моя?», Зюльхиза,
Вдоль подушки руки ее вьются, Зюльхиза.
Сын Ишяя тянет на курае, Зюльхиза,
Песню о потерянной любви, Зюльхиза.
Он своей возлюбленной играет, Зюльхиза,
Усмиряя страсть в своей крови, Зюльхиза.
Ягоды плодятся по холмам, Зюльхиза,
Путь за ними долог и тяжел, Зюльхиза.
Всю страну объездил я, и там, Зюльхиза,
Бедняков несчастней не нашел, Зюльхиза.
Встав на камни, омывает лик, Зюльхиза,
Слезы оставляют там следы, Зюльхиза.
В горле сжала молчаливый крик, Зюльхиза:
Где ты моя юность без беды, Зюльхиза?

Расслышав голос Вали, вздрогнула и проснулась Зюльхиза. Она тотчас хотела убежать, но ей это опять не удалось. В это же самое время проснулся и Янтей. Ждал Вали, ждал, и не дождавшись свою Зюльхизу, в тоскливой безнадежности ушел восвояси. Поднялся он на высокую скалу, сел там на камень и решил так: «Сегодня ночью проникну в их юрту и поговорю с Зюльхизой с глазу на глаз, что она скажет?»

Сон не брал Зюльхизу. Едва прорезался рассвет, она выскользнула из юрты и, сказав, что уходит доить корову, пошла в ту сторону, откуда доносился голос, и стала искать джигита своего в тальнике и камышах. Не найдя его, села, горько поплакала и вернулась обратно.

Янтей-бай выслал своих людей на поиски Вали. Подумали те и отправились в ту сторону, где стрекотала сорока, и вышли к тому самому месту, где спал Вали. Не стали даже его будить — воткнули в сердце кинжал. Один из убийц поскакал к Янтею требовать у того суенсе. Только собственными глазами увидев убитого Вали, Янтей поверил в его смерть. Он дал убийцам много скота и устроил большой пир.

Оставшись с баем, Зюльхиза по-прежнему не забывала своего Вали, желтела и сохла, не зная детей. Сказывают, потом умерла она на стороне, сойдя с ума.

223. Зульхабира

Говорят, неподалеку от Казани в каком-то ауле жил мулла по имени Мустафа. У него была дочь Зульхабира. Мулла дни и ночи играл в карты. Как-то он узнал, что в Казани проживает искусный картежник, и отправился туда.

Тот, кого называли искусным картежником, был никто иной, как старик-чувашии Рахип. Мулла отыскал того старика и стали они играть меж собою в карты. Поначалу мулла несколько раз подряд обыграл чувашина. А потом проиграл ему не только все деньги, но и одежду на себе. Тогда Рахип предложил: «У нас у обоих есть дочери, давай сыграем на них». Согласился мулла. И на этот раз Рахип обыграл муллу.

В то время, когда мулла Мустафа находился в Казани, дочь его Зульхабира пригласила к себе домой подружек. Девушки стали загадывать да ворожить, кому за кого замуж выйти. На долю Зульхабири выпал какой-то безобразный старикашка. На том и прекратили игроворожбу, легли спать. И видит сон Зульхабира: опять играют девушки в гадание — кому за кого замуж выходить. «Кому кто первым на улице встретится, та за того и выходит», — решили они, и все вместе высыпали на улицу. Зульхабире встретился старый и безобразный старик-чувашии.

Вернувшись домой, мулла никому не сказал о том, что проиграл в карты свою собственную дочь. Около месяца миновало, и вот мулла говорит дочери: «Есть у меня в Казани хороший приятель, дочери которого, как и тебе, восемнадцать лет. Вы будете с ней хорошими подругами». Так и уговорил он Зульхабиру поехать вместе с ним в Казань. Да ведь такой уж чуткой бывает девичья душа! То ли зная, что ее ожидает, то ли ни о чем не догадываясь, пропела она перед отъездом песню:

Цветы, растущие привольно,
Отцвел ваш яркий первоцвет.
Осенний ветер бьет вас больно,
И больше вам уж жизни нет.
И я, как вы, благоухая,
Цвела в родимой стороне.
Что в жизни ждет меня, не знаю,
Что выпадет на долю мне?
Уходят лебеди, роняя
Вниз перья, белые, как снег.
Коль на чужбине я пстаю,
Найдется ль вспомнить человек?

И мать Зухабирь, тоже предчувствуя что-то недоброе, проводила их слезами и причитаниями.

Едва добравшись до Казани, Зухабирь стала проситься назад, домой. Но отец привел ее прямо к Рахипу. Тот вышел открыть им ворота. Зухабирь узнала старика, приснившегося ей во сне, и потеряла сознание. А когда пришла в себя, отец — как только язык у него повернулся! — подал ей всю свою грязную историю. Говорят, Зухабирь упала к ногам отца и, рыдая, просила его не отдавать ее старику. Но мулла оставил в доме чувашина свою дочь, а сам отправился домой.

Рахип крестил девушку и перевел ее в свою веру. Не считаясь с сопротивлением Зухабирь и избив ее до смерти, он привел ее в церковь. Вот так и жила Зухабирь, терпя всяческие унижения и оскорбления. А потом она сошла с ума и утопилась.

Едва услышав о смерти единственной своей дочери, мать Зухабирь умерла от разрыва сердца, мулла же покончил жизнь самоубийством.

224. Янифа

В годы нашего детства была одна беспризорная девочка-сирота по имени Янифа. Она присматривала за чужими детьми, выполняла все, что ей прикажут, — тем и жила та девочка Янифа. У нее не было обуви, чтобы носить зимой, и потому, перед тем, как выйти на улицу, она грела ноги, стоя на горячей золе. Из жалости прикармливали ее в разных домах, только потому она и не умирала с голоду.

Тем не менее, Янифа была веселой и живой девочкой, улыбка всегда сияла на ее лице. Летом, когда наступала пора косьбы, отправлялась она к русским с серпом в руке. Молодые матери с малыми детьми брали Янифу с собой. Они оставляли ее в шалаше смотреть за своими детьми, которые исходили плачем. Родители же в это время косили.

Однажды человек, приходившийся девочке дальним родственником, взял ее с собой на косьбу, чтобы она присматривала за детьми. А Янифа возьми да и сбеги — так ей осточертело это дело. Что-то несется в колосьях, мелькает мотыльком, только косицы на ветру трепещут. Смотрят, а это Янифа. «Куда направляешься?» — спрашивают ее, а она отвечает: «Домой возвращаюсь». «А что дома будешь делать?» «Ой, тетя, люди переезжают», — отвечает девочка, а сама все рвется уйти. «А тебе что до того, что люди переезжают? Ты что на йялю забыла? Да и аул не в той стороне, смотри, заблудишься и умрешь. Да и мы закончим работу через два дня, пойдешь домой с новым платьем», — так, обманом, вернули ее обратно в шалаш. В то время Янифе было семь или восемь лет.

Так шли годы. Янифе исполнилось двенадцать, а, может, тринадцать лет. Однажды через аул проходили сарты*, торгуя разным мелким товаром. Они остановились на квартире родственников Янифы. Увидев девочку, они спросили: «Ты кто? Кто у тебя есть?» Девочка не сразу нашлась, что ответить и пробормотала невнятно: «У меня никого нет». Тогда сарты обратились к родственникам: «Продайте нам девочку». Тот, кто приходился ей дядей, ответил: «Маленькая ведь еще, пусть немного подрастет». Но тут вмешалась его жена: «Какая она маленькая? Ей что, так и спать, растянувшись каждый день в твоём доме? Нужно хоть что-нибудь вернуть за ее воспитание. Или, оставив дома, думаешь выдать ее за богача?» Так и заставила своего муженька продать девочку за тех торговцев.

Побежала Янифа к разным людям — и к тем побежит, и к этим, — никто не мог ей чем-нибудь помочь. Когда сарты уводили девочку, собрались ее ровесницы, старухи. И тогда Янифа спела своим подружкам так:

Пожалела одну доску
Тетка в доме для меня —
Сартам продала... Я слезы
Промила, судьбу кляня.
Девичья гора — не там ли,
Где высокий косогор?
Горе на сердце, как камень,
Слезы застилают взор.
Нынче сено я косила
На некошеных лугах.
Мне тогда во сне приснилось,
Будто я в чужих краях.
Блюдечко с каймою желтой —
Все поведаю ему.
Коль родителей лишен ты,
Уж не нужен никому.
Сердолик я положила,
Чтоб с водою он уцдыл.
Рядом жемчуг положила,
Чтоб его и след простыл.
Жизнь меня ли прокляла,
Чтоб я проданной была?

Все девочки — подружки Янифы, все старухи аула плакали, жалеючи Янифу. Затем ее посадили в телегу и проводили в чужие края.

В дальние места увезли Янифу. «От вас видна наша Большая гора — Олотау?» — спрашивает она у новых хозяев. «Нет, не видна», — отвечают ей, и она снова льет слезы. «Куда бы ни ходила, всегда успокаивалась, глядя на наш Олотау. Когда уходила к русским, все другие горы исчезали с глаз, и только Олотау продолжал виднеться через леса и горы. Я думала: когда дойдешь до этой горы, то сразу под ней — наш аул, и сразу же веселела душой».

И она опять запела грустную песню:

---

* Сарты — узбеки.

Была бы дорога такою,
Чтоб видеть всегда Ологау.
Все смотрела б на него с тоскою,
И в тоске той день мой пролетал.

На новом месте Янифе зажилось хорошо, за ней смотрели, как за родной дочерью. Но сама она не ела, не пила, ни с кем не вступала в разговор — все горевала да проливала горячие слезы. А то вдруг вспоминала свои шалости и проказы и неожиданно для всех начинала вдруг смеяться. «По всему видно, девочка сошла с ума,— говорили между собой сарты.— Надо ее привести в чувство». И с тем стали возить ее повсюду, где сами бывали. Но она так и не смогла привыкнуть к чужбине. В одиночестве сочиняла песни:

Я на яблоне высокой
Обломала сук крутой.
На чужбине одинока —
Не поймет меня никто.

В чем я, боже, виновата,
Пред тобою в чем вина?
Вы там вместе... Только я тут
Горе мыкаю одна.

Эту песню она хотела переслать письмом, только адреса не знала, и потому на родине никто ничего о том не ведал.

Когда Янифа стала старше и ей исполнилось 15-16 лет, ее отдали замуж за старшего сына старика, уже пожилого человека лет сорока или сорока пяти. Но она нисколько не любила своего мужа. Как она ни плакала, как ни противилась — выдали ее насильно.

Но такая уж Янифа была певица, что никак не могла сдерживать своих чувств и постоянно цела все новые горькие песни.

Помню землю я родную,
Говорю я с ней письмом.
Неужели жизнь мигнет
С этим сартом-стариком?

Однажды она стала вспоминать свое детство, тропинки и дороги, по которым бегала босиком, и решила про себя: «Сбегу отсюда, наверняка отыщу свой аул». Выждав момент, когда вся родня мужа ушла в гости, она быстренько собралась и отправилась в долгий и трудный путь. А город, где она жила, был таким большим и запутанным, что она никак не могла понять, куда ей надо идти. Ей пришлось вернуться в дом немилого мужа. Забралась она в сад да там и уснула. Когда сарты вернулись домой и не обнаружили Янифу, они повскакали на лошадей и отправились на ее поиски.

И, конечно, нигде не нашли. А утром выходят в сад — Янифа спит там прямо на земле, свернувшись калачиком, сама величиной с кулак. Обрадовались хозяева: «Слава богу, не сбежала!» И опять пошла для Янифы обычная жизнь.

Однажды муж Янифы стал собираться в дальнюю дорогу с торговыми делами. Пристала к нему Янифа: «Возьми меня с собой, покажи

родной аул, где я родилась и выросла». Она и раньше просила его об этом, и он каждый раз отвечал: «Вот станешь матерью хотя бы одного ребенка, тогда я возьму тебя с собой».

Через год-другой Янифа родила девочку, которой дали имя Рахимай. В том же году умер муж Янифы. И она опять впала в тоску и скорбь, опять стала сочинять песни:

Я б в аул свой воротилась —
Нет хорошего коня.
Только с жизнью я смирилась —
Муж покинул вдруг меня.

Умирая, муж Янифы оставил завешание: «Когда Рахимай исполнится семь лет, можешь возвращаться на свою родину».

Янифа исполнила его завет. Когда ее дочери исполнилось семь лет, она вернулась в этот наш аул. Тогда Янифа была стройной, красивой, огнеподобной молодой женщиной. Она остановилась у младшей снохи, гостила около месяца. Аульские женщины собирались в том доме и слушали Янифу, не сводя глаз с ее уст. А уж она была такой рассказчицей, такой сочинительницей!

Видя ее споровку и красоту, Янифу стали сватать из разных мест. Один торговец говорил при всех: «Она привыкла держать лавку, если ей и быть чьей женой, так только моей!» Некий бай из другого аула заявил: «Пусть Янифа выходит за меня замуж, я для нее построю новый магазин». Янифа сказала так: «Когда меня продавали чужим людям, никто не хотел за меня заступиться, никто не сватал. Теперь, видя, что я богата, зарятся на мое богатство. Жизнь моя прошла в слезах. Не хочу, чтобы дитя мое жила подобно мне, не отлучу ее от родины». И уехала вместе с дочерью к себе домой.

225. Уралбай

В одном ауле подрастала девушка, тонкая, как тростинка, и такая красавица, что гляди — не наглядисься. Родители ее трудились вовсю, гнули спину, но никак не могли разбогатеть.

— Нам бы сделать счастливой нашу Айхылу, а там и умереть можно спокойно, — поговаривали они между собой.

В этом же ауле проживали два батыра по имени Уралбай и Айбулат. Их нельзя было отличить друг от друга. И оба они любили Айхылу. Но признаться в том друг другу стыдились. Они и не мешали друг другу, ведь для того, чтобы жениться, нужно иметь добро. А потом они договорились между собой: «Кто первый раздобудет скотину, тот и женится на Айхылу». Вместе выезжали они на охоту — бить волков.

И жил в том ауле богатый старик по имени Уразбай. Однажды послал он сватов в дом Айхылу, желая взять ее в молодые жены. Мать девушки была согласна выдать дочь замуж за бая, но отец воспротивился — пожалел дочку.

Уразбай еще несколько раз засылал сватов, но так и не получил согласия.

Тогда Уразбай добавил к калыму еще пять лошадей и пять коров, обещал родителям девушки новую одежду и еще раз отправил в их дом своих сватов. Близкие и приятели бая день и ночь запугивали отца Айхылу: мол, если не выдашь свою дочь за него замуж, задумаешь отдать за кого-нибудь другого, не будет тебе житья в ауле. Испугался отец девушки, дал, наконец, свое согласие.

Начался свадебный пир.

Девушка сказала: «Пусть я умру, но за Уразбая не выйду никогда!» Тогда поставили такое условие: «Кто победит на борцовском майдане, тому девушка и будет принадлежать».

На борьбу Уразбай вывел своего слугу, который отличался безрассудной отчаянностью. В борьбе он был яростен и победил Айбулата. За Айбулатом вышел на майдан Уралбай. Он поднял слугу и изо всех сил бросил его перед баем. Богатеи стали кричать: «Уралбай боролся нечисто!» Несмотря на все протесты Айхылу, ее решили отдать замуж за Уразбая.

Для того, чтобы свести вместе молодых, поставили специальную юрту. Верхушку невестинной юрты срезали наподобие окошка и кое-как прикрепили туда кусок кошмы.

По обычаю, жениха не сразу пускают к невесте — выпрашивают монеты, заставляют плясать. Стал было отплясывать Уразбай, да повредил себе поясницу. Зашумели тут родные Уразбая: «Под баем дощечка обломилась, он ногу себе вывихнул!» — стали кричать они и завели его к Айхылу. Внутри юрты был подвешен занавес. Заглянул за него Уразбай, а девушки-то там и нет. В смятении начал он кричать, людей созывать. Дверь юрты снаружи оказалась запертой. Сбежались люди на его крик, заглянули в юрту, а там бай один-одинешенек. Поняв, что невеста сбежала, пустились за ней в погоню. Множество людей обыскивали лес. Шли по берегу реки, и тут обложили со всех сторон Уралбая. Уралбай и Айхылу стояли на крутом берегу, держась за руки. Когда их готовились схватить, крикнули они: «При жизни не могли мы быть вместе, пусть же после смерти кости наши будут рядом!» — и бросились в реку Яик. Там и погибли.

226. Карайгыр

(Черный жеребец)

Много-много лет тому назад джигит из рода Кышак любил девушку из рода Тамьян. Кроме охотничьего коня, лука и стрел, собаки и старой матери у джигита не было никого и ничего.

Однажды джигит, гонясь за оленем, оказался на земле Тамьянского рода. У старейшины того рода была дочь-красавица. Ее округлое лицо напоминало луну, а брови взлетали над глазами, как крылья ласточки.

Кыпсакский джигит с первого взгляда влюбился в ту девушку. Они объяснились друг с другом и дали взаимную клятву.

Между тем начали наезжать сваты — просить руки девушки. Пригласил своих сватов и бай, известный на всю округу. Он был старше девушки на сорок или сорок пять лет.

Джигит-охотник тоже попытался сватать девушку, но его прогнали, даже не пустив за порог. Джигит вернулся домой ни с чем. Когда он распрягал своего коня, то увидел на его гриве привязанный платочек. Он сразу понял, что его привязала девушка.

Не добившись по-хорошему, джигит решил склонить девушку к побегу. Он дал ей весть через верных людей. Та дала свое согласие. Однажды ночью джигит приехал к тамьянцам и бежал вместе с девушкой. Прознав про это, те стали преследовать беглецов. Догнав, прежде всего убили собаку джигита. Джигит и девушка продолжали убегать, пока не оказались у какой-то скалы. Была одна только дорожка — та, что вела на вершину скалы. Другой же — чтобы вела вниз, — не было.

Конь джигита с разбега взмыл на вершину скалы и бросился оттуда в бездну.

Все трое погибли.

С тех пор ту скалу называют Карайгыр — Черный жеребец.

227. Белый ястреб (Яик)

Много-много лет тому назад в ауле Нижнее Габдрашитово проживал бай по имени Галиакбар. Богатству его не было числа: когда лошади бая спускались на водопой к реке Кизил, другой конец табуна еще пасся на отрогах горы Сыуаш. А уж овцы его и козы муравейником кишели на склонах гор.

Галиакбар был редким скупердяем. Он мучил своих работников, слуг и пастухов голодом. И были у него «знакум» в хуторах Сыртянске, Кизиле, расположенных на берегу Яика. Когда в гости к нему приезжали купцы, бай вел их на речные долины стрелять уток и гусей, давал рыбачить в реке Кизил, полной всякой рыбы.

Хазрет и карый* аула тоже были его желанными гостями. Время от времени он приглашал их к себе домой, просил прочитать коран, одаривал лошадьми и получал от них божеское благословение.

---

* Хазрет и карый — представители духовенства.

Каких бы долгих лет не желали ему «знакумы» и духовные отцы, бай-таки оставил однажды белый свет. Все богатство его осталось сыну и дочери. Как говорят, яблоко от яблони недалеко падает. Так и сын Галиакбар-бая продолжал якшаться со «знакумами», в сытости и веселье проводить свои дни. А не хватало денег — продавал скот, оставшийся от отца.

Однажды к ним нагрянул сват. Джигит из Верхне-Габдрашитово сватал дочь покойного Галиакбара. Но брат ее воспротивился тому сватовству.

— Не желаю родниться с охотником, — сказал он. — Ведь у него нет ничего, кроме несчастного ястреба.

Джигит ушел ни с чем.

Через некоторое время к ним опять заявили все те же «знакумы». И опять пошло веселье, смех да гулянье.

В последний вечер сын Галиакбар-бая проиграл сестру в карты молодому купцу с берегов Яика. На рассвете тот купец должен был увезти с собой девушку. Вняв мольбам матери и родных, купец дал на приготовления девушке еще один день. Воспользовавшись этим, девушка побежала к своему любимому. Почувяв это, брат ее вскочил на коня и помчался за ней следом. Он застал их на берегу реки под топодем. Он погнался сестру домой, безжалостно полосуюя ее спину кнутом.

Между тем, собрались родные, близкие и друзья и стали увещевать сына Галиакбар-бая:

— Ты делаешь противное дедовским обычаям дело, — говорили они. — Хочешь запятнать позором и свой аул, и всех родных и близких. Пусть к девушке зашлют сватов, проводим ее по всем обычаям.

Молодой бай не пошел ни на какие уговоры. Прощаясь с родными и аулчанамп, молодая девушка пропела в горьком унижении:

Тебе уж, белый ястреб, не летать,
Осталась в сердце ледяная грусть.
Как не скорбеть мне, как не горевать,
Коль я навек с любимым расстаюсь?
В Кизил-реке купается закат,
Вода алее моего лица.
Семнадцать было мне, когда мой брат
Меня на деньги продал за купца.
На озере от ветра легкий след,
Струится рябью светлую оно.
Зачем родиться было мне на свет,
Когда желаньям сбиться не дано?

Все, кто слушал ее песню, проливали горькие слезы, выражали брату свое возмущение. Видевший все это несчастье аксакал сказал так:

— Поплачьте, дети, поплачьте, слезы за так просто не проливаются.

Девушку посадили на телегу и отправили в путь. В последний раз посмотрела она на отчий дом, и вдруг увидела своего возлюбленного. Оказывается, тот пришел с ней проститься.

— Береги своего белого ястреба как память обо мне, — сказала девушка, вынула из рукава белый вышитый платочек и подала джигиту.

А тот стоял неподвижно, не в силах прийти в себя. А когда очнулся, то вспомнил, что так ничего ей и не сказал и даже ничего не пода-

рил. С той мыслью побежал он домой. Он схватил привязанного к шнурку белого ястреба, вскочил на коня и помчался вслед за девушкой.

Он скакал до тех пор, пока не показалась телега. Тогда он привязал узелком перстень к уголочку подаренного девушкой платка, прикрепил его к ножке ястреба и выпустил из рук. Увидев ястреба, девушка сорвала с головы белый платок и стала им размахивать. А платок возьми и замотайся на голову молодому купцу. А в это время ястреб опустился на белое, и купец свалился под колесо телеги. Воспользовавшись этим, девушка убежала вместе со своим джигитом.

И все же молодым не суждено было быть вместе. Через несколько дней их схватили, обвинив в убийстве молодого купца. Джигита приговорили к сибирской каторге, а девушку — жить на хуторе умершего купца. Ястребу же вывернули крылья и бросили под ноги.

Не выдержав новой беды, джигит умер в Сибири, а девушка покончила с собой, бросившись в реку Яик.

228. Махуба

В старину башкиры летовали на берегах реки Сайелмыш.

Однажды на зинн, который должен был состояться у подножья горы Саукатау, собрались люди, обитавшие в долинах рек Кургаза, Сарыелга (Желтая река), Юшатыр, Каргалы и Себенле.

День стоял ясный, погожий. Когда солнце поднялось на высоту примерно трех арканов, посередине майдана установили шест со знаменем. Это означало открытие праздника. Через некоторое время в разных местах майдана начались состязания по борьбе-курешу, пению, игре на курае и танцам. С десятков джигитов повели спор в стрельбе по мишеням из лука. В нем победителями вышли двое — Айбулат с берегов Сайелмыша и Кадергул — с Юшатыра. Но по обычаю победителей не должно быть двое. Чтобы выявить сильнейшего эти два мәргена должны были стрелять сквозь подвешенные перстни.

Аксакалы, судившие состязания стрелков, подвесили перстень на тонкой лесе между двумя столбами. Для того, чтобы узнать, прошла ли стрела сквозь перстень или нет, за ним установили доску, а сам перстень обмотали паутиной.

Победителя ждал прекрасный оседланный конь. Выйдя на середину, один из баев пообещал победителю барана.

Другой сказал:

— Нет у меня скота, чтобы подарить. Но есть дочь, которую я люблю больше жизни. Я выдам за победителя свою дочь, Махубу.

Всеобщим гулом принял майдан эти слова.

Джигиты бросили между собой жребий. Первому выпало стрелять парню с берегов Юшатыра Кадергулу.

Когда он взял лук и стрелу, к нему подбежал какой-то человек и прошептал на ухо:

— И девушка, и конь-акбузат, и баран будут наши. Только стреляй спокойно, не волнуясь.

Другой близкий ему доброжелатель сказал так:

— Братишка Кадергул, отец у тебя бай, дедушка — кантон. Ни скотина, ни длинноволосая тебе не нужны. Зато чего стоят честь да слава!

Стрела, пущенная Кадергулом, вонзилась в доску, миновав перстень. Все, кто пришел сюда с берегов Юшатыра, разом умолкли, точно набрав в рот воды.

Вышел на майдан Айбулат. Никто его не подбадривал и советов никаких не давал. Молчал майдан. Натянул джигит тетиву, выпустил стрелу, и она, пролетев сквозь перстень, вонзилась в доску. Народ поднял джигита на руки.

Подвели акбузата и вручили его джигиту. Когда джигит сел на коня и трижды объехал майдан, отец Махубы сказал:

— Обещание — дело чести. Как подтверждение своего обещания даю тебе свой пояс. Пусть ты будешь им подпоясан, когда приедешь ко мне женихом.

И только бай, обещавший барана, не исполнил своего обещания.

— Для такого голодранца не только барана — слова из благородных уст жаль, — сказал он.

К возвращению Айбулата в родной аул успел распространиться нехороший слух: мол, отец Махубы специально обещал на майдане выдать свою слепую дочь, которую никто не берет замуж.

«Это все проделки Кадергула, — решил Айбулат. — Специально хочет очернить и унижить Махубу». И все же сомнение вкралось в его душу. Чтобы узнать истину, он задумал встретиться с девушкой. Именно в это время ему пришла бумажка с призывом на армейскую службу. Айбулат во что бы то ни стало решил перед уходом встретиться с Махубой. С тем он и отправился на яйляу, где проживала девушка.

Сначала он повидался с золовкой-енгей Махубы и договорился с ней, что встретится с девушкой на вершине яйляуской горы.

«Если действительно окажется слепой, от позора брошусь вместе с конем со скалы. Если окажется красавицей, женюсь и устройю свадебный пир», — решил он. К тому времени, когда он поднялся на гору на своем коне, Махуба со своей енгей уже ждали его на вершине. Прикрывая лицо своим платком, девушка стыдливо подала руку джигиту. «Что будет, то и будет!» — решил Айбулат и сорвал платок с ее головы. И что же он видит: перед ним стояла черноокая с воронено очерченными бровями девушка с круглым, как луна, лицом, с длинными, аккуратно завитыми косами и тонким, нежным станом.

Как знак своего согласия и обещания, девушка протянула джигиту вышитый шелковый платок. Айбулат же надел на ее палец перстень, который он пробил на майдане. Егет запел от полноты души:

Не вершину ль горы я пометил
Пред раздукой шелковым платком?
Получил приказ я с Оренбурга
В армию идти, оставив дом.

Там они и распрощались.

Айбулат с восторгом рассказал матери о красоте, уме и чистоте Махубы. Сказал о том, что они договорились отпраздновать свадьбу, как только он вернется из армии. Рассказал он и о том, что байский сынок Кадергул из чувства зависти распустил слух о слепоте и безобразии Махубы. После этого он отправился на службу в Оренбург.

Стоило джигиту отправиться в путь, как к Махубе прибыли сваты. И каждый раз отец Махубы отправлял сватов назад со словами: «Махубу уже выдали за Айбулата и прочитали никах — обручальную молитву».

И все же находилось немало таких, что распространяли о Махубе и Айбулате всякие дурные слухи. В конце концов, видя, что девушку ничем не проймешь, они стали уверять ее в том, что Айбулат обманул ее и бросил навсегда.

Но Махуба опять тому не поверила. Решила сама побывать там, где служил ее джигит.

Получив согласие родителей, она села на коня и выехала в дальний путь. Едва выехав из аула, она переделалась, с мужскую одежду и спрятала волосы под шапку.

В Оренбурге она разыскала Айбулата.

Увидев Махубу в одежде джигита, Айбулат поначалу растерялся, а потом повел ее к одному из больших начальников.

— Ну, джигит, с чем пришел? — спросил начальник.

— Я не джигит, — отвечала Махуба. — Я жена вот этого воина.

С этими словами она сняла с головы шапку и распустила густые волосы. — Меня послал сюда отец Айбулата. Он в очень плохом состоянии, — продолжала она. — Он сказал: есть у меня завещание, которое я могу сказать только сыну, привезла бы ты его домой.

Начальник сказал:

— Молодец, что ты такая смелая и решительная. Уважаю волю отца, разрешаю на год увезти своего мужа. Но пусть на следующий год в это же время Айбулат сам явится на службу.

Вернувшись, назло всем недругам провели они большой пир в доме девушки. Потом три дня и три ночи праздновали на яйлау, где жил Айбулат. На том празднике Айбулат и Махуба пропели песню, которую они сочинили в дороге:

Саелмыш и гору Саукатау
Проезжали мы всем родом вместе.
Мы любовь цветущую свою
Пропоем в своей заветной песне.
Саелмышом, берегом реки,
На конях неслись мы над рекою.
На вершине Саукатау-горы
Поклялись мы жить одной судьбою.
Берег Саелмышы — белый камень,
Зелень трав — Сакмара берега.

В сердце у джигита пышет пламя,
Честь земли джигиту дорога.
В Оренбург я еду на коне,
Кровь джигита властвует во мне.
В Оренбурге шапку я сняла,
Облик свой дивичий приняла.

Однажды на рассвете Айбулат повел своего акбузата к Саелмышу на водопой. Махуба осталась возле юрты готовить завтрак. Она его ждала, очень долго ждала своего мужа, но он так и не вернулся. Стали беспокоиться и тесть с тещей. Тогда, не выдержав, Махуба пошла вслед за Айбулатом к реке, и там увидела его тело висящим на дереве.

Вконец встревоженные отсутствием молодых сошли к берегу реки родители Махубы, но оказалось, что она тоже умерла от разрыва сердца.

Молодых схоронили у подножья горы над берегом Саелмыша.

С тех пор и осталась песня «Махуба». Эту песню часто поют в Оренбургской области, на берегах рек Юшатыр, Ашкадар и Дим.

229. Калды

Много лет тому назад к дочери старика Альмета Малике явились, говорят, сваты от Габбас-бая.

— У моей дочки есть суженый по имени Мухтар, с которым она для парчения кусала уши¹. За него-то мы и собираемся выдать девушку. Хоть ты и сват большого человека, придется тебе отказать. — сказал свату отец Малики.

— Тот, кого называешь Мухтаром, зимою занят охотой, летом славляет плоты, с реки домой не возвращается, — возразил сват. — Живет впроголодь, одежду себе справить не может. Неужели хочешь погубить единственную дочь, выдав ее за голодранца, который не может самого себя прокормить? А выдашь за Габбас-бая, всегда будет ухожена, сыта, горя знать не будет. Да и сам всегда будешь спокоен, только и будешь, что по гостям ходить. К тому же сколько скота получишь за калым. Расходы по проведению свадебного пира бай берет на себя. Как ты можешь отказать от такого предложения?

— Богатство на месяц, говорили в старину, — отвечал старик Альмет. — Если я насильно выдам свое дитя за Габбас-бая, слезы ее на мою же голову обрушатся. Нет, не могу я выдать ее насильно.

— Да ведь такова жизнь девушек, — не отступался сват. — Сегодня она в руках родителей, подрастет — все равно перейдет в руки жениха. Поначалу всегда льются девичьи слезы, а потом все забывается. А Габбас-бай весьма почитаемый человек, в доме его постоянно гостят кантоны, старшины и разные прочие уважаемые люди. Он может одним сло-

вом уничтожить тысячу человек, так что не противься,— сказал сват и отправился домой.

И отец девушки согласился с его доводами. Поехал к баю и воротился со скотом, отданным за калым.

Услышав такую весть, крепко загорюнилась Малика. Чуть память не потеряла от слез и стенаний. Мало того, ее любимый джигит Мухтар ушел куда-то на заработки. Малика послала ему весть:

— Меня насильно отдают замуж за бая. Если любишь, немедленно возвращайся и спаси меня!

А тут и Габбас-бай прибыл на свадебный пир, и только Мухтара все не было. Долго ожидала девушка своего джигита, а потом потеряла всякую веру в его возвращение. Однажды решила она погулять по тем местам, где в детстве собирала борщевник. Она поднялась на каменную скалу, огляделась по сторонам и звонким голосом запела песню, мысленно прощаясь со своим любимым:

Маленькая лошадь скачет мелко,
Скачет мелко — скоро добежит.
С богачом отец пошел на сделку,
Как унять тоску своей души?

А в это время, горя огнем нетерпения, вернулся Мухтар, не найдя девушку. отправился по ее следам. В тот самый момент, когда Малика уже собиралась броситься со скалы, она услышала голос курая, на котором играл ее возлюбленный. Так она с ним и повстречалась. Девушка прильнула к его груди.

— Любимый,— воскликнула она,— богачи собираются тебя убить, ради бога, не показывайся!

Джигит отвечал ей:

— Чтобы избавиться от бая, имеется только один путь: жить должны или мы, или он. Ты живи себе дома, будто ничего не случилось. Я сам встречу бая. Собью его с коня и увезу тебя.

Он проводил девушку домой, сам же стал готовиться к рискованному делу.

Габбас-бай не заставил себя долго ждать. Когда в узком месте ущелья кони его замедлили ход, прямо в лоб бая вонзилась стрела. Другая угодила в самое сердце.

Спутники бая в смятении устремились назад. Джигит захватил байских лошадей и помчался к своему аулу.

Люди, аулчане Мухтара, ожидавшие прибытия богатого жениха, очень удивились, увидев джигита. А тот, не медля, посадил в седло свою возлюбленную и умчался вон. Уехали они неизвестно куда и стали там жить. После того случая девушка сложила песню, посвятив ее джигиту:

Гора осталась, ай, гора осталась,
Порастая желтою травой.
Мой любимый спас меня... А в скалах
Пал злодей, пробит его стрелой.

Калды-гора, ай высока́-высо́ка,
Там бродит зверь по скалам и камням.
С врагом джигит расправился жестоко —
Поверженный, злодей остался там.

И в ответ джигит пропел:

Далеко гора Калды осталась,
В сневе плывут ее края.
Чтоб вовек с любимой не расстаться,
На злодея руку поднял я.

Так в счастье и согласии жили молодые. И только Мухтар иногда мучился угрызениями совести от того, что поднял руку на другого человека.

Но самую большую тоску испытывали они от того, что не имели возможность вернуться в свои родные края.

С тех пор те места стали называться «Калды-тау», а песня, сложенная джигитом и девушкой, — песней «Калды».

230. Таганташ

В прежние времена сын одного бедняка полюбил дочь богатея. Девушка тоже любила джигита. Тот отправил сватов просить замуж девушку, на что бай потребовал большой калым. Но джигит был не в силах этого сделать. Он опять послал своих сватов. Тогда отец девушки ответил так: «Хорошо, я отдам ему свою дочь без всякого калыма, только пусть он построит дом на вершине Таганташа» (а гора Таганташ такая крутая — что тебе бревно! И подняться на нее можно только с одной стороны. Потому ее и называют Таган, или иначе — Таганташ).

Но во имя любви джигит решил во что бы то ни стало исполнить волю будущего тестя. В подножьях Таганташа нарубил он стволы лиственниц и сготовил из них сруб для дома. Затем поднял наверх самые толстые бревна для фундамента, сбив из них нижнее основание сруба. Узнав о том, бай подумал: «Если он поднял тяжелые бревна для фундамента, то верхние, более легкие, тем паче поднимет». Наутро он позвал одного из своих слуг-холуев и сказал ему так: «Когда джигит будет поднимать на Таганташ бревна, незаметно поднимись туда раньше его и перережь аркан». Холуй так и сделал, как велел ему хозяин. Горевший в огне своей несбыточной любви и делавший для этого невозможное, джигит пропал ни за грош.

Если верить словам старика, бревенчатый фундамент, заложенный джигитом на вершине Таганташа, сохранился до наших дней.

231. Кумыз

Это происходило в те времена, когда башкиры занимались разведением скота. У одного бая умер пастух, и остался у него сиротой сын по имени Бикбай. Прошли годы, и Бикбай стал крепким джигитом, на которого любовались все, кто его знал. Бай доверял ему пасти самых лучших своих лошадей.

В погожие летние дни парни и девушки частенько украшали своих лошадей, седлали их лучшими седлами и выезжали на широкое приволье, где буйно разрастался борщевник. Эти выезды превращались в настоящие праздники молодежи. Джигиты и девушки организовывали разные игры, пели, плясали, играли на курае. И особую прелесть в этих играх проявлял Бикбай, обладавший разными способностями. Однажды он сматерил себе кумыз из клена и научился играть на нем плясовые мелодии. Когда молодежь выезжала в поле, то пела и плясала под его кумыз. Вот инструмент Бикбая тогда и называли «кумыз», потому что парни и девушки выезжали на «кымызлык», так по-башкирски называют борщевник.

У бая были две дочери по имени Гульюзум и Гульсум. Обе они любили Бикбая, просили его сделать им кумыз. Бикбай играл им на своем инструменте, но кумыз делать не стал. Видя способности Бикбая, бай время от времени брал его с собой на городской базар. То, что Бикбай ходит с баем на базар, общается там с байскими дочерьми, раздражало других девушек. И потому во время выездов они пели, подзадоривая парня:

В того зайца не стреляйте,
Крови нет в нем, дорогая;
В того парня не влюбляйтесь —
Нищ и гол он, дорогая.
Чтоб плясать с притоном звонким,
Гладкий пол для ножек нужен.
На полу том гладком стол бы
Возвышался, грея душу.
На столе бы том стеклянном
Чаши тонкие звенели,
В чашах тех, в густой сметане,
Рыбы свежше бы мдели,
Чтобы рыбу ту разрезать,
Был бы ножпчек железный...

Как-то Бикбая пригласили на ийын. В то время, когда он играл на кумызе и все девушки плясали под его музыку, старшая дочь бая Гульюзум неотрывно на него смотрела. Бикбаю тоже нравилась та девушка. В знак своего расположения он подарил ей свой кумыз. Все это видела младшая дочь бая, и душа ее вспыхнула ревностью. Вернулась она домой и обо всем рассказала матери. Та сказала мужу, и бай пришел

в большой гнев. И решили они с женой выгнать Бикбая из своего дома. Призвали они к себе пастуха, а тот сказал, что смастерил кумыз не он сам, а старик по имени Бикбау, что у него он и научился играть.

С тех пор песню, которую играют на кумызе и которая широко распространена в народе, стали называть «Песня Бикбау».

232. Иньекай и Юлдыкай

Это произошло много-много лет тому назад. У бурзянского бия Каракулумбета была дочь-красавица по имени Иньекай. Она любила джигита из другого рода, которого звали Юлдыкай. Джигит тот принадлежал то ли к Кыпсакскому, то ли к Усергеновскому роду. Не раз посылал Юлдыкай сватов к Каракулумбету, но тот продолжал противиться, не желая выдавать свою дочь за чужеродца. И тогда Иньекай сказала отцу: «Если не дашь мне самой решать свою судьбу, то я или покончу с собой, или сбегу в род Юлдыкая». Задумался после тех слов Каракулумбет и решил отдать свою дочь за Юлдыкая. Устроили большой свадебный пир, из обоих родов собралось на него множество народа.

Состязались в скачках лошадей. На майдане боролись лучшие батыры. Стрелки-мэргэны спорили в меткости, а певцы и сэсэнны — в песне и остроловии.

Возле аула Кутан есть две горы по названию Курэй и Туйбага. На горе Курэй поднимали курэге*, потому гора и стала называться Курэй. А на горе Туйбага проводили свадьбу-туй, потому гора и имеет такое название.

Во время этого туйа и была сложена песня «Иньекай и Юлдыкай». И позднее люди имели привычку подниматься на горы Курэй и Туйбага и устраивать там празднества.

233. Ашкадар

У одного башкирского турэ была дочь-баловница. И еще был у этого бая очень близкий друг, без которого не обходилось ни одно дело, ни одно застолье. Он тоже был весьма богатым человеком. И у бая этого было двое детей — сын и дочь. Сын был на два года старше дочери.

* Курэге — бочонок для кумыса, медовки.

Он с детства рос вместе с дочерью турэ. А та была ровесницей его сестры, с которой родилась в один день, только одна родилась на рассвете, а другая — днем. Ввиду того, что дочь начальника родилась на рассвете, ее называли Танхылу (тац — рассвет), а дочь бая называли Кюнхылу (кюн — день). Сын бая родился в пятницу, и потому его называли Юмагулом (юма — пятница). Эти трое, точно дети одной семьи, играли, резвились и росли вместе. Летовали они в роскошных лугах долины Ашкадара, выстранвая курты и вновь переноса их на новое место.

Подрастали дети. Когда девушке исполнилось четырнадцать, а Юмагулу — шестнадцать лет, в душе Танхылу и Юмагула пробудилась любовь. Они изливали свои чувства в песне. Задушевной певицей была Танхылу. Нередко, доя кобылиц и глядя на привязанных жеребят, она уподобляла им себя, якобы находящуюся в неволе у родителей, душа ее переполнялась волнением и тоской и исторгалась обильными слезами.

Так как Юмагул родился в пятницу на берегу реки Ашкадар, он часто употреблял в своих песнях слова «пятница — юма» и «Ашкадар».

Восторги, которые вызывали у Танхылу красоты ашкадарской долины, проливались у нее протяжными песнями:

Спускаются лошади разных мастей
С гор, что вздымаются над Ашкадаром.
Солнце сбегает от рати ночей
И наливается медленно жаром.

Волнения дочери почувствовал и отец. Поняв, что в сердце ее поселилась любовь, он решил обо всем разузнать через жену своего младшего брата Кусярбая. Немного потребовалось времени, чтобы жене Кусярбая Якшибике узнать, кого любит Танхылу. Хоть турэ и намеревался отдать свою дочь за сына человека, не менее богатого, чем он сам, все же желание своей дочери он ставил выше собственных намерений. И потому он рассказал обо всем отцу Юмагула. В то время Танхылу было восемнадцать, а Юмагулу двадцать лет. В мае месяце отпраздновали пир никаха — обручения. В прежние времена у башкир после никаха невесту сразу же не провожали в дом жениха. Для этого должно было пройти порядочно времени.

Однажды, когда пришла пора зимней охоты, Юмагул сел на своего гнедого и отправился на охоту. Там Юмагул увидел на противоположном берегу выдру, устремился за ней, но в середине реки лед под ним подломился и он провалился вместе с конем. То, что Юмагул несколько дней подряд не возвращался с охоты, насторожило родных и близких. А там и пришла весть о его смерти. Танхылу очень тяжело переживала эту утрату. Девушка, с детства росшая безмятежно в играх и развлечениях, услышав о гибели возлюбленного, лишилась сознания. Горе обещанных семей, их стенания и плач, кажется, сотрясали само небо. Все вокруг было объято горем-тоской. Придя в себя, Танхылу долго не могла успокоиться, все обливалась горячими слезами. Как-то она сказала отцу, что хотела бы собрать вместе всех своих подружек и повеселиться. Через пастуха вызвали всех девушек, что находились в поле. Танхылу стала умолять их сочинить песню, посвященную Юмагулу.

И тут были исполнены песни, которые могли вылиться только из сердца башкира. Но ни одна из них не пришлась по душе Танхылу. И тогда, роняя кипящие слезы, исполненная дум и вдохновения, спела она песню на мелодию сегодняшнего «Ашкадара», изумив ею своих подруг:

Уехал он с рассветом на охоту
На Ашкадар стрелять бобров стрелой,
И утонул там, провалившись в воду,
И смолоду осталась я вдовой.

. . . . .

Танхылу, которая до тех пор никогда не переживала такого горестного потрясения, не выдержала этого. Благоухающее, как цветок, лицо ее завяло, глаза ввалились, пальцы потеряли свою нежность. Совершенно обессилев от горя, она перестала вставать с постели. Родители поддерживали теплившуюся в ее теле жизнь, освежая водой спекшиеся губы. «Видно, так она решила сдержать свое обещание, данное Юмагулу», — решили они, предвидя ее скорую кончину. Однажды рано утром она надела на себя сразу пять платьев, не тронутых ни единым пятнышком, и молча ушла к могиле Юмагула.

234. Карасяс

Много лет назад у одного бедняка, что жил на берегу Агидели, был сын по имени Байгужа.

Байгужа отличался от своих сверстников сообразительностью и редкой проворностью. Еще подростком стал он искусным кураистом, а к тому моменту, когда превратился в джигита, мастерство его еще более возросло. Где веселится молодежь, там и Байгужа. Он был зачинщиком всех таких игр и веселий. И не только среди своих односельчан. Когда в соседних аулах собирались на игры или сабантуй, Байгужа опять же был в самом их центре.

Однажды во время сабантуя Байгужа наведалься на состязания девушек по пению и пляске. Тогда впервые в круг вышла девушка из соседнего аула по имени Карасяс. Стоило Байгуже начать наигрывать на курае, как та стала напевать песню. Постепенно голос ее креп и мужал и зазвучал с такой задушевной силой, что весь народ диву дался. Ее просили спеть еще и еще раз. В конце концов первый приз достался Карасяс.

После певиц в спор вступили плясуньи. Снова Байгужа заиграл на курае, и снова Карасяс откликнулась на его игру, закружилась по кругу.

В том, что девушка и в пенин, и в пляске завоевала первенство, была немалая заслуга Байгужи. После этого слава Карасяс и Байгужи разошлась далеко кругом.

Однажды отец джигита позвал к себе сына и сказал так:

— Байгужа, ты уже выходишь из возраста джигита, пора стать семейным человеком.

— Не смею перечить слову родителей, — ответил Байгужа. — Возьмите мне в жены эту прославленную Карасяс.

Устроили свадебный пир. Привезли невесту. Затем Байгужа и Карасяс отделились от родителей и стали жить на новом месте.

Когда растаяли снега и закончились деревенские весенние работы, Байгужа простился с женой Карасяс и подался на Агидель к плотогонам.

Плотогоны спускали в воду заготовленные за зиму бревна и сами отправлялись вслед за ними. Когда бревна вязли в грязи, песке и иле, они цепляли их баграми и сталкивали в воду. При этом они возбуждали и разжигали себя песней, оставшейся от поколений, переходившей от одних плотогонов к другим:

Айхайлюк, трайляйлюк да, хоп,
Сосна не идет со сна да, хоп,
Не оставим ее — ведь весна, хоп,
Гони, гони, сплавай!..
Сосна не идет со сна да, хо-о-оп!..
Нельзя оставлять — ведь весна, х-о-оп!..
Толкай сосну, чтобы шла, х-о-оп!..
Сосна, как свинец тяжела, х-о-оп!..
Тянем-потянем, коль не идет, хо-о-оп!..
У сосны тягучий ход, хо-о-оп!..
Хо-о-оп!..

Когда солнце опускается низко к горизонту и сгущаются сумерки, у плотогонов начинается веселье. Один из плотогонов говорит: «В нашей стороне есть «таритляу» — прибаутка такая», — и бросается в пляс под собственный частушечный напев:

Где дари-дирян,
Тири-дари-дирян,
Тиря-раттил-литирян,
Тари-тари-тирян,
Тари-рител-литерян,
Тари-рител-литерян,
Пять копеек — шкалпк,
Закуска — сухарик,
А бутылка — сорок,
Ней без лишних споров!

— Если у вас есть такой «таритляу», то у нас есть «дингелдяу», — подхватил другой плотогон и тоже пустился в пляс под собственный напев:

Дингел-дингел-дингелляу,
Дингел-дингел-дингелляу,
Дилля-дилля-дилляляу,
Дилля-дингел-дилля-дяу.

Так мы сделаем, друзья,
Этак сделаем, друзья,
Оградимся древесиной,
Заживем всю, друзья.
Там обломочек плетня,
Тут обломочек плетня,
Перстень дареный на пальце —
Смотрит прямо на меня.

Когда плотогонны гнали свои плоты прямо по реке, подбадривая себя такими песенками и плясками, случился на пути их затор. Сталкиваясь друг с другом, бревна вставали на дыбы, наползали друг на друга, образуя целые горы.

Плотогонны принялись разбирать одно такое нагромождение, освобождать бревна от затора. В это время на берегу реки собрались люди, живущие в прибрежных аулах, подшучивали над плотогоннами, сочиняли в их адрес озорные куплеты. Когда те работали в полную силу, подбадривали их дружными криками, а стоило кому залениться, начать работать вразвалочку да с неохотой, сейчас же раздавались насмешливые голоса, летели ехидные словечки.

В свою очередь, плотогонны тоже не оставались в долгу и отвечали им тем же, а потом заводили свое знаменитое «хоп!», «хоп!»:

Айхайлюк, трайляйлюк да, хоп,
Гульямал, Минлеямал, хоп,
Словом бьешь, как оплеухой, хоп,
Не идет сосна-старуха, хоп,
Не идет она со сна,
Не оставим, ведь весна, хоп,
Толкай сосну, чтобы шла, хоп,
Сосна, как свинец, тяжела, хоп,
Толкай, чтоб свой ход нашла, хоп!..
Белый платок, голубая шаль, хоп,
Жизнь прошедшую нам жаль, хоп,
Факия, Фатима да, хоп,
Не проспи весну сама, хоп.
Гульгуна ты, Гульгуна, хоп,
Ты любовь моя одна, хоп!
Дерево-сосна несется, хоп,
Вновь любовь уж не вернется, хоп!
Старик Егор, держи багор, хоп,
Старик Гафур, тини багор, хоп!

С шутками-прибаутками, куплетами да частушками расшуровали плотогонны затор и пустили бревна тем же вольным ходом вниз по реке.

Вдруг во время веселого переполюха раздался испуганный голос: — Кто-то тонет, спасайте скорее!

И действительно все увидели чью-то барахтающуюся фигуру под бешено несущимися бревнами. Собравшиеся на берегу клокочущей реки вмиг онемели. После долгих поисков на берег вытащили бездыханное тело Байгужи. На том месте его и похоронили друзья-плотогонны, простившись с ним и двинулись своим путем.

Несколько лет Карася жила вдовой, хотя чуть не каждый день ей наседали женихи да сваты из окрестных аулов. Но каждому из них молодая вдова давала от ворот поворот. И все же один мужчина, кото-

рый знал Карасяс очень хорошо, сам приехал к ней и обратился к ней:

Мужчина говорит:

Косы черные мне приглянулись,
Ты сожгла мое сердце дотла.
Все три свата обратно вернулись —
Ты молениям моим не вяла.

Карасяс ему отвечает:

Не отказывала твоим сватам,
Обещанье стыдилась давать.
Пред тобою ли я виновата,
Коль не девушка, чтоб обещать?

Мужчина говорит:

Чую всюду твое притяженье
В солнценок, дождь промозглый и снег.
Коль ты примешь мое предложенье,
Будем жить мы в согласье весь век.

Карасяс отвечает:

Если сам пожелал этой встречи,
Отчего за порогом стоишь?
Источаешь красивые речи,
С непритворной любовью глядишь.

Мужчина говорит:

Коль с дороги я сброшу одежду,
Буду ль в доме твоём люб и гож?
Если муж будет в доме прилежный,
Век свой женский легко проживешь.

Карасяс отвечает:

Я во сне тебя видела с вестью,
Что придешь ты в сторонку мою.
Загадала приход твой — и здесь ты...
Я тебе обещанье даю.

Вдовец женился на вдове, справили они свадебный пир и нашли друг в друге новое свое счастье, стали жить в мире и согласии.

235. Камиля

В пору моего детства у нашего аульского бая старика Исмагила была дочь-красавица по имени Камиля. Все джигиты округи загляды-

вались на ту Камиллю. Многие просили ее руки, но всем подряд отказывала Камилля.

Прежде родители не спрашивали согласия дочери — отдавали за того, кто их устраивал. Старик Исмагил, напротив, каждый раз узнавал желание Камилли.

Едва просохла земля и вода вошла в свои берега, аульский люд перебрался на Ханыбайтал. Так назывался наш яйлу. Прямо посередине большой поляны, где расположились кочевые юрты, протекала река. Отец Камилли, обыкновенно, располагал свои юрты по ту сторону реки. Быстро проходит время на яйляу. Едва опускаются сумерки, малышня валом валит на ближайшую гору и резвится там до самой ночи. Кто скачет на лошадях, кто хватается за пояс, а кто тянет на курае известные ему мелодии. Молодые джигиты старались показать перед Камиллей свое превосходство над другими. Но девушка не обращала на них никакого внимания. У нее всегда был замкнутый и грустный вид. И сама она вечно пребывала в одиночестве. Ее ровесницы-подруги давным-давно повыходили замуж и детей нарожали, и только Камилля оставалась одна-одинешенька. И никто не знал, что тому было причиной.

Когда поспевали ягоды, малина, земляника, старухи начинали за ними ходить с берестяными ведерками. Некоторые старухи, чтобы не делиться известными им местами, выходили одни. Встанут чуть свет, пока люди спят, уйдут незаметно и возвращаются затемно.

Однажды старуха Базый увела Камиллю по ягоды. Чтобы девушка ни о чем не заподозрила, всю дорогу вела разные разговоры. «Вот, доченька, — говорила она, стараясь разжалобить Камиллю, — состарилась я, скоро придет пора умирать. Про тот малинник, который я знаю, никто другой в ауле не знает. Вот и хочу я тебе показать...»

Добрались они, а малины так много, что кусты под тяжестью плодов до земли прогибаются. Когда стали заполняться теса, сказала старуха: «Я сейчас вернусь, доченька, а ты пока посиди», — и с тем отправилась к ближайшему леску, а Камилля осталась собирать малину. Порядком времени прошло, а старухи все нет и нет. «Бабушка Базый! Бабушка Базый!» — стала кричать девушка, а старуха все не появляется. Испугалась девушка. Воротилась бы домой, да не знает, куда идти — заблудилась в кустарнике.

Вдруг совсем рядом раздался топот копыт. Обернулась Камилля, и видит на коне разбойника, укрывшего лицо покрывалом. Так и упала Камилля без сознания. А тот человек, не сходя с седла, поднял с земли Камиллю и уехал.

Через некоторое время вышла из лесу старуха Базый, произнесла с облегчением: «Уф, алла, спаслась наконец! Отныне, ей-богу, ногой не ступлю в этот малинник», — и с тем отправилась домой.

Оказывается, в тот приход сюда беглец-разбойник схватил ее здесь и пригрозил: «Если не приведешь мне красивую девушку, убью». От страха старуха ему и пообещала.

Так исчезла Камилля. На ее поиски вышел весь аул. Искали повсюду, но найти так и не смогли. Кто мог подумать, что это старуха Базый увела ее обманом и предала в руки беглеца-разбойника? Или утонула,

или убежала куда-нибудь, или в лапы какого зверя угодила, решили люди. Что ни говори, странная девушка была эта самая Камиля. И постепенно в ауле стали забывать про невесть куда исчезнувшую девушку.

Осенью, когда дохнули холода, народ опять перебрался в аул на зимовку. Резали скот на зиму, ходили друг к другу в гости.

Однажды к вечеру у задних ворот старика Исмагила остановилась какая-то лошадь. Стоило ей остановиться, с седла сполз на землю всадник, сидевший на ней. Немое, точно мертвое тело. Лошадь обнюхала тело своего хозяина и пронзительно заржала. Отчаянно залаяла собака Исмагила. На лай вышли из дома, смотрят — а это лежит на земле Камиля. Сильно похудевшая, с впалыми глазами и подурневшим лицом. Говорят, даже с седыми прядями в волосах. Лежала Камиля и чуть слышно глухо стонала. «Камиля! Камиля! Доченька моя, вставай!» — запричитала мать, но у той не было сил подняться на ноги. Тогда старик Исмагил поднял ее на руки и занес в дом.

Только на другой день пришла в сознание Камиля. Пришла в сознание, но ничего толком не могла сказать или что-нибудь объяснить. И только по прошествии недели, окончательно придя в себя, смогла она рассказать, что с ней приключилось.

Пригласил Исмагил-бай старуху Базый и стал ее подробно расспрашивать. Та затряслась от страха и только и знала, что бормотать молитву. «Ну, рассказывай, юха!»* — воскликнул Исмагил и огрел ее камчой. В ярости он безжалостно избил старуху, пока она тут же не растянулась. Никто ничего не сказал в защиту старухи. Наутро она отдала богу душу.

Но и Камиля уже не могла стать прежней цветущей девушкой. И прежде замкнутая, одинокая, она теперь и вовсе перестала показываться на глаза людям. Были такие, что видели, как на рассвете Камиля сидела на камне, что на вершине горы, и грустно напевала какую-то песню. Пожелтевшая, вечно скорбная и молчаливая, дождала она начала зимы. А затем вновь исчезла. Сказали, что она бросилась со своего камня в проходящую по реке шугу.

Позднее люди стали называть тот камень «Камнем Камили». Многим также известна песня, которую поют в наших местах. Она тоже — про Камилю:

От кудрей тальниковой лозы
Вся гора Иньеркай — словно медная.
От коварства старухи Базый
Смерть нашла Камиля наша бедная.

---

* Юха — мифическая змея. В перен. знач. очень коварный человек.

236. Судьба Кюнхылу

В старину жил на свете скупой и ненасытный бай по имени Абдулла. У него были сотни ульев, множество скота. Бай тот отличался скупостью и злым характером.

Однажды Абдулла-бай отправился в сторону гор на поиски шестой молодой жены. Подстерег он одну красивую девушку по имени Кюнхылу, что возвращалась с водой от ручья, и сказал ей так:

— И-хи-и, сама такая красивенькая, что же ты себя губишь-то? Завтра же пришло сватов, выходи за меня замуж.

Испугалась Кюнхылу и бегом припустилась домой.

На другой день и в самом деле явился сват. Позарившись на пуд меда и грудинку мяса, что прислал ему Абдулла-бай, отец Кюнхылу продал ему свою дочь.

Проходили дни, и Кюнхылу постепенно стала привыкать к байскому дому. Только старшие жены бая не давали ей жить спокойно. И оттого Кюнхылу с каждым днем иссыхала, пожелтела, часто плакала, тоскуя по родной сторонке, по матери и отцу.

Однажды бай уехал в город по своим делам. И тогда смелая мысль пришла в голову Кюнхылу. Стоило ее мужу уехать, как она села на резвого буланого коня и умчалась в родные края. Вскоре вернулся домой Абдулла-бай и, почуввав в чем дело, тут же пустился вдогонку за беглянкой. Он догнал Кюнхылу возле самой ее деревни. Только хотел он ухватить повод ее коня, как она, резко развернувшись, поскакала на гору. Затем быстренько спешилась, поднялась на самую высокую вершину горы и прыгнула оттуда вниз. Позднее люди нашли ее тело, принесли его в аул и по всем правилам предали его земле.

После того, как произошла Революция и установилась Советская власть, аулчане спровадили Абдулла-бая в тюрьму и все его богатство взяли в свои руки.

237. Сабира (Ез укэ) *

В стародавние времена жила в одном ауле очень красивая девушка по имени Сабира. Она имела привычку носить расшитые узорам сапожки на медных каблучках. И две ее длинные косы достигали земли. А сама Сабира была отменной невидцей и плясуньей.

* Ез укэ — медные каблучки.

Однажды в ауле, где жила Сабира, появился джигит из соседнего аула, имея виды на женитьбу. Когда он в третий раз гарцевал вдоль по улице, кто-то бросил в него из-за ограды снежком. Джигит метнулся к ограде и видит: невиданной красоты девушка сминает в руках новый снежок. Увидел ее джигит и зашел:

Я по улице скакал —
Ты снежком метнула.
Тот снежок в меня попал
И огнем дохнул он.

Сабира не осталась в долгу. Она тоже ответила ему песней:

Вдоль аула проезжая,
Отчего узду стянул?
Отчего, мне угрожая,
За ограду заглянул?
Раз взглянул и два взглянул,
Пламя в сердце мне вдохнул.

На другой же день джигит прислал сватов, прося за себя девушку. Но отец Сабиры не захотел отдавать за него свою дочь-красавицу. Тогда джигит во второй и в третий раз заслал своих сватов. В последний раз велел передать отцу: «Если не отдашь свою дочь, я все равно ее выкраду». Что было делать? Родители решили согласиться.

Большой пир устроили, байгу организовали. Взрослые лошади состязались на дальнее, а стригунки — на малое расстояние. Спорили и в борьбе, и в беге. Пели песни, сочиняли озорные такмаки. Сабира и сама плясала от души. Сама пляшет, сама поет.

Ах, зачем узду стянул,
На меня зачем взглянул?
Раз взглянул и два взглянул,
Пламя в сердце мне вдохнул?..

С тех пор ее песня разошлась в народе под названием «Сабира-кай». В некоторых аулах эту песню знают под названием «Медные каблуки».

238. Юлготло

Юлготло с малых лет был живым и резвым мальчиком, рос не по дням, а по часам, и вскоре стал настоящим джигитом. Отец с детства приучил его к охоте.

Однажды на охоте встретились ему две красивые девушки.

— Что вы здесь делаете? — спросил у них Юлготло.

— Ягоды собираем, — отвечали те. — А ты сам что делаешь?

— А я охочусь. Лисиц стреляю, зайцев ловлю.
— Возьми, съешь ягоды,— сказали девушки.
— Мне не нужны ваши ягоды, вы мне сами нужны,—произнес Юлготло и схватил одну из девушек. Другая в страхе бежала в аул.
Юлготло привел девушку к себе домой. Аульский люд собрался, чтобы вынести им свой приговор. Девушка сказала:
— Я от него не отстану.
Там же и обручили молодых, дав свое благословение. С тех пор пошла песня:

В небе мрак рассеялся ночной.
Вышел Юлготло на плес речной.
На охоте, погружен в печаль,
Двух красавиц в поле повстречал.
Я б при виде девушек бежал,
Да от страсти нежной задрожал.
Девушка взяла меня в полон...
Приговор свой вынеси, кантон!

С тех самых пор песня эта стала называться «Юлготло».

239. Токан-батыр

Токан-батыр был очень силен в борьбе. В целом уезде никто не выходил против Токана, никто не мог свалить его. В это время кантонным начальником был Абдулла Колоевич. Этот кантонный начальник увез с собой Токана на ту (западную) сторону Уральского хребта. Там был очень богатый кантонный начальник, у которого был очень большой ростом борец: рост его был три аршина. С ним Токан боролся. Тот трехаршинный борец сказал: «Ты разве не боишься бороться со мной?» Токан сказал: «Человек человека не боится, человек боится аллаха». После этого они очень долго боролись. Токан-батыр поднял и ударил оземь того трехаршинного человека. Тот сказал: «Давай опять бороться!» Токан ответил ему: «Настоящий мужчина не будет бороться второй раз». А тот трехаршинный человек не отпускает его: «Давай, дескать, снова бороться!» Оба кантонных начальника сказали им: «Оба они — львы, оба вместе и погибнут» и не позволили им снова бороться. После этого трехаршинный человек очень рассердился, притащил восьмиаршинное бревно. Токан взял и отбросил бревно.

240. Аласабыр

В прежние времена в ауле Альтяшле жил бедный старик по имени Бурюк. У того старика был очень резвый скакун-иноходец, который на самых больших скачках не давал обойти себя никакой другой лошади. Масти Аласабыр был пегой-ала, и потому старик Бурюк дал ему такую кличку. Аласабыр — значит пестрый, пегий. Молва о том иноходце шла далеко, о нем знали повсюду и говорили с похвалой и восхищением. Знали даже казахи, что жили на берегах Яика.

Однажды в Оренбурге состоялся большой сбор — зинн. Каждый род послал на тот зинн своего батыра. А на скачки были отправлены лучшие скаковые лошади. Старик Бурюк тоже посадил своего сына Зулькарная на Аласабыра и отправил на празднество.

Перед большой скачкой старики-прорицатели, знатоки лошадей, внимательно осмотрели прибывших лошадей, и после осмотра сказали так:

— На этот раз выделяется лошадь, что прибыла с берегов Агидели. Вряд ли какая другая лошадь сумеет ее обойти. Только никто не знает, что это за скакун.

Когда лошади выстроились перед скачкой, богачи пошли на обман, распустив слух, что бега отменяются из-за позднего времени.

Ни о чем не подозревая, Зулькарнай привел коня туда, где остановился, и дал ему овса. Воспользовавшись этим, богачи внезапно изменили свое решение, и землякам Зулькарная пришлось искать его по всему городу. А когда нашли, то увидели, что тот спокойно пьет кумыс.

— Не стой, скачи на своем Аласабыре! — стали настаивать земляки.

— Не выйдет, — отвечает им Зулькарнай. — Я успел его напоить и дать овса. Он сгореть может.

Все же кое-как Зулькарная удалось уговорить.

После того, как с условленного места лошади начали бег, Зулькарнай с самого начала не давал Аласабыру скакать в полную силу — постоянно придерживал его, крепко стягивая узду. Но иноходец его был своенравным животным, он ни за что не хотел отставать от своих собратьев, и вскоре обошел их всех одного за другим. На половине пути он стал задыхаться, затем споткнулся и повалился на землю. Зулькарнай полетел через его голову. Полежав некоторое время, Аласабыр снова вскочил на ноги и продолжал скакать вслед за промчавшимися лошадьми, вновь их обошел на несколько корпусов и без седока первым ворвался на майдан, тем самым поразив всех собравшихся. Гул удивления и восторга, ахи и охи пошли по толпе: «Чей это скакун, чья лошадь? Откуда она появилась? Из какого рода?..»

И вот привели упавшего с коня Зулькарная. Смотрят на него люди: довольно плохо одетый джигит-бедняк. От стыда он не мог поднять

головы, стоял, поникнув, возле своего коня. Купцы, что приехали с бухарских краев, громко восхваляли его иноходца и вешали на шею коня разноцветные шелковые ленты в знак признания его превосходства. А купцы, приехавшие со стороны Макарьи, водружали на спину Аласабыра дорогие товары. Перед Зулъкарнаем бросали деньги и разные ценные вещи — словом, творились чудеса да и только. Аласабыра с головы до ног укутали в шелка.

А бай там же стали придумывать козни да всякие хитрости. «За чем этому бедняку такой скакун?» — сказал один. Другой подхватил: «Я дам ему за него пятнадцать лошадей». А третий, казахский бай, заявил: «Я отдаю за этого иноходца табун своих лошадей, сверх того отдаю отару овец».

Вконец обомлевший от тех разговоров Зулъкарнай не стал долго раздумывать — взял да и продал Аласабыра. Вернулся домой, погоняя табун лошадей и отару овец. Старик Бурюк не стал гневаться на него за это, ибо ему, бедняку, все эти богатства пришлось весьма кстати.

Зато заговорили старики-прорицатели:

— Аласабыр был красотой и душой лошадей. Долина Агидели не смогла уберечь ту красу. Теперь наша краса ушла от нас невесть куда в сухие бескрайние степи. Но не может быть такого, чтобы во всей агидельской долине не вышел скакун, не уступающий Аласабыру. Если такой конь найдется и наши люди смогут бережно его сохранить, краса (кот)* наших лошадей снова вернется в наши края.

Старики знали, что порода Аласабыра имеет очень далекие корни.

Говорят, в очень древние времена за горой Кафтау проживал прославленный на весь мир царь. Тому царю поклонялись не только люди, но и животные. Однажды царь бродил по своим лесам и горам, по долинам своих рек и случайно набрел на какое-то озеро. И увидел он косяк удивительных лошадей, пришедших сюда на водопой. До сих пор царь никогда не видел таких животных, и потому долго в изумлении взирал на тот косяк. Едва завидев владыку, лошади со ржанием унеслись в свои степи.

На другой день царь снова направился к тому озеру, и снова увидел все тех же лошадей. И опять они попили воды из озера и унеслись в свои раздольные просторы. На третий день повторилось то же самое, и царь вновь проводил взглядом уносящихся лошадей.

Царя пленила красота лошадей: все как один были они пестрыми, пегой масти. Белое пятно на лбу, белые бабки, все одинаковы ростом, из мелкой породы. Но попробуй-ка их поймать! А почему? Да потому что они — из потомков крылатых тулпаров. Их не могли догнать самые стремительные скакуны. Так что надеяться их настичь и поймать не имело смысла. Только один хитрый и сметливый человек мог это сделать. И потому царь повелел найти того хитреца и привести его к нему. Когда хитреца привели к царю, тот приказал ему во что бы то ни стало поймать одного из чудесных крылатых коней, иначе, сказал он, прощайся с жизнью.

---

* Кот — жизненная сила.

Ночью тот хитрый человек пошел к тому озеру и бросил в воду много снотворного зелья. К полудню следующего дня косяк пегих лошадей по привычке спустился к озеру на водопой. Утолив жажду, лошади хотели было уйти восвояси, но голова у них вдруг закружилась и они стали кружить и топтаться на месте, не в силах уйти в свои луга и степи. А знаменитый хитрец переловил их всех одну за другой и привел к царю во дворец. Лошади пришли в себя только в тот момент, когда оказались перед царем. Но они не стали клонить перед ним головы, как это делали все другие их собратья. Крепко разгневался на них за это владыка, и приказал он зарезать тех удивительных лошадей и выбросить их мясо в дикие степи на съедение хищным зверям — пустынным волкам и шакалам, кровожадным тиграм. И лошадей стали резать одну за другой. И только две из них — жеребец и кобыла — ухитрились перемахнуть через высокую каменную ограду и бежать в свои степные края. Но они не остались в прежних местах. Преодолев множество земель — степи и пустыни, леса и горы, реки и моря, добрались до уральской земли, и стали плодиться да размножаться в долинах Большого Идея, Агидели, Карандели (Уфимки), Яика. Пасутся они на побережьях Волги (Большого Идея) и Агидели, в лощинах и стремнинах Уральских гор; с наступлением зимы они переходят через Яик и уходят в бескрайние просторы степей на тебеневку. Эти лошади время от времени присоединялись то к казахским, то к башкирским мирным табунам. Так что красу свою лошадиную переводили то на казахскую, то на башкирскую стороны. Постепенно их стали вылавливать короком (лассо) и приручать.

С уходом последних лошадей за гору Кафтау, там не стало лошадиной красоты. Исчезла начисто лошадиная порода. Проживающий там народ уповал только на верблюдов да ишаков.

Аласабыр, который выиграл большие скачки в Оренбурге, как раз происходит от тех двух пегих лошадей, что навсегда покинули владения жестокого царя.

После этой лошади в ауле Альтешле, что в Кальчир-Табынове, рождались и пегие, и саврасые жеребята. И только не рождались такие скакуны, как Аласабыр. А причина была в том, что Аласабыра, оказывается, никак нельзя было обменивать на табун лошадей и отару овец. Оказывается, если в погоне за скотом один раз упустишь лошадиный кот, то он никогда уже не возвратится вновь.

241. Иноходец Саптар

(Саптыр юрга)

В прежние времена проживал очень богатый человек по имени Энтеу. И был у него сын по имени Кюнтеу. У бая было множество лошадей. Среди них особой славой пользовался иноходец по кличке Саптар.

Во всей округе не было другой лошади, которая могла бы обойти его в скачках. Поэтому не было человека, который не заглядывался бы на того иноходца.

Пришел день, и умер Энтеу. Все его богатство, весь скот остались сыну. С десяток мулл пришли в дом покойника, чтобы прочитать еназу — заупокойную. Они сказали Кюнтеу:

— Продай своего иноходца, иначе не станем читать еназу.

Что было делать Кюнтеу — отец-то дороже иноходца, согласился он.

Энтеу похоронили.

Весть о том распространилась по всей округе. Со всех сторон собрались баи, чтобы взглянуть на иноходца. Один купец, не считаясь с ценой, купил Саптара. Ударили по рукам. Вместе со своими людьми купец прибыл в дом Кюнтеу. А иноходец Саптар в это время гарцевал за невысокой оградой. Забросили корок*. Но иноходец не дал себя поймать, перемахнул через ограду и ускакал в степи. Долго искали его, но так и не могли найти. Не зная, что предпринять, тот самый купец объявил во всеуслышание:

— Тот, кто сообщит, где находится иноходец, тот получит отменный подарок.

Кто-то заметил иноходца и сказал об этом купцу: так, мол, и так, иноходец находится на берегу реки прячется за навесом. По вечерам он пасется, а к рассвету опять уходит в свое укрытие.

Пришли люди и окружили укрытие коня. Забросили корок, но иноходцу опять удалось избежать аркана, опять он сбежал и ускакал неведомо куда.

Через какое-то время иноходца снова отыскивали. Снова пытались схватить, и вновь удалось Саптару вырваться из рук ловцов.

В конце концов тот купец стал преследовать его с полусотней всадников. Иноходца прижали к склону горы. Видя, что деваться некуда, иноходец несколькими прыжками одолел склон горы и оказался на ее вершине, откуда прыгнул вниз.

Жалея Саптара, сложили песню. С того и осталась песня «Саптар-юрга».

242. Кунгыр-буга

(Буренка)

В далекие времена со степной стороны в лесные края угодила невеста по имени Канифа. Вместе с ней пришла и бурая корова — Кунгыр-буга. Спустя девять лет бурая корова Канифы, не прижившись

---

* Корок — лассо.

в лесном краю, ушла в родные степи, прихватив с собой девятерых своих телок. Хозяйка пошла их искать. Идет она, и сама тоскливо напевает:

Кунгыр-буга, где ты?
Кунгыр-буга, где ты?
Девять телок вместе с ней
И ошейник, словно змей.
Кунгыр-буга, хау-хау-хау,
Кунгыр-буга, хау-хау-хау.

Дорога, по которой шла Канифа следом за своей скотиной, тянется по Уральским хребтам. Ее называют дорогой Кунгыр-буга. Иногда называют и дорогой Канифы.

243. Пчел много, а меду мало

В Тамьян-Катайском кантоне (Белорецкий район) лет сто тридцать тому назад жил башкир Ибрагим. Занимался он бортничеством. Жалили его пчелы, но он терпеливо переносил боль и весь в укусах ходил. Сам мед ел и в обмен на железо носил на Белорецкий завод. Тогда башкирам кузницы иметь не позволялось. Царица Елизавета Петровна специальный указ об этом издала, чтобы башкиры не могли делать оружия.

Белорецкий завод тогда называли Идельбаш. Сюда менять мед приходил Ибрагим. Был на заводе управитель Яков. Он уговаривал Ибрагима поступить на завод: «Будешь хорошим железодельцем». Согласился Ибрагим и стал работать в кричном цехе.

В цехе стояла страшная жара. Летали огненные пчелы и больно жалили тело Ибрагима. Долго терпел он эту огненную боль. Но когда Яков дал ему заработок — горсть медных монет, Ибрагим бросил монеты под ноги управителя и отправился в свой аул.

Яков спрашивает: «Чего ж ты, Ибрагим, уходишь?» Ибрагим ему отвечает: «У вас пчел много, а меду нет».

Было это в 1836 году.

244. Шуба Салихи

Заболел как-то царь-государь Российской империи. По всякому пытались его лечить, но не действовали на него никакие лекарства

и снадобья. Не оставляла болезнь батшу. И вот осмотрел его один ученый знахарь и дал такой совет: «Найди двух черных кобылиц; их молоко тебя исцелит».

Царь приказал немедленно найти таких кобылиц. Ответственное поручение — лечить и исцелить царя — пало на плечи сына Мамбетбая майора Исянгула. А причина была такая: майор Исянгул верой-правдой служил императорскому двору, пришлось по душе генерал-губернаторам. К тому же был образованным человеком. Вот почему излечение царя башкирским кумысом было поручено именно ему. Майор Исянгул запряг в повозку двух жеребых черных кобылиц, захватил с собой бабку свою Салиху и отправился в столицу России город Петербург.

Едва добрались они до царского дворца, как Салиха тут же подолгла кобылиц и взбила кумыс в узком жбане. В летнюю благодатную пору, в самый погожий месяц, когда пышно и светозарно растут травы, кумыс может исцелить от множества болезней. Благоприятно воздействовал он и на больного царя. Постепенно он поднялся с постели, встал на ноги, а потом и вовсе выздоровел. А между тем шустрые дочери царя, зануздав кобылиц, учились ездить верхом.

Башкирской женщине Салихе, исцелившей государя, тот подарил превосходно сшитую, украшенную жемчугами и сердоликом, увенчанную золотыми и серебряными монистами бобровую шубу. А Исянгулу за верную службу Отчизне вынес письменную благодарность и выдал денежное вознаграждение.

Чтобы и в дальнейшем пить этот целебный, вкусный, крепящий тело и возвышающий дух напиток, царь специально завел при дворе жеребых кобылиц и содержал при них слуг и работников.

Майор Исянгул и старуха Салиха покинули Петербург и отправились на свою родину. Роскошную шубу, подаренную царем, старуха надевала лишь по особым случаям: когда шла в гости к самым уважаемым людям да по праздникам. Когда старуха Салиха умерла, шубу, полученную из рук царя, бережно носили ее дочери, а потом — дочери дочерей. В конце концов, шуба обветшала, но про нее остались легенды, которые и дошли до наших дней.

245. Пеший Махмут

Рассказывают, что Махмут родился и вырос в бедной семье в деревне Туркменево нынешнего Баймакского района. Его отец был известным певцом и кураистом. Сын тоже пошел по стопам отца, любил музыку и песни. В пещолные восемь лет оставшись сиротой, он рос под присмотром одной-единственной своей родительницы — старшей сестры отца. Женщина эта смотрела за ним как только могла, но из-за

большой бедности вынуждена была отдать его баям в пастухи. Те с издевкой называли его не иначе, как «пастух Махмут».

Пас Махмут байское стадо, а сам, дивясь земной красе, сочинял песни и играл на курае. В свои четырнадцать-пятнадцать лет он стяжал в округе славу отменного кураиста. Все люди с восторгом прислушивались к его игре. Тяжела была жизнь джигита, зато душа его была полна мелодией и песней. К тому же душа его болела и кручинилась при виде окружавшего его зла и несправедливости. Махмут имел привычку через слово говорить: «Увидеть бы царя». Бай смеялись над ним: «Не токмо что ты, даже мы не можем увидеть царя, тебе ли, голодранцу, видеть владыку из владык?»

Махмут был верен слову, честен и прям душой. Два или три дня собирался он в дорогу, пришел к тетке, заменявшей ему мать, и сказал так: «Мама, я ухожу, чтобы взглянуть на царя. Всерьез ухожу, пожелай мне добра и удачи».

Женщина так и застыла в изумлении, хотела его отговорить, не отпускать в столь далекий путь, но все было напрасно. «В таком случае я желаю тебе счастливого пути, счастья. Возьми хотя бы вот этот хлеб, съешь в дороге, когда проголодаешься». И она подала ему пресную лепешку, испеченную в золе. Махмут положил лепешку в дорожный мешок, взял его в одну руку, а другой прихватил курай и тронулся в путь.

В первом же ауле, попавшемся на пути, заиграл он на своем курае. Услышав завораживающий напев, к нему стали собираться и взрослые, и дети. Скоро Махмута окружила густая толпа. Жители аула приветили джигита, потчевали и угощали чем могли, расспросили, куда направляется. Узнав, что он идет к царю, пришли в немалое изумление. Тем не менее, пожелали ему доброго пути и дали коня, чтобы он не шел пешком.

Вот так и продвигался он: в каждом ауле пел и играл на курае, а люди его кормили и поили, провожали с почестями.

В конце концов он выехал за пределы тех земель, где жили башкиры, и оказался среди других народов. Но и русские, чуваш и татары с удовольствием слушали его игру на курае. Они тоже помогали джигиту-страннику и старались всячески облегчить ему путь к царю. Махмут, хотя и не понимал по-русски, все же усвоил слово «царь». Оказываясь в очередной деревне, он прежде всего играл на курае, затем произносил слово «царь» и показывал рукой: дескать, направляюсь к царю. Таким образом, другие народности тоже понимали, что он идет к самому царю. Во многих местах люди думали, что этого человека царь вызвал специально и потому старались оказать ему всяческие услуги.

Через большие невзгоды и мытарства, преодолев большой путь, Махмут достиг-таки дворца царя. Узнав, что странник хочет видеть царя, его приближенные доложили государю: «Ваше высочество, какой-то чужестранец хочет тебя видеть». Царь приказал вести джигита. Махмут пришел в царские покои с кураем в руке и, не зная, как себя вести, произнес на родном языке: «Великий царь, я башкир, пришел тебя увидеть». С тем поднес он к губам свой курай и заиграл задумчивую

мелодию. Удивленный царь внимательно выслушал джигита, чья игра пришлась ему по душе. Затем он приказал найти человека, который бы понимал башкирский и русский языки, потчевать пришельца лучшими блюдами и как следует его одеть. Но разговор между Махмутом и царем никак не получался, потому что джигит не мог ничего сказать, кроме: «Великий царь, я пришел тебя увидеть». Тем не менее, он несколько дней гостил в царском дворце, играл царю на курае, и тот с неизменным вниманием слушал его игру. Для того чтобы создать о себе впечатление, как о справедливом и благодетельном владыке, и чтобы по возвращении на родину Махмут распространил это мнение среди сородичей, царь относился к нему, как к почетному гостю, велел вырядить в самые лучшие одежды.

Махмут неузнаваемо изменился, пополнел и побелел лицом. Наконец, царь одарил Махмута деньгами и отправил в обратный путь на тройке с красивыми сбруями и колокольчиком под дугой. Для того, чтобы в дороге ему не чинили никаких препятствий, он дал ему дорожную бумагу.

И вот едет Махмут на черной своей тройке, горделиво развалиясь в кошеве, звеня на все лады колокольчиками, поднимая по дороге клубы пыли. Едет от города к городу, от села к селу. И когда проезжал он по городам и деревням российским, дивился вокруг народ, глядя на его богатые одежды и гордую осанку, на горячих вороных его тройки. Переговаривались между собой: «Наверное, это какой-нибудь большой начальник, посланец самого царя. Вроде бы в округе нет начальников с такой роскошной тройкой».

В погожий летний день, в рассветную пору, появился Махмут в своем ауле. Разливая звон колокольчиков, пронесся он по улице Туркменева, погруженного в глубокую тишину. Затем направился в сторону яйляу вдоль реки Туяляса. Не останавливаясь возле выстроившихся на берегу Туяляса белых юрт, он проехал к подножью горы Тугажман и поднялся на ее вершину. Там он распряг лошадей, которые, почувствовав свободу, стали покачивать головами и переводить дыхание. И только колокольчик продолжал заливаться серебряным звоном.

Всех, кто спал в то время в юртах, покинул сон. Старики, старухи, снохи и дети высыпали из юрт и стали вглядываться в ту сторону, откуда доносился звон колокольчиков. Увидев возле распряженной тройки человека, стали гадать, кто бы это мог быть.

На яйляу поднялся шум-гам, переполох. Один из стариков предположил: «Наверно, это какой-нибудь очень большой начальник. Увидев, что мы спим, решил подняться на гору Тугажман... Что же мы стоим, обустив руки, пойдемте к нему, окажем ему свое почтение, захватите с собой кумыс, режьте барашка, надо как следует угостить большого начальника».

Когда запрягли байских лошадей, загрузили кумыс и выехали встречать важного гостя, вдруг вместе со звоном колокольчика донесся напев курая. Все, кто отправился было встречать, замерли пораженные. «Как вы думаете, что это за человек? — спросил один. — Ведь это курай Махмута. Неужели действительно это Махмут и есть?» «А ведь

и в самом деле. Неужели пастух Махмут возвратился от царя? Пойдемте к нему, узнаем, что к чему».

На яйлау замерло всякое движение, и млад, и стар бездыханно внимали голосу курая. Униженно склонив головы, бай поднялись на гору и видят: три отменных вороных лошади мерно покачивают головами в такт мелодии, и от этого покачивания звенят и звенят колокольчики. А сбруи на лошадях сплошь украшены серебром. А перед тройкой стоит с кураем в руке их земляк Махмут, осанистый и богато одетый. Такую одежду нельзя увидеть ни на одном богаче в этих краях. Долго стояли бай, не зная с чего начать разговор, пока, наконец, один из них не промолвил: «Махмут-мырдам, уж не ты ли это?» «Да, я и есть пастух Махмут,— отвечал тот.— Был у царя и вот теперь возвратился».

Теперь бай не называют Махмута «Пастухом Махмутом» — славят его и превозносят. Хотят перед ним казаться лучше, чем они есть. Устроив большой пир, возносят ему хвалу, не знают куда и посадить, чуть ли не на руках его носят. «Махмут-мырдам, тебе самый раз жениться и начать жить вместе с нами, оказывается, вернулся ты с большими дарами»,— приставал к нему то один, то другой, то третий бай, предлагая в жены свою дочь и табуны и стада лошадей и скота. Но Махмут не любит байских дочерей, не хочет обзаводиться богатым жильем и жить по-байски. Он возвращается к названной своей матери и начинает жить вместе с ней, полной грудью своей играет на курае. И простой народ отвечает искренней любовью и ему самому, и его песне.

Махмут признается матери в том, что любит дочь одного бедного соседа, с которой с детства рос вместе. Просит взять ее женой. Оказывается, девушка эта тоже давно уже любила Махмута. Она снискала себе в округе славу скромной, умной и добродетельной девушки, отличающейся редкой красотой, и потому байские сынки то и дело засылали к ней сватов. Но любовь свою она подарила Махмуту, и она дала согласие выйти за него замуж. Но об этом узнали те самые байские отпрыски и стали думать над тем, как бы избавиться от Махмута, разлучить влюбленных. И вот сговорились они и добились того, чтобы Махмута отправили в солдаты, несмотря на то, что у него еще не вышел срок. В памяти народа осталась песня Махмута. Так как она родилась по пути к царю, назвали ее «Пеший Махмут»¹.

246. Сафа-батыр

В Таукясове проживало четверо братьев. Все они росли здоровыми и сильными, вместе выходили на охоту.

Младшего из братьев звали Сафа.

Старшие братья боролись с батыром, прибывшим из кармаскалинской стороны, и были побеждены. Звали того батыра Интэем. После этого никто не осмелился выходить против Интэя.

Сафа тоже был сильным джигитом. Он решил бороться с тем батыром. Условия борьбы были такие: если Сафа победит в первой же схватке, он будет признан победителем. Если нет, то поединок будет длиться до трех схваток.

Интэй-батыр скинул свой пояс с золотой бляхой и стал бороться с Сафой. А боролись они на паласе. В первой схватке Сафа был побежден. Во второй он вышел победителем. «С разными батырами я боролся, но таких, как ты, не видел», — сказал Интэй-батыр и подарил Сафе-батыру свой пояс с золотой бляхой.

После этого старшие братья стали завидовать Сафе, возненавидели его. Они решили убить младшего брата, но тот прознал про это и бежал.

Скрываясь от братьев, он угодил на войну, сражался на стороне красных. Из-за того, что он воевал на стороне красных, его возненавидел еще и его зять.

Однажды Сафа вернулся в отчий дом, а тот зять выдал его белым.

Сафу привели на берег реки, чтобы расстрелять. Выбрав удобный момент, Сафа прыгнул в воду. Вдоль по реке он добрался до самого Абзана. Три дня и три ночи провел он под водой, дыша через камыш, скрываясь в камышах. Никто, кроме жены, не знал, где он находится.

Однажды зять увидел, как жена Сафы понесла куда-то еду, и последовал за ней. Он привел домой Сафу, обещав скрыть его в бане, а потом убил его из ружья.

Позднее пришли врачи и сделали Сафу операцию. Оказалось, что Сафа имел два сердца.

247. Золото Аскина

Одна старуха из деревни Аскино ошпывала утку. Когда она разрезала желудок птицы, там сверкнул камень, слепящий глаза своей красотой. Показала она людям тот камень. Оказалось, что было то золото.

Начали после этого развеивать на ветру чернозем, а в нем стали мелькать золотые крупы. Стали на том месте промывать землю через кошму и собирать золотой песок.

Про это прознали русские богатеи. Они построили деревню Аскино, стали промывать золото. Добывали его в большом количестве. А там

и войско подошло. На тех местах основали золотые прииски. Один русский богач скупал золото по 20 копеек за золотник.

В советское время их начали называть «Ленинскими приисками». Нынче та деревня входит в Миасский район Челябинской области.

248. Магнитка

Один башкирский джигит пас коров на склоне горы Этэстау — Петушина гора. Однажды к подкованным подошвам его сапог прилепился камень. «Дождя нет, — подумал он. — Кругом сухо. Почему же этот камень не слетает?»

Сильно удивлен был парень и решил показать тот камень узамакским башкирам. А среди них был каменных дел мастер. Он-то и сказал, что в горе Этэстау хранится клад.

Вот так была открыта Магнитка.

249. Башкирский праздник

После зарождения мира расселились люди в разных местах и стали жить-поживать. Каждому народу был дан свой определенный язык, своя одежда, своя особая пища. Когда все необходимое было уже распределено, бог однажды оповестил все народы на земле: «В такой-то день прибудьте получить свои праздники».

Каждый народ отправил к богу своих самых расторопных и пронырливых людей. Явился человек и от башкир. На долю каждого из посланцев выпало по пять праздников. Взяли они их с собой и пустились в обратный путь.

По пути домой у башкира сломалась ось тележного колеса. Что было делать? Нельзя же попросту так терять праздники. И вот один за другим загрузил башкир свои праздники соседям, а сам бросил телегу и отправился дальше пешком.

Повсюду начались празднества. Повсюду веселье, смех да песни. И только на башкирской земле тишина да покой. Невесело людям — ибо нет у них никаких праздников. Что делать? Не в силах ничего придумать, решили отправить к богу снова этого человека.

Когда тот явился ко всевышнему, тот уже мирно почивал. Даже не взглянув на пришедшего, стал он расспрашивать:

— Кто такой?

— Я из страны башкир.

— Я ведь все уже роздал, что можно было раздать. А тебе что надобно?

— Так и как, о владыка, нету у нас праздников. На обратном пути сломалась у меня телега, вот и раздал я твои дары другим. Невесело в нашей стране. Нужен бы нам праздник, о владыка!

Вскочил Бог с места и сказал так:

— Ковчились у меня праздники. Если вам очень нужен праздник, приглашайте гостей. Каждый гость принесет с собой праздник.

С тех пор приглашение в гости стало у башкир народным обычаем. Пришел гость — значит пришел в дом и праздник. С тех самых времен и осталось у башкир душевное гостеприимство.

250. Клад на Актау

Когда-то в этих местах проходили большие сражения. В те времена один бай закопал клад на Белой горе (Актау), что находится у деревни Баиш. На двенадцати быках вез он свои драгоценности. Для того, чтобы потом разыскать это место, оставил метку — вбил в лиственницу гвоздь.

Но люди прознали про это и стали искать тот клад. Многие пытались там и тут копать землю, но никто ничего не находил. Возможно, дерево то сгнило. Другие утверждали, что сам бай вывез добро после того, как стихли бои.

«Чтобы найти клад, — говорили другие, — нужно то место осыпать золой. След какого животного на ней отпечатается, того и нужно принести в жертву. Без этого клада не найдешь»¹.

Хуснутдин-мулла со своим сыном на горе Актау осыпали предполагаемое место золой и увидели там след овцы. Зарезали они овцу и начали было копать. Но тут поднялся ураганный ветер и отбросил их к своему дому.

251. Шыгман-тау

Еще деды наши рассказывали, будто на Шыгман-тау закопан клад. Они говорили, что клад этот иногда в образе разных животных появлялся перед глазами счастливых.

Как-то раз бедняк Фаткулла из нашего села увидел этот клад во сне. Утром он пошел рассказывать свой сон Торай-ишану*. Ишан будто того и ждал; у него вообще при слове «богатство» разгорались глаза.

— Братец Фаткулла,— сказал он,— собери своих соседей и иди на гору раскапывать клад. Только, когда будете копать, говорите: «О, боже! О, боже!» А я в это время буду читать молитву.

Фаткулла вместе с джигитами, такими же могучими, как он сам, два дня подряд раскапывал клад. На третий день их лопаты в самом деле наткнулись на что-то твердое. Когда об этом сообщили ишану, тот воскликнул: «О, аллах! Пропадут ребята. Вон со стороны кибла** надвигается туча — это не к добру. Видать, приближается аждаха***. Пусть они сейчас же уйдут с этой горы».

Фаткулла и его товарищи заспешили домой. Ишан Торай целую ночь один раскапывал ту гору, но, кроме камня, ничего не нашел. Вскоре после этого ишан заболел и умер. Перед смертью он будто бы сказал: «Фаткулла испортил все дело, ступив на гору без омовения (будь он неладен!), а то клад был бы нашим».

252. Сокровища старика Нуха

Много-много лет тому назад в этих местах прошла кровопролитная битва, и в той битве пало множество народа, и богатства были безжалостно разграблены. Некоторые успели спрятать свои богатства в потайном месте. И, зарывая, будто бы произносили такое заклинание: «Пусть это золото будет обнаружено лишь если будет принесена в жертву какая-нибудь скотина!»

Через какое-то время места, где было зарыто золото, выгорели и превратились в сплошные сокровища (хазина). И у каждого сокровищного места был свой хозяин. Близким и приглянувшимся людям хозяева те представляли в обликах разных животных: овцы, кошки или утки. Если должник не выплачивал вовремя взятое им золото, хозяин сокровищ заявлялся к нему домой и требовал возврата.

Говорят, что в нашем ауле такое место-хазина**** находилось в бане старика Нуха. Хозяин его представлял в облике утки. Старик Нух

* Ишан — учитель в мусульманской духовной школе — медресе.

** Кибла — юг.

*** Аждаха — дракон.

**** Хазина — клад.

резал обычно одну из своих уток и брал у хозяина сокровищ золото
взаимы. Но и вовремя его возвращал обратно.

Но с каких-то пор старик перестал выплачивать свой долг. Тогда
хозяин клада явился к нему в облике человека и потребовал возвраще-
ния золота. И когда тот отказался это сделать, обернулся чертом и
ударил старика.

Я тоже припоминаю старика Нуха. Помню, одна нога и одна рука
у него не двигались.

Комментарии

В основу настоящего сборника положена книга башкирских преданий и легенд, вышедшая сравнительно недавно в составе многотомного свода национального фольклора¹. Из этой книги отобраны наиболее интересные, на наш взгляд, фольклорные тексты, которые в максимально приближенном к оригиналу переводе предлагаются вниманию читателей. Кроме того, составитель счел целесообразным включить некоторые образцы башкирских преданий, взятые из других источников. В таких случаях в комментариях к отдельным текстам, сразу после названия предания или легенды указывается источник.

В соответствии с характером публикации² частично изменены классификация, принципы комментирования, лежащие в основе башкирского издания.

Комментарии составлены по следующему плану:

1. Имеющиеся сведения о том, где, когда, кем и от кого записано предание или легенда.

2. Источники вариантов.

3. Пояснения к отдельным местам текста.

Словарные пояснения даются в подстрочных примечаниях к преданиям.

Приняты следующие условные сокращения:

АЭБ, тт. I, V — Археология и этнография Башкирии, т. I. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1962; т. V, Уфа, 1973.

Бессонов — Башкирские народные сказки. Запись и перевод А. Г. Бессонова, под редакцией проф. Н. К. Дмитриева. Уфа, 1941.

БЛ — Башкорт легендалары. Уфа, 1969 (Башкирские легенды. Уфа, 1969).

БХИ, РЛ — Башкорт халык ижады. Риүәйәттәр, легендалар. Өфө, 1980 (Башкирское народное творчество. Предания, легенды. Уфа, 1980).

БХИ, Песни, I — Башкорт халык ижады. Йырҙар. Беренсе китап. Өфө, 1974 (Башкирское народное творчество. Песни. Кн. I. Уфа, 1974).

---

¹ Башкорт халык ижады.

² Книга эта рассчитана на массового читателя и ограничена в объеме.

БХН. Эпос, кн. 1, 2.— Башкорт халык ижады. Эпос. Беренсе китап. Өфө, 1972; Икенсе китап. Өфө, 1973 (Башкирское народное творчество. Эпос, кн. первая. Уфа, 1972; кн. вторая, Уфа, 1973).

В.— вариант.

Кругляшова — В. П. Кругляшова. Исторические предания и песни на горно-заводском Урале о Пугачевском восстании. Автореф. канд. диссертации. 1955.

Кузеев, 1974— Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., Наука, 1974.

Материалы и исследования — Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала, вып. I. Уфа, 1974 (Изд. Башгосуниверситета).

НА — Научный архив Башкирского филиала АН СССР, далее фонд (ф.), опись (оп.), дело (д.).

ОЛ — газ. «Оренбургский листок».

Очерки — Очерки по истории Башкирской АССР, т. I, ч. I. Уфа, 1956.

СВ. — газ. «Совет Башкортостаны».

Ск. Баш., 1969— Народные сказки, легенды, предания и были Башкирии. Подбор текстов, редакция, вступительная статья и примечания Л. Г. Барага. Уфа, Башкиргопиздат, 1969.

Ск. Баш., 1975— Сказки, легенды и предания Башкирии в новых записях на русском языке. Под редакцией и с комментариями проф. Л. Г. Барага. Уфа, Башкиргопиздат, 1975.

СТБ — Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа, 1980.

ФФ БГУ — фольклорный фонд кафедры башкирской литературы Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября.

Хусанов — Гайса Хесәйенов. Заман. Өзәбиәт. Әзн. Өфө, 1978 (Гайса Хусанов. Эпоха. Литература. Писатель. Уфа, 1978).

Легенды о небесных светилах

1. Млечный Путь (букв. Дорога птиц). Зап. в 1967 г. в дер. Абшишево Хайбуллинского р-на Башкирской АССР* С. А. Галиным от М. Казакбаева, 1924 г. р.

2. Два зверя на Луне. Зап. в 1963 г. в дер. Юрманово Октябрьского р-на Пермской обл. Киреем Мэргэном от Н. Хабибрахманова. В. ОЛ, 1876, № 24 (Публикация М. В. Лоспиевского).

3. Большая Медведица. Зап. в 1960 г. в дер. Каишкуллово Александровского р-на Оренбургской обл. Киреем Мэргэном от У. Сантова.

4. Семь звезд (Большая Медведица) — семь девушек. Зап. в 1960 г. в дер. Кутусово Александровского р-на Оренбургской обл. Киреем Мэргэном от Р. Телякаевой, 1894 г. р. В. НА, ф. 3, оп. 63, д. 56, лл. 13—14. Мотив; Большая Медведица — это семь волков, которые гонятся за двумя лошадьми (Һарат, Бузат), привязанными к железному колу — Тимерказык (Тимерказык — Полярная звезда).

---

* В дальнейшем к текстам, записанным в Башкирии, указываются лишь населенные пункты и районы.

- ¹ Царь дэвов, дэв — широко известный мифический персонаж народных сказок. В эпосе и легендах встречается реже.
5. Зухра-Йондоз (Вега). Зап. в 1966 г. в дер. Аскарново Абзеллиловского р-на Г. Галиной от Б. Шагимардановой.
6. Девушка и месяц. ОЛ, 1876, № 24. Зап. в прошлом веке от мензелинских башкир М. В. Лосневским.
7. Луна и Зухра. Зап. в 1963 г. в дер. Юмраново Октябрьского р-на Пермской обл. Киреем Мэргэном.
8. Зухра-Йондоз (в.). Зап. в 1963 г. в дер. Юмраново Октябрьского р-на Пермской обл. Киреем Мэргэном.
- Мотив «гонимая падчерица на Луне» встречается в легендах многих народов, в том числе тюркоязычных.

Легенды и предания о горах, скалах, камнях и курганах

9. Югомаш-гора. Ск. Башк., 1975, с. 131. Зап. в 1973 г. в дер. Югомаш Янаульского р-на Р. Бакировой от Б. Хайретдиновой, 1894 г. р.
10. Мусектау. Зап. в 1969 г. Т. Баншевым.
- ¹ Сюжет очень близок к тексту латышской легенды «Дочери великана и пахарь» — «Латышские предания. Избранное». Составитель — А. Анцелане. Рига, 1962, с. 104. Аналогичные сюжеты-мотивы встречаются в легендах финно-угорских народов Урала и Поволжья.
11. Двугорье Алия-Кум. Зап. в 1939 г. в Илишевском р-не А. Х. Исламгуловым.
- ¹ Легенду об оселке Алпамыши (там же сведения о бруске Алпамыши, о провалившихся могилах богатырей-исполинов) см.: Ск. Баш., 1975, с. 132. Мотив: великан вытряхивает набившийся в обувь песок, камень — образуется гора, холм является широко распространенным.
12. Камни батыра и медведя. СБ, 1965, 8 дек.
13. Тураташ. Зап. в 1964 г. в дер. Красный пахарь Белокатайского р-на Ф. Зналовой от М. Кабировой.
- ¹ В башкирском народном творчестве довольно часто встречаются легендарные повествования о каменных фигурах. Легенды о «Бей-таш» (Камень бия) и «Килен-таш» (Невесткин камень) известны еще по дореволюционным публикациям («Екатеринбургская неделя», 1888, № 29). Аналогичные сюжеты бытуют и поныне; НА, ф. 3, оп. 26, д. 10, лл. 19—20; Ск. Баш., 1969, с. 113. Легенды о каменных фигурах известны и у других народов. В основе их лежат древнейшие воззрения людей — вера в магическую силу слова.
14. Сууал-таш (Камень-камин). Зап. в 1954 г. в дер. Самады Зианчуринского р-на А. Якшибаевой от В. Якшибаева, 1884 г. р. и М. Якшибаева, 1874 г. р.
15. Гора Кара-кучук. Ск. Баш., 1975, с. 134. Зап. в 1968 г. в дер. Картады Белорецкого р-на Л. Г. Барагом от М. Г. Магафуровой, 1892 г. р.
Др. версия: Ск. Баш., 1975, с. 133—134.
16. Туратский косогор. Зап. в 1965 г. в дер. Акъяр Хайбуллинского р-на поэтом К. Аралбаевым от М. Ильясова и С. Каримова.
В. ж. «Агидель», 1969, № 4, с. 119—120; Материалы к исследованию, с. 127; ФФ БГУ, 113, с. 89—91; НА, ф. 3, оп. 12, д. 294, с. 68.
17. Кеяуташ. Зап. в дер. Ишбердино Кугарчинского р-на М. Адельгужиним от Г. Абзелловова.

18. Курмуды (Жарево). Зап. в 1971 г. в дер. Набиево Бурзянского р-на М. М. Сагитовым от Ю. А. Сатыбалова, 1891 г. р.

¹ Бабсак и Каракулумбет — герои эпического сказания «Бабсак и Кусяк». Эти имена фигурируют также в родословной племени кыпсак (Башкирские шежере. Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. Уфа, 1960, с. 109).

19. Гора Авли. Зап. в 1972 г. в дер. Мурзагулово Альшеевского р-на М. М. Сагитовым от Г. Н. Нигматзянова, 1903 г. р.

¹ Судя по содержанию, предание описывает события времен татаро-монгольского нашествия.

20. Азан-таш (Камень Азан). Зап. в 1971 г. в дер. Верхне-Соргоязово Кугарчинского р-на М. М. Сагитовым от М. К. Губайдуллина, 1909 г. р.

В. НА ф. 3, оп. 65, д. 7, с. 165; Ск. Баш., 1969, с. 110.

21. Гора Мухиббы. НА, ф. 3, оп. 21, д. 3, т. II, с. 425. Зап. в 1960 г. в дер. Мрясово Новосергеевского р-на Оренбургской обл. Н. Шункаровым от Б. Г. Мрясовой.

22. Скала Антона. Зап. в 1971 г. в дер. Кутаново Бурзянского р-на М. М. Сагитовым от Г. Г. Ырысбаева, 1908 г. р. В. ОЛ, 1878, № 36; газ. «Ленинец» (на башк. яз.), 1962, 28 авг.; Ск. Баш., 1969, с. 104-106; НА, ф. 3, оп. 32, д. 26; там же: ф. 3, оп. 65, д. 7, с. 159—160.

23. Максимово дно. НА, ф. 3, оп. 65, д. 7, с. 328—329. Зап. в 1971 г. в дер. Набиево М. М. Сагитовым от Ю. А. Сатыбалова, 1891 г. р.

24. Уктау (Гора стрельбы). Зап. в 1962 г. в дер. Кысынды Архангельского р-на А. М. Сулеймановым от Г. Сагидуллина.

25. Гора Еркея. Зап. в 1966 г. в дер. Бикбулатово Кугарчинского р-на А. А. Камаловым от М. М. Киньябаева, 1891 г. р.

¹ Песни-предания, связанные с именем Буранбая (Ялана Еркея), см. №№ 196, 197.

26. Инсебика-таш (Камень Инсебики). Зап. в 1979 г. в дер. Старо-Субхангулово Бурзянского р-на Г. Б. Хусанновым от М. Ш. Саитбатталова, 1909 г. р.

В. НА, ф. 3, оп. 63, д. 56, л. 85.

27. Сердце-гора (Юряк-тау). Зап. А. Биккуловым.

28. Гора невесты (Килен тауы). Зап. в дер. Акъяр Архангельского района А. М. Сулеймановым от Ф. Ишкильдина.

29. Гора, где тонула Суак (Суакбаткан-тау). Зап. в 1874 г. в дер. Давлетшино Абзелитовского р-на М. Булатовой.

30. Сопка-тюбетейка (Такыя-сусак). Зап. в 1970 г. в дер. Галиакберово Бурзянского района А. М. Сулеймановым от Х. Сабитова, 1926 г. р.

31. Скала, откуда упал Котой (Котогоскан кая). БЛ, с. 150. Зап. в 1966 г. в дер. Искужино Зилаирского р-на С. Суюндуковой от Г. В. Янгулова, 1902 г. р.

Легенды и предания о реках, озерах, урочищах

32. Озеро Елкысыккан. Зап. в 1979 г. в Бурзянском р-не Г. Б. Хусанновым от Г. А. Мустафина, 1938 г. р. В. ОЛ, 1878, № 36; НА, ф. 3, оп. 23, д. 7, лл. 75—76.

33. Озеро водяного (Эялекуль). Зап. в 1973 г. в дер. Капкаррово Зилаирского р-на А. Ямангуловой-Тагировой от М. Муратова, 1905 г. р.

34. Карадель. Сказка-легенда. Зап. в 1939 г. в дер. Куллярво Нурпмановского р-на Киреем Мэргэном от Н. Низамова.

35. Агидель и Янк. Зап. в дер. Максютво Кугарчинского р-на А. М. Сулеймановым от Г. Бишева, 1898 г. р.

¹ Схожие сюжеты («Почему Белая спокойна, а Урал бурлив», «Спор двух Инзеров») см.: Материалы и исследования, с. 130; Ск. Баш., 1969, с. 115.

Легенды о соперничестве соседних рек встречаются и в фольклоре других народов. Достаточно вспомнить, например, «Спор» Волги и Западной Двины, Волги и Камы, Днепра и Десны.

36. Агидель и Карадель. Зап. в дер. Набиево Бурзянского р-на А. М. Сулеймановым от А. Мифтахутдинова.

37. Калым. Паспорт неизвестен.

38. Брод бия. Зап. в 1971 г. в дер. Набиево Бурзянского р-на М. М. Сагитовым от Ю. А. Сатылбалова, 1891 г. р.

39. Кровавое озеро (Канлыкуль). Зап. в 1962 г. в дер. Ново-Кызыльяр Архангельского р-на А. М. Сулеймановым от А. Г. Сулейманова.

В. НА, ф. 3, оп. 12, д. 108, с. 139; там же: ф. 3, оп. 47, д. 60, с. 17—19.

40. иргиз. Зап. в 1960 г. Х. Курбанаевой от Г. Мустафиной.

41. Река Ток. Зап. в 1961 г. в дер. Верхне-Ильясво Люксембургского р-на Оренбургской обл.

42. Асылыкуль. Зап. в дер. Бурангулово Давлекановского р-на В. БХИ, РЛ, с. 127, 128.

43. Поле, покрытое кровью (Канъяткан яланы). Зап. в 1972 г. в дер. Сайраново Ишимбайского р-на А. А. Камаловым от Ш. Т. Мирасова, 1886 г. р.

44. Лощига Теляу. Зап. в 1967 г. в дер. Акназарово Хайбуллинского р-на А. М. Сулеймановым от И. Юламанова, 1921 г. р.

45. Луг Фатимы. Зап. в 1967 г. в дер. Максютво Зилаирского р-на А. А. Камаловым от А. И. Муратова.

46. Киргизское перекутье. Зап. в 1970 г. в дер. Галиакберово Бурзянского р-на А. М. Сулеймановым от Х. И. Сабитова, 1926 г. р.

47. Курган Айдара (Айдар-губэ). БЛ, с. 149. Зап. в 1959 г. в дер. Халилово Абзеллоповского р-на от Ш. Атикеева, 1888 г. р.

48. Поляна Черной коровы. Зап. в 1966 г. в дер. Мусатово Бурзянского р-на А. А. Камаловым от Г. Г. Шамигулова.

49. Могила Халиля. Зап. в 1959 г. в дер. Халилово от Ш. Атикеева, 1888 г. р.

50. Яйляу, где Шакира стреляла из лука. Зап. в 1966 г. в дер. Умбетово Зиянчуринского р-на Ш. Баязитовой от Х. Абдуллиной, 1906 г. р.

51. Кустарник Яухар. Зап. в 1954 г. в дер. Садалы Зиянчуринского р-на У. Якшибаевой от В. Якшибаева и М. Якшибаева.

¹ Платок, которым покрывались замужние молодые и средних лет женщины назывался «кушъяулык», т. е. двойной большой платок, специально предназначенный для закрытия лица. В данном тексте употреблено слово «пэрзэ» — покрывало.

52. Устье реки, где джигиты повязывали платок любимой (Янтастарлаган тамагы). Зап. в 1969 г. в дер. Сергеевка Мелеузовского р-на А. А. Камаловым от Т. А. Колосбаева, 1936 г. р.

¹ Предание интересно тем, что в нем запечатлен один из малоизвестных эпизодов башкирской свадьбы.

53. Место, где умерла сваха. Зап. в 1966 г. в дер. Таулыкаево Баймакского р-на А. А. Камаловым от А. И. Абзакова, 1915 г. р.

54. Прах Абыза (Абыз улеге). БЛ, с. 151. Зап. в 1966 г. в дер. Ибраево Зланчуринского р-на К. Саитбатталовой, Г. Мифтаховой и В. Хусанновым от Б. Кусербаева.

55. Урочище «Имел надежду» (Умут бирген). БЛ, с. 152—153. Зап. в дер. Садалы Кугарчинского р-на Х. Татлыбаевым от А. Юлдамбаева.

56. Могилы Навалихина. БЛ, с. 178. Зап. в дер. Кусеево Баймакского р-на Исламгуловой.

Легенды о растениях, животных и птицах

57. Подснежник (Умырзая). Зап. в 1970 г. в дер. Ялчикаево Кумертауского р-на З. Кутлугильдиной от Н. Кутлугильдина, 1898 г. р.

¹ Обряд обручения молодых — речь идет об интересном обряде стовора малолетних жениха и невесты — *һырга һабак*, *колак тешләтеу*. Сговорившись о помолвке малолетних детей, родители угощают друг друга и в закрепление состоявшегося соглашения заставляли мальчика кусать девочку за ухо. Считалось, что после этого малыши принадлежат друг другу. Подробнее см. — АЭБ, т. I, с. 257.

58. Курай. НА, ф. 3, оп. 63, д. 56. Зап. в дер. Бапмово Баймакского р-на К. Аралбаевым от З. Узянбаевой, 1871 г. р.

59. Откуда взялись медведи? Зап. в 1968 г. в дер. Кулганши Абзеллиловского р-на А. Г. Бишевским от З. Гатнатуллина, 1883 г. р.

60. Кәкук (Кукушка). Зап. в дер. Ялчикаево Кумертауского р-на З. Кутлугильдиной от Н. Кутлугильдина, 1898 г. р. В. БХИ, РЛ, с. 46.

61. Поющий журавль (Журавлиная песнь). Зап. в 1926 г. в дер. Басаево Баймакского р-на Каримом Дияровым от курапстов Д. Амангулова и И. Нугуманова. В. НА, ф. 3, оп. 12, д. 294, л. 12; д. 269, л. 3—8.

62. Вороненок. Зап. в 1920-е гг. в дер. Басаево Баймакского р-на Каримом Дияровым от М. Амангулова и И. Кутлугильдина. В. ж. «Башкортостан кызы», 1970, № 7, с. 20—22 (публ. Гаты Сулейманова); НА, ф. 3, оп. 12, д. 294, с. 67; БЛ, с. 83—84.

Предания о происхождении селений

63. Биш ул. Зап. в 1964 г. в дер. Азово Архангельского р-на А. М. Сулеймановым от Г. Харрасовой, 1894 г. р.

64. Аулы Ямаш и Юмаш. Зап. в 1968 г. в дер. Юмашево Баймакского р-на А. А. Камаловым.

65. Сынташ. Зап. в 1975 г. в дер. Ишмухаметово Федоровского р-на Г. Б. Хусанновым от Н. Чурбаева.

¹ Название Сынташ (*һынташ* — фигурный камень, каменная баба) широко известно в топонимике Башкирии: СТБ, с. 166. Наличие названия «һынташ» в топонимике края, очевидно, является косвенным свидетельством о существовании идолов, которым в прошлом поклонялись башкиры.

66. Этимген (Вскормленный собакой). Зап. в 1966 г. в дер. Тунгатарово Учалинского р-на А. А. Камаловым от А. А. Ярмухаметова, 1878 г. р.

В предании отражено одно из древних поверий башкир, связанных с культом животных. Народные рассказы приписывали собаке вещее знание и способность отгонять нечистую силу. В некоторых районах Башкирии по сей день сохранился например, обычай, также связанный с рождением ребенка. Новорожденному надевали белую рубашку, называвшуюся «көсөк күлмәге» (рубашка кутенка), «эт күлмәге» (рубашка собаки). Когда рубашка становилась мала, ее надевали собаке, приговаривая: «Пусть наш малыш будет здоровым, неприсотливым, как эта собака».

Аналогичный обычай существовал у каракалпаков: ит койлак (собачья рубашка) после использования повязывалась на шею собаке (Х. Есбергенов. К вопросу о борьбе с устаревшими обычаями и обрядами.— «Советская этнография», 1963, № 5, с. 39), казанские татары народившемуся ребенку раньше также надевали көчек күлмәге, которую он носил до сорокового дня. По истечении этого срока рубашку выбрасывали или же берегли для последующих детей (Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967, с. 353).

У некоторых тюркских народов бытовали даже легенды о происхождении отдельных племен и родов от собаки. В известных нам башкирских легендах этот мотив не зафиксирован, но в языке сохранилось выражение со значением порицания «этән тыуған» (родившийся от собаки), утратившее по-видимому, свой исконный положительный смысл. На наш взгляд, название публикуемого в данном сборнике предания, Этимгән (вскормленный собакой) имеет древнейшие корни; его этимология, очевидно, связана с представлениями о чудесном родоначальнике. Возможно, первые основатели деревни Этимгән некогда связывали свое происхождение с легендой о чудесной прародительнице-собаке. Такая мысль допустима, если иметь в виду устойчивость мотива животное-кормилица в фольклорной традиции тюркоязычных народов (в этом плане достаточно вспомнить сюжеты легенд о мальчике, вскормленном волчицей). С течением времени, когда утратились первоначальные верования, само топонимическое название могло послужить поводом для создания предания, которое здесь и представлено.

67. Учалы. Зап. в 1965 г. в дер. Старо-Байрамгулово Учалинского р-на С. А. Галиным от Х. Усманова, 1896 г. р.

¹ Аксақ Тимер — Тимур, Тимурленг, Тамерлан (1336—1405) — среднеазиатский полководец, эмир в 1370—1405 гг.

68. Деревня Абзаново. БЛ, с. 136. Зап. в 1966 г. в дер. Абзаново Архангельского р-на Ф. Юламановой от Абдуллина.

* 69. Аул Сарт-Наурузово. Зап. в 1930 г. в дер. Яктыкуль Гафурийского р-на В. Ф. Кулумбетовым.

70. Аул Сарт-Аптерияшево. Зап. в 1970 г. в дер. Тангригулово Альменевского р-на Курганской обл. С. А. Галиным от Ш. Мухаметзянова, 1938 г. р.

71. Кашкарово. Зап. в 1973 г. в дер. Кашкарово А. Ямангуловой-Тагировой от Х. Кашкарова.

¹ Происхождение родовых подразделений от потомков мальчика, оставленного на башкирской земле во время казахских или калмыкских набегов — традиционный мотив народных преданий.

72. Деревня Убалар. БЛ, с. 139. Зап. в дер. Яктыкуль Гафурийского р-на.

73. Деревня Расулево. БЛ, с. 140. Зап. в 1962 г. в дер. Расулево Учалинского р-на С. Мавлеткуловым.

¹ Дархан (тархан) — феодал (князь), имеющий льготный документ, грамоту (тархан) на пользование земельным наделом.

74. Крепостной Зилапр. Зап. в 1967 г. в дер. Искужино А. А. Камаловым от Х. Кашкарова.
- ¹ Продажа земли размером с бычью шкуру — традиционный мотив башкирских преданий, созвучный с мотивами преданий некоторых других народов, в том числе с всемирно известным сюжетом легенды о хитрости Дидоны, основавшей Карфаген.
75. История деревни Набцево. Зап. в 1971 г. в дер. Набиево Бурзянского р-на А. М. Сулеймановым от Ю. Сатыбалова, 1891 г. р.
- В. Литература. Фольклор. Литературное наследие (Сб. статей и материалов на башк. яз.). Уфа, 1976, с. 225 (Изд. БГУ); НА, ф. 3, оп. 32, д. 24, лл. 1-2.
- ¹ Филатов — кантонный попечитель Оренбургской губернии.
76. Катай. Зап. в 1974 г. в дер. Ново-Катаево Бакалинского р-на Г. Б. Хусаиновым от А. Хайдаровой.
77. Канлы-Туркэй. Зап. в 1964 г. в дер. Бурангулово Альшеевского р-на М. М. Сагитовым от А. Абдульманова.
78. Килькабызово. Зап. в 1974 г. в дер. Килькабыз Бакалинского р-на Г. Б. Хусаиновым от Г. Я. Яхина.
- ¹ Восстание Степана Разина (1670—1671).
79. Аул Канны-Туркэй. Зап. в 1968 г. в дер. Канны-Туркэй Буздякского р-на А. А. Камаловым от А. У. Ишбулдина и А. Гибадатова, 1896 г. р.
- В. НА, ф. 3, оп. 63, д. 65, л. 114.
- ¹ Характерный пример народного толкования топонимического названия. По мнению исследователей, названия Канны-Төркэй образовано от этнонима тацлы и антропонима Төркэй (СТБ, с. 86). Историко-этнографические сведения о роде тацлы см.: Кузеев, 1974, с. 331, 336, 339, 356—359, 370 и др.
80. Каныкай. Зап. в 1964 г. в дер. Сафарово Миякинского р-на А. Х. Вахитовым от Ш. Султангужина.
- В. НА, ф. 3, оп. 47, д. 1, л. 62.
81. Аул Курьятмас (Тетерев не останется). Зап. в 1964 г. в дер. Курьятмасово Давлекановского р-на М. М. Сагитовым от Ш. С. Сафиуллина, 1898 г. р.
82. История аула Кыпсак-Аскароро. Зап. в 1964 г. в дер. Кыпсак-Аскароро Альшеевского р-на М. М. Сагитовым от Д. Д. Давлетшина, 1884 г. р.
- ¹ Основанье г. Уфы датируется 1574 г.
- ² Когда Иван Грозный брал Казань, т. е. в 1552 г.
83. Кандра-Аминево. Зап. в 1940 г. в дер. Кандра-Аминево Туймазинского р-на А. Н. Усмановым от Х. Багуманова, 1880 г. р.
84. Деревня Ибраево. Зап. в 1977 г. в дер. Лагерево Салаватского р-на Ф. А. Надршиной от Х. М. Валнева, 1894 г. р.

Предания и легенды о возникновении племен, родов

85. Потомство рода Алпамышей. Хусаинов, с. 370. Зап. в дер. Утяганово Кармаскалинского р-на.
- ¹ Места под названием «Могла Алпамыша», «Камень Алпамыша», «Кладбище Алпамышей» встречаются в различных районах Башкирии, а также в Челябинской, Курганской областях. По свидетельству преданий, такие места башкиры считали священными.

Легенды о необычайных исполинах широко известны и в фольклоре многих других народов.

86. О происхождении башкир. Зап. в 1961 г. в дер. Ишимбаево Перелюбского р-на Саратовской обл. М. М. Сагитовым от В. Исламгуловой, 1913 г. р.

В. БЛ, с. 52.

Вариант. Зап. в 1958 г. в дер. Ишбердино Кугарчинского р-на М. Адельгужиным от Г. Абзялилова.

¹ Можно предположить, что в легенде в своеобразной форме отражена историческая реальность. В научной литературе существует мнение, согласно которому допускается мысль о возможности и вероятности пребывания части предков башкир в Причерноморье вплоть до границ Византии (Кузеев, 1974, с. 150—151).

Вариант 2-ой. Зап. в 1963 г. в дер. Гумерово Ишимбайского р-на Т. Кильмухаметовым и Т. Юсуповым от Р. З. Каримова.

Вариант 3-й. Зап. в дер. Яктыкуль Гафурыйского р-на.

Коркуд — герой знаменитого огузского эпоса «Книга деда моего Коркуда» (М.-Л., 1962).

Приведенное здесь легендарное предание не единственное произведение в башкирском фольклоре, в котором фигурирует имя Коркуда. Оно наличествует и в старинных эпических песнях-сказаниях харнау (харнау) — Материалы и исследования..., с. 261—262.

87. Потомство волков. Зап. в 1961 г. в дер. Башбурз Гаевского р-на Оренбургской обл. Киреем Мэргэном от С. Тулькибаева, 1898 г. р.

88. Река Бурелэ. Зап. в 1964 г. в дер. Уметбаево Баймакского р-на В. Гумеровым от Г. Куманбаевой, 1896 г. р.

89. Семпродцы. Зап. в 1960 г. в дер. Сазала Зяичуринского р-на Ф. Татлыбаевым от Б. Кидрасова.

90. Род байулы. Зап. в 1960 г. в дер. Каишкулово Александровского р-на Оренбургской обл. Киреем Мэргэном от У. Сайтова.

91. Тарпан человеческий. Зап. в 1960 г. в дер. Каишкулово Александровского р-на Оренбургской обл. Киреем Мэргэном от У. Сайтова.

¹ Этноним баштай в этнографической литературе не встречается. По-видимому, это небольшое родовое подразделение (ара, насль), название которого недостаточно широко известно.

92. От медведя. Зап. в 1960 г. в дер. Кутусово Александровского р-на Оренбургской обл. Киреем Мэргэном от Р. Телякаевой, 1897 г. р.

¹ Легенда примечательна своими архаическими мотивами. К древности восходят не только тотемические воззрения, отраженные в ней, но и мотив богатырской девы.

Представление о том, что медведь в древности был человеком существует у многих народов.

93. Порода шурале. Зап. в 1961 г. в дер. Киязгулово Больше-Черниговского р-на Куйбышевской обл. Киреем Мэргэном от Х. Шагпахметова, 1903 г. р.

В. БЛ, с. 61; АЭБ, т. V, с. 21; НА, ф. 3, оп. 21, д. 6, с. 245—247; там же; ф. 3, оп. 61, д. 2, с. 342.

94. Толбуйцы. Зап. в 1963 г. в дер. Султанаево Осинского р-на Пермской обл. Киреем Мэргэном от Б. Биккужина.

¹ Из рода ар — из рода финно-угров.

- ² Гайна — назв. башкирского племени. Гайнинцы проживают на севере Башкирии, а также в южной части Пермской обл.
95. Айна и Гайна. Зап. в 1963 г. в дер. Кайын Осинского р-на Киреем Мэргэном от К. Юлаева.
96. Гайнинцы. Зап. в 1963 г. в дер. Удиково Осинского р-на Пермской обл. Киреем Мэргэном от Х. Ибрагимова.
97. Племя Юрматы. Кузеев, 1974, с. 120. Зап. Р. Г. Кузеевым в 1953 г. от башкир-юрматинцев.
98. Роды Юрматы и Талтым. Зап. в 1963 г. в дер. Гумерово Ишимбайского р-на Т. Юсуповым и Т. Кильмухаметовым от А. А. Габбасова и Р. З. Каримова.
- ¹ Юнаты Юрматы — нетрудно догадаться, что этимологизация родового названия построена на вымысле. Очевидно, поводом для предания служили уже сами названия. Такого рода осмыслення этнонимов указывают на большой интерес к ним, о стремлении народа обязательно объяснить их.
99. Бурзянцы. Зап. в 1958 г. в дер. Ишбердино Кугарчинского р-на М. Адельгузиным от Г. Абзелилова.
100. Кыпчаки. Зап. в 1971 г. в дер. Наблево Бурзянского р-на М. М. Сагитовым от Ю. Сатыбалова, 1891 г. р.
101. Племя тангауров. Кузеев, 1974, с. 129, 106, 116—117. Зап. Р. Г. Кузеевым в 1953 г. от башкир-тангаурцев. ¹ Идентичное предание о богатырях Волгаре и Суваре, увидевших лодку в море и поделивших паходку имеется у чуваш (В. Д. Дмитриев).
102. Откуда пришли айлинцы, мурзаларцы и тырнаклинцы. Кузеев, 1974, с. 199. Имеются варианты о приходе мурзаларцев с Алтая.
103. Айлинцы и табынцы. Бессонов, с. 338. Зап. А. Г. Бессоновым в дер. Мухамметкулуй Челябинского уезда Оренбургской губ. (ныне Аргаяшевский р-н Челябинской обл.)
- ¹ Сведения о получении табынцами жалованных грамот на право вотчинного пользования земель имеются и в исторических документах. — Материалы по истории Башкирской АССР ч. I. М.-Л., 1936, с. 80—81.
104. Табынцы. Кузеев, 1974, с. 254. Зап. Р. Г. Кузеевым в 1953 г. от башкир-табынцев.
105. Урман-кудейцы. Кузеев, 1974, с. 210. Зап. в 1955 г. Р. Г. Кузеевым.
106. Род Кубалаяк-Теляу. Зап. в 1981 г. в дер. Баимово. Абзелиловского р-на Г. Б. Хусайновым от Х. Габдуллина, 1896 г. р.
Версия 2-ая. БХИ. РЛ, с. 76—78.
107. Мамбет. Зап. в 1964 г. в дер. Танатарово Хайбуллинского р-на К. Аралбаевым от С. Рахматова, 1881 г. р.
108. Казахская сторона. Зап. в 1962 г. в дер. Ишкулово Абзелиловского р-на Д. Абдрахмановым от Х. Кагарманова, 1908 г. р.
109. Род калмаков. Зап. в 1964 г. в дер. Сафарово Миякинского р-на А. Х. Вахитовым от Ш. Султангузина.
110. Мамыт. Зап. в 1969 г. в дер. Юлдыбаево Златоустского р-на Н. Д. Шункаровым от С. Х. Кашкарова, 1920 г. р.
111. Как Исән-баба переселился на Таныш. Кузеев, 1974, с. 320. Зап. в 1959 г. Р. Г. Кузеевым.
112. Уфа-танышцы. Кузеев, 1974, с. 347—348. Зап. в 1956 г. Р. Г. Кузеевым.

Исторические предания

113. Булгары и башкиры. Зап. в 1974 г. в дер. Ырысаево Илшевского р-на Г. Б. Хусаиновым от М. Ямалетдинова, 1887 г. р.

В. НА, ф. 3, оп. 63, д. 56, лл. 120—121.

¹ Мотив излечения ханской дочери от паралича известен и по письменным источникам (путевые записи Абу Хамида аль-Гарнати, сведения, приведенные в «Истории Булгарии» Хисамутдина Шараф-ад-дина).

114. Бурзяне во времена ханов. Зап. в 1979 г. в дер. Старосубхангулово Бурзянского р-на Г. Б. Хусаиновым от К. Бирдекаева, 1903 г. р.

¹ Мотивы башкирского предания о чудесном зачатии матери Чингисхана перекликаются с мотивами казахских легенд, а также монгольского книжного сказания.

115. Биксура. Зап. в дер. Сарманово Сармановского р-на Татарской АССР Х. Хайруллиним от Ф. Хадиуллина.

116. Бошман-кыпсак-батыр. Зап. в 1974 г. в дер. Телявли Шаранского р-на Г. Б. Хусаиновым от Ш. Валиуллина, 1889 г. р.

¹ Предания о кыпчакском батыре Бошмане (Бацмаге, Бачмане) зафиксированы и в письменных источниках (публикации В. Г. Тизенгаузена, Рашид-ад-дина и др.).

117. Акман Токман. Зап. в 1946 г. в Белоречком р-не писателем Яныбаем Хамматовым от 85-летнего кураиста И. Лукманова.

¹ Со стороны Алтая пришла страшная черная рать — имеется в виду нашествие татаро-монголов (XIII в.)

Др. версии: БХИ, РЛ, с. 59.

118. (Хромой Тимур). Аксак Тимер. Зап. в 1947 г. писателем Гали Ибрагимовым.

119. Аби-хан-ата (Почтенная женщина). Зап. в 1960 г. в дер. Максютото Бурзянского р-на Н. Д. Шункаровым от С. И. Галина.

¹ Эбейхан-ата — почтенная женщина. Эбей — в значении бабка, бабушка, старая женщина употребляется во многих тюркских языках, в т. ч. и в современном башкирском. Однако в алтайском языке сохранено и др. знач. слова — почтенная женщина. (Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков, М., 1974, с. 221). Данное значение лексической единицы, очевидно, известно и башкирскому языку: оно запечатлено в публикуемом нами предании. Остальные компоненты слова — хан и ата также подчеркивают основной смысл. Как известно, центральное значение слова ата в тюркских языках — отец, дед. По свидетельству Э. В. Севортяна, женской линии значений в «ата» почти нет. «Только в отдельных турецких диалектах можно найти архаический комплекс значений, состав которых напоминает весьма древние термины родства аба, ача: ... ср. еде старший брат, дед, отец, дядя, старшая сестра, уважаемый, почтенный человек, обращение у женщин к более старшим женщинам» (подчеркнуто мною — Ф. Н.) — Севортян, с. 201.

120. Бэндэбика и Ерэнсе-сэсэн. Зап. в дер. Максютото Кугарчинского р-на Г. Бишевым.

В. НА, ф. 3, оп. 47, д. 32, лл. 58—59.

121. Исянгул и Саят-балуан. Зап. в 1966 г. в дер. Танатарово Хайбуллинского р-на К. Аралбаевым от С. Рахматова, 1870 г. р.

122. Байс-батыр. Зап. в 1961 г. в дер. Кунакбаево Перелюбского р-на Саратовской обл. А. Х. Вахитовым от К. Бпишева, 1896 г. р. В башкирском фольклоре известен и кубаир «Байс-батыр»;

НА, ф. 3, оп. 21, д. 6, лл. 52—53.

¹ Мадьяры — венгры. Как свидетельствует историческая литература, мадьярские племена до IX в. занимали территорию Приуралья (по ср. течению р. Белой). Во второй половине IX в. мадьяры, теснимые огузами и печенегами, или по какой-либо другой причине, покинули Приуралье и обосновались в Паннонии (нынешней Венгрии). До ухода с Приуралья мадьяры были соседями башкирских племен и находились с ними в тесном этническом контакте (Очерки, с. 33).

123. Бакатэр-батыр. Из личного архива проф. Г. Б. Хусаинова. Зап. в 1981 г. в дер. Зиянчурно Кувандыкского р-на Оренбургской обл. Ф. Ильбулдиным от З. Ильбулдина.

124. Ерэнсе-сэсэн. БЛ, с. 71—72. Зап. в 1961 г. в дер. Кужаево Учалинского р-на Н. Сафаргалиным от К. Исаковой, 1890 г. р.

125. Исмаил и Даут. Зап. в 1965 г. в дер. Озонкулево Учалинского р-на М. М. Сагитовым от И. И. Рамазанова.

126. Умбет-батыр. Зап. в 1967 г. в дер. Умбетово Зиянчуринского р-на М. М. Сагитовым от Г. И. Бикбулатова, 1885 г. р.

127. Тэкэкашка — (Плешивый). Зап. в 1961 г. в дер. Старо-Муйнаково Учалинского р-на Н. Сунргалиным от Я. Рахматуллина, 1897 г. р.

128. Карасай и Казы-батыр. Из личного архива проф. Г. Б. Хусаинова. Зап. в 1981 г. в г. Уфе от Ф. Ф. Илбулдина, 1924 г. р.

129. Кобланды-батыр и Казан-хан. Из личного архива Г. Б. Хусаинова. Зап. в 1981 г. в г. Уфе Г. Б. Хусаиновым от Ф. Ф. Илбулдина.

¹ Действительно, Кобланды-батыр — один из ярких образов казахского народного творчества, герой одноименного эпического произведения, входящего в состав кипчакско-ногайлинского цикла. Основу сюжета «Кобланды-батыр» составляет борьба кипчакских батыров во главе с Кобланды с кызылбасами, по некоторым вариантам — с калмыками (История казахской литературы, т. I. Алма-Ата, 1968, с. 254—255).

² По мнению казахского исследователя М. Габдуллина, герой эпоса «Кобланды-батыр» Казан-хан, возможно, является прототипом Газан (Гызан)-хана. Согласно исторической литературе, с 1295 по 1304 г. главой кызыбасов был хан по имени Газан, являвшийся одним из правителей Хулагуидского государства, образованного чингисидами на территории северного Ирана. Его войска совершали кровавые походы до западного побережья Каспийского моря, нынешних городов: Дербента, Баку, Астрахани и дошли до Аральского моря (История казахской литературы, т. I, с. 254). В тексте башкирского предания, где Казан фигурирует как хан калмыков, очевидно, смещены факты. Как известно, анахронизмы, различного рода смещения фактов в преданиях встречаются довольно часто.

130. Сорок ногайских батыров. Из личного архива Г. Б. Хусаинова. Зап. в 1981 г. от Ф. Ф. Илбулдина.

131. Сура-батыр. БЛ, с. 70. Зап. в 1966 г. в дер. Ибраево Зиянчуринского р-на Я. Юлдашевым от Б. Кыдрасова.

В. БЛ, с. 166—167.

¹ В башкирском фольклоре известен и кубаир под названием «Сура-батыр».

132. Старик Муйнак. Зап. в 1966 г. в дер. Абзаново Зианчуринского р-на Ф. Хамитовой от И. Галпева.

В. БЛ, 167.

133. Алдар-шымай и Зухра. Зап. в 1972 г. в дер. Биккулово Миякинського р-на М. М. Сагитовым от Ш. Г. Кадырова, 1914 г. р.

¹ Очевидно, имеется в виду эпическое произведение «Алдар и Зухра». См.: БХИ. Эпос, 2, с. 151—292.

134. Акай-батыр. Зап. в дер. Базгия Шаранского р-на писателем Юсуфом Га-реем.

¹ Акай — старшина Акай Кусюмов, один из первых предводителей башкирского восстания 1735—1740 гг.

² Тевкелев Алексей Иванович (до крещения Тафтиляу Мырза Кутляхмет) — жестокий каратель восстания.

135. Карас и Карасакал. Зап. в 1917 г. в дер. Мало-Иткулово Оренбургской обл. сэсэном М. Бурангуловым от кураиста Хамита.

¹ Карасакал — предводитель башкирского восстания 1740 г.

² Кубагуш-сэсэн — судя по фольклорным материалам, сэсэн с прогрессивными взглядами.

136. Продажа земли. Зап. в 1963 г. в г. Баймаке Б. Шариповым от М. Г. Вахитова, 1905 г. р.

137. Как боярин землю покупал. Зап. в 1963 г. в дер. Гумерово Ишимбайского р-на Т. Кильмухаметовым и Т. Юсуповым от Р. З. Каримова, 1905 г. р.

В. БЛ, с. 168—169; НА, ф. 3, оп. 32, д. 17, лл. 279—280.

¹ См. комм. к № 74.

138. Утяган. Зап. в дер. Яктыкуль Гафурийского р-на.

139. Мурзагул. Зап. в 1962 г. в дер. Азпкеево Белорецкого р-на Н. Курбановым от Г. Юмагузина, 1890 г. р.

В. БЛ, с. 80—81; Ск. Баш., 1969, с. 101—102; Материалы и исследования, с. 135—137.

140. (Лес Шарлы). Шарлы-урман. БЛ, с. 150. Зап. в дер. Кармышево Альшеевского р-на К. Зияйтиновым от Г. Галимова.

141. Сураш. Зап. в 1966 г. в г. Сибаете Б. Шариповым от С. Б. Хамитова, 1891 г. р.

В. Ск. Баш., 1969, с. 128.

142. Камень Брагина. Зап. в 1952 г. в дер. Аминово Баймакского р-на поэтом Рами Гариповым от Г. Галина, 1879 г. р.

В. НА, ф. 3, оп. 12, д. 247, л. 101.

Предания об убийстве Брагина популярны в юго-восточной Башкирии по сей день. Об этом свидетельствуют материалы, опубликованные в печати (Ск. Баш., 1969, с. 124—129; БЛ, с. 84—85, 169). Несмотря на некоторую противоречивость, предания о Брагине историчны в своей основе (См. Очерки, с. 196)

143. Купэш. Зап. в 1963 г. в дер. Ибраево Зианчуринского р-на И. Абизовым от Б. Кидрасова, 1888 г. р.

В. БЛ, с. 170.

144. Батырша и Яныш. Зап. в 1973 г. в дер. Верхне-Карышево Балтачевского р-на Г. Б. Хусаиновым от Л. Мавлютова, 1891 г. р.

В. НА, ф. 3, оп. 12, д. 271, с. 40—41.

¹ Батырша — настоящее имя Абдулла Галиевич Алиев. В период башкирского восстания 1755 г. Батырша выступил с воззванием, представляющим собой при-

зывает мусульман к священной войне против «неверных». Недовольство местного населения политической царской властью в середине XVIII в. было вызвано не только активизацией колониальной политики, но и усилением христианизации, принудительным крещением нерусского населения (Очерки, с. 191—193).

145. Пугачевский бунт. Зап. в 1960 г. в дер. Котаново Бурзянского р-на Н. Д. Шункаровым от Г. Гадельшина, 1900 г. р.

¹ Из Котанова Пугач направился на Уфу — это сведение не соответствует действительности. Как известно из исторической литературы, взятие Уфы было возложено на одного из ближайших сподвижников Е. Пугачева Зарубина-Чипку.

146. Девичья гора — крепость. Зап. в 1940 г. в дер. Старая Мушта Краснокамского р-на А. Исламгуловым.

147. Сражение на Девичьей горе. Зап. в 1940 г. в дер. Янгузнарат Краснокамского р-на А. Исламгуловым.

148. Салават. Зап. в 1928 г. в дер. Елдек Бирского уезда Г. Вильдановым от рыбака по имени Филипп, 1858 г. р.

О раннем проявлении богатырских качеств С. Юлаева см. «Материалы исследования», с. 151—154.

149. Детство Салавата. Зап. в 1910—1920 гг. в дер. Идрисово Баймакского р-на М. Бурангуловым от Габит-сэсэна.

150. Как Салават убил медведя. НА, ф. 3, оп. 73, д. 25, с. 65. Зап. в 1977 г. в дер. Шаганаево (Юлаево) Ф. А. Надршиной от С. З. Зайнетдинова, 1903 г. р.

В. Материалы и исследования, с. 151, 153.

151. Салават-батыр. Зап. в 1952 г. в дер. Амнешево Баймакского р-на Рамп Гариповым от Г. М. Галина, 1879 г. р.

¹ Кырмасакал — обобщенный образ русского чиновника.

152. Пребывание Салавата на чужбине. Зап. в 1940 г. в дер. Кызырбашево Салаватского р-на Х. Хамматовым от Г. Султанова.

153. Как Салават с Пугачевым подружился. Ск. Башк., 1969, с. 130. Зап. в 1961 г. в дер. Березовка Зилаирского р-на от А. Х. Сафина, 1916 г. р., колхозника дер. Бикбулатово Кугарчинского р-на Л. Г. Барагом.

154. Салават и Карасакал. Зап. в 1966 г. в дер. Кызылъяр Зиянчуринского р-на А. М. Сулеймановым от К. С. Утяганова, 1891 г. р., казаха по национальности.

155. Салават и Балтач. Зап. в 1973 г. в дер. Старо-Балтачево Балтачевского р-на Г. Б. Хусаиновым от С. Ахтариева.

В. НА, ф. 3, оп. 12, д. 271, с. 19—39.

¹ ...Балтач писал на него [Салавата — Ф. Н.] доносы — это сведение соответствует исторической правде. — Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии. Сб. документов. Уфа, 1975, с. 233.

156. Салават и старик, живущий в лесу. Зап. в 1940 г. в дер. Алькино Салаватского р-на Х. Хамматовым от Х. Галимуллина.

157. Штаб Салавата-батыра. Зап. в 1940 г. в дер. Оло-Ака Мечетлинского р-на нозом С. Кулибаем от К. Хасанова.

158. Пороховой склад Салавата-батыра. Зап. в 1940 г. в дер. Оло-Ака Мечетлинского р-на С. Кулибаем от К. Хасанова.

159. Салават был очень сильным. Зап. в 1940 г. в дер. Алькино Салаватского р-на Х. Хамматовым от Х. Галимуллина.

160. Салават-батыр был метким стрелком. Зап. в 1938 г. в дер. Кызырбашево поэтом Б. Бикбаем от Г. Султанова.
161. Салават был жесток к баям. Зап. в 1941 г. в дер. Киги Кигинского р-на А. Н. Усмановым от Магафура Багаутдиновича (фамилия не указана).
В. Материалы и исследования, с. 155.
162. Приказ Салавата. Зап. в 1938 г. в дер Ахуново Салаватского р-на Баязитом Бикбаем от М. Лукманова.
163. Женитьба Салавата на русской девушке. Зап. в 1940 г. в дер. Оло-Ака Мечетлинского р-на С. Кулибаем от К. Хасанова.
В. Материалы и исследования, с. 163; Ск. Баш., 1975, с. 138—139.
164. Сын Салавата Хасан. Зап. в 1938 г. в дер. Кызырбашево Салаватского р-на Б. Бикбаем.
165. Сын Салавата. Зап. в 1940 г. в дер. Кызырбашево Салаватского р-на Х. Хамматовым от Г. Султанова.
166. Жена Салавата. Зап. в 1949 г. в дер. Асылгужино Кигинского р-на Г. Галлевым и Х. Сафиним от В. И. Иддисамова, 1894 г. р.
167. О семье Салавата. НА, ф. 3, оп. 73, д. 25, с. 63. Зап. в 1977 г. в дер. Шаганаево Салаватского р-на Ф. А. Надршиной от И. З. Зайялетдинова, 1897 г. р.
О семье Салавата см. еще; Материалы и исследования, с. 154, 155—163.
168. Поимка Салавата. Зап. в 1940 г. в дер. Алькино Салаватского р-на Х. Хамматовым от Х. Галимуллина.
Др. версия; Материалы и исследования, с. 165, 166.
- ¹ Кинзя Арсланов — один из ближайших сподвижников Е. Пугачева, башкирский старшина Ногайской дороги. Приводимые в предании сведения о поимке Кинзи Арсланова не соответствуют истине.
169. Почему в горах хрустала много. Кругляшова, с. 119. Зап. в 1953 г. в г. Белорецке В. Караковским.
170. Раньше запрещали пить о Салавате. Зап. в 1940 г. в дер. Кызырбашево Салаватского р-на Х. Хамматовым от Г. Султанова.
171. Потомки Салавата. НА, ф. 3, оп. 73, д. 25, с. 58, 59. Зап. в 1977 г. в дер. Шаганаево (Юлаево) Ф. А. Надршиной от С. З. Зайнетдинова, 1903 г. р.
В. Материалы и исследования, с. 171.
172. Шежере Салаватова рода. НА, ф. 3, оп. 73, д. 25, с. 70. Зап. в 1977 г. в с. Малоязово Салаватского р-на Ф. А. Надршиной от А. Х. Сайфуллина.
В. Материалы и исследования, с. 169—170.
173. Сабля и сукмар (палица) Салавата. Зап. в с. Балтачево Балтачевского р-на Г. Умеркаевым от работника милиции Нурисламова.
174. Камча Салавата. Зап. в с. Балтачево Балтачевского р-на Г. Умеркаевым от Х. Мифтахова.
175. Седло Салавата. Зап. в дер. Норкино Балтачевского р-на Г. Умеркаевым от Х. Суфиянова.
176. Камень Салавата. НА, ф. 3, оп. 73, д. 25, с. 66. Зап. в 1977 г. в дер. Каратаулы Салаватского р-на Ф. А. Надршиной от Х. Б. Багаутдинова, 1902 г. р.
¹ О салаватских местах см. еще: Материалы и исследования, с. 159, 160, 164, 167—169.
177. Карабит-тау. БЛ, с. 146. Зап. в дер. Яктыкуль Гафурийского р-на.
178. Аул Салавата. Зап. в 1965 г. в дер. Аскароро Абзелпловского р-на Н. Д. Шукаровым от М. Ш. Мирхайдарова, 1900 г. р.
В. Материалы и исследования, с. 171.

179. Юлкай и Башаркул. Зап. в 1940 г. в дер. Яктыкуль Гафурийского р-на В. Ф. Кулумбетовым.
180. Марйцы в войске Салавата. Зап. в 1941 г. в с. Киги Кигинского р-на А. Н. Усмановым от Магафура Багаутдиновича (фамилия не указана).
181. Муллаян. Зап. в 1972 г. в дер. Турумбетово Аургазинского р-на Ф. А. Надршиной от М. Назарова, 1894 г. р.
182. Черная галка (Ямгырсы). Зап. в 1963 г. в дер. Кусем Абзеллиловского р-на Б. Шариповым и В. Ахмадиевым от Х. Карагужина.
В. НА, ф. 3, оп. 47, д. 3, л. 178.
183. Каранай-батыр и его сподвижники. Зап. в 1975 г. в дер. Каранаево Стерлибашевского р-на Г. Б. Хусайновым от Н. Байбулдина, 1894 г. р., и А. Кутлубаева, 1888 г. р.
- ¹ Каранай Муратов — походный старшина, сподвижник Е. Пугачева, один из видных предводителей Крестьянского восстания 1773—1775 гг.
184. Вторая армия. Зап. в 1911 г. в дер. Мрясово Новосергеевского р-на Оренбургской обл. М. Бурангуловым от курашста Шаиха.
185. Кахым-туря. Зап. в 1922 г. в дер. Ишкиново Учалынского р-на от М. Фахрисламова.
186. Кахым-туря (вариант). БЛ, с. 89. Зап. в 1966 г. в Стерлибашевском р-не Ф. Рахимгуловой от А. Я. Казакбаева, 1879 г. р.
В. БЛ, с. 90; ж. «Башкорт аймагы», 1919, № 7, с. 92—104; ж. «Аймак», 1931, № 1 (7), с. 65—78 и др.
187. Абдрахман Акъегетов. Зап. в 1947 г. в дер. Утяганово Кармаскалинского р-на Г. Б. Хусайновым от И. Баймова.
В. Усманов А. Башкирские коницики в Отечественной войне 1812 г., Уфа, 1944, с. 34—35.
188. Янхары-батыр. Бессонов, с. 340.
189. Рассказы башкирца Джантюры. Башкирия в русской литературе, т. I. Составитель — М. Г. Рахимкулов. Уфа, 1961. Из записей В. Зефирова, опубликованных в газ. «Оренбургские губернские ведомости», 1847, № 47.
190. Эрмэ (армия). Зап. в 1971 г. в Зилаирском р-не А. Муратовым.
В. НА, ф. 3, оп. 12, д. 269, лл. 27—28; там же: ф. 3, оп. 12, д. 251, лл. 17—18; ф. 3, оп. 12, д. 228, лл. 24—25.
191. Как Перовский избежал смертной казни. Зап. в 1963 г. в дер. Сунарчи Саракташского р-на Оренбургской обл. поэтом Зигатом Султановым от М. Б. Кутлубаева.
192. Аман. Зап. в 1966 г. в дер. Верхний Муйнак Зпанчуринского р-на К. Узянбаевым от А. И. Абдулгужина.
193. Вороной (Карат) БЛ, с. 90. Зап. в 1963 г. в Макаровском (ныне Ишимбаевском) р-не.
В. ж. «Октябрь» (Уфа), 1939, № 8—9, с. 79—83.
194. Байк-сэсэн. Зап. в 1977 г. в дер. Аркаул Салаватского р-на Ф. А. Надршиной от Х. Х. Миграновой, 1905 г. р.
195. Курсай-батыр. НА, ф. 3, оп. 73, д. 25, с. 57. Зап. в 1977 г. (в дер. II Идельбаево Салаватского р-на Ф. А. Надршиной от Н. К. Казыханова, 1891 г. р.).
196. Буранбай. Запись и обработка сэсэнна М. Бурангулова.
В. НА, ф. 3, оп. 12, д. 445, л. 242; там же: д. 219, лл. 175—179; БЛ, с. 98—99, 173.

197. Буранбай (варпант). Зап. в 1959 г. в дер. Юлыково Кармаскалинского р-на от З. Габдуллина, 1894 г. р.

198. Ишмурза. Зап. в 1963 г. в дер. Гумерово Ишимбаевского р-на Т. Кильмухаметовым и Т. Юсуповым от Р. З. Каримова и А. А. Габбасова.

В. БЛ, с. 94, 172; НА, ф. 3, оп. 12, д. 292, л. 36.

199. Баяс. Зап. в Баймакском р-не К. Дняровым от Х. Мухаметкулова и И. Магафурова В. НА, ф. 3, оп. 12, д. 269, л. 38—39

200. Бишп. Зап. в 1941 г. в дер. Муллакаево Баймакского р-на Б. Ильясовым от У. Хакимова.

В. БХИ, РЛ, с. 244—245; БЛ, с. 103, 104; НА, ф. 3, оп. 12, д. 269, с. 50—52; там же; д. 247, л. 208; д. 275, лл. 79—81; ф. 3, оп. 70, д. I, лл. 47—48; ФФ БГУ, № 1, лл. 508—524. Согласно архивным материалам, Бишп — реальное лицо, бывший житель дер. Кускарово по р. Кизил, фамилия его — Ишкяшп. В 1848 г. отряд карателей под начальством верхнеуральского исправника Скорятинова напал на след Бишпа и после коротких стычек Бишп попал в плен... Поимка Бишпа считалась настолько важной, что за свои «подвиги» исправник был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени. — Асфандияров А. З. Прототипы образов трех башкирских исторических песен. — В кн.: Фольклор народов РСФСР. Межвузовский науч. сб., изд. БГУ, Уфа, 1981, с. 151—153.

201. Юркэ-Юныс. Зап. в 1968 г. в дер. Атытарово Сафакульского р-на Курганской обл. М. Нурмухаметовым.

В. БХИ, Песни, I, с. 341.

202. Газпбэк Наспр. Зап. в 1969 г. в дер. Аллабирдино Тьюлюганского р-на Оренбургской обл. Ф. Абдуллиным от Х. Баянова.

В. НА, ф. 3, оп. 12, д. 275, с. 103.

203. Кызырын-таш — дом Ибли. Зап. в 1962 г. в дер. Ташлы Альшеевского р-на М. Каримовой от Г. Гарифуллина, 1878 г. р.

204. Истем. Зап. в 1965 г. в дер. Табылды Стерлибашевского р-на Р. Султановой от Х. Даутовой.

205. Салаяй. БЛ, с. 102—103. Зап. в 1959 г. в Куншакском р-не Челябинской обл. поэтом Р. Шакуровым от С. Жалалова.

206. Гумеров. БЛ, с. 104. Зап. в 1963 г. в дер. Рахметово Абзелдиловского р-на Б. Шариповым от Г. Г. Гинпатуллина.

207. Сибай. БЛ, с. 114. Зап. в 1965 г. в Баймакском р-не. В. БЛ, с. 112, 113, 174.

208. Старпк Хажы. Зап. в 1959 г. в Абзелдиловском р-не от Ш. Атикеева.

209. Акмулла. НА, ф. 3, оп. 65, д. 6, с. 170—171. Зап. в 1971 г. в дер. Набиево Бурзянского р-на Н. Д. Шункаровым от Ю. Х. Сатыбалова, 1891 г.

¹ Акмулла Мифтахетдин — башкирский поэт-просветитель (1831—1895).

² Байты-предания об Акмулле см. еще: НА, ф. 3, оп. 47, д. I, т. I, с. 214—216, 219.

210. Про Акмулла. НА, ф. 3, оп. 61, д. I, с. 415. Зап. в 1965 г. в дер. Аскарово Н. Д. Шункаровым от М. Ш. Мирхайдарова, 1900 г. р.

211. (Гнедой) Ерянскаяй. БЛ, с. 109. Зап. в 1956 г. в дер. Урген Зиянчурпского р-на Исмагиловой от З. Ишимбаева.

Социально-бытовые предания

212. Прошедшая жизнь. Зап. в 1923 г. в дер. Темясово Баймакского р-на С. Галимовым от А. Хусаинова В НА, ф. 3, оп. 12, д. 269, л. 34—38

- ¹ Смерть крылатого коня-тулнара от глаза — традиционный мотив, в легендах он встречается довольно часто.
213. Дочь тархана и «Книга Юсуфа». Зап. в 1959 г. в г. Уфе А. И. Харисовым от В. Хусаиновой.
- ¹ «Книга Юсуфа» («Йософ китабы», «Йософ во Золэйха», «Кисса п Йософ») — поэма Кул Гали (XIII в.), написанная на основе легенды, широко распространенной на Ближнем Востоке.
214. Узаман-апай. Зап. в 1971 г. в дер. Аскароро Бурзянского р-на Н. Д. Шункаровым от С. Гибадуллина, 1940 г. р.
215. Ауазбикэ. Зап. в дер. Ильсегулово Мнякинского р-на от Х. Валиева.
216. Алтыныяс. Зап. в 1966 г. в дер. Утягулово Зианчуринского р-на И. Буляковым п Г. Аюповым от М. Бирдегулова, 1891 г. р.
217. Алебай и его жена. Зап. в 1968 г. в дер. Оло-Сураево Кувандыкского р-на Оренбургской обл. А. Г. Бишевым от С. Кильдебаева.
Др. версии: НА, ф. 3, оп. 21, д. 2, лл. 13—14. Там же: оп. 65, д. 9, лл. 94—95; ФФ БГУ, № 1, лл. 571—573.
218. Гайша. Зап. в 1968 г. в дер. Аксура Кувандыкского р-на Оренбургской обл. А. Г. Бишевым от И. Туйгунова.
219. Гильмияза. Зап. и литературная обработка сэсэн М. Бурангулова. НА, ф. 3, оп. 12., д. 269, л. 61—68.
В. БХИ, РЛ, с. 272—273; НА, ф. 3, оп. 12, д. 293, лл. 20—21.
220. Таштугай. Зап. в дер. Турат Хайбуллинского р-на М. Бурангуловым п в его же обработке впервые опубликовано в ж. «Октябрь» (Уфа), 1939, № 4, с. 19—22.
- ¹ Абдулхаир — казахский хан Малого Жуза (1693—1748).
221. Таштугай (в.). БЛ, с. 132. Зап. в 1959 г.
В. БЛ, с. 133; НА, ф. 3, оп. 12, д. 275, лл. 122—124; ФФ БГУ, 113, лл. 91—93.
222. Зюльхиза. Запись п обработка сэсэн М. Бурангулова.
В. БХИ, Песни, I, с. 368; НА, ф. 3, оп. 12, д. 275, лл. 127—134.
- ¹ Хырга-туй — см. комм. к № 57.
223. Зульхабира. БЛ, с. 129—130. Зап. в 1963 г. в дер. Ниязгулово Абзелюловского р-на В. Ахмадиевым п Б. Шариповым от Б. Суриной, 1902 г. р.
В. БЛ, с. 131.
224. Янифа. БЛ, с. 117—120. Зап. в 1958 г. в дер. Карамалы Баймакского р-на Ф. Абубакпровой от Р. Ярлыкаповой, 1903 г. р.
225. Уралбай. Зап. в дер. Баимово Баймакского р-на от Г. Х. Галиной, 1922 г. р.
226. Карайгыр (Черный жеребец). Зап. в 1962 г. в дер. Старокулево Иглинского р-на Бадретдиновым от З. Зайниева, 1866 г. р.
227. Белый ястреб (Япк). Зап. в дер. Габдрашитово Баймакского р-на Г. Сулеймановым от Мухитдин-бабая (фамилия не указана).
228. Махуба. Зап. в Баймакском р-не Г. Сулеймановым.
229. Калды. Зап. в дер. Исламбаево Бурзянского р-на Г. Сулеймановым от К. Гумерова.
- ¹ ...для наречения кусала уши — см. комм. к № 57.
230. Таганташ. Зап. в 1967 г. в отд. Комсомольск. совхоза Суваняк Баймакского р-на А. А. Камаловым.

231. Кумыз. Зап. в 1972 г. в дер. Каварды Гафурийского р-на Р. С. Сулеймановым от Г. Мансуровой.

232. Иньскай и Юлдыкай. Зап. в 1971 г. в дер. Кутаново Бурзянского р-на М. М. Сагитовым от Г. Ырысбаева.

В. Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. СПб, 1897, с. 175—176; БХИ, Песни, I, с. 372.

233. Ашкадар. Зап. М. Бурангуловым.

В. НА, ф. 3, оп. 12, д. 293, лл. 149—151; там же: д. 275, лл. 153—159.

234. Карасяс. Зап. З. Игдавлетовым.

В. НА, ф. 3, оп. 65, д. 3, лл. 440—443.

235. Кампля. Зап. в 1966 г. в дер. Бирдегулово Ишимбаевского р-на Х. Хажиным от К. Якшидавлетова, 1883 г. р.

236. Судьба Кюнхылу. Зап. в дер. Каныкаево Ишимбаевского р-на Л. Гафаровой от Н. Баймухаметовой, 1901 г. р.

237. Сабира (Ез үксә). Зап. в 1976 г. в дер. Нигматово Баймакского р-на К. Дяровым.

238. Юлготло. Зап. в дер. Темясово Баймакского р-на Г. Сулеймановым от А. Каримова и З. Янтулпна.

В. БХИ, Песни, I, с. 176.

239. Токан-батыр. Бессонов, с. 342. Зап. в начале XX в. в бывшем Тамьян-Катайском кантоне (Белорецкий р-н) А. Г. Бессоновым.

240. Аласабыр. Зап. в 1945 г. в дер. Таишево Гафурийского р-на Ж. Г. Киекбаевым от М. Сайфуллина.

241. Иноходец Саптар (Саптар-юрга). Зап. в 1971 г. Г. Хисамовым. В. НА, ф. 3, оп. 12, д. 269, л. 68-69.

242. Кунгыр-буга (Буренка). Зап. в 1971 г. в дер. Баимово Баймакского р-на К. Аралбаевым от М. Галиной.

Одноименную эпическую поэму см. БХИ, Эпос, I, с. 265—296. В. НА, ф. 3, оп. 12, д. 269, л. 86—87.

243. Пчел много, а меду мало. Ск. Баш., 1969, с. 150. Зап. в г. Белорецке журналистом Р. Алферовым от А. Азнабаева, 1886 г. р.

244. Шуба Салихи. Зап. в 1966 г. в дер. Акъяр Хайбуллинского р-на К. Аралбаевым от М. Каипова, 1887 г. р.

245. Пеший Махмут. Зап. К. Дяровым в Баймакском р-не.

¹ В повествовании нашли художественное отражение иллюзии народа о «хорошем» царе.

В. БЛ, с. 106—109; НА, ф. 3, оп. 12, д. 269, л. 15—17.

246. Сафа-батыр. БЛ, с. 115. Зап. в 1962 г. в дер. Тавакасово Архангельского р-на А. М. Сулеймановым.

247. Золото Аскына. Зап. в дер. Тунгатарово Учалинского р-на от А. Ярмухаметова.

248. Магнитка. Из статьи М. Муталова «Сказка и быль», опубликованной в газ. «Совет Башкортостаны» (1966, 15 июня).

249. Башкирский праздник. Зап. в 1963 г. в дер. Юманово Октябрьского р-на Пермской обл. Киреем Мэргэном от Н. Хабибрахманова.

В. Ск. Баш., 1969, с.

резал обычно одну из своих уток и брал у хозяина сокровищ золото
взаимы. Но и вовремя его возвращал обратно.

Но с каких-то пор старик перестал выплачивать свой долг. Тогда
хозяин клада явился к нему в облике человека и потребовал возвраще-
ния золота. И когда тот отказался это сделать, обернулся чертом и
ударил старика.

Я тоже припоминаю старика Нуха. Помню, одна нога и одна рука
у него не двигались.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Башкирские предания и легенды (Вступительная статья)	3
--	---

Легенды о небесных светилах

1. Млечный путь. <i>Перевод Ф. А. Надршиной</i>	9
2. Два зверя на Луне. <i>Перевод Ф. А. Надршиной</i>	9
3. Большая Медведица. <i>Перевод Ф. А. Надршиной</i>	10
4. Семь звезд (Большая Медведица) — семь девочек. <i>Перевод Ф. А. Надршиной</i>	11
5. Зухра-йондоз (Вега). <i>Перевод Ф. А. Надршиной</i>	11
6. Девушка и месяц. <i>По публикации М. В. Лоссиевского</i>	12
7. Луна и Зухра. <i>Перевод Ф. А. Надршиной</i>	13
8. Зухра-йондоз (вариант). <i>Перевод Ф. А. Надршиной</i>	13

Легенды и предания о горах, скалах, камнях и курганах

9. Югомаш-гора. <i>По публикации Л. Г. Барага</i>	14
10. Мусектау. <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	15
11. Двугорье Алпа-кум. <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	15
12. Камни батыра и медведя. <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	16
13. Тураташ. <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	16
14. Сьгуал-таш (Камень-камин). <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	17
15. Гора Кара-Кучук (Черный щенок). <i>По публикации Л. Г. Барага</i>	17
16. Туратский косогор. <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	17
17. Кеяуташ (Камень жениха). <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	20
18. Курьуды (Жарево). <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	21
19. Гора Авлиш. <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	22
20. Азан-таш (Камень Азан). <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	22
21. Гора Мухиббы. <i>Перевод Ф. А. Надршиной</i>	23
22. Скала Антопа. <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	23
23. Максимова дно. <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	24
24. Гора стрельбы (Уктау). <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	25
25. Гора Еркея. <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	25
26. Камень Инсебикки (Инсебика-таш). <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	25
27. Сердце-гора (Юряк-тау). <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	26
28. Гора невесты (Килен-тау). <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	27

29. Гора, где тонула Суак (Суакбаткан-тау) Перевод Г. Г. Шафикова	28
30. Сопка-тюбетейка (Такья-сусак). Перевод Г. Г. Шафикова	28
31. Скала, откуда упал Котой (Котогоскан кая). Перевод Г. Г. Шафикова	29

Легенды и предания о реках, озерах, урочищах

32. Озеро Елкысыккан. Перевод Г. Г. Шафикова	30
33. Озеро водяного (Элекуль). Перевод Г. Г. Шафикова	31
34. Карацель (Уфа). Перевод Г. Г. Шафикова	31
35. Агидель и Яик. Перевод Г. Г. Шафикова	33
36. Агидель и Карацель. Перевод Г. Г. Шафикова	34
37. Калым. Перевод Г. Г. Шафикова	34
38. Брод бия	35
39. Кревавое озеро	35
40. Ирғиз. Перевод Г. Г. Шафикова	36
41. Река Ток. Перевод Г. Р. Шафикова	36
42. Асылыкуль. Перевод Г. Г. Шафикова	37
43. Поле, покрытое кровью (Канъяткан яланы). Перевод Г. Г. Шафикова	37
44. Лощина Телю. Перевод Г. Г. Шафикова	38
45. Луг Фатимы. Перевод Г. Г. Шафикова	38
46. Киргизское перепутье. Перевод Г. Г. Шафикова	39
47. Курган Айдара (Айдар-түбө). Перевод Г. Г. Шафикова	39
48. Поляна Черной коровы. Перевод Г. Г. Шафикова	39
49. Могпила Халшля. Перевод Г. Г. Шафикова	40
50. Яйляу, где Шакира стреляла из лука. Перевод Г. Г. Шафикова	40
51. Кустарник Яухар. Перевод Г. Г. Шафикова	41
52. Устье реки, где джигиты повязывали платок любимой (Янтастарлаган тамагы). Перевод Г. Г. Шафикова	41
53. Место, где умерла сваха. Перевод Г. Г. Шафикова	42
54. Прах Абыза (Абыз улеге). Перевод Г. Г. Шафикова	42
55. Урочище «Имел надежду» (Умут биргэн) Перевод Г. Г. Шафикова	42
56. Могпила Навалихина. Перевод Г. Г. Шафикова	43

Легенды о растениях, животных и птицах

57. Подснежник (Умырзая). Перевод Г. Г. Шафикова	45
58. Курай. Перевод Г. Г. Шафикова	46
59. Откуда взялись медведи. Перевод Ф. А. Надршиной	48
60. Кэкук (Кукушка). Перевод Ф. А. Надршиной	48
61. Поющий журавль (Журавлиная песнь). Перевод Ф. А. Надршиной	49
62. Вороненок. Перевод Г. Г. Шафикова	52

Предания о происхождении селений

63. Бишул. Перевод Г. Г. Шафикова	55
64. Аулы Ямаш и Юмаш. Перевод Г. Г. Шафикова	56
65. Сынташ. Перевод Г. Г. Шафикова	57
66. Вскормленный собакой (Этимгэн). Перевод Г. Г. Шафикова	58
67. Учалы. Перевод Г. Г. Шафикова	58
68. Деревня Абзаново. Перевод Г. Г. Шафикова	58
69. Аул Сарт-Наурузово. Перевод Г. Г. Шафикова	60
70. Аул Сарт-Аптерияшево. Перевод Г. Г. Шафикова	60
71. Кашкарово. Перевод Г. Г. Шафикова	61
72. Деревня Убалар. Перевод Г. Г. Шафикова	61
73. Деревня Расулево. Перевод Г. Г. Шафикова	62
74. Крепостной Зижар. Перевод Г. Г. Шафикова	62
75. История деревни Набево. Перевод Г. Г. Шафикова	63
76. Катай. Перевод Г. Г. Шафикова	64
77. Каялы-Туркэй (Кровавый Туркэй). Перевод Г. Г. Шафикова	64

78. Килькабызово. Перевод Г. Г. Шафикова	65
79. Аул Канвы-Туркяй. Перевод Г. Г. Шафикова	65
80. Канькай. Перевод Г. Г. Шафикова	66
81. Аул Курьятмас («Деревня Тетерев не останется»). Перевод Г. Г. Шафико- кова	67
82. История аула Кыпсак-Аскарово. Перевод Г. Г. Шафикова	68
83. Кандра-Амннево. Перевод Г. Г. Шафикова	68
84. Деревня Ибраево. Перевод Г. Г. Шафикова	69

Предания и легенды о возникновении племен, родов

85. Потомство рода Алпамышей. Перевод Г. Г. Шафикова	71
86. О происхождении башкир. Перевод Ф. А. Надршиной	71
87. Потомство волков. Перевод Г. Г. Шафикова	73
88. Река Бурелә. Перевод Ф. А. Надршиной	74
89. Семиродцы. Перевод Ф. А. Надршиной	74
90. Род Байулы. Перевод Г. Г. Шафикова	75
91. Тарпан человеческий. Перевод Г. Г. Шафикова	76
92. От медведя. Перевод Г. Г. Шафикова	76
93. Порода шурале. Перевод Г. Г. Шафикова	77
94. Толбуйцы. Перевод Ф. А. Надршиной	77
95. Айна и Гайна. Перевод Ф. А. Надршиной.	78
96. Гайннцы. Перевод Ф. А. Надршиной	79
97. Племя Юрматы По публикации Р. Г. Кузеева	79
98. Роды Юрматы и Талтым. Перевод Г. Г. Шафикова	79
99. Бурзянцы. Перевод Ф. А. Надршиной	80
100. Кыпчак. Перевод Ф. А. Надршиной	81
101. Племя тангауров. По публикации Р. Г. Кузеева	81
102. Откуда пришли айлинцы, мурзаларцы и тырнаклинцы. По публикации Р. Г. Кузеева	82
103. Айлинцы и табынцы. Перевод А. Г. Бессонова	82
104. Табынцы. По публикации Р. Г. Кузеева	83
105. Урман-кудейцы. По публикации Р. Г. Кузеева	83
106. Род Кубалык-Теляу. Перевод Г. Г. Шафикова	83
107. Мамбет. Перевод Г. Г. Шафикова	85
108. Казахская сторона. Перевод Г. Г. Шафикова	88
109. Род калмаков Перевод Г. Г. Шафикова	89
110. Мамыт. Перевод Г. Г. Шафикова	90
111. Как Исән-баба переселился на Таныш. По публикации Р. Г. Кузеева	90
112. Уфа-танышцы. По публикации Р. Г. Кузеева	91

Исторические предания

113. Булгары и башкиры. Перевод Ф. А. Надршиной	92
114. Бурзяне во времена ханов. Перевод Ф. А. Надршиной	93
115. Биксура. Перевод Ф. А. Надршиной	95
116. Бошман-кыпсак-батыр. Перевод Ф. А. Надршиной	95
117. Акман-Токман. Перевод Ф. А. Надршиной	96
118. Хромой Тимур (Аксак Тимур). Перевод Г. Г. Шафикова	98
119. Аби-хан-ата (Почтенная женщина). Перевод Г. Г. Шафикова	99
120. Бәндәбика и Ерәнсе-сәсән. Перевод Г. Г. Шафикова	99
121. Исәнгул и Саит-балуаны. Перевод Г. Г. Шафикова	101
122. Баяс-батыр. Перевод Г. Г. Шафикова	102
123. Бакатәр-батыр. Перевод Г. Г. Шафикова	103
124. Ерәнсе-сәсән. Перевод Г. Г. Шафикова	104
125. Исмаил и Даут. Перевод Г. Г. Шафикова	105
126. Умбет-батыр. Перевод Г. Г. Шафикова	107
127. Тәкәкашка (Плешивый). Перевод Г. Г. Шафикова	108
128. Карасай и Казы-батыр. Перевод Г. Г. Шафикова	110
129. Кобланды-батыр и Казан-хан. Перевод Г. Г. Шафикова	111

130. Сорок нугайских батыров. Перевод Г. Г. Шафикова	112
131. Сура-батыр. Перевод Г. Г. Шафикова	113
132. Старик Муйнак. Перевод Г. Г. Шафикова	113
133. Алдар-Шымай и Зухра. Перевод Г. Г. Шафикова	115
134. Акай-батыр. Перевод Г. Г. Шафикова	115
135. Карас и Карасакал. Перевод Г. Г. Шафикова	116
136. Продажа земли. Перевод Г. Г. Шафикова	118
137. Как боярин землю покупал. Перевод Г. Г. Шафикова	118
138. Утяган. Перевод Г. Г. Шафикова	119
139. Мурзагул. Перевод Г. Г. Шафикова	120
140. Лес Шарлы (Шарлы урман). Перевод Г. Г. Шафикова	120
141. Сураш. Перевод Г. Г. Шафикова	122
142. Камень Брагина. Перевод Г. Г. Шафикова	123
143. Купэш. Перевод Г. Г. Шафикова	125
144. Батырша и Явыш. Перевод Г. Г. Шафикова	126
145. Пугачевский бунт. Перевод Ф. А. Надршиной	128
146. Девичья гора-крепость. Перевод Ф. А. Надршиной	128
147. Сражение на Девичьей горе. Перевод Ф. А. Надршиной	129
148. Салават. Перевод Ф. А. Надршиной	130
149. Детство Салавата. Перевод Ф. А. Надршиной	131
150. Как Салават убил медведя. Перевод Ф. А. Надршиной	131
151. Салават-батыр. Перевод Г. Г. Шафикова	132
152. Пребывание Салавата на чужбине. Перевод Г. Г. Шафикова	135
153. Как Салават с Пугачевым подружился. По публикации М. Г. Барага	136
154. Салават и Карасакал. Перевод Ф. А. Надршиной	136
155. Салават и Балтач. Перевод Ф. А. Надршиной	137
156. Салават и старик, живущий в лесу. Перевод Ф. А. Надршиной	140
157. Штаб Салавата-батыра. Перевод Ф. А. Надршиной	140
158. Пороховой склад Салавата-батыра. Перевод Ф. А. Надршиной	140
159. Салават был очень сильным. Перевод Ф. А. Надршиной	141
160. Салават-батыр был метким стрелком. Перевод Ф. А. Надршиной	141
161. Салават был жесток к баям. Перевод Ф. А. Надршиной	142
162. Приказ Салавата. Перевод Ф. А. Надршиной	142
163. Женитьба Салавата на русской девушке. Перевод Ф. А. Надршиной	142
164. Сын Салавата Хасан. Перевод Ф. А. Надршиной	143
165. Сын Салавата. Перевод Ф. А. Надршиной	143
166. Жены Салавата. Перевод Ф. А. Надршиной	144
167. О семье Салавата. Перевод Ф. А. Надршиной	144
168. Понимка Салавата. Перевод Ф. А. Надршиной	145
169. Почему в горах хрустала много. По рукописи В. П. Кругляшовой	145
170. Раньше запрещали петь о Салавате. Перевод Г. Г. Шафикова	146
171. Потомки Салавата. Перевод Ф. А. Надршиной	146
172. Шежере Салаватова рода. Перевод Ф. А. Надршиной	147
173. Сабля и сукмар (пальца) Салавата. Перевод Г. Г. Шафикова	147
174. Камча Салавата. Перевод Г. Г. Шафикова	147
175. Седло Салавата. Перевод Г. Г. Шафикова	148
176. Камень Салавата. Перевод Ф. А. Надршиной	148
177. Гора Карабит (Карабит-тау). Перевод Г. Г. Шафикова	148
178. Аул Салавата. Перевод Г. Г. Шафикова	149
179. Юлкай и Башаргул. Перевод Г. Г. Шафикова	149
180. Марийцы в войске Салавата. Перевод Ф. А. Надршиной	152
181. Муллаян. Перевод Г. Г. Шафикова	152
182. Черная галка (Ямгырсы). Перевод Г. Г. Шафикова	153
183. Каранай-батыр и его сподвижники. Перевод Г. Г. Шафикова	154
184. Вторая армия. Перевод Г. Г. Шафикова	156
185. Кахым-туря. Перевод Г. Г. Шафикова	160
186. Кахым-туря (вариант). Перевод Г. Г. Шафикова	163
187. Абдрахман Акъегетов. Перевод Г. Г. Шафикова	163
188. Янхары-батыр. Перевод А. Г. Бессонова	165
189. Рассказы башкирца Джантюры. По публикации М. Г. Рахимкулова	165

190. Эрмэ (армия). Перевод Г. Г. Шафикова	166
191. Как Перовский избежал смертной казни. Перевод Г. Г. Шафикова	168
192. Аман. Перевод Г. Г. Шафикова	169
193. Вороной (Карат). Перевод Г. Г. Шафикова	170
194. Байк-сэсэн. Перевод Г. Г. Шафикова	171
195. Курсай-батыр. Перевод Ф. А. Надршиной	172
196. Буранбай. Перевод Г. Г. Шафикова	172
197. Буранбай (вариант). Перевод Г. Г. Шафикова	175
198. Ишмурза. Перевод Г. Г. Шафикова	177
199. Баяс. Перевод Г. Г. Шафикова	179
200. Бпип. Перевод Г. Г. Шафикова	180
201. Юркэ-Юныс. Перевод Г. Г. Шафикова	183
202. Газибек-Наспр. Перевод Г. Г. Шафикова	184
203. Кызырын таш-дом Ибли. Перевод Г. Г. Шафикова	187
204. Истем. Перевод Г. Г. Шафикова	188
205. Саляй. Перевод Г. Г. Шафикова	189
206. Гумеров. Перевод Г. Г. Шафикова	190
207. Сибай. Перевод Г. Г. Шафикова	191
208. Старик Хажн. Перевод Г. Г. Шафикова	192
209. Акмулла. Перевод Г. Г. Шафикова	193
210. Про Акмуллу. Перевод Г. Г. Шафикова	194
211. Гнедой (Ерянсякай) Перевод Г. Г. Шафикова	194

Социально-бытовые предания

212. Прошедшая жизнь. Перевод Г. Г. Шафикова	197
213. Дочь Тархана и «Книга Юсуфа». Перевод Г. Г. Шафикова	199
214. Тетя Узаман (Узаман-апай). Перевод Г. Г. Шафикова	200
215. Ауазбикэ. Перевод Г. Г. Шафикова	201
216. Алтынсяс. Перевод Г. Г. Шафикова	202
217. Алебай и его жена. Перевод Г. Г. Шафикова	203
218. Гайша. Перевод Г. Г. Шафикова	205
219. Гильмпяза. Перевод Г. Г. Шафикова	208
220. Таштугай. Перевод Г. Г. Шафикова	210
221. Таштугай (вариант). Перевод Г. Г. Шафикова	216
222. Зюльхиза. Перевод Г. Г. Шафикова	217
223. Зуххабира. Перевод Г. Г. Шафикова	220
224. Янифа. Перевод Г. Г. Шафикова	221
225. Уралбай. Перевод Г. Г. Шафикова	224
226. Карайгыр (Черный жеребец). Перевод Г. Г. Шафикова	225
227. Белый ястреб (Янк). Перевод Г. Г. Шафикова	226
228. Махуба. Перевод Г. Г. Шафикова	228
229. Калды. Перевод Г. Г. Шафикова	232
230. Таганташ. Перевод Г. Г. Шафикова	234
231. Кумыз. Перевод Г. Г. Шафикова	235
232. Иңекай и Юлдыкай. Перевод Г. Г. Шафикова	236
233. Ашкадар. Перевод Г. Г. Шафикова	236
243. Карасяс. Перевод Г. Г. Шафикова	238
235. Камля. Перевод Г. Г. Шафикова	241
236. Судьба Кюнхылу. Перевод Г. Г. Шафикова	244
237. Сабира (Ез укэс). Перевод Г. Г. Шафикова	244
238. Юлготло. Перевод Г. Г. Шафикова	245
239. Токан-батыр. Перевод А. Г. Бессонова	246
240. Аласабыр. Перевод Г. Г. Шафикова	247
241. Иноходец Саптар (Саптыр-юрга). Перевод Г. Г. Шафикова	249
242. Кунгыр-буга (Буренка). Перевод Г. Г. Шафикова	250
243. Пчел много, а меду мало. По публикации Л. Г. Варага	251
244. Шуба Салихи. Перевод Г. Г. Шафикова	251
245. Пешай Махмут. Перевод Г. Г. Шафикова	252
246. Сафа-батыр. Перевод Г. Г. Шафикова	256

247. Золото Аскына. <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	257
248. Магнитка. <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	258
249. Башкирский праздник. <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	258
250. Клад на Актау. <i>Перевод Ф. А. Надршиной</i>	259
251. Шыгман-гау. <i>Перевод Ф. А. Надршиной</i>	259
252. Сокровища старика Нуха. <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	260
<i>Комментарии</i>	262

БАШКИРСКИЕ ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ

Редактор Ю. Андрианов
Художник А. Дианов
Художественный редактор И. Файрушин
Технический редактор Н. Пятаева
Корректоры Г. Миргалева, Л. Семенова

ИБ № 2014

Сдано в набор 13.09.84. Подписано к печати 27.05.85. Формат бумаги 70×90^{1/16}.
П05193. Бумага тип. № 1. Гарнитура Обыкновенная новая. Печать высокая. Ус-
ловн. печ. л. 21,06. Усл. кр. отг. 21,64. Учетн.-изд. л. 18,45. Тираж 10000 экз.
Заказ № 638. Цена 1 руб. 80 коп.

Башкирское книжное издательство. Уфа-25, ул. Советская, 18. Уфимский полиграф-
комбинат Госкомиздата Башкирской АССР. Уфа-1, проспект Октября, 2.

